

Бернар Эйвельманс

Чудовища морских глубин

Бернар Эйвельманс
Чудовища морских глубин
Н. Непомнящий, С. Кравчук, Н. Осипова,
Г. Старостина, А. Шубенцов, перевод

МОРСКИЕ ЧУДОВИЩА ЖИВЫ

Несколько слов от составителя

В послеобеденные часы 31 октября 1983 года ремонтная бригада округа Марин, Калифорния, работала на участке Хайвея No 1, как раз там, где он проходит над берегом океана. Начальник бригады решил перекурить и взглянул на море - что-то не очень понятное и большое плыло по поверхности в сторону берега: тонкое, в сотню футов длиной, с тремя вертикальными горбами! Так осенним днем дорожники наблюдали... морского змея. Они четко видели, как животное высунуло голову из воды и огляделось. Потом, резко повернув, изменило направление, голова снова ушла под воду, и тварь подалась в сторону моря. Все шестеро рабочих в тот день видели одно и то же зрелище, и их описания совпадали в деталях - в том, что касалось размеров, окраса и повадок. 19-летний Роланд Керри тоже видел змея в тот день. Чуть позже он поведал репортерам, что неделю назад уже видел это существо и рассказал об этом своей подружке, но та подняла его на смех. Но сейчас-то он все прекрасно разглядел и не даст смеяться над собой!

Через три дня после случая на Стенсон-Бич группа наблюдателей видела подобное чудовище в 400 милях южнее, у Коста-Меса. Хатчинсон, 19-летний серфист, поведал, что оно поднялось из воды близ устья реки Санта-Ана, прямо в десяти футах от него. Сначала Хатчинсон воздерживался от разговоров на эту тему, справедливо полагая, что его сочтут сумасшедшим. Но, прочитав в газетах о случае в округе Марин, подтвердил: "Оно было точно такое же, каким его описали рабочие - длинным черным угрем".

На протяжении нашего столетия таинственные создания постоянно являлись людям по всему тихоокеанскому побережью, но никто так и не смог определить, о каком же животном идет речь. Ученые склонялись к выводу, что случай 1983 года - это всплывшие останки кита, блестящие в солнечном свете. Другие считали, что это стадо морских свиней, вытянувшихся в цепочку.

Как мы видим, истории о морском змее и прочих неопознанных существах продолжают поступать, причем наиболее урожайными оказались 80-е годы, - точно так же как в прошлом веке! Может, это связано с определенными жизненными циклами чудовищ? Работы Бернара Эйвельманса, которые мы предлагаем вниманию наших читателей, написаны довольно давно. Однако, это вовсе не относит их к разряду устаревших: факты, приводимые в них, гипотезы и версии, выдвигаемые всевозможными специалистами, работают и сегодня, позволяя объемнее оценивать последние открытия в области криптозоологии. Совсем недавно американский ученый Клайв Рупер отправился в экспедицию на поиски гигантского кальмара. Существование этого животного, давно получившего латинское название *Architeuthis dix*, уже не оспаривается: в разных районах мира волны выносили на берег его останки, по которым зоологи смогли определить размеры головоногого до 30 метров в длину вместе со щупальцами! Но живого архитевтиса никто не видел. Клайв решил

восполнить пробел в знаниях. На борту "Тангароа", своего рода плавучей лаборатории, оснащенной "карманной" субмариной, научная экспедиция взяла курс на Новую Зеландию: холодные воды, в которых только и живет гигантский кальмар, не так давно выбросили на берег четырех гигантов. Одна только мантия, этих сказочных животных достигала в длину четырех- метров! Измерения показали: головоногие оказались самыми крупными из когда-либо найденных экземпляров. Выпуклый черный глаз одного гиганта приближался по размерам к волейбольному мячу, а тело весило больше тонны. На мини-подлодке "Джонсон си-линк" Клайв спустился на значительную глубину и... увидел головоногого. Не замечая работающих кинокамер и шума мотора, животное спокойно развернулось спиной и исчезло. Но дело было сделано - загадочный обитатель холодных глубин заснят на пленку. Кто знает, может быть, в один прекрасный день точно так же попадетсЯ в видеоискатель и морской змей - один из персонажей нашей книги.

ЗА ЗАНАВЕСОМ ВОЛН

Многие любят повторять вслед за греческим поэтом Оппианом, что море скрывает многое. Но большинство людей не верят больше в истинность этого утверждения, и поэтому опасение сказать банальность не должно нас останавливать.

Миражи торжествующей науки

Коллективное убеждение в том, что наша планета прекрасно изучена во всех ее уголках, мало-помалу утвердилось в течение XIX века, вплоть до того, что приняло в конце его характер какого-то исступления. Опыаненные волной удивительных изобретений - электрического освещения, автомобиля, беспроводного телеграфа, воздухоплавания, и т. п., - которые должны были произвести революцию в повседневной жизни, люди полагали, что у них есть основания верить во всемогущество Науки, возведенной в ранг божества. Что же касалось великих жрецов новой религии, господ ученых, то считалось, что они способны все знать и даже - почему бы нет? - что они уже знают все или почти все, за немногим исключением. Некоторые ученые в конце концов убаюкали себя этой иллюзией. В этой атмосфере эйфории и блаженного оптимизма, окрашенной неким псевдорелигиозным фанатизмом, незнанию, сомнению, неуверенности, необъяснимости, иррациональности не было больше места. Некоторые ученые и философы этого времени несколько напоминали тех юных студентов и простодушных профанов, которые благодаря чтению часто открывают для себя внушительную сумму знаний, накопленную от зари цивилизации, равно как и неисчерпаемые, по-видимому, возможности техники, и которые немедленно мнят себя все знающими и на все способными. Они обладали высокомерием тех самоучек, которые за отсутствием глубоких научных знаний в салонной беседе на все имеют ответ и могут разрешить любой вопрос с видом, не допускающим возражений, тогда как специалист, вовлеченный в разговор и часто сомневающийся и вынужденный благоразумно молчать или придерживаться частных суждений, сдержанных и ограниченных, в результате неизбежно кажется законченным дураком.

Действительно, XIX век был эпохой первенства науки, и в этом отношении по крайней мере он оправдывает данное ему Леоном Доде наименованием "глупого".

Увы! Мы все еще расплачиваемся по счетам прошлого века. Преувеличенный позитивизм апостолов торжествующей науки все еще витает в воздухе. Положение остается особенно плачевным в массах, которые с опозданием реагируют на прогресс мысли и питают досадную склонность к обобщениям.

Все это в полной мере относится к нашим знаниям о подводном мире. Раз уже пятьдесят лет назад утверждали, что океан изборозжен вдоль и поперек и изучен вплоть до последнего из мельчайших необитаемых островков, то разве теперь, в наше время, это не должно быть тем более верно? Снабженные двигателем суда избавили нас от необходимости придерживаться путей, зависящих от ветра или морских течений.

Сверх того, скафандры и подводные лодки позволили приподнять колышущийся занавес волн и увидеть скрытый за ним мир. Рыболовецкие флотилии, поделившие между собой все богатые рыбой воды земного шара, неуклонно используют глубины в той мере, в какой это позволяют делать наиболее современные приборы. Несколько океанографических экспедиций пошли еще дальше: с помощью зондов и других специальных приборов они достигли дна бездонных океанских впадин. Благодаря ультразвуку была сделана подробная съемка рельефа затонувших континентов. Наконец, в своих батисферах и батискафах люди погрузились в недра царствующей в морской бездне вечной ночи, которую осветили бледным светом прожекторов. Пусть бы еще существовала неизвестная нам сардина, но пусть нам не говорят о таинственных существах размером с человека или, особенно, о доисторических чудовищах.

Вот как многие люди думают. Но на практике дело оборачивается совсем иначе.

Едва приоткрывшийся мир

В своей книге, "Следы невиданных зверей", я старался продемонстрировать несовершенство и частичный характер наших знаний о континентах, по которым мы способны, казалось бы, свободно передвигаться. Наше неведение морского мира значительно больше. Оно так велико, что я смело могу утверждать, что все еще возможно в океане. Перед необъятным царством Нептуна некоторая легковёрность представляется более уместной, чем все отрицающий скептицизм. Если завтра объявят о поимке настоящей сирены, не безобразного ламантина, а существа, наделенного бюстом Мэрилин Монро и хвостом целаканта, позиции того зоолога, который пожелал бы ее увидеть, будет более оправдана с научной точки зрения, чем позиция его коллеги, просто пожавшего плечами.

Надо вспомнить о том, что вода занимает более трех пятых земной поверхности и что наши корабли пересекают ее, следуя неизменными и достаточно узкими дорогами.

"Могло бы показаться удивительным,- писал уже в конце прошлого века старый морской волк Франк Буллон,- что такое пугливое существо, как кашалот, хорошо себя чувствует в водах Малаккского пролива, несмотря на значительное движение паровых судов. Но нельзя забывать о том, что сегодня эти корабли следуют заранее определенными путями, не отклоняясь от них, пароходные винты на нарушают морской поверхности нигде, кроме как вдоль этих морских путей. Так, например, изучение бортовых книг судов, пересекающих Красное море, показывает, что за пределами линии, соединяющей город Суэц с островом Перим, это море практически пустынно".

Появление моторной навигации не только не расширило, а еще более сузило сферу наших морских путешествий: корабль, снабженный винтом, больше не должен принимать в расчет часто капризные попутные ветры, он может бороться с течениями, то есть его маршрут остается более постоянным. К тому же, находясь в море, часто в неблагоприятных обстоятельствах, морские путешественники не любят терять время, даже если они путешествуют для развлечения, не отклоняются от маршрута, для того чтобы посетить чем-либо замечательные места или полюбоваться пейзажем - морской пейзаж безнадежно однообразен. Если самый короткий путь между двумя портами не всегда является прямой линией, то, во всяком случае, это линия неизменная. И все навигационное искусство в том и состоит, чтобы от нее не отклоняться.

Наши представления о морских животных, обитающих на поверхности моря, в целом сравнимы с познаниями натуралиста, знакомого с зоологическим богатством области лишь на основании того, что ему удалось увидеть, путешествуя вдоль больших дорог.

К тому же, если фауна земной поверхности развивалась практически в двухмерном пространстве, то есть не принимая в расчет толщину воздушного пространства*, морская фауна обитает в настоящем трехмерном пространстве. Глубина

его в некоторых местах превышает, по-видимому, 10 тысяч метров, а в среднем составляет более 3 тысяч метров.

* В действительности можно не принимать во внимание воздушное пространство, обитателей которого всегда можно увидеть, находясь на земле. Вместе с тем они связаны с поверхностью земли, поскольку должны туда возвращаться для отдыха, воздух для них лишь переходная стихия. Практически плотность живой оболочки земли - биосферы - в каждой точке земной поверхности ограничена, с одной стороны, глубиной, на которую проникают в землю роющие животные, а с другой стороны, высотой самых больших деревьев. Следовательно, и над, и под поверхностью земли она ограничена лишь несколькими дополнительными десятками метров, где плотность ее значительно уменьшается.

Исследование этого третьего измерения подводного мира едва началось. Аквалангисты и даже водолазы в скафандрах редко спускаются глубже чем на 100 метров, их погружения происходят обычно вблизи берегов над континентальными цоколями. Следовательно, они никогда не встретят ничего, кроме очень обособленной части морской фауны, ибо морские ареалы так же дифференцированы, как и наземные, и каждый из них имеет своих исключительных насельников.

Что же касается нескольких многообещающих погружений в морские впадины, совершенных в батисфере, прикрепленной к кабелю, а также в свободно плавающем батискафе, то они были такими редкими и пространство их исследований было до такой степени ограниченным, что в настоящее время можно пренебречь ими без особых угрызений совести - лишь в том, разумеется, что касается их результатов, а не в том, что они представляли сами по себе. В завоевании скрытого за занавесом морских волн Нового Света роль пионеров Бертон и Биба была равноценна той, которую сыграли искавшие приключений викинги, значительно раньше Колумба высадившиеся в Винланде. Профессор Огюст Пикар был Америго Веспуччи - просвещенным умом этой эпопеи; капитан Уот и инженер Уиллм первыми его конкистадорами. Однако они сделали лишь начальные шаги.

Даже океанографические экспедиции, посвятившие себя систематическим исследованиям, совершили в морских глубинах не более чем работу, соответствующую распахке нови. Они были не так уж многочисленны со времени бессмертного путешественника на "Челленджере" в 1872 году, и наиболее изощренные средства, которыми они располагали для исследования океанской фауны, находились во всех отношениях в самом зачаточном состоянии. С помощью траловых сетей и вершей нельзя выловить ни очень крупных, ни достаточно быстроходных животных, ни животных достаточно умных для того, чтобы избежать этих приспособлений, действующих вслепую. К несчастью, именно самые интересные животные лучше всего защищены от нашего любопытства!

Не надо думать, что рыболовецкие флотилии, постоянно прочесывая океаны, составили, таким образом, полный список жителей по крайней мере их поверхности. В 1949 году научная конференция "За сохранение и использование природных ресурсов", проходившая под эгидой ООН с участием экспертов из всех стран, установила, что 98 процентов рыбы вылавливается в настоящее время в Северном полушарии, причем в большинстве своем выше Тропика Рака. В этом полушарии только 60 процентов поверхности занимает вода, в то время как в Южном полушарии морское пространство составляет 80 процентов поверхности. Коротко говоря, в той части света, которая почти полностью покрыта водой, рыболовецкая активность совершенно незначительна.

Поскольку вода не является нашей природной стихией, наши возможности сбора зоологических экземпляров на земле нельзя сравнить с теми, которыми мы располагаем в море. Эти два процесса радикально отличаются друг от друга: рыбная ловля всегда - слепая охота, подобно охоте с капканом. В этом отношении подводные охотники совершили настоящую революцию, но мы знаем, насколько ограничено поле их

действий.

В целом наши методы исследования океанической фауны представляют до сих пор ненадежную технику ударов, наносимых шпагой по воде. Мудрость говорит устами увлекательного писателя-натуралиста А. Хайатта Берилла, когда он пишет в своей книге "Удивительные доисторические животные":

"Если бы обитатели другой планеты, обозревая издали нашу собственную, забросили на ее поверхность сети, какие сведения о нашей фауне удалось бы им получить?"

Случайная находка: целакант.

Нашему желанию полнее узнать морскую фауну чаще всего способствует случай. Крупные морские животные, случайно выброшенные на отмель, более чем что-либо другое обогатили наши знания о них. Эти вынесенные на берег трупы были для нас как бы метеоритами, упавшими с неба, посланцами чужих миров, куда нам не было доступа. Страшно подумать, сколько морских пород мы в первый раз узнали таким способом и сколько таких, которые мы знаем только благодаря случайным встречам.

Именно та или иная удача обычно наводит нас на правильный путь и затем направляет наши дальнейшие исследования.

Они наловили бы насекомых, изредка, может быть, лягушек, ящериц, черепах, при случае - собаку, кошку, сурка или другое небольшое млекопитающее, например овцу или свинью; наконец, домашнюю птицу. Но у них был бы один шанс из миллиона поймать животных крупных видов или людей. Ученые Марса или Меркурия, изучая свой улов, никогда не смогли бы себе представить, что мужчины и женщины, слоны и жирафы, носороги и лоси, а также сотни других животных существуют на земле. Однако, пользуясь именно такими приемами исследования океанских глубин, мы достигли тех немногих знаний, которыми сейчас располагаем".

Если бы 22 декабря 1938 года капитан Гусен на обратном пути из района, где он обычно ловил рыбу в южноафриканских водах, не забросил, повинувшись случайному импульсу, свою траловую сеть на глубину 65 метров перед устьем реки Халумны, мы, без сомнения, никогда бы не узнали о существовании отряда рыб, которые считались исчезнувшими 70 миллионов лет назад. Вместе с тем нужно было, чтобы этого человека поразила необычайный вид этой большой рыбы, покрытой голубой чешуей, попавшей в сети вместе с полутора тоннами съедобной рыбы и двумя тоннами акул. Что, без сомнения, могло привлечь внимание экипажа, так это то, что, не погибнув под тяжестью улова, подобно другим рыбам, странное существо, шевелившееся зачатками лапок, попыталось свирепо вцепиться в руку капитана. В дальнейшем надо было, чтобы в самом разгаре южного лета рыба попала в достаточно хорошем состоянии в руки специалиста. Им оказалась мисс Куртенэ-Латимер из Музея Ист-Лондона, молодая женщина достаточно искушенная в естествознании, чтобы позаботиться о том, чтобы законсервировать этот экземпляр и сообщить об этом специалисту-ихтиологу, способному определить принадлежность этой рыбы к отряду целакантов, а именно профессору Дж.-Л.-Б. Смиту. После фантастической ночи, проведенной с глазу на глаз с невероятным существом, уцелевшим на Земле с доисторических времен, почтенный ихтиолог должен был признать реальность его существования. И, словно желая придать ему больше весомости, он наделил его латинским названием *Latimeria chalumnae*.

Итак, потребовалось совпадение исключительных обстоятельств, чтобы произошло самое удивительное открытие века в области зоологии. В заключение надо сказать, что этот случай поимки странной рыбы не был ни первым, ни единственным. На Коморских островах местные жители иногда ее вылавливали и употребляли в пищу в соленом виде, называя ее комбессой. Многие жители тех мест прозаически использовали шероховатую поверхность чешуи "живого ископаемого" для зачистки прохудившихся велосипедных камер.

Когда же область распространения целаканта была определена благодаря

искусным вычислениям профессора

Смита, когда поимка следующего экземпляра около острова Анжуан подтвердила его выводы и когда, наконец, Мадагаскарский институт научных исследований с помощью туземных ловцов занялся систематическим его изучением,- тогда за два года были выловлены еще семь экземпляров- этой рыбы!

Надо хорошо проникнуться этой мыслью: если бы первый целакант был немедленно отведан гурманами, падкими на сенсации, если бы он был выброшен в море беспечными рыбаками, если бы он совершенно разложился, прежде чем попал в руки специалиста,- короче говоря, если бы зоологи располагали лишь подробным его описанием, то практически никто не поверил бы в его существование.

Впрочем, история доказала, что недоверчивость некоторых ученых может зайти гораздо дальше. Даже когда драгоценная латимерия была законсервирована в лаборатории, где эксперт-ихтиолог уже определил ее, все еще находились профессионалы, отрицавшие ее существование, казавшееся им слишком неправдоподобным.

В своем захватывающем описании истории открытия целаканта - "Старины Четверонога" - профессор Дж.-Л.-Б. Смит рассказывал о том, как один ученый из министерства, с которым он был знаком много лет, пришел к нему в его кабинет в университете вскоре после опубликования материалов об удивительной находке. Он положил ему руки на плечи и сказал торжественным тоном: "Профессор, что заставило вас это сделать? Ужасно видеть, как вы портите свою научную репутацию".

Смит спросил его, что он имеет в виду; посетитель уточнил: "Назвать ту рыбу целакантом..." И он принялся убеждать его, что ведь это не мог быть целакант, подумайте! Это был не целакант! И, покачивая головой, с горьким вздохом добавил: "Нет, старина, я только что был у Х. Так вот, он говорит, что вы сошли с ума, что эта рыба всего лишь мероу с искалеченным и зажившим хвостом".

Существо, никогда не всплывавшее из пучины

Словно для того, чтобы найти оправдание своей выжидательной позиции, многие зоологи способствовали распространению слухов о том, что *Latimeria* обитает в "недоступных глубинах океана". Это, с их точки зрения, было единственным объяснением того, что она так долго оставалась неизвестной. Такой, в частности, была позиция палеонтологов, для которых доживший до наших дней целакант был живым оскорблением, язвительным опровержением их тщательно проделанной работы по реконструкции прошлого, основанной часто на самых хрупких догадках и предположениях. Разве недостаточно они утверждали, что отряд целакантов полностью вымер в конце мелового периода, поскольку в слоях позднейших отложений не было найдено их окаменелых останков? Следовательно, немедленно отправить ее обратно в самую морскую пучину, в вечную тьму, где любое невежество вполне законно.

Однако капитан рыболовного траулера был точен: рыбу поймали на глубине 40 морских саженей, что составляет примерно 65 метров. Ба! Достаточно было вообразить, что он ошибся...

Но это мнение не выдерживало критики даже с точки зрения самого неискушенного зоолога, ибо все в облике целаканта говорило против его глубоководного происхождения. Его толстый панцирь, состоящий из крупной зазубренной чешуи, костные пластины на голове и мощность его плавников - все это выдавало животное, приспособленное для жизни между скалами и коралловыми рифами, способное с быстротой молнии укрываться в расщелинах, не опасаясь при этом пораниться. Рыбы, живущие на большой глубине, в большинстве своем невелики или очень вытянуты в длину, так что имеют почти нитевидную форму, в любом случае они очень слабы и хрупки. Не только сама латимерия, которая весит 40 килограммов и имеет в длину 1 метр 25 сантиметров, не имеет ничего общего с ними, но даже ее огромные челюсти и мощная мускулатура не кажутся предназначенными для охоты за

столь незначительной добычей. И наконец, рыба была чудесного голубого, с металлическим отливом цвета,- до сих пор не было известно ни одной глубоководной рыбы с такой окраской. Глубоководные рыбы окрашены обычно в черные, серые и темно-коричневые цвета. Существо голубого цвета было бы ярким пятном в этом суровом мире.

С другой стороны, если способность выжить под давлением нескольких тонн улова кажется необычной даже для рыбы, живущей на небольшой глубине, то для глубоководных рыб, погибающих часто просто из-за понижения давления, такая живучесть кажется просто невыносимой.

Категорические и настойчивые утверждения профессора Смита не смогли убедить общественное мнение. Фотография живого целаканта, сделанная на глубине 15 метров пловцом итальянской экспедиции летом 1953 года, была принята за подделку. Также не было принято всерьез свидетельство подводного охотника Дж.-Ф. Картрайта из Солсбери, который, занимаясь своим любимым спортом в октябре - ноябре 1952 года в Малинди, в Кении, встретил между коралловыми рифами и даже пытался загарпунить рыбу, по всем признакам отвечающую описанию латимерии.

Ничего не помогало, и, когда было объявлено, в соответствии с утверждением туземных рыбаков, что второй экземпляр был пойман на глубине 32 метров, пресса, особенно французская, без всякого стыда преувеличила цифру. Датской экспедиции якобы даже удалось поймать целаканта в океанской впадине. И когда восьмой экземпляр, пойманным живым рыбаками с Коморских островов, на этот раз на глубине 252 метра, не удалось сохранить живым дольше нескольких часов, профессор Ж. Миллот поставил следующий неосторожный диагноз: "Без сомнения, смерть была вызвана понижением давления и увеличением температуры".

На это профессор Дж.-Л.-Б. Смит, старый и опытный удильщик, должен был вскоре заявить: "Возможно, профессору Милтону и его сотрудникам неизвестен тот следующий из опыта факт, что крупные рыбы, пойманные на удочку живыми, никогда не остаются в живых долго и, в аквариуме, большинство из них, во всяком случае, погибает".

То, что целакант является живым ископаемым, существом, почти не изменившимся в течение трехсот миллионов лет,- один этот факт должен был убедить натуралистов в неправдоподобности его предполагаемого глубоководного образа жизни. Для того чтобы переселиться в морские впадины, надо быть существом прямо противоположным "живому ископаемому", то есть существу архаического строения. Такие животные должны были бы относиться к молодому, малодифференцированному виду, сохранившему еще гибкость и способность приспосабливаться к царящим в глубине невероятно трудным условиям: полному отсутствию света и, следовательно, растительной жизни, необходимости исключительно плотоядного рациона, сплюсчивающему давлению воды и сильному холоду. Как подчеркивает Рашель Карсон в своей замечательной книге "Это море, которое нас окружает", "глубоководные условия жизни слишком суровы для того, чтобы допустить существование неизменных форм жизни, не стремящихся использовать всякую возможность, благоприятствующую существованию протоплазмы в мире едва лишь менее враждебном, чем мрачные межпланетные пространства".

Понятно, что по причине чертовски негостеприимных условий жизни морские впадины оказались последним ареалом, завоеванным варварскими ордами. И, следовательно, именно здесь вопреки надеждам океанографов прошлого века особенно маловероятна встреча с уцелевшими животными далекого прошлого. В моей последней работе я показал, что на нашей планете существуют запоздалые представители всех геологических эпох и что, следовательно, всегда сохраняется вероятность обнаружения других, подобных им, еще неизвестных животных. Ископаемые животные живут рядом с нами. Нигде это утверждение не справедливо больше, чем в огромном океане, где

условия жизни изменились гораздо меньше, чем на поверхности Земли. Зоологические виды и отряды в море существуют гораздо дольше, чем на суше. Как говорят, вода оберегает... И если океанская завеса продолжает скрывать неких доисторических существ, то в противоположность Апокалипсическому чудовищу они появятся не из глубин морской бездны.

О тех, кто приподнимает завесу

Однако не означает ли все сказанное выше возвращения к ограниченному, двухмерному пространству подводного мира, способного таить в себе неизвестных животных, замечательных своими большими размерами или архаическим строением тела?

Конечно, нет. Но даже если бы это было не так, следовало бы признать, что море даже поверхностно изучено гораздо меньше, чем наземное пространство, более тесное и тем не менее богатое неразрешимыми зоологическими загадками. За пределами прибрежной зоны, где работают аквалангисты, наши взгляды никогда не проникают внутрь этого наиболее населенного слоя!

Мы знаем о его обитателях лишь то, что открывают нам упомянутые выше случайные способы исследования.

В открытом море можно надеяться увидеть лишь тех животных, которые по той или иной причине раздвигают иногда завесу волн. Среди них надо назвать рыб, охотящихся на поверхности, таких, как акулы, но прежде всего позвоночных, обладающих легкими, рептилий и млекопитающих, которые должны регулярно подниматься на поверхность, чтобы возобновить свой запах воздуха. (Бесполезно упоминать здесь птиц, которые никогда не бывают исключительно водными животными, так же как и амфибий, область распространения которых строго ограничена пресноводными водоемами.)

Однако необходимость подниматься на поверхность моря сама по себе не обязательно делает животных заметными. Если синие киты, киты-полосатики и кашалоты становятся заметными в тот момент, когда они дышат благодаря своему мощному "фонтану", выбрасываемому во время дыхания, так это потому, что этот последний достигает 15 метров и продолжается в течение 15 секунд! Но этого нельзя сказать обо всех китообразных. Многие из них, имеющие в длину десятки метров, выпускают лишь небольшой, слабо заметный фонтан воды: как в случае касаток, некоторых дельфинов, бутылконосов и малых китов-полосатиков. Что касается китообразных небольшого размера, то они совсем не выбрасывают фонтана воды. Другие морские млекопитающие, как, например, ластоногие и сиреновые, поднимаются на поверхность для дыхания совершенно незаметно, часто их ноздри едва выступают из воды. То же происходит с приспособившимися к жизни в воде рептилиями, такими, как крокодилы, черепахи или змеи. Наконец, надо упомянуть о том, что даже наименее робкие из китообразных, поднимаясь для дыхания на поверхность воды, показывают лишь небольшую часть своей спины.

Известно, что многие китообразные, даже из самых крупных, имеют обыкновение совершать над морем удивительные прыжки, причины которых мы не знаем,- они могут оказаться игрой, свадебным парадом или приступом буйства, вызванным назойливыми укусами паразитов. Без сомнения, не многие люди имеют возможность присутствовать при таких прыжках, если, конечно, речь идет не о широко распространенных видах небольших животных, таких, как морские свиньи или дельфины, которые обычно двигаются прыжками и иногда следуют за кораблями.

Очевидно, что большинство океанских животных не имеют никакой причины для демонстративного появления на поверхности воды. "Чтобы жить счастливо, будем жить скрытно" - эта максима в животном мире приобрела силу закона.

В целом те, кто населяют толщу воды, за редким исключением, совсем не показываются на поверхности, и если даже им случается это делать, то они появляются

лишь мельком. Тех животных, которые по неосторожности или по несчастью часто попадают на глаза человеку, обыкновенно безжалостно истребляют; одних - потому что мы их едим, других - потому что они едят нас, третьих - потому что их мех, кость или панцирь нравятся нашим щеголям, четвертых - потому что они доставляют нам ряд ценных продуктов питания, в частности жир; иные, увы, истребляются потому, что охоту на них находят забавной. Все эти виды животных - тунцы, тарпоны, меч-рыбы, акулы, киты, кашалоты, тюлени и ушастые тюлени, моржи, черепахи - вообще говоря, хорошо известные животные*. Но ничто не доказывает, что нам известны все виды этих животных и что не существует других животных, полностью отличающихся от известных своим строением и образом жизни. Несомненно, что именно эта необычность образа жизни не позволяет нам познакомиться с ними, и здесь мы оказываемся замкнутыми внутри порочного круга.

Что значит сказать, что существуют редкие животные? Понятие редкости с биологической точки зрения очень субъективно. Ни одно животное не является в действительности редким внутри своей среды обитания, по крайней мере до начала своего вымирания. Мы называем животное редким, потому что место его обитания нам неизвестно или трудно доступно. В Африке имеется, без сомнения, столько же, если не больше, трубкозубов, сколько и зебр, но первые являются ночными и землеро-ющими животными, тогда как вторые открыто скачут по выжженной солнцем саванне.

* Разумеется, все относительно. Айвен Т. Сандерсон, тщательно изучавший историю нашего знакомства с китообразными, не колеблясь написал в своей книге "Follow the Whale" (1956): "Гоняясь за китом в течение более чем двух тысяч лет, мы по-прежнему не знаем о нем ничего существенного".

Нет ни одного жителя континента, который не видел бы резвящихся на природе чудесных полосатых лошадок, но сколько из обитателей Африки могут похвастаться тем, что видели "земляную свинью", как ее называют буры?

Редкими животными считаются те, увидеть которых удастся лишь в крайнем случае. И это, естественно не позволяет не только изучить их, но иногда даже признать их существование. "Seeing is believing" ("увидеть - значит поверить"), говорят англосаксы. Но большинство зоологов не разделяют этого мнения: для них "увидеть" не является достаточным доказательством существования животного, особенно когда речь идет о существах, которые трудно или невозможно классифицировать в рамках известных видов животных, то есть в рамках отрядов, появившихся сравнительно недавно. Ученым требуются конкретные доказательства. Зуб, позвонок, панцирь имеют в их глазах большую ценность, чем подробное описание всего животного. Научная дисциплина делает им честь. Но когда они отрицают без дальнейших церемоний существование животного под тем предлогом, что у них нет никакого его анатомического фрагмента, их профессиональная ограниченность приобретает по крайней мере тревожный характер.

Что такое чудовище

Чтобы доказать, что в море еще должны существовать многие неизвестные животные, мне было бы достаточно ограничиться упоминанием самых крупных из них. Впрочем, существование мелких неизвестных животных не вызывает вопросов: многие охотно согласятся с тем, что еще возможно открытие множества неизвестных видов рыб, ракообразных и моллюсков, способных уместиться на ладони.

Это не означает того, что именно самым крупным животным особенно трудно спрятаться: носорогу гораздо легче остаться незаметным, чем длиннохвостому попугаю ара, но ничто так не поражает людей, как большие размеры тела.

"Размеры тела имеют большое, очень большое значение,- отмечает профессор Дж.-Л.-Б. Смит.- Слон производит гораздо большее впечатление по сравнению даже с редчайшим перипатом... Если бы первый целакант оказался не длиннее 15 сантиметров, он отнюдь не поразил бы в такой степени воображение толпы!"

Можно смело, без риска быть опровергнутым последующими событиями, предсказать открытие множества неизвестных рыб, по размеру приближающихся к человеку. Быть может, когда-нибудь новые разновидности целаканта будут обнаружены в морях очень отдаленных от Индийского океана. Уже теперь с достоверностью можно утверждать, что в Мексиканском заливе живет крупная, пока еще не известная науке рыба примитивного строения. В Национальном музее в Вашингтоне с 1949 года бережно сохраняется один из элементов ее чешуи, имеющий около 4 сантиметров в диаметре!

Эта бесценная деталь была отослана туда в целях определения одной дамой из Тампы (во Флориде), которая, занимаясь изготовлением украшений из ракушек, чешуи рыб и других добытых в море предметов, приобрела у местных рыбаков полное ведро такой чешуи, необычный вид которой поразил ее. Отосланный экземпляр попал в руки выдающегося ихтиолога доктора Айзека Гинзбурга, который заявил: "Эта чешуя не похожа ни на одну из тех, которые мне приходилось видеть прежде!" Структура ее действительно кажется примитивной. С точки зрения доктора Гинзбурга, нет ничего невозможного в том, что эта чешуя принадлежит какой-либо разновидности целаканта.

Увы! Оказалось невозможно получить от ремесленницы из Тампы более полные сведения о происхождении этой чешуи или о человеке, доставившем ей эту партию сырья.

В дальнейшем в этой работе мы не будем останавливаться на описании - животных столь незначительного размера, как наша знаменитая латимерия. Мы будем говорить лишь об очень крупных животных, исключительно о морских существах, причисляемых обычно из-за своего огромного размера к разряду чудовищ, монстров.

Конечно, это понятие двусмысленное и неточное, и Вольтер был прав, видя в нем одно из самых трудно определяемых понятий французского языка. Но в данном случае оно подходит лучше всякого другого.

"Monstrum, - писал Арман Ландрен, - называется все странное, во что трудно поверить, все необыкновенное, причудливое, безобразное, удивительное, исключительное в своем роде, все отличающееся необыкновенной свирепостью, все сказочное".

Редкое животное не заслуживает в том или ином отношении названия чудовища, ибо каждое из них отличается чем-нибудь по меньшей мере странным и необычным, разумеется, с нашей точки зрения. В океане акула является чудовищем благодаря своей прожорливости, кит - благодаря своему огромному размеру, морской конек из-за формы и положения своего тела; морская звезда удивительна своей причудливой формой, морской черт поражает безобразием, а целакант архаическим характером строения тела.

Для того чтобы все окончательно запутать, "чудовищем" называют всякое существо, отклоняющееся в чем-либо от других представителей своего вида, например овцу с пятью ногами, женщину с бородой или белого кашалота, подобно знаменитому Моби Дику Германа Мелвилла.

Заметим, однако, что эта книга не является сочинением по тератологии, науке о существах ненормального строения.- Эта работа - зоологии. Она посвящена морским животным, чудовищным прежде всего по своим размерам. Поэтому я предпочел бы воспользоваться понятием "морского чуда", закрепленным за ними прежде, но давно вышедшим из употребления и для многих, возможно, уже непривычным. С другой стороны, мы будем говорить здесь только о тех огромных морских существах, чья таинственность и неуловимость превратила их в легенду, лишь об удивительных, невероятных, причудливых, безобразных, странных, необычных в своем роде, крайне свирепых и фантастических животных, то есть о чудовищных во всех отношениях созданиях.

Выбор термина, таким образом, вполне оправдывает себя.

Море - это зоологический коктейль

Ничто не может лучше убедить недоверчивого читателя в нашем малом знании морской фауны, чем открытие неизвестного животного размером с кита. Но это не значит, что с зоологической точки зрения гиганты являются самыми интересными животными. Поимка на поверхности Земли представителя зоологического типа перипатов, животного, напоминающего гусеницу и представляющего переходную ступень от червей и членистоногих, - событие гораздо более значительное, чем поимка слона, подобно тому как вновь выловленный целакант производит большую сенсацию, чем обнаружение новой разновидности кита-полосатика. Завтра, быть может, в море найдут животных гораздо более замечательных, чем знаменитый морской змей. Этот последний может действительно оказаться животным еще не знакомым зоологам, но принадлежащим к хорошо известному в наше время отряду. Обнаружение живого трилобита, размером не превосходящего небольшой шарик, было бы более значительным событием, чем добыча новой разновидности сверхгигантского морского угря (разумеется, говоря это, мы не стремимся предвосхитить зоологическую классификацию великого морского змея). В этом случае у нас была бы возможность изучить внутреннюю анатомию, физиологию и привычки животного, относившегося к космополитической группе, которая, по-видимому, вымерла сотни миллионов лет назад. В этом же состоит громадный смысл поимки целаканта во плоти. Латимерия помогла нам наяву осуществить мечту Г. Уэллса о машине времени. И тем не менее сомнительно, что обнаружение живого трилобита стало бы основанием для газетной сенсации.

Это мнение недавно было подтверждено открытием морского животного, полностью перевернувшего классификацию моллюсков. Это животное является переходной формой между семейством хитонов (панцирные моллюски, имеющие сегментарное строение) и семейством пателли (примитивные моллюски с конической раковинной). Поймано оно было в 1951 году в Тихом океане, на широте Коста-Рики, датским океанографическим судном "Галатея". Изучение этого моллюска открыло ошеломленным ученым, что они имеют дело с запоздалым представителем отряда животных, вымершего в течение палеозойской эры, а именно отряда монопла-кофоров. По мнению палеонтологов, *Neopilina galathea*, как назвал ее в 1957 году доктор Антон Бруун, должна была исчезнуть 280 миллионов лет назад. Ее обнаружение в живом виде, следовательно, было событием еще более значительным, чем открытие целаканта, который считался ископаемым всего лишь в течение неполных 70 миллионов лет. Однако это открытие осталось не замеченным широкой публикой, так как небольшой моллюск едва достигает размера однофранковой монеты.

Конечно, появление в наше время одного из гигантов далекого прошлого вызвало бы единодушный энтузиазм как среди профанов, так и среди серьезных ученых. Но это уж слишком, вероятно, подумает читатель. Однако и это не выходит за рамки возможного. История целаканта и неопилины доказала или, вернее, подтвердила, так как оба они были лишь последними звеньями в длинной цепи обретенных "живых ископаемых", что животные самых отдаленных эпох продолжают существовать скрыто вплоть до нашего времени. Остается доказать, что гигантские животные могли сохранить инкогнито на протяжении такого долгого периода.

Так же как острова из-за ограниченности пространства благоприятны для формирования карликовых пород, так и не знающий границ океан представляет собой прежде всего царство гигантов.

Морские животные вообще крупнее, чем их наземные собратья. Это справедливо для существ, находящихся на всех ступенях эволюционной лестницы. Ночесветки, которые заставляют море светиться фосфорическим светом, являются теми редкими простейшими одноклеточными организмами, которых можно увидеть простым глазом. Речные губки имеют абсолютно незначительные размеры по сравнению с морскими,

которые иной раз достигают в диаметре одного и более метров. Среди представителей типа кишечнополостных гидры, обитающие в пресной воде, имеют почти микроскопические размеры, тогда как некоторые океанские медузы достигают поразительных размеров: студенистый купол медузы *Cyanea capillata*, описанной Агассизом, может иметь 3 метра в диаметре, и ее охотничьи щупальца достигают 40 метров в длину! Некоторые обитающие на земле моллюски - слизняки и улитки до смешного малы по сравнению со своими морскими собратьями, особенно гигантскими головоногими. Самый длинный из всех червей, *Laneus longissimus*, это морская немертина, некоторые экземпляры которой достигают длины более 15 метров и даже вдвое больше*. Земные членистоногие (насекомые, многоножки, паукообразные) не могут соперничать в размерах с морскими членистоногими (ракообразными). Пяденица Атлас (*Coscinoceaea hercules*), имеющая размах крыльев 35 сантиметров, кажется незначительной рядом с крабом на ходулях или гигантским морским пауком (*Macrocheirus kampferi*), ноги которого имеют иногда до 4 метров в длину.

* В действительности трудно установить длину столь растяжимых червей. Экземпляр длиной семь метров может в течение нескольких секунд вытянуться до тридцати метров!

Так же в случае позвоночных. Вряд ли нужно даже говорить о рыбах: какой пресноводный чемпион сможет противостоять таким гигантам, как, например, хрящевые рыбы или китовые акулы (*Rhincodon typus*)?

Эти последние имеют в длину больше 15 метров и, по мнению некоторых экспертов, могут достигать и 20 метров, вес их составляет десятки тонн. Когда был взвешен экземпляр этой рыбы длиной 38 футов, вес его составил 26 594 английских фунта (12 тонн).

В мире рептилий самый большой из когда-либо добытых крокодилов, по-видимому принадлежавший к виду гребнистых крокодилов (*Crocodylus porosus*), единственный проникший в море, выловленный сто лет назад двумя охотниками с острова Лусон на Филиппинах, по их свидетельству, был длиной 20 футов (8 м 85 см). Однако следует заметить, что, по мнению Карла Шмидта из Музея естественной истории в Чикаго, судя по размерам черепа этого чудовища, который хранится в США, его длина не должна была превышать 22,5 фута (6 м 85 см). А ведь и аллигатор (*Alligator mississippiensis*), и оринокский крокодил (*Crocodylus intermedius*) оба могут достигать в исключительных случаях семи метров в длину. Но совершенно точно то, что самые большие черепахи - морские: кожистая черепаха (*Dermochelys coriacea*) достигает иной раз в длину 2 метров 75 сантиметров и весит в таких случаях около 700 килограмм. Гигантские черепахи с Галапагосских островов гораздо меньше: их вес не превышает 300 килограмм.

Наконец, среди млекопитающих слоны, которые являются чемпионами в категории тяжеловесов среди наземных животных, кажутся очень маленькими рядом с самым большим китом. Голубой кит-полосатик (*Sibbaldus musculus*) может весить столько, сколько весит стадо из 35-40 взрослых слонов. Даже *Baluchitherium*, самое крупное млекопитающее, когда-либо жившее на Земле, своего рода носорог, в холке превосходивший по высоте жирафу, должен был весить в 10-12 раз меньше, чем крупный кит. Он весил лишь вдвое больше новорожденного китенка. Для сравнения сошлемся на то, что однажды из тела самки полосатика, имевшей в длину 24 метра, был извлечен зародыш длиной около 8 метров, весивший 7 тонн. Вообще говоря, полосатик еще до своего рождения весит больше, чем самый крупный взрослый слон.

Как мало мы знаем о великанах

Не надо думать, что самые огромные обитатели моря были в первую очередь обнаружены натуралистами. В действительности такого рода открытиями чаще всего руководит случайность. Самая твердая воля часто ничего не меняет в этом деле. Океан напоминает те небольшие электрические подъемные краны с ярмарочной площади, с

помощью которых, казалось бы, легко выудить множество более или менее соблазнительных призов, например такой значительный выигрыш, как фотоаппарат, лежащий на самом виду, но, несмотря на настойчивые усилия, никогда не удастся заполучить ничего, кроме ментоловых леденцов или безделушки, с которой неизвестно, что потом делать.

Ряд событий, связанных с открытием некоторых морских гигантов, лучше познакомят нас с этим вопросом.

Самая крупная из всех рыб, китовая акула (*Rhineodon typus*), была открыта только в 1828 году. Первый экземпляр был загарпунен у берегов военным врачом, который был также отличным знатоком южноафриканских рыб. Прошло еще двадцать лет, прежде чем сведения об этом гиганте достигли западного мира. Теперь минуло уже больше ста лет с тех пор, как мы познакомились с рыбой, о которой не мог бы мечтать никакой Тартарен от рыбной ловли.

Наша встреча с самым большим скатом - мантой, или гигантским морским дьяволом (*Manta birostris*), относится примерно к той же эпохе.

Он был научно описан в 1828 году доктором Эдвардом Банкрофтом на основании экземпляра, выловленного в предыдущем году в порту Кингстона, на Ямайке, генерал-майором сэром Джоном Кином. Разумеется, это чудовище, которому приписывали иногда размах "крыльев", близкий к 8 метрам, было известно и раньше, но его зоологическое определение не было вынесено до упомянутого времени. Так, в своем сочинении "*Relacion Historica del viaje a la America*" (1758) дон Антонио де Ульоа, генерал-лейтенант испанского флота, уже упоминал о "чудовищной рыбе", называемой манта, которая нападает, как говорят, на ловцов жемчуга в районе между Панамой и Гуаякилем: "...длинная и широкая, как стеганое одеяло, она охватывает своими плавниками любое оказавшееся в пределах досягаемости существо и немедленно удушает его". Более того, некий полковник Монтегю, кажется, помышлял впоследствии о том, чтобы включить мантию в число скатов. Мы увидим в дальнейшем, что тщательное описание доктора Банкрофта не помешало, однако, почти сорок лет спустя одному просвещенному путешественнику принять мантию за нечто вроде сирены с белыми руками!

Заметим, что самый крупный экземпляр манти, который подвергся измерению, не превышал шести метров в ширину. Загарпуненный в 1919 году в Бимини, на Багамах, он весил 1500 килограмм. Однако следует сказать, что эти чудовищные скаты совершенно безвредны. Единственная исходящая от них опасность связана с их маниакальной склонностью к чудесным прыжкам, которые они совершают над водой. Всплеск, который они производят, падая обратно плашмя, производит устрашающее впечатление. Случается, что раненые манти падают таким образом на лодки рыбаков, достаточно неосторожных, чтобы охотиться на них,- можно себе представить размеры ущерба, нанесенного этой тонной разгневанной мускулатуры!

Знаменательным в числе прочего является состояние наших знаний о китообразных, которые насчитывают в своих рядах несколько семейств самых крупных животных, когда-либо существовавших на нашей планете. Вопреки всеобщему мнению самый гигантский динозавр юрского периода никогда не достигал размеров наших современных больших китов: китов-полосатиков, собственно китов и кашалотов. Судя по примерным расчетам, представляется, что самые громадные доисторические рептилии не превосходили весом 50 тонн, тогда как голубой кит может весить 150 тонн.

Мир скромных гигантов

Нет ничего удивительного в том, что люди привыкли к промысловым морским гигантам, которых они добывают преимущественно ради жира. Но, может быть, существуют и другие? Преждевременно было бы это отрицать, тем более что многие китообразные больших размеров были открыты меньше века назад, а некоторые и

теперь едва нам знакомы. Совпадения исключительных обстоятельств, сделавших возможным для нас знакомство с этими животными, в других случаях могло просто не произойти.

Ни одно семейство китообразных не является в наших глазах таким загадочным, как семейство клюворылых китов (Liphiidae)*. Из пяти родов, входящих в это семейство, только один известен достаточно хорошо, он же был единственным, известным в самом начале прошлого века,- мы имеем в виду род бутылконосов (Hyperoodon), который был назван так Ласепедом в 1804 году. По-видимому, существует несколько различных видов бутылконосов, чья длина приближается к 10 метрам, но тот вид, который больше всего отличается от других, известен нам практически лишь по черепам, найденным по берегам южных морей. До сих пор бутылконосов удавалось выловить лишь на севере Атлантического океана!

"Кит-клюворыл" Кювье (Liphius), который дал имя всему семейству, вначале считался вымершим животным. Все вещественные доказательства его существования, которые первоначально удавалось получить, сводились к окаменелому черепу, найденному в 1804 году Жоржем Кювье как череп ископаемого животного. Почти полвека спустя после этой анатомической находки второй точно такой же был выброшен на берег в том же месте. И лишь много позже в Новой Зеландии было выловлено китообразное животное, обладавшее таким же черепом. Любопытно, что у стареющих особей череп становится окаменелым, как бы прежде времени превращаясь в ископаемое. Есть еще одна причина, по которой это животное представляется насмешкой природы над зоологией. Светлая сверху и темная снизу окраска его тела находится в противоречии со всеми установленными ныне правилами животной окраски. Стоило большого труда убедить зоологов в реальности его существования.

* Эти "киты" в действительности являются дельфинами, тогда как название "киты" должно быть сохранено только за усатыми китами.

Род ремнезубов (Mesoplodon), быть может, самый загадочный. Первоначально он стал известен благодаря труп, выброшенному на побережье в графстве Эгин, в Шотландии, который посчастливилось увидеть натуралисту Соверби. Это коричневое животное обладало странно выгнутой нижней челюстью, снабженной лишь одной парой зубов, послужившей причиной его первоначального названия, *Diodon sowerbyi*, которое впоследствии было отброшено, как неудобное для классификации. В 1828 году очень похожее животное, совсем не имевшее зубов, было выброшено живым на пляж в Гавре. Это существо, привлекавшее толпы любопытных, оставалось в живых еще в течение двух дней. Прогуливающаяся публика, имевшая крайне субъективное представление о рационе питания китообразных, предлагала ему хлеб, смоченный водой, и другие не менее не подходящие продукты. Бедное, испуганное животное испускало нечто вроде глухого крика, напоминавшего мычание коровы. После того как этот дельфин был осмотрен Анри Дюкроте де Бланвилем, вследствие отсутствия зубов он получил имя *Aodon dalei*. По мнению специалистов, это животное могло оказаться престарелой особью "кита" Соверби, потерявшей зубы от старости.

В 1850 году вышеупомянутый "кит" получил от Поля Жерве имя, закрепленное за ним официально,- *Mesoplodon bidens*. С тех пор было обнаружено много разнообразных мезоплодонов, но их описания были основаны на таком скудном материале, что трудно сказать в настоящее время, сколько подвидов живут в океане десять или пятнадцать. Одним из самых редких является "кит" Жерве (*Mesoplodon europaeus*). Известно лишь шесть его экземпляров. Первый был найден плавающим в проливе-Ла-Манш в 1840 году; три другие были выброшены на побережье Нью-Джерси, в США, в 1889, 1933 и 1935 гг.; другие, мать и детеныш, были обнаружены на Ямайке в 1953 году, что кажется не совсем уместным для животного, названного "европейским".

Рамнезуб Бланвиля (*M. densirostris*) имеет еще более фантастическое географическое распространение. Было найдено всего семь его экземпляров, однако в

различных и самых отдаленных точках земного шара: на Сейшельских островах, у острова Лорд-Хау, на юге Африки, вблизи Массачусетса, около островов Мадейра и у берегов штата Нью-Джерси. *M. stejnegeri* известен лишь благодаря двум экземплярам с северного побережья Тихого океана, *M. hectori* по двум экземплярам из Новой Зеландии. Описание *M. bowdoini* также было сделано на основании изучения двух новозеландских экземпляров, от которых, однако, не осталось ничего, кроме скелета, поэтому внешний вид животного пока неизвестен.

Можно даже и не упоминать о том, что полностью ведомо все, что касается нравов различных мезоплодонов, длина которых иногда превышает 5 метров.

Ничуть не более мы знаем о двух видах рода плавун (Berardius), северном 'плавуне (*B. bairdi*) и южном плавуне (*B. arnouxii*), которые могут достигать 13 метров в длину. Зубы южного плавуна имеют такое строение, что, если бы их описание было сделано профаном, ему не поверил бы ни один специалист в области млекопитающих: эти зубы заключены в хрящевые сумки и, похоже, могут произвольно подниматься, действуя при этом наподобие крюков.

Время от времени обнаруживаются новые представители семейства клюворылых (*Liphiidae*). В 1937 году появился новый род, тасмановые киты (*Tasmacetus*), открытый Оливером на основании обследования последовательно выброшенных на побережье Новой Зеландии трех "китов" с клювом совершенно неизвестного прежде типа. Это были крупные животные, имевшие от 7 до 9 метров в длину. Все эти события происходили, подчеркиваю, незадолго до второй мировой войны, а не в Средние века или эпоху Возрождения. И это не мешает нам празднично утверждать, что море не способно больше скрывать неизвестных животных большего размера!

После знакомства со смутным положением, царящим в семействе клюворылых, нам не покажется удивительным, что среди дельфиновых и собственно дельфинов, то есть среди китообразных меньших размеров, многие виды известны нам лишь на основании отдельных, редких, часто единственных экземпляров.

Существует, например, несколько разновидностей рода *Lagenorhynchus* дельфина-сороки, как его иногда называют, - внешний вид которых изучен недостаточно. Некоторые из них кажутся неуловимыми, как, например, "дельфин с песочными часами" Вилсона (*Lagenorhynchus wilsoni*).

Эта разновидность, говорит Фрэнсис К. Фрезер в своей классической работе "О морских гигантах", написанной в соавторстве с ихтиологом Джоном Р. Норманом, часто встречалась на севере, у пакового льда, как в ходе экспедиции "Дискавери" в 1802 году, так и во время экспедиции "Терра нова" в Антарктике. Однако не был пойман ни один экземпляр этого животного.

Из дельфинов рода *Prodelphinus* пятнистый дельфин получил свое имя лишь в 1889 году, от Поля Жерве. Фрезер пишет также: "Было описано множество разновидностей, но без каких-либо сведений о их нравах. Большинство форм этих животных известны нам только по черепам".

Семейство кашалотов включает очень редкий и оригинальный род карликовых кашалотов (*Kogia*), описанный только в 1846 году. Это животное трехметровой длины, которое еще никто не видел живым. Если бы не несколько случайно выброшенных на берег экземпляров, мы бы ничего не знали о его существовании. Нам все еще не известно, сколько видов включает род *Kogia*, описано около полудюжины, но это ничего не доказывает ввиду редкости этих животных. Возможно, речь идет, по крайней мере в части случаев, об индивидуальных вариациях.

Самый маленький из семейства гладких, или настоящих, китов известен нам лишь с 1864 года. Это странное животное имеет настолько расширенные бока, что грудная клетка его напоминает бочку. И сейчас этот кит-пигмей (*Neobalaena*) встречается лишь в исключительных случаях. Необходимо заметить, что это "миниатюрное" животное может достигать 18 метров в длину.

Как было показано, число китообразных внушительного размера, с которыми мы едва знакомы, достаточно велико. Ряд других, как мы увидим в дальнейшем, известны ученым лишь по внешнему виду. А сколько еще осталось таких, о чьем существовании мы даже не подозреваем? Сколько еще имеется морских животных, принадлежащих к разным зоологическим отрядам, которые благодаря анатомическому строению, физиологии или особенностям образа жизни и географического распространения могут успешно противиться случайному попаданию на берег? Большинство живых организмов теряют плавучесть после смерти, и, если они не живут вблизи берегов, у них нет шансов оказаться выброшенными на пляж или скалы.

Необходим рисунок

Несмотря на наш далеко не полный список представителей морской фауны, существование морских чудовищ вызывает обычно большое недоверие. Это случается из-за фантастичности описаний, которые обычно им даются. Но, может быть, прежде чем отнестись к таким описаниям резко отрицательно, надо спросить себя, не существует ли а priori каких-либо причин для появления таких описаний.

Прежде всего, морские существа всегда выглядят более или менее фантастически; будучи приспособленными к условиям жизни совершенно отличным от наших, они неизбежно должны казаться отклонением от нормы. Как подчеркивал Монтень, "те, кого мы называем чудовищами, не представляются таковыми Богу, видящему в необычности своего творения бесконечное многообразие постижимых для него форм".

Мы сами со своей стороны способствуем фантастическим представлениям о морских животных, наделяя их абсолютно неадекватными названиями. Располагая для сравнения лишь примерами из привычной для нас сферы жизни, мы видим в существах, живущих по ту сторону морской завесы, некоторое соответствие земным или небесным существам, доступным нашему воображению. Мы населили океан пауками и скорпионами, мышами и зайцами, телятами, коровами и свиньями; собаками, кошками, львами и тиграми; волками и медведями; слонами и лошадьми; мужчинами и женщинами; мы посадили в нем анемоны, лилии и крапиву; заставили расти виноград и огурцы; мы рассеяли по нему звезды, луны и солнца. И потом, оказавшись в плену у своих собственных понятий, с удивлением увидели, как анемоны и звезды пожирают друг друга, огурцы ползут по земле, а из винограда выходят демоны, снабженные щупальцами; мы увидели зайцев, передвигающихся медленнее черепашек, и женщин и коров с рыбьими хвостами.

К тому же бедность нашего словаря и устройство нашего языка, посредством слов приносящего искусственную прерывность в единство мира, сами по себе способствовали невероятности наших представлений о морских жителях. Мы не можем описать новое животное, иначе как разбирая его деталь за деталью и последовательно сравнивая каждую из них со строением уже известного нам существа, и, таким образом, у нас неизбежно складывается представление о чужеродности и чудовищности вновь открытого животного. Подобное описание, возможно, поможет нам узнать животное, когда мы его встретим, но оставит лишь туманное представление о внешности неизвестного нам существа. Абстрактный, более или менее удаленный от реальности язык не может заменить нам данные наших чувств или хотя бы конкретное изображение, "рисунок" предмета. Увы, редко случается, что при внезапном появлении неизвестного животного рядом оказывается талантливый художник. Представление о незнакомце строится обычно на основании словесного портрета. Именно в этот момент червь неясности проникает в зоологическое яблоко. Ибо словесное описание неизвестного существа по природе своей трудно сделать. Оно приносит результат тем менее достоверный, чем более расплывчатым и неумелым оно оказывается.

Опишите моржа как своего рода тюленя, вооруженного слоновьими бивнями, и хороший художник сможет на основании одного лишь этого свидетельства нарисовать удовлетворительный или, во всяком случае, не лишенный сходства портрет этого

животного. Но если случайно, по примеру натуралистов прошлого, вы станете описывать осьминога как рыбу с восемью лапами, то рискуете не узнать оригинал, глядя на его гравированное изображение. Действительно, мало кто подумает об осьминоге, когда увидит среди гравюр "Универсальной космографии" Себастьяна Мюнстера (1556), где собраны все чудовища северных морей, изображение чего-то вроде большой чешуйчатой рыбы с паучьими лапками. Этот рисунок странного по меньшей мере существа был позаимствован космографом из немецкого перевода, сделанного Раффом в 1545 году, сочинения Альберта Великого, в котором рисунок, без сомнения, относится к осьминогу.

Можно ли упрекать художника, иллюстрировавшего переведенное на разговорный язык и предназначенное для широкой публики издание этого сочинения, за такое изображение этого моллюска? Конечно, нет, поскольку автор сам говорил о нем как о "морской рыбе, имеющей восемь лап". И можно ли упрекать Альберта фон Больштедта, самого авторитетного ученого Средневековья, за то, что он описал осьминога таким образом? Ведь в его время "рыбой" называли всякое морское животное, кем бы оно ни оказалось - медузой, морской звездой или китом.

Морское чудовище, похожее на льва

Досадные искажения, привнесенные усердным иллюстратором, иной раз могут зайти очень далеко. Не надо удивляться, например, видя большинство морских чудовищ одетыми в чешуйчатую кольчугу. Ведь рыбы - самые характерные обитатели моря, а у рыб обычно имеется чешуя. И, если в описании упоминалось о морском происхождении животного, добросовестный иллюстратор не преминет подчеркнуть это, наделив его в своем портрете чешуйчатой кожей. Может быть, в некоторых случаях художник и сам сомневался в том, что это создание ею обладало, однако для него наличие чешуи было самым простым способом символически выразить морское происхождение животного. Не достаточно ли было бы, скажете вы, изобразить его плавающим в своей родной стихии? Да, конечно. Но дело в том, что вода - это вещество, дьявольски трудно поддающееся изображению. В этом суть проблемы. Именно в силу такой условности на рисунке первого ватерклозета, сделанном в XVI веке, резервуар с водой изображен полным рыб*. Можно быть уверенным в том, что никто и никогда не собирался использовать в виде аквариума сосуд, предназначенный для регулярного опорожнения нечистот в трубу для стока. Но можно ли было иначе и с большей ясностью продемонстрировать оригинальность этого новшества?

* Этот рисунок содержится в сочинении "A New Discours on a Stale Subject, Called the Metamorphosis of Ajax" (1556), принадлежащем перу изобретателя этого приспособления, сэра Джона Харрингтона, крестника королевы Елизаветы Английской.

Всякое изображение - продукт условности. Даже цветная фотография, в которой некоторые могут усмотреть предел достоверности изображения, предоставляет смотрящему полную свободу в оценке размеров, глубины и удаленности предметов. В любую эпоху, в каждой цивилизации люди умеют вносить в изображение поправки, требуемые существующими в их сознании условностями. Все заключается в том, чтобы знать об этих условностях.

Так, искушенный зоолог прошлого не позволил бы обмануть себя даже самым крайним искажением и прикрасам, допущенным свидетелями или иллюстраторами. Об этом можно судить по тем тонким комментариям, которыми месье Гийом Рондоле сопровождал в своей "Всеобщей истории рыб" изображение некоего "морского чудовища, похожего на льва": "Помещенное здесь чудовище - это замечательное животное, не имеющее никаких органов, приспособленных для плавания. Поэтому я часто сомневался в том, что это животное - морское, но в Риме меня убедили в том, что это чудовище было выловлено в море незадолго до смерти папы Павла III*. У этого животного была внешность и размеры льва. Оно имело четыре достаточно хорошо

развитые лапы, пальцы на которых не были соединены кожными перепонками, как у бобра или речной утки, но были полностью разделены и снабжены когтями. У него был длинный хвост с кисточкой шерсти на конце, большие уши и чешуя, покрывавшая все тело. Он не смог долго прожить вне своей природной стихии.

Хотя этот портрет был мне предоставлен людьми учеными и достойными доверия, я предполагаю, что художник, возможно, добавил к нему от себя нечто такое, что показалось ему естественным: так, ноги чудовища кажутся слишком длинными для морского животного; художник также мог забыть и о кожных перепонках между пальцами ног. Морским животным не свойственно иметь большие уши. Чешуя могла занять место грубой кожи, подобной той, которая покрывает ноги морских черепах. Обычно животные, которые дышат легкими и опираются на костный скелет, не бывают покрыты чешуей. Но случается, что художники наделяют чешуей многих других, не имеющих ее животных и чудовищ, как, например, китов, изображенных на картах северных морей в "Космографии" Мюнстера. В этом также можно убедиться на примере, изображений морского тельца, касатки, сколопендры, китообразных и др.

* В "Приложении к книге о чудовищах" Амбруаза Паре содержатся самые полные сведения о вышеупомянутом животном: "В Тирренском море, вблизи города Кастра, было поймано чудовище, которое доставили тогда в Парсель епископу, наследовавшему папский престол после смерти папы Павла III. Оный лев имел голос, похожий на голос человека. Он был привезен в город, где вызвал всеобщее восхищение, и вскоре после этого умер из-за невозможности жить вне естественной для него среды; так сообщает нам Филипп Форестус в третьей книге своих хроник".

Трудно установить точно, кем было это "морское чудовище, похожее на льва". Но можно быть уверенным в том, что это был, скорее всего, какой-нибудь ушастый тюлень, имевший гриву, который действительно странным образом заблудился, оказавшись в Средиземном море. Животное, названное первоначально морским львом, было, очевидно, описано повторно не выдавшим его комментатором, который представил его в виде настоящего морского льва. Но как, после того как он был лишен своих перепонек между пальцами и "недостаточно развитых ног", отличить морского льва от обычной кошки? Для того чтобы сохранить за ним репутацию чудовища и подчеркнуть его морское происхождение, необходимо было наделять его чешуей. Так это и случилось.

Манты с женскими руками

Если морских животных чаще все описывают в вызывающей недоверие фантастической манере, то это происходит от того, что обычно их удается увидеть лишь мельком и не полностью. Этих животных либо едва доводится заметить, когда они выныривают на поверхность воды и тут же исчезают с быстротой молнии, либо их находят на пляже покалеченными и уже разложившимися.

Часто смеются над наивностью и экстравагантностью некоторых зоологических представлений древности и даже недавнего прошлого. Не надо думать, что художники раньше были менее искусными, - разве рисовал кто-нибудь лучше, чем Дюрер, Пизанелло или некоторые восточные художники глубокой древности? Не стоит полагать также, что натуралисты прошлого были менее наблюдательны, чем в последующие века. В действительности знания тогда были еще более фрагментарными и воображение должно было прийти им на помощь.

И в наше время, когда умный и образованный человек замечает, особенно в открытом море, животное, которое ему неизвестно, он вполне способен составить о нем самое фантастическое представление. В 1866 году, в пору, когда манта уже была известна зоологам в течение почти сорока лет, знаменитый южноамериканский филолог дон Энрике Онффрой де Торон встретил одного из этих гигантских скатов в заливе Анкон-де-Сар динас, между городом Эсмеральдас и Рио-Мирой у экваториального побережья. Чтобы лучше понять его драматический рассказ об этом

происшествии, надо вспомнить, что у ската передние части грудных плавников обособлены и образуют выступающие по обе стороны рта длинные, мягкие, несколько согнутые рога. Это послужило причиной различных его названий, таких, как головоногий гигантский рогатый скат, морской черт и, наконец, *Manta birostris*. У самых крупных экземпляров длина рогов не превышает обычно одного метра. Виконт Онффрой де Торон, ничего не знавший о существовании таких рогов у морских животных, увидел в море нечто более для него привычное: "Вдруг из глубины океана поднялось морское животное, замечательное своей странностью, и оказалось так близко к нашей китобойной шлюпке, что легко можно было бы ударить его веслом. Чтобы отдалиться от него, мне пришлось бы посадить на весла еще двух гребцов, так как люди мои устали от работы. При таких обстоятельствах я решил действовать осторожно; не зная, с смирными или с враждебными намерениями явился этот посетитель, я приказал поднять весла, чтобы его не беспокоить. Мы остановились. Увидев это, лоцман сказал мне: "Месье, это манта, возьмите ваш мачете и, если она попытается схватить лодку, отрубите ей руку". Я понял, что имею дело с амфибией. Вооруженный мачете, с поднятой рукой, я стоял, готовый ударить чудовище, которое остановилось рядом с нами. Однако, не желая принимать на себя инициативу атаки, я стал внимательно наблюдать за этим животным, с тем чтобы не дать ему нас опрокинуть.

У манты были настоящие человеческие руки, белые и длинные, длиной около полутора метров. Но по сравнению с их длиной и размером тела эти руки были очень тонкими. Вместе с тем они были сочленены так же, как и наши собственные руки, то есть в запястье, в середине (но более округло, чем наш локоть) и при начале плеча. Ее руки, маленькие, слегка скрюченные и далекие от белизны, по цвету напоминали старый пергамент и казались поэтому нечистыми. Обтрепанные и плохо выраженные пальцы представлялись расплюснутыми и, возможно, состояли из хряща, но у меня не было возможности выяснить это точнее, потому что в тот момент они словно слиплись между собой. Голова манты была сплюснута в горизонтальном направлении, она имела треугольную форму и расширялась все больше и больше в направлении плеч, в основании имела более двух метров в ширину, и ее пасть, которую она держала закрытой, была такой же широкой, как и голова. Тело (очень тонкое, толщиной всего несколько сантиметров) имело тем не менее четыре фута в ширину по горизонтали. Спина была плоской повсюду и равно широкой. Видимая часть животного была примерно трехметровой длины и не имела плавников. Размеры части его тела, располагавшейся под водой, под углом примерно 20°, трудно было оценить. Ее тело или ее кожа были белого цвета, и посередине вдоль спины шли пятна, какие бывают на морском теленке или на леопарде.

Какова природа его кожного покрова? Был ли он похож на шкуру морского теленка или на кожу лягушки? Этого я не знаю. Однако ни на руках, ни на голове, ни на теле я не видел никаких признаков шерсти или чешуи. Пятна, которые у него имелись вдоль линии позвоночника, не могут быть признаком той или иной его принадлежности, так как и рыбы, и амфибии почти все имеют отметины на спине. В дополнение к этому лоцман убеждал меня в том, что видел совершенно белых мант. Однако желая ограничиться лишь тем, что видел я сам, и не оказаться введенным в заблуждение, я старался не расспрашивать его дальше, поэтому не могу сказать, была ли манта четверолапым животным, как лягушка, или ее тело заканчивалось плавниками".

После этой крайне романтической интерпретации внешности животного, небольшую часть которого он увидел под покровом воды, дон Энрике рискнул высказать смелую гипотезу о его природе и зоологической принадлежности: "...не нашел ли я в лице манты живого *Chirotherium*, лягушку длиной 12 или 15 футов, которую геологи открыли в виде ископаемого? Мне кажется, что оба они, несомненно,

должны быть представителями одного и того же семейства земноводных".

В действительности для палеонтологов более чем сомнительно, что *Chirotherium*, обладавшее руками животное, было разновидностью амфибий. Известны лишь ископаемые отпечатки его лап, найденные в 1838 году около Хилбургхаузена, в Тюрингии. С другой стороны, недавно на основании палеонтологических открытий, сделанных в Северной Америке, было установлено, что это животное относится к рептилиям и является разновидностью динозавра. Этого не мог знать меcье виконт Онффрой де Торон, но, прежде чем решительными шагами нарушать заповедные области зоологии, он должен был усвоить элементарные представления, в частности о том, что проницаемый, предназначенный для кожного дыхания покров земноводных не позволил бы животному плавать в соленой воде, не причиняя ему мучительных страданий.

Чтобы убедиться, что и в наши дни художники не менее наивны и не менее лживы, чем в далеком прошлом, достаточно взглянуть на гравюру, иллюстрирующую рассказ дон-Энрике во французском издании 1870 года книги Б.Х. Ревуаля "Охота на рыб в Северной Америке". Манта представлена здесь в виде очаровательной молоденькой девушки с соблазнительно вытянутыми руками, достойной соперницей самых прелестных из легендарных сирен.

И это стоит рыб с восемью ногами, бронированных китов и львов, покрытых чешуей, из эпохи Возрождения.

Молочные братья - гигантский спрут и морской змей

Как мы уже видели, существует столько же объективных, сколько и субъективных причин для возникновения фантастических описаний неизвестных океанских животных. В этой области важно не отвергать заранее того, что при первой встрече может показаться невероятным. Важно сохранять сдержанность в ожидании новых сведений, которые изменят и уточнят наши данные. Со временем все встает на свои места - размеры, которые приписывали плохо рассмотренному животному, уменьшаются; искажения, внесенные иллюстраторами, исправляются, стираются прикрасы.

Прежде кита изображали закованным в броню, как турнирная лошадь, с воротником трицератопса и клыками, способными устроить самых храбрых; его рост преувеличивали до неслыханных размеров, и тем не менее он существует. Промышленное использование превратило кита в животное не менее банальное, чем бык на скотобойне. Если о нем еще говорят как о чудовище, то это лишь из-за его огромного размера. ореол необычности и страха, осенявший его прежде, потух навсегда.

Более двух тысяч лет назад Аристотель писал о животных, которые в его время, при тогдашнем состоянии знаний, не поддавались классификации: "Помимо животных, изученных к настоящему времени, в море обитают существа, которых нельзя отнести к какому-либо роду, потому что они слишком редки. Некоторые опытные рыбаки утверждают, что видели в море животных, напоминавших строительные балки, - черных, округлых, имевших повсюду равную толщину. Другие неизвестные животные походили на щиты, были красного цвета и имели многочисленные плавники".

На мой взгляд, здесь можно увидеть намек на двух главных героев настоящего труда - гигантского кальмара и морского змея. И если в приведенном выше высказывании Аристотеля о них упоминается лишь кратко, то в дальнейшем у датского епископа Понтопидана, который был первым автором, посвятившим этим животным тщательное исследование, мы найдем более подробные комментарии.

И в самом деле, с глубокой древности судьба наших двух чудовищ была похожей. Вначале оба они были известны как откровенно сказочные персонажи - по слухам, героическим рассказам и суевериям. Впоследствии эти животные были описаны более трезво и тщательно, сначала в нескольких отдельных сообщениях, которые постепенно

становились все многочисленнее и составили наконец целый букет убедительных свидетельств. Однако это не уменьшило количества возводимой на них хулы, насмешек и обвинений в малой правдоподобности, иначе говоря, невозможности их существования. Что касается огромного головоногого, то даже обретение не вызывавшего сомнений анатомического фрагмента долгое время не могло смягчить почти всеобщее недоверие. Удивляйтесь после этого тому, что проблема змея, о котором известно еще меньше, по-прежнему остается поводом для веселья. Фантастический характер этого животного сделался классической темой для шуток, и даже его имя стало синонимом грубой насмешки.

Один только случай пожелал, чтобы тайна гигантских головоногих рассеялась первой. Гигантский кальмар сегодня занял свое место в учебниках зоологии, у него есть латинское название, которое можно без улыбки и не краснея произносить в ученых собраниях. Быть может, если бы кости в игре природы упали иначе, именно морской змей обрел бы свое место в ученых трактатах под научным названием *Megophias*, а кракен по-прежнему остался бы персонажем фольклора.

ОБ АГРЕССИВНОСТИ СПРУТОВ В ЛИТЕРАТУРЕ И В МОРЕ

Есть монстры, существование которых общепризнанно, но самые убедительные свидетельства о них похожи на легенды. Их образ пропитан ужасом, строение нелепо, а размеры так невероятны, что, несмотря на утверждения ученых, они навсегда останутся созданиями фантастическими и нереальными.

Скандинавский кракен, достойный наследник ужасной гомеровской Сциллы, из этого ряда. Сделать поправку на преувеличения, уменьшить его до разумных размеров, отбросить некоторые наивности, и от этого кошмара почти ничего не останется. Но вызываемый им ужас бросает тень на более скромных представителей этого отряда - осьминогов, кальмаров и других моллюсков с многочисленными щупальцами, ноги у которых растут прямо из головы. Сам Босх не мог бы выдумать для своего ада анатомического строения более нелепого. И Уэллс не преминул воспользоваться их образом, чтобы представить своих марсиан в самом кошмарном виде.

Еще не так давно моряки в самом деле опасались нападения гигантов из этого адского племени и считали, что они могут угрожать самым крупным кораблям. Но времена суеверного страха, рожденного первыми контактами с неизвестным миром, прошли. Человек поднял голову. Стал спрашивать себя: а так ли они страшны, эти морские страшилища? Маятник качнулся в другую сторону. Скоро стали отрицать саму возможность нападения их на человека. Любители подводного плавания дошли до того, что находят их приятными партнерами по играм. Какая проза, полный крах океанского демона!

Однако в подсознании страх все еще остался. И, по правде говоря, есть о чем беспокоиться. Тот, кто с таким апломбом отрицает агрессивность спрутов, похож на испуганного ребенка, который, чтобы подбодрить себя в темноте, преувеличенно громко разговаривает...

Так что же, головоногие - кровожадные людоеды или робкие фантомы? На этот счет и в научной литературе нет единого мнения. И только с трудом продираясь сквозь дебри спорных фактов и противоречивых суждений, мы можем разглядеть контуры истины. Истины, которая, как говорил Пиранделло, имеет столько сторон, сколько ног у осьминога.

Гигантский спрут, хранитель сокровищ затонувших кораблей

Никто сегодня не думает, что какой-нибудь гигантский головоногий способен утащить на дно корабль. Но в фильмах и романах, действие которых происходит в глубине морей и океанов, водолаз не может достать из-под обломков потерпевшего крушение корабля сокровища или ныряльщик не может добыть жемчужину значительных размеров, чтобы не вступить по дороге в схватку с огромным спрутом. В произведениях, претендующих на достоверность, эта борьба вызывает лишь улыбку, а

документальные свидетельства тем более показались бы невыносимо скучными публике, жаждущей острых ощущений. Чего хотят люди? Сегодня, как и всегда, они жаждут видеть перед собой героя - зовут его Геракл, Жильят, капитан Немо или Супермен, - побеждающего Гидру с семью головами или восемью руками, таинственное воплощение Зла.

Поэтому можно лопатой грести рассказы о дуэлях подобного рода. Чтобы погрузить читателя в атмосферу ужаса, я приведу один пример из относительно недавно появившегося произведения и одного из самых популярных. Мой выбор остановился на главе из книги лейтенанта Гарри Ризберга "Золото затонувших кораблей" потому, что она основана на фактах, пережитых автором лично, на воспоминаниях этого знаменитого американского водолаза, специализировавшегося на поиске затонувших сокровищ.

Испанская шхуна со слитками серебра потерпела крушение и затонула у берегов Колумбии. Семь ныряльщиков уже пытались добраться до ценного груза, но ни один из них не вернулся на поверхность. Казалось, злой рок висел над шхуной, частично занесенной песком на глубине 64 метров.

Не очень этим обстоятельством обеспокоенный и влекомый прельстительной приманкой, бесстрашный Ризберг спустился на дно. Там он нашел около корпуса корабля скелет своего предшественника, все еще с водолазным шлемом на голове и в разорванном гидрокостюме. Но наш brave водолаз вынужден был поспешно подняться на поверхность, так как его шланг для подачи воздуха был таинственным образом поврежден.

Несмотря на это предупреждение, Ризберг снова совершил погружение через два дня и был вознагражден. Он наконец нашел ценный груз, так же как и бронзового истукана, у ног которого валялись человеческие останки. Вот что дальше пишет наш герой: "Вдруг у меня появилось странное и неприятное ощущение, будто рядом со мной кто-то есть. Это чувство было таким сильным, что я начал крутиться вокруг себя, освещая толщу воды фонарем. И вдруг... Бог мой! Из-за неясных контуров бронзовой статуи перед моими глазами выросла гигантская фигура. Разглядев ее сквозь толщу воды, я содрогнулся. Поднявшись во весь свой рост, заполнив полностью проем двери... и закрыв мне путь к отступлению, передо мною стояло существо из видения наркомана, накурившегося гашиша, или бреда сумасшедшего! Мерзкое, покрытое бородавками тело медленно раскачивалось из стороны в сторону, постоянно подергиваясь и закручиваясь. Диаметр монстра был около пятнадцати футов (4,5 м), а его бочкообразного массивного тела около 4 футов (1,2 м). Длинные, липкие щупальца были усеяны сотнями присосок размером с блюдце. Наверное, он явился из самой преисподней.

Окраска его медленно менялась, переходя от бурого и грязно-желтого оттенка через светло-коричневый в серый и почти белый. Демонические глаза этого вампира, казалось, следили за каждым моим движением".

"Это было ужасно!" - признавался наш искатель сокровищ, и нет никаких оснований ему не верить.

Началась жестокая схватка, во время которой Ризбергу удалось по очереди отрезать своим ножом три щупальца монстра. По правде говоря, кажется странным - сам водолаз подчеркивал "дьявольское коварство" своего противника - тот факт, что спрут пытался атаковать человека только одной "рукой", как фехтовальщик: ему не доставило бы труда действовать сразу восемью! Но в момент, когда чудовище наконец решило действовать как нормальный осьминог и решить судьбу нашего подводного Тарзана, тому удалось вонзить стальной клинок в "единственно незащищенное место на теле спрута - в шейную вену [sic]".

Но перед тем как испустить дух, монстр нашел в себе силы хорошенько встряхнуть своего противника, как детскую погремушку, разорвать на нем скафандр и

поранить кожу. Истекающий кровью и задыхающийся Ризберг потерял сознание, не забыв перед тем подумать об акулах, которых мог привлечь запах его крови. Сознание вернулось к нему в декомпрессионной камере корабля. Товарищ Ризберга, обеспокоенный долгим его отсутствием, послал к нему двух местных ныряльщиков. Они освободили его из объятий мертвого монстра и подняли на поверхность. При этом они зажимали дыры на скафандре, из которого выходил воздух, и отрезали пеньковый канат, привязанный к затонувшему кораблю.

Эти довольно сложные действия, выполненные простыми ныряльщиками на глубине 64 метров, не удостоились никакого особого комментария со стороны Ризберга. А это, пожалуй, самый впечатляющий эпизод, настолько выходящий за рамки возможного, что напрашивается вопрос, а не является ли весь рассказ, к тому же переполненный подозрительными деталями, чередой лжи или похвальбы.

Но, впрочем, неважно. Я не искал здесь свидетельств об образе жизни осьминогов или их отношениях с человеком. Я пытался передать атмосферу, в которой развиваются эти отношения. Если мало кто подвергает сомнению правдивость этого рассказа, то только потому, что он почти классический: кто усомнится, в том, что нормально, обычно? Этот случай характерен для литературы, описывающей подводные приключения, и чудесно отражает общепринятое представление о том существе, которое англичане иногда образно называют devil-fish (рыба-дьявол).

Невероятный спрут "Тружеников моря"

В современной мифологии гигантский спрут, хранитель затонувших сокровищ, занял место средневекового дракона.

И только две книги несут ответственность за этот его ужасный образ подводного монстра: "Труженики моря" Виктора Гюго и "Двадцать тысяч лье под водой" Жюль Верна. Именно из этих произведений человек с улицы черпает свои сведения об анатомии и поведении головоногих (Cephalopodes).

Они заслуживают того, чтобы остановиться на них подробнее! Одно принадлежит перу выдающегося поэта и писателя, неумеренная любовь которого к пафосу часто приводит к наихудшим измышлениям. Другое написано человеком, очаровывавшим всех нас в детстве необычными приключениями, но научная компетентность его была, честно говоря, не более чем иллюзией, пылью в глаза. А публика - и это естественно - охотнее читает романы, чем научные статьи, которые к тому же часто написаны малопонятным языком. Первая из книг знакомит нас с коварным и злобным характером спрутов; вторая дает представление о размерах, которых может достигать этот представитель подводного мира. И все же трудно найти более скверный источник знаний.

Бросим короткий взгляд сначала на первый из этих бессмертных шедевров. Знаменитая схватка бравого рыбака Жильята со спрутом, которой Гюго посвятил целых три главы "Тружеников", пожалуй, один из ярких образцов "литературы" в самом неприглядном смысле этого слова.

Но страхнем с себя оцепенение, вернемся на землю и попытаемся проанализировать с холодной головой то, что поэт-иллюзионист нам порассказал.

"Чтобы поверить в существование спрута, надо его увидеть", - пишет Гюго. Чтобы поверить в то, что он нам описал, лучше никогда не видеть ни одного из них.

Однако автор "Тружеников моря" преподает нам настоящий урок естественной истории, и по ходу его он не колеблясь, чтобы подчеркнуть всю серьезность своих слов, цитирует Сент-Винсента и Дени-Монфора, критикует Буффона и соглашается с Ламарком.

Вступление бесподобно, захватывающе:

"В сравнении со спрутом гидры античных миров вызывают улыбку.

Порою невольно приходишь к мысли: неуловимое, реющее в наших сновидениях, встречается в области возможного с магнитами, к которым притягивается, и тогда оно

приобретает очертания,- вот эти сгустки сна и становятся живыми существами. Неведомому дано творить чудеса, и оно пользуется этим, чтобы создавать чудовищ. Орфей, Гомер и Гесиод смогли создать лишь химеру; Бог сотворил спрута.

Если Богу угодно, он даже гнусное доводит до совершенства.

Вопрос о причине этого его желания повергает в ужас религиозного мыслителя.

Если есть идеал во всем, если цель - создать идеал ужасающего, то спрут шедевр".

Если вы еще не загипнотизированы, следует длинное нагромождение предложений, долженствующих показать огромную эрудицию автора в области зоологии, в действительности открывающих его полное незнание анатомии осьминогов. Вот несколько подобных образцов:

"...кобра издает свист, спрут нем... у ревуна цепкий хвост, у спрута хвоста нет... у вампира когтистые крылья, у спрута крыльев нет... у ската электрический разряд, у спрута электрического разряда нет... у гадюки есть яд, у спрута яда нет; у агнятника есть клюв, у спрута клюва нет и т. п."

Если Гюго не знает, что у спрута есть яд, то можно только сожалеть: этот факт был экспериментально установлен еще в XVIII веке. Уже давно никого не удивляло, что осьминог может побеждать врагов, размеры которых во много раз превышают собственные, более сильных и лучше вооруженных. Однажды смотритель неаполитанского аквариума Ло Бьянко с удивлением наблюдал, как осьминог на расстоянии парализует крабов и лангустов, помещенных с ним в одну ванну. Не гипнотизирует ли моллюск своих жертв? Это объяснение, конечно, могло бы соблазнить романтический ум, но не удовлетворить ученого. В том же аквариуме Краусс и Бальони нашли ключ к решению этой тайны. После тщательных наблюдений было выяснено, что, нападая на свою жертву, осьминог начинал всегда с того, что подтягивал ее ко рту на некоторое расстояние, как гурман, вдыхающий запах изысканного блюда. Если в этот момент отобрать у него добычу, жертва все равно через некоторое время погибнет, не имея никаких видимых повреждений. Очевидно, она была отравлена! Заинтригованный Краусс выделил вещество из слюнных желез на языке осьминога и без труда выяснил, что оно обладает ядовитыми свойствами. Помещенная в воду аквариума, слюна парализовала всех животных, которые там находились; введенная кролику, она убила и его.

Жертва осьминога-младенца

Сегодня известно, что яд некоторых видов осьминогов опасен даже для человека. В 1947 году Дону Симпсону, отлавливавшему живых осьминогов для Стэнфордского аквариума в Сан-Франциско, пришла в голову роковая идея сфотографироваться с детенышем моллюска вида *Paroctopus apollyon* в руках. Маленький демон, пока его похититель принимал позы перед аппаратом, укусил его за руку. Рана начала обильно кровоточить. Через несколько минут Симпсон почувствовал сильное жжение, а к ночи рука распухла так, что невозможно было двигать пальцами. Опухоль спала только через месяц.

В другом случае человек, который ловил осьминогов возле коралловых островов на Гавайях, был укушен в ладонь одним из своих пленников. Потом два дня он не мог встать с постели. Кожа воспалилась и горела вокруг двух маленьких дырочек, обозначавших место прикосновения острого клюва головоногого.

Брюс Хальстед и Стилман Берри провели в США тщательное изучение шести подобных случаев. Вот их выводы:

"Симптомы выражаются в острой боли в самый момент укуса (описываемой как укус пчелы), чувстве жжения, "дергающей" боли, покраснении кожи, опухании места укуса и в некоторых случаях неестественно обильном кровотечении. Симптомы варьируют в зависимости от размеров и вида моллюска и от количества яда, попавшего в рану. Укус осьминога похож на легкий укол и кажется относительно неопасным, когда его наносят небольшие особи, с которыми обычно имеет дело человек".

Но не всегда так легко заканчивается дело. 18 сентября 1954 года один молодой подводный охотник, по имени Кирк Холланд, занимался своим любимым делом у побережья Австралии, недалеко от Дарвина. С ним был его друг Джон Бейли. Уже возвращаясь на берег, Джон заметил "голубого осьминога" 15 сантиметров в диаметре, плававшего рядом с ним. Ловко поймав его, он пустил пленника ползать по своим плечам и рукам. Затем ради шутки он бросил моллюска на спину своему другу. Животное прилепилось на несколько мгновений к спине человека у основания шеи, а затем упало в воду. Уже на берегу Холланд стал жаловаться на сухость во рту и боль в горле при глотании. Он ничего не говорил об укусе, но Джон заметил небольшую капельку крови, выступившую в том месте, где осьминог сидел на спине. Вскоре у молодого человека началась рвота и головокружение, он упал на песок в пространии. Байли поспешил отвезти его на машине в госпиталь Дарвина. В пути Кирк потерял сознание. На пороге больницы он уже посинел и перестал дышать. Несмотря на вмешательство врачей, через два часа после укуса Холланд умер.

Должен сказать, что осьминоги наших морей обычно не кусаются, если человек берет их в руки. А, насколько я знаю, даже если это происходит, укус не очень ядовит.

Омерзительная анатомия

Когда Виктор Гюго утверждает, что у осьминога нет клюва, он совершает гораздо более грубую ошибку, чем когда отказывает ему в ядовитости. И этому нет ни малейшего извинения. Достаточно прогуляться на рыбный рынок, чтобы убедиться в обратном.

Все головоногие имеют в месте, где сходятся их руки-ноги, изогнутый, как у попугая, только вверх, клюв. Это острое и мощное оружие, способное легко кромсать кожу врагов, превращая ее в лохмотья, и даже раздавливать твердые панцири ракообразных. В спокойном состоянии клюв скрыт в складках тела и почти незаметен, но от этого он никуда не исчезает.

Наш писатель к тому же имеет особое мнение о манере питания осьминогов. По Гюго, они просто высасывают кровь из своих жертв с помощью присосок!

"Нет тисков, равных по силе объятиям осьминога.

На вас нападает пневматический насос. Вы имеете дело с пустотой, вооруженной щупальцами. Ни вонзающихся когтей, ни вонзающихся клыков; одно лишь невыразимое ощущение рассекаемой кожи. Укус страшен, но не так, как высасывание. Коготь - ничто по сравнению с присоской. Коготь - это зверь, врывающийся в ваше тело; присоска - это вы сами входите в зверя. Ваши мускулы вздуваются, ваши жилы скручиваются, кожа лопается под мерзкими присосками; кровь брызжет и смешивается с отвратительной лимфой моллюска. Эта тварь проникает к вам тысячью гнусных ртов; гидра врастает в человека; человек сливается с гидрой. Вы становитесь одним целым. Этот кошмар проникает в вас. Тигр может вас только сожрать; спрут - о, ужас! - высасывает вас. Он вас притягивает к себе, втягивает в себя, и вы, связанный, склеенный этой живой слизью, беспомощный, - вы чувствуете, как медленно переливаетесь в этот страшный мешок.

Ужасно быть съеденным заживо, но невыразимо ужаснее - быть заживо выпитым".

Кроме этих тысяч сосущих ртов, Гюго наделяет своего спрута еще одним, но каким! Он еще более "омерзительный", чем тысяча других:

"В центре чудовища зияло единственное отверстие. Что это - пасть? А может быть, анус? И то и другое! Одно и то же отверстие выполняет две функции, входа и выхода".

У бедного монстра должно было быть довольно смрадное дыхание.

В действительности у всех моллюсков, в том числе и головоногих, только не литературных, а реальных, анальное отверстие всегда явно отделено от ротового. И этот факт был известен еще Аристотелю. Так, у осьминогов ротовое отверстие

расположено в месте, где сходятся его щупальца, а анальное - открывается под "мантию". Между мантией и телом образуется полость, нечто вроде мешка, сообщающаяся с внешней средой через поперечную щель. С другой стороны, эта полость открывается наружу сифоном, называемым еще "соплом". Ниже станет понятно почему.

Вода свободно проникает в этот мешок через поперечную щель и омывает выходящие туда же жабры, питая их кислородом. Эта циркуляция воды используется осьминогом не только для дыхания. Когда ему надоедает ползать по дну и появляется желание свободно поплавать, моллюск плотно прижимает мантию к телу, закрывая поперечную, щель, а затем резким сокращением мышц тела выталкивает воду через сифон-сопло. Так как сифон направлен туда же, куда и ноги, осьминог получает импульс движения назад. Повторяя этот цикл, он и двигается как бы скачками, с помощью настоящего реактивного двигателя. Если ему понадобится двигаться вперед щупальцами, например чтобы схватить добычу, он направляет "сопло" назад. Но, по правде говоря, это происходит лишь в исключительных случаях. Однако существует один очень редкий вид осьминогов амбрелла (*Opisto-teuthis*), у которого сопло обычно направлено именно назад. Это единственный головоногий, для которого плавание вперед является совершенно нормальным состоянием.

Продукты выделения, попадающие в полость под мантию, также вымываются наружу через сифон. А измышления Виктора Гюго по этому поводу являются чистой воды клеветой.

Битва Жильята со спрутом

Я уже говорил, что тело осьминога похоже на мешок. Следует уточнить, что оно состоит как бы из двух частей, очень неравных размеров. Одна часть, большая, - это собственно тело, другая - мантия. В туловище располагаются основные жизненно важные органы: печень, почки, сложная система кровообращения с сердцем, венами и артериями, половые железы, жабры. Последние можно увидеть, вывернув "наизнанку" мантию. Кстати, именно так поступают рыбаки, когда хотят лишить осьминога сил: очевидно, прямое действие атмосферного воздуха приводит к удушью и к более или менее скорой смерти.

Впрочем, вернемся к описанию спрута в романе Гюго:

"У него нет ни костей, ни крови, ни плоти. Он дряблый. Он полый. Это лишь оболочка.. Его восемь щупалец можно вывернуть наизнанку, как пальцы перчатки".

У читателя может возникнуть вопрос, что же за удовольствие получают гурманы, если до небес превозносят кулинарные прелести этой пустоты? Бог мой, внезапно осеняет читателя. Да наверное, спрут, с которым столкнулся Жильят в таинственной пещере, не что иное, как резиновая надувная игрушка, наподобие тех, что продают на базарах для забавы детишек во время купания. И читатель успокаивается, понимая, что отважный нормандский рыбак справится с этим "монстром" одним уколom булавки...

Ан нет! Мы становимся свидетелями настоящего сражения. Наш герой, находясь по пояс в воде, оказывается вдруг в крепких объятиях пневматического монстра, пять щупалец которого, с пятьюдесятью присосками каждое, душат его, сжимают, лишая свободы движений. На самом деле у осьминога на каждой руке около 240 присосок, то есть всего почти две тысячи. Спрут из "Тружеников", очевидно, какой-то особенный экземпляр!

"В тело Жильята впивались двести пятьдесят присосок. Его охватило чувство ужаса и отвращения. Быть стиснутым в исполинском кулаке и ощущать, как эластичные, гибкие пальцы, длиной метр каждый, сплошь покрытые живыми пузырьками, впиваются в вашу плоть..."

Что делать? У Жильята в руке нож, но может ли это оружие помочь ему чем-нибудь?

"Он бьет ножом по щупальцам спрута. Но стальное лезвие лишь скользит по

поверхности. К тому же их петли прилегают к телу так плотно, что, разрезая их, вы режете по своему телу".

Как видно из процитированного отрывка, осьминоги во времена Гюго не были такими мягкими, как в наши дни. К счастью, узнаем мы с облегчением, у спрута все же было слабое место, которое было известно Жильяту. Мы узнаем, что главное - дождаться нужного момента - "мгновения, когда спрут вытянет вперед голову. Один краткий миг. Кто упустит его, тот погиб". Человеку надо поймать его и тогда...

"Это как схватка двух молний.

Жильят погрузил клинок своего ножа в "липкий плоский ком слизи и одним круговым движением - так свивается бич при ударе - очертил им оба глаза. Он вырвал голову, как вырывают зуб".

Не знаю, откуда у Виктора Гюго появился секрет этого впечатляющего "приема", но я бы посоветовал тем, кто окажется в положении бедняги Жильята, не терять времени зря на его применение на практике. Лучше воспользоваться менее сложной техникой борьбы. Если верить известному специалисту по морской фауне Е. Буланже, "достаточно сильно сжать тело осьминога между головой и туловищем", чтобы он ослабил хватку. Правда, я сомневаюсь, что это всегда удастся. Надежнее просто вонзить нож между глаз твари. В этом случае будет поражен мозг и наступит мгновенная смерть и, следовательно, освобождение. Не имея острого предмета, можно, как это иногда делают полинезийские ныряльщики, укусить его со всей силы в то же место. Подобное действие, конечно, может показаться отвратительным, но в критической для жизни ситуации не время поддаваться чувству брезгливости. Должен предупредить, что этот прием не так уж прост в исполнении. Однажды, не имея никакого оружия под рукой, я попытался таким способом лишить жизни одного осьминога, 1,5 метра в диаметре, которого охотник бросил на берегу. Хотя у меня были свободными обе руки, чтобы держать бедное животное, а он был израненным и обессиленным, мне потребовалось почти десять минут, чтобы добраться зубами до мозговой оболочки, ускользавшей от моих укусов в липкой, вязкой массе головы.

Источники информации Гюго

Мы имеем право спросить, где же Виктор Гюго мог получить свои знания об анатомии осьминогов и их поведении.

В то время, когда писались "Труженики моря" - роман был опубликован в 1866 году, - в распоряжении писателя могло быть множество блистательных научных работ о головоногих. Даже не обращаясь к работам узких специалистов, папаша Гюго мог бы с большой пользой для себя заглянуть в "Энциклопедию естественной истории" доктора Шену, том, посвященный моллюскам (1858), или перелистать научно-популярный труд "Мир моря", вышедший в 1865 году, как раз в момент написания "Тружеников моря".

Но многим авторитетным работам Виктор Гюго, по-видимому, предпочел другой источник, немного странный, на мой взгляд, для этого случая. Это книга Жюль Мишле, профессора Коллеж де Франс, поменявшего вдруг столбовую дорогу истории Франции на извилистые тропинки естественных наук. В результате этого приключения историка на свет появились несколько книг, которые можно охарактеризовать в лучшем случае как забавные. Именно в одной из них, "Море" (1861), Виктор Гюго и почерпнул, вероятно, основные сведения о спрутах.

Для сомневающихся приведу небольшой отрывок, в котором можно узнать источники вдохновения великого писателя.

"Долгое время считалось, что медузы и моллюски - довольно безобидные и миролюбивые создания, почти как дети. И человек с ними жил в мире и согласии. Никакой агрессивности, злобности. Их маленькие души вроде бы стремились к свету, как к тому, что льется с неба, так и к тому, который дарит любовь.

Но теперь я вынужден окунуться в другой мир. Мир войны и смерти".

Мир, так разительно отличающийся от мира мидий и улиток, - это мир, вы уже

догадались, врага номер один человека в море - осьминога, которого автор предпочитает называть "сосальщиком":

"Сосальщик, воюя с моллюсками, сам остается моллюском, то есть вечным эмбрионом. Его можно было бы назвать странным, забавным, карикатурным, если бы он не был так ужасен. Эмбрион, отправившийся на войну, - злобный, безжалостный зародыш, мягкое, полупрозрачное, но сильное тело которого излучает ненависть и дышит смертью. Он убивает не только для того, чтобы добыть себе пропитание. Он жаждет разрушения. Даже сытый, он продолжает убивать".

Только эта репутация убийцы, словно сошедшая со страниц черных романов Джеймса Хадли Чейза, могла заставить Гюго предположить, что спрут - это "сам Сатана", "ужасный сфинкс, несущий ужасную загадку. Загадку Зла".

Борьба науки с писателем

Не удовлетворившись наделением спрута причудливой анатомией, совершенно невозможным с биологической точки зрения строением, Гюго еще и осыпает его, по примеру Мишле, самыми последними оскорблениями. Он обзывает несчастное животное злым, коварным, предателем, затем, более изысканно, "каплей клея, замешанной на ненависти", "проклятым созданием" и "болезнью, доведенной до чудовищности".

Можно было бы быть и повежливее. Считаю, что справедливо, сразу после выхода в свет "Тружеников моря" в 1866 году, знаменитый малаколог (специалист по головоногим) того времени Генри Кросс выступил на защиту бедных, несправедливо опороченных головоногих и в свою очередь выдвинул несколько претензий месяце Гюго, но в гораздо более вежливой форме.

Указав сразу на некоторые самые очевидные глупости, ученый подробно разобрал содержание, как он выразился, "любопытной главы".

"Не хватало еще этим несчастным животным потерять репутацию и доброе имя по вине современной художественной литературы!" - справедливо негодует Кросс против заполонения, достойного сожаления, науки литераторами, ей абсолютно чуждыми, которые могут о ней судить "как слепой о цветах". Грубейшие ошибки с их стороны тем более опасны, когда выходят из-под пера выдающихся писателей, масштаба Виктора Гюго.

Прошли годы, и опасения Кросса полностью подтвердились. За исключением специалистов, кто знает работы самых выдающихся малакологов? Кто в наши дни еще читает Кювье или Оуэна? Но еще со школьной скамьи все, затаив дыхание, следят за незабываемой битвой Жильята с гуттаперчевым спрутом, которым овладел дьявол.

Перефразируя того же Гюго, можно сказать, что "бредни в форме шедевра" торжествуют на каждой строчке.

Спрут менее агрессивен, чем тыква?

Столетие легионы романистов, журналистов и кинематографистов черпали вдохновение из бессмертных страниц "Тружеников моря", окончательно разрушая репутацию осьминога. Правды ради надо сказать, что задолго до Гюго спрут не считался таким уж мирным существом. Еще Плиний говорил, что для пловца или ныряльщика нет смерти ужаснее, чем в объятиях спрута. В эпоху Возрождения Рондоле также считал, что щупальца спрута способны привести человека к смерти быстрее всех остальных подводных обитателей. И Кювье, пожалуй успешнее всех развенчивавший, легенды и мифы, безропотно соглашался с подобным утверждением и повторял вслед за другими, что восемь страшных рук спрута представляют опасность не только для животных, но и для человека.

Как видно, человека рассматривали лишь как одну из жертв, среди множества других, кровожадного моллюска. Рассказывали, как осьминог схватил и утащил под воду орла. Утверждали, что спрут способен победить, если представится случай, самого льва. Но Гюго первым из писателей превратил осьминога в существо, снедаемое особой

ненавистью именно к человеческому роду и озабоченного только одним: как удовлетворить этот убийственный инстинкт. Он представил его почти родовым врагом человека. Отныне, спускаясь в царство Нептуна, человек должен был обязательно выдержать бой с этим неумолимым стражем глубин.

Реакция на такое преувеличение была, как и следовало ожидать, также преувеличенной. Так, американский специалист по осьминогам профессор университета в Майами Стефан Риге Уильямс любил говорить, что крестьянин на своем поле рискует больше при встрече с тыквой, чем ныряльщик - с осьминогом". Этот каламбур и сейчас выражает очень распространенное мнение по этому вопросу. В своей работе "История глупостей в естествознании" профессор Берген Эванс предоставил место и рассказам об агрессивности спрутов. По его мнению, "спрут одно из самых безобидных для человека созданий".

Если посмотреть на осьминога со стороны, он действительно кажется существом застенчивым, даже пугливым. Его мягкое голое тело придает ему уязвимый вид, - становится понятно, что при приближении врага ему чаще всего приходится спасаться бегством, прячась в расщелинах скал и под камнями. Все в нем выдает желание скрыться, стать незаметным. Искусство маскировки доведено у него до совершенства. Ловкость и скорость, с которыми он меняет цвет и окраску своего тела, намного выше, чем у знаменитого хамелеона. А если этого недостаточно, осьминог в случае крайней опасности может стать почти прозрачным и вдобавок выбросить из сифона чернильное облако.

Долгое время считалось, что этот маневр имеет целью только ослепить на некоторое время врага и дать возможность осьминогу скрыться, или, как утверждали раньше, напасть на жертву, - буквально половить рыбку в мутной воде. Некоторые головоногие, живущие на больших глубинах, куда не проникает солнечный свет, выбрасывают фосфоресцирующее облако, свечение которого ослепляет противника с не меньшей эффективностью, чем чернила.

Но, похоже, чернильное облако осьминогов и его собратьев играет и другую роль, возможно даже более важную. Это экспериментально установил директор морской станции в Калифорнии Мак-Джиниси. Он поместил в один аквариум осьминога и мурену, острые зубы и кровожадность которой хорошо известны. Сначала мурена жадно бросилась на поиски осьминога, желая, по-видимому, побыстрее свести с ним счеты. Перед смертельной опасностью несчастный моллюск перебрал буквально все цвета радуги. Когда противники наконец оказались нос к носу на расстоянии полуметра, испуганный до смерти осьминог выбросил чернильное облако и в аквариуме наступила ночь. До сих пор все шло как обычно. Но мало-помалу черное облако рассеялось и оказалось, что мурена перестала замечать присутствие осьминога: она его больше не узнавала, даже когда он почти касался ее носа. Ее обоняние было парализовано и оставалось в таком состоянии час или два!

Следовательно, чернильное облако не только оптический защитный экран, но и нечто вроде химической бомбы.

Таким образом, вооруженный разнообразными средствами маскировки осьминог, похоже, прежде всего готовится к обороне, что на первый взгляд не согласуется с его репутацией агрессора.

Неужели наш бука оказался трусом? Во всяком случае, в своей классической работе "Моллюски Средиземного моря" (1851) Жан-Батист Верани не скрывал презрения к этому наводившему на моряков страх монстру:

"Неприятное чувство от прикосновения присосок к телу, змееподобные движения щупалец и уродливый вид вызвали преувеличенное представление о вредности спрута. На самом деле он глуп и не способен причинить ни малейшего вреда".

Поворот на 180 градусов! В 1879 году профессор Эдиссон Берилл из университета в Коннектикуте так сформулировал современное представление ученого мира о

характере осьминога: "Нет никаких доказательств, что какой-нибудь из видов осьминогов по своей инициативе нападал на человека или кто-нибудь был серьезно ранен им. Это существа, скорее, апатичные и скрытные, чаще прячущиеся в расщелинах скал и под камнями. Их основной пищей являются двустворчатые моллюски и, если повезет, рыба. Не брезгают они, по примеру крабов и омаров, и падалью. Их сила и злобность сильно преувеличены".

В более близкие к нам времена Е. Буланже все же допускал, что осьминоги могут представлять некоторую опасность для человека, если произойдет встреча с достаточно крупным экземпляром, но, уточнял он, "опасность эта, скорее, психологического характера, от самого вида этого омерзительного существа и от его липких прикосновений".

В наши дни многие любители подводного плавания, привыкшие к встречам с этими морскими животными, заходят еще дальше: они играют с ними. Если верить их рассказам, это существа "добрые и забавные", а общение с человеком доставляет им удовольствие.

Вот уже "рыба-дьявол", "капля клея, замешанная на ненависти" приобретает почти ангельский вид, чуть ли не нимб светится вокруг его головы.

Входим ли мы в меню осьминога?

Действительно ли можно теперь утверждать, что все рассказы о его агрессивности, о нападениях на человека есть только плод воображения? По-моему, слишком рано делать такой вывод. В книге "Животные легенд" доктор Морис Бартон из Британского музея показывает, что сюжеты многих легенд и сказок имеют вполне реальные корни. Характеры и поведение мифических животных, такие невероятные, что ученые отказываются в них верить, могут быть вполне реальными, но относиться к проявлениям исключительным или крайне редко встречающимся. Мне было бы легче доказывать реальность случаев проявления агрессивности осьминогов, если бы их поведение базировалось на естественных склонностях этого животного.

Тот, кто долго жил на берегу моря в районе, где много осьминогов, мог бы вспомнить множество случаев нападения этих моллюсков на человека без, казалось бы, видимых причин. Преподобный Уильям Уайт Джилл смог в прошлом веке собрать множество подобных свидетельств за время своего двадцатилетнего пребывания в Полинезии. "В Европе, - писал он, - считают, что осьминоги никогда не нападают на человека. Но ни один полинезиец не сомневается в обратном. Никто из них никогда не отправится на охоту за осьминогами в одиночку, без верного товарища, способного прийти на помощь в критической ситуации". Сам Тур Хейердал был однажды схвачен за щиколотку небольшим осьминогом, 90 см в поперечнике, почти у конечного пункта своего путешествия на "Кон-Тики".

Не надо ехать на другой край земли, чтобы найти подобные примеры. На сцене Средиземного моря постоянно разыгрываются спектакли с неспровоцированным нападением осьминогов на человека. Недавно я сам стал свидетелем такого происшествия. На глазах оцепеневшей в ошеломлении, а может, просто от любопытства - так как случай, скорее, банальный - публики на пляже один из купающихся вышел из воды с полуметровым осьминогом на ноге.

Если эти происшествия не оставляют никаких следов, даже в виде газетных сообщений, то только потому, что не имеют никаких серьезных последствий. Происходит почти одно и то же. Купальщик или даже просто человек, сидящий на камне у берега, опустив ноги в воду, вдруг чувствует на своей лодыжке прикосновение щупальца осьминога. Иногда воспоминания об этом приключении заставляют содрогаться еще долгие годы спустя. Но сама "драма" в большинстве случаев очень скоротечна. Достаточно резко вынуть ногу из воды, чтобы моллюск отпустил добычу. Не будем забывать, что это морские животные, они не могут долго оставаться вне естественной для них среды обитания и предпочитают - кто их в этом упрекнет? -

бегство удушью...

В чем же дело? Может быть, эти твари таким образом пытаются пригласить человека поиграть? Принимают ноги его за игрушку? Но истина в другом.

Осьминог по своей природе, бесспорно, хищник, следовательно, охотник. Чаще всего он поджидает свою добычу в засаде, спрятавшись в скальной расщелине, и хватается ее, когда она проплывает мимо. Если жертва вне прямой досягаемости или достаточно крупная, он бросается на нее, широко расставив щупальца, и ловит ее в сети, усеянные присосками. Значит, опять получается, что спруты маскируются не столько для того, чтобы прятаться от врагов, сколько для удобства нападения на них. Все, что проплывает мимо его логова, может стать объектом атаки. Я сам много раз экспериментировал во время подводного плавания: достаточно пошевелить пальцами перед щелью в скале, где прячется осьминог, как оттуда появляются щупальца и пытаются схватить руку. Что еще не говорит о том, что любимой добычей спрутов является человек. Приманкой может служить любой светлый объект: осьминог инстинктивно реагирует на подобный раздражитель.

Рыбаки мне рассказывали, что они для охоты на осьминогов в качестве приманки используют оливковую ветку. Но никто никогда не слышал, чтобы среди осьминогов встречались вегетарианцы. Просто листья оливкового дерева снизу имеют светлый оттенок, как тело у многих рыб. Об этом приеме ловли осьминогов можно узнать еще из литературных источников II - III веков до нашей эры. Зрение у осьминога сложное, приближается к зрению млекопитающих и является, бесспорно, главным органом чувств. Не удивительно, что оптическая иллюзия может ввести его в заблуждение. В общем, осьминоги питают к человеческому роду кровожадных чувств не больше, чем к ветке дерева, с которой они не знают, что и делать. Но и не меньше. Держу пари, что, если вдруг небольшому осьминогу наших морей во время охоты повезет случайно поймать за ногу человека, он будет так же напуган, как рыбак с парижской набережной, если на его удочку клюнет голубая акула.

Спрут - жертва своей природной агрессивности

Педантам, любителям не оставлять ничего неясного, может прийти в голову законная мысль: а если спрут, этот прирожденный охотник, окажется достаточно крупным и прочно ухватится за подводные камни, удастся ли человеку поднять ногу из воды? Не сможет ли моллюск искромсать его кожу своим клювом? В принципе сможет. Но пусть это не пугает любителей морских ножных ванн. Те осьминоги, которые добираются до самого берега, в основном небольших размеров и не превосходят тех, что продаются на рыбных рынках Марселя, то есть с ладонь, в крайнем случае с пол руки. Его легко можно стряхнуть при первом прикосновении. А из-за центрального расположения рта осьминог может укунить свою жертву, только если обхватит ее всеми восемью руками.

Для человека может появиться реальная опасность, если во время плавания под водой крупный осьминог схватит его за ногу или за руку и пловец не сможет быстро освободиться. Честно говоря, в этом случае осьминог не обязательно должен быть очень уж впечатляющих размеров. Сила удержания его присосок - а их в общей сложности около двух тысяч - огромна. Хорошо зацепившийся за скалу осьминог размером не больше головы младенца может с успехом задержать пловца под водой и поставить его жизнь под серьезную угрозу.

Американский биолог Дж. Паркер измерил силу удержания присосок калифорнийского осьминога вида *Octopus bimaculatus*. Оказалось, что для того, чтобы оторвать от камня присоску диаметром 2,5 миллиметра, требуется усилие 60 грамм, а диаметром 6 миллиметров - 170 грамм. Расчет показывает, что осьминог всего 1,5 метров в поперечнике, удерживается на камне с силой 250 килограмм. Следовательно, если такой экземпляр, уцепившийся за скалу только пятой частью своих присосок, ухватится за вашу ногу, то на ней как будто повиснет гиря в 50 кг! Это уже серьезно.

Какие же шансы у человека быть схваченным осьминогом? Они, надо прямо сказать, ничтожны. Для того чтобы это произошло, надо довольно долго размахивать рукой перед расщелиной, в которой затаился моллюск. Осьминог хитрая и недоверчивая бестия и не сразу бросается на приманку. А подводный пловец редко долго остается на одном месте. Исключение составляют собиратели жемчуга - они чаще всего и становятся жертвами нападения. Но им это известно, поэтому они осторожны, а значит, вооружены.

Конечно, бывают глупые, исключительные по обстоятельствам случаи. Об одном из них нам поведал майор сэр Гренвиль Тампл в своих записках "Путешествие по Средиземному морю, от Алжира до Туниса" (1835). Возможно, это единственное достойное доверия свидетельство о нападении спрута на человека с трагическим исходом.

"Один капитан с Сардинии, купавшийся у берега, вдруг почувствовал, что его схватил за ногу осьминог. Пытаясь освободиться, он уперся в щупальце второй ногой, которая также оказалась в плену. Человек пустил в ход руки, и они в свою очередь были опутаны одна за другой моллюском. Когда через некоторое время капитана нашли, он уже был мертв, захлебнулся, руки и ноги его все еще были опутаны щупальцами "рыбы".

Что удивительно, трагедия произошла в месте, где глубина едва достигала 1,2 метра".

Правда, удивляет такое подробное описание события - ведь не было рядом ни одного свидетеля! Вероятно, детали были домыслены по положению тела несчастного. Случай действительно один из самых правдоподобных. Напомним, что жертвой был моряк, вероятно не умеющим плавать, как и большинство его коллег. К тому же, боясь опустить голову в воду, он, без сомнения, боролся вслепую. А если ноги связаны и человек теряет равновесие, достаточно глубины в несколько десятков сантиметров, чтобы захлебнуться. Люди тонут и в ваннах! И все же подобные происшествия так же маловероятны, как смерть от удара молнии или от падения на голову метеорита.

Для того чтобы быть схваченным спрутом, надо очень захотеть, надо еще поискать эту ситуацию. Именно этим занимаются рыбаки в большинстве стран: они провоцируют природную агрессивность осьминогов, а затем берут их голыми руками, когда те покинут свои убежища. Надо ли говорить, что это занятие требует особых навыков, особой ловкости рук и большого хладнокровия. Если попробовать просто схватить осьминога, он выскользнет из пальцев, как угорь. Надо дать ему поймать руку, а не руками ловить его! А когда осьминог крепко ухватится за руку, охотник резко выдергивает его из воды и другой рукой выворачивает его мантию, выставя жабры на воздух. Это занятие становится совсем небезопасным, если спрут оказывается достаточно крупным.

Охота на осьминога с человеческой приманкой

Можно только восхищаться исключительным мужеством охотников за осьминогами тихоокеанских островов. Они без колебаний позволяют осьминогам до 3 метров в поперечнике хватать себя на глубине 2-4 метров. Об этом способе охоты нам рассказывает сэр Артур Гримбл, губернатор Сейшельских островов в 1914-1915 годах. Он показывает, как "непобедимое упорство", с которым спрут вцепляется в свою добычу, и "губит животное, когда на сцене появляется человек".

"Охота проводится вдвоем. Один человек служит приманкой, второй убивает добычу. Нырлящик-приманка подплывает к расщелине, где прячется осьминог, и старается привлечь его внимание, некоторое время держась вне пределов досягаемости его щупалец. Затем он направляется прямо в его объятия. Иногда ничего не происходит. Спрут не всегда попадает в ловушку. Но чаще всего уловка срабатывает. Второй охотник в это время стоит на скале и сквозь прозрачную воду наблюдает за происходящим. Он ждет мгновения, когда спрут начнет подтягивать к себе его

товарища и попытается укусить его своим клювом. В этот момент моллюск уже ничего не видит вокруг. Тогда второй ныряльщик прыгает в воду, хватая первого за руку и резко тянет к себе. Осьминог, почти всеми щупальцами вцепившийся в человека - только два или три удерживают его у скалы,- отрывается от своего убежища. В тот же момент человек-приманка, помогая себе ногами, поднимается на поверхность. Вторым охотник хватая моллюска сзади, переворачивает его и вонзает зубы между глаз. Спрут в тот же момент погибает. Щупальца опадают и отпускают свою добычу. Охотники с радостными воплями волокут трофей к лодке и возвращаются на поиски следующего".

Несчастный сэр Артур, проявивший горячий интерес к этому любопытному способу охоты, был вынужден, чтобы не потерять свой престиж среди аборигенов, согласиться самому послужить живой приманкой.

"Человек-приманка, - наставляли его ныряльщики перед охотой, - не должен забывать постоянно защищать глаза руками, а то "кика" (спрут) может своими присосками лишить его зрения".

"Я потом понял,- пишет Гримбл,- что само зрение тут ни при чем. Но если присоска попадает на глаза, то от невыносимой боли человек может закричать и наглотаться воды, тем самым усложнив выполнение задачи своему товарищу".

Из взволнованного рассказа сэра Артура мы узнаем об ужасных ощущениях, которые испытывает человек в объятиях спрута. О чувстве полной беспомощности и паралича. Один человек, без сомнения, был бы неспособен вывернуться из подобного положения.

Водолазы подвергаются наибольшему риску

Для водолазов, привязанных к одному месту работой, опасность быть схваченными крупным или даже очень крупным спрутом, пожалуй, наибольшая. Для этого, правда, ему надо оказаться прямо у входа в логовище одного из этих демонов подводного царства. Но водолазы чаще всего работают у корпусов затонувших кораблей, где осьминоги находят для себя комфортабельное обиталище.

Ходит множество историй о случаях неспровоцированного нападения спрутов на водолазов. Хотя трудно проверить истинность каждой, но это не означает, что все они или все в них выдуманно. Одно из двух: или подвергшийся нападению водолаз поднимается на поверхность живым и невредимым после своего приключения и всегда можно поставить под сомнение правдивость его слов, или он остается пленником монстра на дне, и тогда никто не знает истинной причины его смерти. Следовательно, достойным доверия могут считаться случаи, когда жертва нападения приносит вещественные улики: то ли кусок щупальца, то ли всего спрута целиком. Такой пример и приводит известный американский малаколог Джордж Вашингтон Трайон, известный скептик, в своем монументальном двадцатитомном труде о моллюсках:

"4 сентября 1879 года водолаз М. Дж. Смайл занимался расчисткой дна реки в австралийском штате Виктория. Спустившись в очередной раз на дно, чтобы зацепить трос за обломок скалы, он заметил камень больше других. Водолаз наклонился к нему и пощупал рукой, пытаясь оценить, можно ли заложить под него взрывчатку. "Едва я протянул руку, - рассказывал он, - как почувствовал, что меня кто-то схватил за нее. Я сразу не мог в мутной воде рассмотреть, что это. Но потом с ужасом увидел обвившееся вокруг руки толстое, как удав констриктор, щупальце спрута. В тот же момент я почувствовал сильную боль в том месте, где к моему телу прикоснулись несколько присосок. Руку как будто разрывали на части, и чем сильнее я пытался освободиться, тем сильнее была боль. Недалеко от меня лежал кусок железной трубы. Я трудом дотянулся до него, и началось сражение. Чем больше я бил эту тварь трубой, тем сильнее он сжимал свои объятия. Вскоре я перестал чувствовать руку. Наконец через некоторое время давление стало понемногу ослабевать, но осьминог еще долго не отпускал меня, пока я почти не перерубил щупальце. Он отцепился от скалы, и я смог его поднять на поверхность. Уверяю вас, я был на пределе сил. Наша битва

продолжалась почти двадцать минут". Если верить газетам, описавшим это происшествие, когда водолаз появился из воды и медленно перевалился через борт водолазного катера, "огромная, безобразная масса, казалось, опутала его с ног до головы. Матросам с трудом удалось освободить водолаза от его объятий. Тело осьминога было не больше суповой тарелки, но его девять (!) рук были каждая длиной около 4 футов (1,2 м) и толщиной с кулак человека у основания и как лезвие ножа на концах. Нижняя сторона щупалец была усеяна множеством присосок. Смайл утверждал, что сила присосок такова, что моллюск мог бы удержать на дне трех человек".

За исключением упоминания о девяти руках - это, возможно, ошибка репортера или, скорее всего, наборщика, - все детали этого рассказа вполне правдоподобны.

Размеры "монстра", скорее, средние; что касается его силы, то и она не кажется преувеличенной.

Из совсем недавних случаев, достойных доверия, можно привести свидетельство английского водолаза Генри Брюса и знаменитого шведского охотника за жемчугом Виктора Берга.

Первый подвергся нападению на глубине 12 метров, у Гибралтара, со стороны осьминога, устроившего себе гнездо в разорванном комбинезоне. Когда Брюс из любопытства поднял эту старую одежду, спрут, исполнив какую-то фантастическую пляску смерти, набросился на него. Водолаз освободился от него, только нанеся ему множество ударов ножом.

Что касается Берга, он был атакован без всякой провокации с его стороны осьминогом на глубине 36 метров, в проливе между островами Борнео и Цембо. Когда человек пустил в ход нож, спрут начал трясти его с такой силой, что он несколько раз сильно ударился головой о внутреннюю поверхность водолазного шлема. Уже в полубессознательном состоянии водолаз подал сигнал "SOS", четыре раза дернув за страховочный фал, что означало "Тяните со всей силой". Усилий трех человек не хватило, чтобы вырвать его из объятий спрута, крепко вцепившегося в скалу. И только выбрав покороче канат, с помощью волн, поднимавших корабль, им удалось его освободить!

Возможно, для некоторых ученых и не существует достаточных доказательств, что "осьминоги когда-нибудь неспровоцированно нападали на человека", но для профессиональных водолазов их собственного опыта и рассказов коллег вполне достаточно, чтобы принимать специальные меры предосторожности против этих "безобидных и застенчивых существ".

С целью самозащиты при работе в водах, где обитают осьминоги, водолазы берут с собой химический пистолет. Его выстрел выбрасывает струю кислоты, вдыхая которую спрут погибает.

Осьминогам не нравится играть с нами

Если легко поставить под сомнение утверждения ученых, которые в своих кабинетах не имеют возможности помериться силой со спрутами, то свидетельства любителей подводного плавания так легко не отбросить. Как же тогда соединить явные знаки симпатии последних к нашим моллюскам с более чем сдержанным отношением к ним водолазов?

Это расхождение в мнениях можно объяснить, по-моему, единством места "обитания" водолазов и осьминогов, что превращает их в естественных врагов-соперников.

Осьминог ведет придонный образ жизни, и водолазы работают обычно на дне. Аквалангист обычно плавает в толще воды, на дно опускается мимолетом и не предоставляет осьминогу возможностей схватить себя. Но профессиональные охотники за осьминогами не позволяют себе "заигрывать" с ними и когда встречаются их в свободном плавании, загарпунивая моллюска с безопасного расстояния. Хотя в

свободном плавании осьминог не чувствует себя в достаточной безопасности. Он не создан для длительного плавания с большой скоростью и быстро устает. Поэтому вдали от камней, за которые можно зацепиться, и скальных трещин, куда можно спрятаться, он думает только о бегстве. И если вам удалось догнать его, он будет лишь вяло реагировать на ваши прикосновения и "заигрывания". Ему совсем не нравится наше общество, просто он, бедняга, устал и обессилен!

Странное миролюбие осьминога в свободном плавании можно также объяснить тем, что на открытом пространстве он может правильно оценить размеры противника, чего не удастся сделать, сидя в глубине скальной расщелины. Зачем ему атаковать добычу огромных размеров? Животные никогда не убивают ради собственного удовольствия, как человек, но только для пропитания. И осьминог не охотится за тем, чего не может добыть. В общем, агрессивность или безобидность животного - понятия относительные, чаще всего зависящие от размеров и способностей к самозащите жертвы. Кто посмел бы обвинить в агрессивности крошечную землеройку? А между тем мало найдется на земле хищников беспощаднее и кровожаднее: она поглощает в день живой пищи в два раза больше собственного веса!

Опасность пропорциональна размерам противника

Вернемся к осьминогам. Если достаточно крупный экземпляр встретится с человеком в свободном плавании, будет ли он думать только о бегстве? Я сомневаюсь. Возможно, он нападет, особенно если почувствует угрозу для себя.

В фильме "Море вокруг нас" по книге Рейчел Карсон показана дуэль акулы с осьминогом. Сначала моллюск был очень осторожен и старался избежать конфликта, выпустив чернильное облако. Но, когда схватка все же началась, он дрался упорно и с ожесточением и в конце концов победил, буквально задушив акулу: он перекрыл ей щупальцами жаберные щели. Трудно предположить, что, такого же размера и к тому же находящаяся в родной стихии акула для осьминога противник менее страшный, чем человек.

Сомневаюсь и в том, что, оказавшись нос к носу с осьминогом значительных размеров, аквалангист вдохновится идеей поиграть с ним. Известно множество случаев подобных встреч. Так, один любитель подводной охоты рассказывал, как чуть не умер от страха, внезапно увидев уставившуюся на него пару ужасных глаз размером с мячик для пинг-понга. Недолго думая он пустился наутек. Если даже в некоторых обстоятельствах осьминог кажется беззащитным, следует постоянно помнить, что самое нежное создание может стать опасным, если оно напугано и потеряло голову от страха. Не зря говорят, что нет страшнее зверя, чем обезумевший баран.

Если бы Виктор Гюго не нарисовал нам совершенно фантастический портрет своего спрута и не стал судить животное по моральным критериям человека, то ничто не помешало бы нам рассматривать битву Жильята с одним из этих головоногих как вполне вероятное событие.

Поэтому я бы советовал любителям подводного плавания быть очень осторожными и слепо не доверять некоторым утверждениям, о которых еще горячо спорят специалисты зоологи.

Головоногие, по-моему, действительно могут представлять опасность для человека, если они имеют размеры, превосходящие наши. Вероятно, только у таких особей может появиться интерес напасть на человека с гастрономической целью, как это делают с крабами и лангустами их более мелкие собратья.

Но существуют ли такие монстры? Не являются ли они плодом разыгравшегося воображения писателей прошлого или современных журналистов? Не растут ли их размеры только в рассказах морских романтиков или водолазов - любителей приврать для красного словца?

До сих пор мы говорили об осьминогах, общая длина которых не превышает роста человека и весом максимум десяток килограммов. А есть ли более крупные? А

нет ли среди других головоногих экземпляров еще больших размеров? Это мы увидим в следующих главах, и нас ожидает множество сюрпризов.

Но перед тем следует бросить короткий взгляд на другой роман, значительно повлиявший на представления широкой публики о головоногих. По эффекту бумеранга на него со стороны ученых появились не менее утрированные встречные реакции. Я имею в виду "Двадцать тысяч лье под водой" Жюль Верна.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ ГОЛОВОНОГИХ

До сих пор Жюль Верн считается каким-то научным пророком. В действительности он был лишь непревзойденным детско-юношеским писателем, что тоже уже совсем неплохо и вполне достаточно для славы. Что касается его отношения к научной фантастике, то ее отцом, скорее, следует считать Герберта Уэллса, настоящего ученого, поставившего этот литературный жанр на достойное место.

Жюль Верн - лжеученый

Если обратиться к научной литературе, существовавшей в то время, когда Жюль Верн писал свои "необычайные путешествия", то станет очевидным, что писатель ничего своего не выдумал, а его видение будущего лишь наивная экстраполяция уже известного, причем почти всегда не реализуемая на практике.

Так, знаменитый "Наутилус" капитана Немо на самом деле только слепок подводной лодки "Плонжер", построенной в 1863 году и совершившей множество успешных погружений. Этот аппарат работал на сжатом воздухе, но уже чуть раньше в университете в Монпелье был построен макет лодки с электродвигателем. Само название "Наутилус" не было оригинальным. Его носил еще подводный аппарат американца Фултона, построенный в 1800 году. Фултон был идеалистом-утопистом: он верил, что может положить конец войнам, превратив их в невыносимые, ужасные предприятия с помощью своего подводного корабля. Очевидно, именно он и послужил прототипом благородного капитана.

Жюль Верн, конечно, много читал, но, не имея научного образования, никогда не умел правильно выбрать круг своего чтения, или, во всяком случае, он плохо усваивал прочитанное, не понимая сути. Не читайте Жюль Верна в зрелом возрасте, тем более если вы к тому времени получили уже какое-то образование. Вы будете разочарованы. Вы увидите, что за оглушающими псевдоучеными рассуждениями и кучей технических терминов скрывается пустота. Приложив немного усилий, можно найти источники его вдохновения и труды, из которых он переписывал длинные пассажи, мало что в них понимая. Послушайте, что он говорит устами профессора Аронакса, ведущего сотрудника Парижского музея естественной истории. Принимая в начале книги "Наутилус" за морское чудовище, этот "ученый" определяет его природу следующим образом: "Я верю в существование мощного млекопитающего, принадлежащего, как и киты, кашалоты или дельфины, к подтипу позвоночных".

Может быть, месье Аронакс знал млекопитающих, не принадлежащих к позвоночным? Или он считал, что из млекопитающих только китообразные относятся к позвоночным? Можно только посочувствовать музею, в котором служит профессор зоологии, выражающийся таким странным образом! Кроме того, этот господин с легкостью перекидывает имена авторов и природу животных. Он называет тюленей "великолепными китообразными", верит, что киты живут тысячу лет, знает музеи, где хранятся скелеты (!?) осьминогов и возлагает на инфузорий ответственность за возведение коралловых рифов. Ничто не может его удивить. Он с олимпийским спокойствием встречает в Японском море гигантскую саламандру, пресноводное животное. Он считает нормальным появление у Южного полюса пингвинов вместе с моржами, животными арктических морей; его меньше всего в мире удивляют живые трилобиты, в то время как его коллеги считают их вымершими еще 300 миллионов лет назад!

Меня лично больше всего удивил тот факт, что во время своего кругосветного

плавания в океанских глубинах профессор не встретил ни одного незнакомого ему живого существа, которому его ученый слуга не смог бы приклеить латинский ярлык. Даже в наши дни каждая океанографическая экспедиция, каждая серия зондирования океанских глубин приносит богатый улов неизвестных организмов. Но для нашего профессора зоологии в морском царстве тайн больше нет.

Кроме того, в книге есть знаменитый эпизод битвы капитана Немо и его людей с ордой гигантских восьмиметровых кальмаров. Тот факт, что такие гиганты существуют, был доказан в 1861 году капитаном авизо "Алектон" Буайером. Монстр получил научное название *Loligo bouyeri* (кальмар Буайера).

Со своей обычной небрежностью Жюль Верн не забывает исковеркать имя капитана, называя его Буге, но, что более серьезно, он упорно называет этот вид головоногих то кальмарами, то спрутами. Что за зоологический винегрет!

Сотни писателей и журналистов с тех пор по примеру писателя повторили ту же ошибку.

Нет, не возвращайтесь к любимым книгам вашей юности, если вы действительно любите Жюля Верна, этого волшебника, пробудившего у многих тягу к научным исследованиям. Так приятно верить в Жюля Верна - эрудита, универсального ученого-пророка.

Немного систематики

Головоногие, сыгравшие такую большую роль в приключенческой литературе, ставшие необходимым персонажем морских романов, занимают в научной литературе гораздо более скромное, почти незаметное место.

Головоногие как класс очень мало изучены: даже в работах ученых появляются серьезные ошибки. В распоряжении исследователей очень мало исходных данных. Им приходится изучать редкие экземпляры или даже отдельные фрагменты, найденные в желудках китов или акул. Большая часть головоногих живет на больших глубинах, а те, которые находятся в пределах досягаемости ловчих сетей, слишком быстры и умны, чтобы в них попадаться. Исследователям остается надеяться на его величество случай, лучшего друга коллекционера.

Биология этих существ почти не изучена, за исключением некоторых видов, живущих в прибрежных водах, поэтому суждения о них часто основаны на догадках и предположениях.

Чтобы любой читатель мог более или менее свободно ориентироваться в этом очень разнообразном мире и легко следить за перипетиями исследований гигантов этого семейства, я попытаюсь наметить основные линии систематики головоногих.

Во-первых, головоногие подразделяются на две главные группы по признаку не видимому со стороны: на четырехжаберных (*Tetrabranches*), у которых две пары жабер, и двужаберных (*Dibranches*), с одной парой. Так как этот признак неразличим у ископаемых - жабры не оставляют отпечатков, - это деление не принимается большинством специалистов и заменено соответственно на *Protocephalopodes* и *Metacephalopodes*.

Первые представлены в наше время одним видом - наутилусом, единственным головоногим, живущим в прекрасной спиральной раковине. Все остальные относятся ко вторым. Раковина у них сильно редуцирована и стала внутренней, вернее, скрытой под мантией. На первый взгляд есть раковина у самки аргонAUTA (*Argonauta*), но хрупкая полосатая скорлупка, в которой она живет, на самом деле только гнездо. Эти два вида очень далеки друг от друга. АргонAUTA похож на своих родственников, обыкновенных осьминогов: у него также восемь усеянных присосками ног. У наутилуса ног много больше, целая сотня, они короткие и гладкие, больше похожие на реснички анемона, чем на мощные щупальца других головоногих. По этой причине некоторые зоологи предпочитают различать их по другому признаку и называют *Tentaculiferes* (имеющие щупальца) и *Acetabuliferes* (имеющие присоски).

Головоногие с восемью и десятью ногами

Размеры наутилуса не превышают 30 сантиметров в диаметре, и он не попадает в зону нашего интереса.

Среди Dibranches или Acetabuliferes нам тоже будет легко ориентироваться, так как они делятся на три основные группы: осьминогов, кальмаров и каракатиц, которые хорошо известны. Они все иногда попадают в меню человека, во всяком случае во Франции и средиземноморских странах. Как говорится, нет пути к знаниям короче, чем через желудок.

Из осьминогов или спрутов, среди которых наиболее известен вид *Octopus*, на туловище в форме сферического мешка прямо без шеи сидит голова. Как подсказывает название, у него восемь ног, которые иногда называют руками, иногда щупальцами. Они одинаковой длины и вооружены двумя рядами присосок на нижней поверхности. У мускусного осьминога, или эледона, присоски расположены в один ряд.

Кальмары и каракатицы устроены по-другому. Голова у них явно отделена от туловища, сужение которого образует шею. Тело вытянутое, есть боковые плавники.

У каракатиц плавники тянутся вдоль всего тела, у кальмаров образуют две хвостовые лопасти. В отличие от осьминогов кальмары и каракатицы кроме восьми рук имеют еще два щупальца, намного длиннее остальных, с уплощенными окончаниями, усеянными присосками. У каракатиц они могут убираться внутрь тела, а при ловле добычи резко выбрасываются вперед. Кальмары оставляют их плавать вокруг или впереди тела, и они служат ему антеннами. Многие зоологи отличают их от восьми других и называют "ловчими руками". По количеству рук двужаберные, таким образом, подразделяются еще на *Octopodes* (осьминогие) и *Decapodes* (десятиногие).

Исчезающая раковина

Все три типа кроме формы и количества рук отличаются еще одной важной анатомической особенностью. Вначале все головоногие имели внешнюю раковину, но не у всех она завивалась в спираль. У предка всех современных двужаберных головоногих, белемнитов юрского периода, раковина была уже в процессе редуцирования. Когда она стала настолько мала, что перестала служить своему хозяину домом, она сама стала постепенно покрываться его плотью. У белемнитов она состояла еще из трех частей: известкового ростра, напоминавшего наконечник копья (по-гречески *belos*, отсюда название белемниты), который переходил в шалашеобразную среднюю часть, последнее напоминание о былом ее предназначении; наконец, оканчивалась она роговой пластиной, протянувшейся вдоль спины. У современных двужаберных эти части трансформировались различно, и по этому признаку их можно явно разделить на основные группы.

У каракатиц ростр практически исчез, зато средняя часть заполнила почти всю спину и почти сходится на животе: это так называемые кости каракатицы, которые часто находят на берегу моря.

У кальмаров, наоборот, и ростр и средняя часть полностью исчезли. От сложного панциря белемнитов осталась только спинная роговая пластина. Она превратилась в нечто вроде заостренного штыка, называемого шпагой или мечом (*gladius*). Эту анатомическую особенность имел в виду Фемистокл, заявляя эритрейцам: "Вы как кальмары, у вас есть мечи, но нет сердца. Вы умеете только убежать".

Обвинение кальмара в отсутствии сердца - это, надо сказать, чистая клевета, причиной которой явилось, очевидно, незнание. Последнее суждение справедливо наполовину: оно намекает на способ передвижения моллюска. У кальмаров, как и у осьминогов, сопло направлено в ту же сторону, что и ноги. Поэтому плавают они задней частью тела вперед. Однако было бы преувеличением заявлять, что они "умеют только убежать". Кальмар может в случае необходимости направлять сопло назад и двигаться вперед. Но реактивный двигатель кальмар использует в качестве вспомогательного, когда в критические моменты надо быстро убежать. Обычно он

плавает, используя хвостовые плавники и свои "руки", легко перемещаясь в любом направлении.

Вероятно, благодаря "мечу" и карману с чернилами кальмар и получил свое название. Гийом Рондоле, отец ихтиологии, писал еще в 1558 году, что этот моллюск получил свое французское название, Languedoc Calamar, за сходство с писарем. У него есть все для этой профессии: "чернила и заостренный конец, как у пера". Переписчики того времени носили с собой что-то вроде несессера с принадлежностями, по-латынски *calamarium* (от *calamus* - тростник, который римляне использовали для письма). "Calamar" затем сократился до "calmar", но два длинных щупальца не дают забыть о перьях, опущенных в чернильницу.

Атрофия раковины достигла своего апогея у осьминогов, где осталось только два небольших перышка, к которым прикрепляются мышцы.

Ползающие, плавающие и летающие головоногие

Анатомическое строение, очень разное у осьминогов и их десятиногих кузенов, отражается очевидным образом на выборе образа жизни и места обитания. Осьминог, созданный преимущественно для ползания,- головоногий, обитающий на дне. Кальмар, с более вытянутым телом и обладающий плавниками, способен плавать в толще моря и ведет пелагический образ жизни. Отсюда и разная техника охоты. Осьминог сторожит свою добычу и нападает на нее из засады. Кальмар догоняет свою жертву, преследуя ее на большой скорости. Если сравнивать с наземными хищниками, то осьминог ведет себя как леопард, лесной зверь, а кальмар - как лев, хозяин саванн.

Скорость движения кальмара такова, что он может совершать впечатляющие полеты над водой и даже запрыгивать на палубы кораблей. Как ни странно, еще совсем недавно полеты кальмаров считались мифом. Хотя об этом писали уже Плиний, Оппиан и Элиан. В 1833 году этот факт был представлен миру как совершенно новый феномен, "не виданный до сих пор". По крайней мере именно это услышал британский путешественник полковник Сакс, когда предъявил членам Британского зоологического общества трех кальмаров, которые запрыгнули на палубу парохода, на котором он возвращался в Англию. И никто не догадался воскресить бесценные свидетельства предков.

В своих записках "Путешествие в Южную Америку", публиковавшихся с 1835 по 1843 год, Альсид д'Орбини также описывал подобные факты: "Ночью мы увидели, как на палубу корабля, на высоту 15-20 футов от поверхности воды, запрыгнул кальмар *Ommastrephes bartrami*, который, вероятно, искал спасения от какой-нибудь преследовавшей его рыбы". Эту способность к прыжкам наблюдал он и у некоторых других видов кальмаров, в частности у *Sepioteuthis*, или кальмара-каракатицы. У него плавники настолько ненормально развиты, что превращают его в настоящий планер. А Тур Хейердал рассказывал, что однажды его бальсовый плот буквально подвергся "бомбардировке" кальмарами.

Каракатицы, не так вытянутые в длину, как кальмары, и поэтому менее искусные пловцы, занимают промежуточное положение между осьминогами и кальмарами. Они не сидят домоседами по щелям, как первые, но и не выскакивают из воды, как вторые. Чаще всего они проводят время на песчаной или илистой подушке дна, где, полужарывшись в грунт, стерегут добычу, пользуясь своей замечательной способностью к мимикрии. Летом каракатицы приближаются к берегу и откладывают яйца, прикрепляя их гроздьями на траве и водорослях, за что эти кладки в народе прозвали "морским виноградом". Неизвестно, как живут каракатицы после лета. Они попадают в сети и в 100 километрах от берега, но, скорее всего, они остаются на континентальном шельфе и не спускаются на большие глубины.

В общем случае невозможно спутать осьминогов или спрутов, каракатиц и кальмаров. Увы, дело осложняется, когда речь заходит о подвидах в одной из этих групп.

Даже критерий количества щупалец не является абсолютным. Существует представитель Decapodes, у которого вследствие вторичной потери щупалец, их осталось только восемь (Octopodoteuthis)! Но и не все Octopodes, как обыкновенные осьминоги, ведут придонный образ жизни. В 1838 году датский профессор Эскрихт открыл вид осьминога с двумя небольшими плавниками. Сначала его даже приняли за кальмара и назвали Cirroteuthis (кальмар реснитчатый). На самом деле это самый настоящий Octopode, осьминог-пловец! Он настолько отличается от обыкновенного спрута, что для него создали новый подкласс Cirroteutoides. Он недолго оставался в одиночестве. Но когда нашли и другие виды реснитчатых спрутов, оказалось, что некоторые из них ведут придонный образ жизни. Таким образом, Octopoides (осьминогов обыкновенных) и Cirroteuthis (осьминогов реснитчатых) нельзя отличить по образу жизни.

А в океанских безднах живет Ampiroteuthis infernalis (кальмар-вампир из ада), монстр, имя которого показывает, что он как будто вышел из ужасной сказки. Изучению этого "живого ископаемого" посвятила свою жизнь американская исследовательница Эвелин Пикфорд. По мисс Пикфорд, из-за наличия дополнительной пары атрофированных щупалец, сближающих их с десятиногими, этот осьминог - или все же кальмар? - занимает собой одним отдельный класс головоногих.

Наконец, не все каракатицы имеют плавник вдоль всего тела; у некоторых он выродился в два маленьких задних плавника, еще более редуцированных, чем у кальмара. А среди кальмаров есть вид Sepioteuthis (кальмар-каракатица), у которого плавники тянутся вдоль всего тела.

Это, конечно, исключения, но их надо иметь в виду, когда пытаешься определить животное по мимолетному взгляду или по отдельным фрагментам. Решающий критерий для определения места головоногого в классификации строение их раковины или того, что от нее осталось. Но в большинстве случаев оказывается достаточно представления об образе жизни или результатов внешнего осмотра.

Часто путают осьминогов и кальмаров

И все-таки в популярной литературе, посвященной этим моллюскам - а иногда, увы, и в научных работах, - царит страшная путаница.

До Гюго слова "спрут" не было ни в одном словаре.

Писатель своим авторитетом ввел в широкое употребление название, которым наградили на своем диалекте рыбаки Нормандии осьминога. Для романа "Труженики моря" это вполне справедливо - ведь его действие разворачивается на англо-нормандских островах. Но в неподготовленных умах это название вызывает сумятицу. "Если спрутами называют осьминогов, то почему они не могут быть кальмарами? Ведь у кальмаров еще больше ног, следовательно, они еще ужаснее. Такой возникает вопрос. Так многие авторы стали путать осьминогов, спрутов и кальмаров. Роковое недоразумение!

Жюль Верн без тени сомнения обзывает "спрутами" гигантских кальмаров, напавших на "Наутилус". Книга "Двадцать тысяч лье под водой" стала настолько хрестоматийной в литературе для юношества, что накрепко засела в умах. Дошло до того, что кальмары были обозваны спрутами в французском издании книги "Фауна океанов" знаменитого зоолога Эрнеста Буланже, директора аквариума Лондонского зоологического общества. Лично я не сомневаюсь, что здесь имеет место ошибка переводчика.

Неразбериха принимает серьезные масштабы, когда речь заходит о размерах моллюсков. Говоря о величине головоногих, логично приводить максимальные размеры. Но для осьминогов, имеющих звездообразную форму, обычно указывают максимальный размах щупалец. А для кальмаров, тело и щупальца которых вытянуты в одном направлении, приводят общую длину: от задней оконечности тела до концов ловчих рук.

Я считаю такую практику определения величины кальмаров (и каракатиц) не совсем удачной. В самом деле, длина его двух ловчих рук может значительно меняться от обстоятельств, а у некоторых видов они почти не видны, пока моллюск их не выбросит вперед, чтобы поймать добычу. Никому не приходит же в голову включать в размеры хамелеона длину его выбрасывающегося вперед языка! Поэтому я бы говорил здесь о длине туловища, головы и восьми рук. Но даже в этом случае не так просто точно определить их размеры. Читая эту книгу, надо помнить, что указанные в ней размеры обозначают только порядок величин.

Не способствует ясности и то, что представление публики об анатомии головоногих очень туманно и мало кто может правильно их себе представить; отсюда рождаются грубые ошибки, когда необходимо сравнить один вид с другим.

Даже профессиональные натуралисты ошибаются, когда, указывая поперечник осьминога, умножают его общую длину на два. Но на два надо умножать только длину его рук. У осьминога обыкновенного (*Octopus vulgaris*) голова и туловище занимают только шестую часть общей величины тела. Так, экземпляр длиной 3 метра не будет 6 метров в размахе, как я встречал в некоторых научных отчетах: щупальца в 2,5 метра и голова в 50 сантиметров дадут в поперечнике около 5 метров. Уже разница значительна! Но, когда начинают путать осьминогов с кальмарами, называя обоих спрутами, ошибка в расчетах становится катастрофической.

Как рождаются невероятные монстры

Однажды я отдал в журнал статью, посвященную гигантским головоногим, в которой - о ирония судьбы! - в который раз указывал на ошибки, возникающие, когда путают осьминогов и кальмаров. Чтобы "актуализировать" мою статью, секретарь редакции дал в предисловии информацию, недавно появившуюся в прессе:

"В норвежском фиорде был найден мертвый гигантский спрут. По словам зоолога Эрлинга Сильверстена, его щупальца достигали в длину 17 метров, а диаметр тела превышал 2 метра".

Не очень элегантный стиль заметки и исковерканная фамилия моего уважаемого коллеги Эрлинга Сивертсена могут показаться мелочью с точки зрения зоологии. Однако они выдают неудачный перевод и неточность передачи оригинального текста, что уже должно вызывать недоверие.

Редко кто встречал носимый волнами труп осьминога, но мертвые кальмары встречаются довольно часто. Поэтому вероятнее всего, это был один из десятиногих моллюсков. Если бы информация была точна, то должен был быть колоссальный экземпляр.

Убежденный из-за ошибки перевода, что речь идет об осьминоге, и подразумевая, что тело его формой похоже на морскую звезду, секретарь редакции подсчитал его общие размеры, умножив длину его щупалец на два. Затем он прибавил диаметр тела - и готов сенсационный заголовок: "Гигантский 36-метровый спрут". Для убедительности рядом был помещен его рисунок в сравнении с человеком. Результат, надо признать, получился впечатляющим.

Сразу скажу, что размеры, приведенные в сообщении, оказались совершенно неправильными. На самом деле, д-р Сивертсен любезно уточнил мне, щупальца кальмара (а это был, конечно же, кальмар) были длиной не 17 метров, а 7 метров 10 сантиметров, туловище его имело размер 2 метра, а точнее, 2 метра 14 сантиметров, но это был не диаметр, а длина. А это совсем другое дело!

Если его размеры и могут считаться необычными, они не такие уж невероятные для кальмара. Колоссальный монстр осьминог, вес которого должен был достигать 60 тонн, превращается в другое существо (весом максимум 10 тонн), но, обратите внимание, гораздо более невероятное с точки зрения наших современных знаний! И все из-за "небольшой" ошибки переводчика и погони секретаря редакции за сенсацией.

Этот монстр, как многие другие, был сварен в котле из невежества и неточностей,

в который писатели, вроде Гюго и Жюль Верн, добавили добрую порцию приправ. Но и некоторые ученые добавили свою щепотку соли.

ГИГАНТСКИЕ ПОЛИПЫ АНТИЧНОГО МИРА

"Какие песни пели сирены? - задается вопросом сэр Томас Браун.- Каким именем назвался Ахилл, когда прятался среди женщин?"

Не надо быть философом XVII века, чтобы интересоваться подробностями на первый взгляд такими ничтожными. Сегодня даже педантичный зоолог, который ищет следы гигантских головоногих в самых древних текстах, сразу же задается таким же несуразным вопросом: "К какому зоологическому виду могла принадлежать страшная Сцилла, с которой должен был повстречаться Одиссей на обратном пути?"

Современного исследователя должен приободрить тот факт, что такой эрудит, как сэр Томас, тоже размышлял над такого рода проблемами, с тем интересом к первопричинам, который появился с расцветом научной мысли в Англии: "Вопросы затруднительные, это верно, но все же не исключающие некоторых догадок и предположений".

И действительно, как уже пытался доказать Эзб де Сальверт в начале прошлого века, можно предположить, что образ чудовищной Сциллы из "Одиссеи" был навеян Гомеру каким-то гигантским осьминогом.

Цирцея предупреждала Одиссея: два морские пути ведут в родную Итаку, но одной дорогой он не должен воспользоваться ни в коем случае - там его корабль разобьется о блуждающие рифы. Предпочтительнее для него выбрать вторую; хотя она тоже нелегка. Она проходит между двумя скалами, каждую из которых сторожит чудовище. Одна скала поднимается до неба, и в ней проделан туннель: это логово Сциллы. У подножия другой, которая гораздо ниже, могучая Харибда трижды в день поглощает и выбрасывает черную воду из глубины.

Харибда - это, по-видимому, водоворот. Фантастический портрет Сциллы, нарисованный волшебницей, Сциллы, "встреча с которой не обрадует даже Бога", сначала ставит в тупик, но если сделать поправку на искажающую линзу поэтического воображения, в чудовище можно узнать осьминога внушительных размеров*.

* По мнению самого известного комментатора Гомера, Виктора Берара, две скалы, о которых идет речь, находятся в Тирренском море, к северу от Сицилии, а именно, между островами Липари и Вулькано. Действительно, в "Навигационных инструкциях", действующих сегодня; можно найти указания, поразительно напоминающие советы Цирцеи. Две дороги предлагаются каботажному судну, которое, выйдя из Монте-Чирчео, на берегу Латиума, хочет попасть в какой-либо южный порт, - с одной и с другой стороны огибающие Сицилию. Восточная дорога проходит через Мессинский пролив, где нет никаких опасных рифов, но есть маленький водоворот, Гарофало. На западном маршруте, который огибает Трапани, путеводитель указывает две замечательные скалы. "Севернее расположена скала Пьетра-Лунга, высотой 47 м, вулканического происхождения, внизу ее имеется отверстие, через которое могут пройти насквозь лодки и небольшие суда; другая скала, Пьетра-Менальта, значительно ниже и обычно покрыта чайками". Переместите водоворот Гарофало, передвиньте его к подножию Пьетра-Менальти, и вы получите картину, в мельчайших деталях повторяющую описание Цирцеи. Гомер не придавал большого значения географической точности: он доказывает это, помещая на пути, "которым не следует плыть", блуждающие рифы, описание которых он позаимствовал из более ранней эпопеи об аргонавтах и которые больше похожи на рифы в Босфоре. На самом деле, по-видимому, поэт хотел подчеркнуть только разные виды опасностей, которые угрожали путешественнику в сицилийских водах.

"В середине скалы зияет черная пещера с выходом на северо-запад, к Эребу... Там прячется Сцилла, ужасная и лающая, которая, будучи страшным чудовищем, имеет голос щенка... Ее лапы, которых всего двенадцать, коротки, как обрубки, но у нее еще

шесть шей непомерной длины и на каждой из них ужасающая голова с пастью, вооруженной тройным рядом зубов, частых и чешуйчатых, и рядом с ней витает призрак смерти. Спрятавшись до половины в своей пещере, она протягивает наружу свои чудовищные шеи и обшаривает все закоулки вокруг своей скалы, ловко хватая дельфинов и морских собак и даже одно из тех больших морских животных, которых множество вскормила Амфитрита своей грудью. Ни один лопман не может похвастаться, что благополучно прошел мимо этой скалы, поскольку чудовище никогда не упускает возможности каждой из своих разинутых пастей стащить человека с палубы"...

Как известно, Одиссей очень благоразумно предпочел пожертвовать шесть матросов прожорливой Сцилле, чем позволить поглотить весь корабль с людьми и имуществом ненасытной Харибде. Из двух зол он выбрал меньшее, а тот, кто выдумал выражение "выбирать между Сциллой и Харибдой", не мог похвастаться таким здравым смыслом.

Но вопрос не в этом: здесь мы пытаемся установить личность многоголового и лающего чудовища Гомера.

Можно, конечно, напомнить, что головоногие не лают и имеют только одну голову, как все существа на земле, в отличие от Сциллы, с ее многочисленными шеями и ногами, но правда также и то, что невозможно отделаться от впечатления, что описание касается осьминога, сидящего в своем логове. Уцепившись за неровности скалы двумя своими щупальцами, он протягивает остальные шесть наружу, чтобы хватать добычу. Концы щупалец, обычно скрученные в клубок, можно при наличии воображения принять за головы. И можно также предположить, что три ряда зубов - это намек на ряды присосок на конечностях спрута. Конечно, их всего две у большинства этих животных, но сосальца на присосках образуют такую тесную мозаику, что для того, чтобы разглядеть план их расположения, надо изучать мертвое животное. И наконец, "если осьминог и не имеет голоса, он тем не менее издает странные звуки посредством своего сифона, когда он его высовывает из воды и спазматическим движением выбрасывает содержимое мантии. Этот слабый шум можно с натяжкой сравнить с твяканьем щенка*.

Сцилла была, таким образом, спрутом, но увиденным глазами героев и полубогов античной Греции**.

* Любопытно отметить, что многие переводчики "Одиссеи" просто выбросили стихи с 86-го по 88-й из двенадцатой песни под предлогом, что такое чудовище, как Сцилла, не может иметь щенячьего голоса. Другие же "поправили" Гомера, заменив щенка на львенка.

** Возможно, само имя Сцилла может служить слабым указанием на ее сущность. По мнению некоторых филологов, оно происходит от санскритского глагола "skad" (рвать) и должно означать "трепальщик" или "дробильщик". Можно задаться вопросом, не того же ли самого происхождения слово "squid", которым англосаксы называют кальмаров, и сделать из этого соответствующие выводы.

В конце концов, поэт VII века до нашей эры имеет такое же право приписать осьминогу шесть голов, как почтенный Гюго - наградить его с пафосом "тысячью отвратительных ртов". Первый даже имеет то преимущество перед вторым, что не информирует нас поучающим тоном о совершенно невероятной анатомии животного.

Таким образом, было бы преувеличением считать гомеровскую эпопею первым свидетельством существования гигантских головоногих моллюсков. Нельзя считать таким свидетельством также и историю о Лернейской гидре, с ее девятью вновь отрастающими головами, от которой Геркулес очистил некое болото в Арголиде.

Отто Кернер, большой германский специалист по Гомеру, нимало не колеблясь, однако, увидел в эпизоде со Сциллой доказательство существования в Средиземном море гигантских спрутов. Остановимся на утверждении, опираясь на текст "Одиссеи",

что истории об осьминогах, похищающих матросов, известны со времен ранней античности и что такие злодеяния трудно приписать более мелким экземплярам. Однако не будем спешить с выводами. Поскольку все же великий греческий поэт не затруднился сделать из безобидного водоворота Гарофало беспощадную морскую воронку, не смог ли он также в качестве прототипа лающего чудовища взять маленького кальмара, годного разве что для рыбной похлебки?

И все же и в Средние века, и в эпоху Возрождения ходило множество рассказов о чудовищных головоногих моллюсках, и им верили даже самые образованные люди. Но этому пришел конец. Вскоре критический дух позитивной науки восстал против этих "смешных басен". Где в таком случае шкуры этих титанов? Осьминоги, встречающиеся у наших берегов, редко превышают 2 метра "с руками", каракатицы не превышают фута в длину, а кальмары длиной 80 сантиметров, включая щупальца, считаются крупными экземплярами. Для многих ученых прошлого столетия эти размеры казались почти рекордными.

Но не так давно произошел любопытный поворот: сегодня самые большие скептики раскаялись и зоологи вынуждены признать, что античные поэты и авторы средневековых "Бестиариев"* были ближе к истине, чем их ученые хулители. История постепенного открытия гигантских головоногих - одна из самых красноречивых, обличающих каждого Фому неверующего от науки.

* В Средние века - описания зверей с их аллегорическим истолкованием.

Осьминог из Картеи, любитель соленой рыбы

После Гомера прошло три столетия, прежде чем появились сведения о головоногих необычных размеров, а именно в "Истории животных" Аристотеля. Здесь мы имеем дело с зоологом добросовестным и точным - с первым, кто, по правде говоря, достоин этого имени и ни разу не дал повода заподозрить себя во лжи или в преувеличении. Он был воспитателем Александра Македонского и стал его другом, и, если верить Плинию, великий завоеватель предоставлял в его распоряжение значительные суммы на личные исследования, в том числе на приобретение экзотических или редких животных. Это означает, что ученый не пользовался сомнительными сведениями или слухами.

Наряду с обычным кальмаром, который, как мы знаем, не превышает нескольких дециметров, этот философ и естествоиспытатель отмечает наличие в Средиземном море гигантской разновидности кальмара.

"Встречаются такие, - пишет он, - длина которых доходит до пяти локтей". Учитывая, что длина греческого локтя меняется в зависимости от места, это должно было составлять от 2 метров 31 сантиметра до 2 метров 64 сантиметров*.

"Большие кальмары,- уточняет Аристотель,- редки, они отличаются по форме от маленьких кальмаров, а именно их заостренная часть больше. Круглый плавательный пузырь - заполняет весь мешок, чего нет у малого кальмара. Оба они, и большой и малый, живут в открытом море". В своем забавном "Банжете ученых" один греческий врач из Афин добавляет, несколькими столетиями позже, что большой кальмар отличается от малого еще и "своим красноватым цветом".

Скрупулезные исследования Аристотелем анатомии и биологии головоногих доказывают, что чаще всего он базировался на собственных наблюдениях и даже препарировании. Его упоминание о том, что кальмары живут "в открытом море", можно понять так, что в данном случае у него не было возможности наблюдать лично кальмаров больших размеров, которых он называет "редкими". Но он получал, конечно, эту информацию от рыбаков, которых он имел обыкновение расспрашивать и которым случалось иногда ловить гигантских кальмаров.

Плиний Старший, которого иногда называют Натуралистом и который занимался больше синтезом знаний своего времени, чем живыми наблюдениями природы, был менее осмотрителен в отношении выбора своих информаторов. Так, например, римский

энциклопедист цитирует, по поводу гигантских головоногих моллюсков, свидетельство генерала Луция Лукулла, мемуары которого были опубликованы неким Требием Нигером, одним из его лейтенантов в Гренаде. Поскольку Плиний сам был полковником кавалерии при Тиберии, у него не было, конечно, предубеждения против военных и он не подвергал сомнению точность полученной информации.

* Поскольку Аристотель пользовался, без сомнения, афинским локтем, который равнялся 47,5 сантиметра, первая цифра ближе к истине. Именно ею пользовался Поль Жерве в своих исследованиях, посвященных большому средиземноморскому кальмару (1863). Размер 3,1 метра, указанный его коллегой Мокен-Тандоном (1865) и повторенный его многочисленными компиляторами, никак не может быть правильным.

Так вот, Требий рассказал, что в Картее* из моря каждый день выходил осьминог, чтобы поедать рыбу из засолочных чанов. Чтобы положить конец этому воровству, чаны были огорожены высоким забором. Напрасный труд: цепляясь за дерево, моллюск преодолевал препятствие. Однажды ночью его все же почуяли собаки, которые своим лаем разбудили рыбаков. Тогда все увидели, что животное было громадных размеров и храбро сражалось с большими сторожевыми собаками, которых отпугивал его ужасный запах. Осьминог или хлестал их концами своих щупалец, или отбрасывал, как дубиной, более мощными конечностями. Его удалось прикончить, только многократно пронзив вилами.

Это животное было разрублено на куски и отправлено в таком расчлененном виде верховному правителю провинции, проконсулу Бетики: "Его голова была показана Лукуллу: она была величиной с бочку и вместимостью с 15 амфор (около 300 литров). Ему показали также конечности (то есть руки и щупальца; толщина их была такова, что человек мог с трудом их обхватить, они были узловатыми, как дубины, и длиной 30 футов (около 10 м). Полости присосок, которыми они были снабжены, были похожи на тазы и вмещали содержимое урны. Размеры зубов были пропорциональны величине животного. Было сохранено то, что осталось от животного (как удивительный феномен) и что весило около 300 фунтов".

Эта информация базируется, несомненно, на реальных событиях, иначе Требий не решился бы упомянуть в качестве гаранта достоверности своего рассказа собственного начальника, генерала Лукулла. Но рассказ содержит все же некоторые сомнительные моменты.

Не был ли этот осьминог кальмаром?

Прежде всего, некоторые детали позволяют думать, что это чудовище было не осьминогом, а кальмаром. Действительно, рассказчик делает четкое различие между способом, которым чудовище хлещет собак, используя тонкие концы щупалец, и мощными ударами толстых конечностей.

* Картея - город в Бетике (Андалусия), римской провинции на юге Испании. Сегодня он называется Рокадильо.

Затем рассказчик говорит, что углубления на щупальцах, то есть присоски, похожи на тазы. Это тоже характерная особенность кальмаров. У осьминогов присоски имеют, скорее, плоскую поверхность с выемкой в центре - они похожи на монету с большой дырой посередине. У кальмаров же присоски действительно имеют форму чаши, и даже с ножкой, что увеличивает схожесть.

Конечно, Требий Нигер был совершенно уверен, что это чудовище - осьминог, поскольку Плиний заканчивает свое сообщение следующим образом: "Тот же автор утверждает, что каракатицы и кальмары таких размеров также выбрасывались на этот берег". Но напомним, что Лукуллу была доставлена только голова с руками и щупальцами: при отсутствии длинного корпуса в форме веретена у неспециалиста мало шансов распознать в животном кальмара.

И все же кажется невероятным, чтобы морской головоногий моллюск, созданный для быстрого плавания, а не для ползания, мог выйти на берег, чтобы воровать рыбу из

рассола. И я совершенно убежден, что такое животное совершенно неспособно, со своим веретенообразным телом, перелезть через забор: выброшенный на пляж, кальмар неспособен даже добраться до воды.

Что касается осьминогов, они на подобные подвиги вполне способны. Можно наблюдать, как они карабкаются на прибрежные скалы, а для тех, кто сомневается в их способности преодолевать препятствия, привожу описание следующего наблюдения, сделанного в прошлом веке известным специалистом.

В Аквариуме Неаполя швейцарский зоолог Кольман организовал дуэль между осьминогом и большим омаром, чтобы изучить их методы борьбы. Убедившись, что осьминог всегда первым атакует своего противника и сразу лишает его возможности сопротивляться, Кольман решил положить конец этой неравной борьбе и, чтобы спасти жизнь омару, отсадил его в смежный резервуар. На следующее утро он нашел только панцирь от несчастного омара: ночью осьминог вылез из воды, преодолел перегородку высотой несколько десятков сантиметров, отделявшую его от врага, и буквально проглотил его!

Осьминоги - сущее наказание для их сторожей из-за склонности к побегам. Случалось их находить на книжном шкафу, на лестнице или на улице и даже просто ужас! - в чайнике британского джентльмена.

Что касается осьминога из Картейи, возможно, в рассказе были неосновательно объединены два различных, независимых друг от друга происшествия. Например, события могли развиваться следующим образом. Возможно, кража соленой рыбы была делом рук осьминогов или даже двуногих воришек человеческой породы. В то же время гигантский кальмар был выброшен на берег против своей воли, что иногда случается, и тогда ему приписали все злодеяния, совершавшиеся в округе.

Но нельзя совсем исключить, что виновником краж был все же гигантский кальмар. В конце концов, никто ведь не видел, как он перелезал через забор, цепляясь за дерево,- это только предположение. Не исключено, что, став пленником мелководья, не имея возможности попасть в открытое море, он провел много дней у берега близ Картейи. Проголодавшись, это ночное животное подобралось к самому берегу и своими десятиметровыми щупальцами обследовало территорию. Чаны с соленой рыбой стояли, по всей видимости, очень близко к воде. Кальмар мог, таким образом, "ловить" рыбу, запуская щупальца через ограду, а не перелезая через нее.

Таинственные деревья и колеса в океане близ Кадикса

История "полипа" из Картейи, которая будет повторена, причем в нескольких вариантах, экс-герцогом Генуи Баттистой Фрегозо (литературный псевдоним Фульгозиус), не единственное упоминание Плиния о головоногих моллюсках необычных размеров. В другом месте его труда, посвященного водной фауне (книги девятой его "Естественной истории"), есть двусмысленная фраза, которую при желании можно считать намеком на похожее чудовище:

"В океане у Кадикса (Атлантика) есть дерево, крона которого так обширна, что по этой причине, как говорят, невозможно пройти через пролив (Гибралтар)".

То, что Плиний говорит в данном случае о животном, подтверждаются тем фактом, что в сводной книге своего труда по зоологии (XXXII, 53, 2) он начинает перечисление самых больших морских животных словами "дерева, кашалоты, киты" и т. д. Несомненно, осьминог, со своими длинными щупальцами с тонкими концами, напоминает дерево, хотя это сравнение, пожалуй, больше подходит морской звезде с ветвистыми лучами, из группы "офиуры" (змеехвостки),- "голове Медузы" (*Asterophyton arborescens*). Но она не превышает нескольких дециметров в диаметре. И в любом случае животное, кем бы оно ни было, имеющее конечности такой длины, что они мешают проходу между геркулесовыми столбами, не может быть ничем, кроме как продуктом самого буйного воображения, или, что вероятнее, ошибкой толкования компилятора, введенного в заблуждение словом "дерево".

В своих глубоких комментариях девятой книги Плиния Ж. Котт показывает, в каком направлении, может быть, надо искать ключ к разгадке:

"Напоминаю, что рыба дорада до наших дней называется *arbor* в Адрии, *albor* в Венеции, *arbut* в Спалато. Название такого рода, присвоенное животному, которое никогда не войдет в наше море из-за его неподходящего химического состава, может ли доказывать достоверность рассказа Плиния?"

Можно задаться вопросом, не лежит ли в основании этой истории, которая интриговала столько поколений натуралистов, простая опечатка или слово, неправильно прочитанное Плинием в каком-то иноязычном труде? В Марокко, например, одно из самых больших морских чудовищ в ту эпоху называлось *ambar*. Это же слово было использовано в коптском переводе Библии для обозначения большой "рыбы", которая проглотила Иону. Далее мы увидим, что этим словом действительно обозначался кашалот, а кашалоты кишели вокруг Азорских островов, но только в исключительных случаях заходили в Средиземное море. Античный натуралист мог, таким образом, с полным правом написать, что в Атлантике плавает животное фантастических размеров, называемое *ambar*, которое никогда не заплывает за геркулесовы столбы. Отсюда до заключения, что именно по причине своей большой величины оно не может протиснуться между этими скалами, один шаг при наличии воображения. Затем слово *ambar* могло быть написано переписчиком как *arbar*, откуда недалеко до привычного по звучанию *arbor*. Первая ошибка в написании могла произойти в греческом тексте, где буква "мю" может быть легко принята за букву "ро". А когда *ambar* уже превратился в *arbor*, позднейшим комментаторам легко было объяснить трудности в передвижении этого необыкновенного *arbor* длиной его ветвей.

За сообщением, касающимся *arbor*, следует другое, почти такое же темное, но которое с значительно большей вероятностью может относиться к осьминогу. Речь идет о других обитателях Атлантики, называемых "колесами" по причине их конфигурации. Они имеют четыре луча, крутящиеся, как крылья ветряной мельницы, вокруг середины с двумя глазами. Это неправильный перевод, который может привести на мысль, что речь идет о существах, сложение которых симметрично, что можно наблюдать у некоторых кораллов. На самом деле описание относится к животному, имеющему по четыре конечности с каждой стороны головы и глаза которого поражают своей величиной. Нетрудно догадаться, что речь идет об осьминоге, с его восемью щупальцами, постоянно находящимися в движении. Поскольку никаких данных о его размерах не приводится, на этом отрывке можно было бы не останавливаться, если бы не ошибка в переводе, о которой будет речь впереди.

Еще один любитель соленой рыбы - осьминог из Пуццоли

Через три века после случая с лжеосьминогом из Картеи можно было прочитать в "Трактате о природе животных" Клода Эльена историю, удивительно напоминающую вышеописанную.

Симпатичный греческий софист преследовал прежде всего моральные цели, и очень похвальные, сочиняя свое произведение в семнадцати томах, которое, по сути дела, является не чем иным, как сборником забавных историй.

Что касается осьминогов, он утверждает, что они достигают таких размеров, что с возрастом могут сравняться по весу с китом и другими китообразными. В доказательство он приводит сведения об осьминоге чудовищных размеров, который появлялся у берегов Пуццоли, в Италии. Ему словно не хватало добычи, которую он ловил в море. Осьминог выходил на берег и занимался воровством. Чтобы попасть в лавку, где в больших баках хранилась соленая рыба, он пролезал через большую подземную пещеру, которая служила для стока городских нечистот. Затем хватал первую попавшуюся бочку, сжимал своими мощными щупальцами, пока та не лопалась, и поглощал содержимое.

Торговцы, удивленные видом раздавленных бочек и желая поймать грабителя,

поставили вооруженную охрану. Однажды ночью осьминог снова явился, раздавил очередную бочку и разбросал ее содержимое. Человек, сидевший в засаде и видевший при свете луны эти манипуляции, был так уstraшен чудовищными размерами грабителя, что не посмел его атаковать. А когда на следующее утро рассказал об увиденном, никто ему не поверил. Его сочли фантазером, сказали, что он все это видел во сне и несет чепуху. Но поскольку все же произведенные опустошения были не воображаемыми, а реальными, решили увеличить число охранников, чтобы они все вместе могли противостоять наглому вору.

Когда стемнело, чудовище снова пробралось в лавку своим обычным подземным ходом. На этот раз изумленные сторожа уже не подвергали сомнению личность злодея. Одни отрезали ему дорогу назад, другие набросились на него с топорами и тесачами, кромсая ему щупальца и вонзая свое оружие в его тело, пока не убили животное, буквально разрезав его на куски.

Не является ли этот рассказ вариантом происшествия в Картейе, перенесенным на итальянскую почву из-за ошибки в переводе? Это не исключено. Но, может быть, здесь речь идет о новом факте, на который наложились некоторые детали старой истории, ставшей классической после того, как ее цитировали многие известные писатели. Вот что следует часто за чрезвычайным происшествием: люди так консервативны, что стараются придать обычный вид даже необычному. Если необычный факт повторился, пусть даже через несколько столетий, всегда пытаются, чтобы сделать его более достоверным, облечь его в форму предшествовавших ему событий. Так рождаются легенды. Вскоре будут утверждать, что гигантские осьминоги "имеют обыкновение" по ночам грабить склады соленой рыбы.

Но так может родиться и недоверие, причем недоверие несправедливое. В конце концов, если инцидент в Пуццолы так похож на случай в Картейе, может быть, разгадка заключается в неумеренной любви осьминогов к соленой рыбе. Как же не воспользоваться случаем, если посчастливилось наткнуться на неисчерпаемый источник вкусной еды?

Что означает "большой, как кит"?

Клод Эльен без колебаний подтверждает существование головоногих моллюсков, таких же больших по массе тела, как китообразные. Для справки напомним, что самым большим на сегодняшний день среди китообразных считается голубой кит (*Sibbaldus musculus*). Известно, что один экземпляр, длиной 20 метров, взвешенный кусками, потянул 51 тонну, а другой, 27-метровый, весил 119 тонн. Поскольку киты этого вида достигают 30 метров в длину - официальным чемпионом считается кит длиной 34 метра 50 сантиметров, - то вес их может достигать 150 тонн.

В древние времена эти киты водились в северных морях и в Атлантике, но, по-видимому, никогда не заплывали в Средиземное море. Сомнительно поэтому, что эллинский мир знал этот вид китов. Но две разновидности китов, следующие за ним по величине, показываются иногда в море, омывающем Грецию. Это, во-первых, кашалот (*Physeter macrocephalus*), длина которого для самца колеблется от 13,25 до 25,5 метра, и, во-вторых, финвал, сельдяной кит (*Balenoptera physalus*), длиной от 18,5 до 25 метров (самки этого вида, как правило, больше самцов). Именно этих животных Эльен должен был считать чемпионами "тяжелого веса" в море.

Из этого можно сделать вывод, что со времен античности некоторые головоногие (осьминоги или кальмары?) ставились рядом с самыми большими китообразными, "морскими чудовищами", то есть с морскими животными, размеры которых считались необычными. Вслед за другими филологами Ж. Котт подчеркивает в этой связи, что когда-то название *cetus* (*ketos* по-гречески), на основании которого возник французский термин *cetaces* (китообразные), обозначало не только морских млекопитающих: оно объединяло всех морских животных большой величины, включая как акул и других крупных рыб (тунца, например), так и тюленей*.

Это название применялось также и к головоногим, поскольку размеры их были очень внушительны.

* В "Илиаде" (XX, 147) Гомер так говорит о стене божественного Геракла: "Афина и троянцы воздвигли эту стену, чтобы защитить его от ketos, когда это чудовище преследовало его от берега в поле". Если вслед за Леконтом де Лилем простодушно перевести ketos как "кит", получается в высшей степени комический эффект, совершенно неуместный в этой трагической эпопее.

Между прочим, в русском переводе Н. И. Гнедича также фигурирует кит.

Поэтому пусть читатель не удивляется, найдя в следующей главе отступления по поводу кита, которого несправедливо смешивают с животным, называемым cetus. Кроме того, что эти отступления вносят в рассказ приятное разнообразие, они позволяют прояснить наиболее темные места в истории гигантских осьминогов и кальмаров. В середине века они действительно были сплетены в тесный клубок вместе с легендами о китах и кашалотах, черепахах и большом морском змее. Все они крутятся вокруг центрального сюжета о животном таком громадном, что его принимают за остров.

Поскольку не существует достаточно острого меча, чтобы разрубить этот гордиев узел, ограничимся попыткой трудолюбиво его распутать.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛЕГЕНДА О ЖИВОМ ОСТРОВЕ

Мореплаватели принимают морское чудовище за островок в море, бросают якорь на его спине, разводят на ней огонь - и вдруг чувствуют, что этот остров уходит в открытое море, а их корабль тонет. Живой остров - причина множества кораблекрушений, истинное несчастье для моряков. Такого рода случаи были, по-видимому, в давние времена довольно обычными, поскольку мало кто из средневековых авторов, интересовавшихся естественными науками, не писал о них.

Если моряки, попадавшие в такие ситуации, оказывались, вероятно, совершенно ошеломлены происшествием, то о "натуралистах" этого сказать никак нельзя. Прочитав их описания этих случаев, невозможно понять, является ли это коварное животное китом, рептилией, ракообразным или головоногим моллюском. Нет, Плиний все же был более точным в своих рассказах.

В эту эпоху, правда, в животном мире царил невероятный хаос, особенно среди морских животных. Эрудиты в самом деле считали, что главное - это перевести более или менее удачно названия их греческих и римских предшественников, иногда пользуясь текстами на арабском языке, а затем копировать друг друга. Другой их заботой было определить "свойства вещей" и их "различия", как тогда выражались, и особо выделить "чудеса". Все это делалось с единственной целью: раскрыть аллегорическое значение этих "свойств", извлечь мораль из этих "чудес" и восславить господа за такие удивительные создания. Естественно, у средневековых "зоологов" не оставалось ни времени, ни охоты заниматься самостоятельными наблюдениями или хотя бы просто проверить свои самые элементарные утверждения. Поэтому малейшая ошибка при копировании приводила иногда к рождению какого-нибудь нового "чуда". И конечно, часто такими "чудесами" оказывались неправильно переведенные с чужого языка названия животных.

Восточные преувеличения

Странные поиски аллегорий ведут свое начало со времен распада эллинской цивилизации. Но вкус к неумеренным преувеличениям, к экстравагантности имеет, несомненно, восточное происхождение. Об этом можно судить по размерам, которые разные восточные народы приписывали киту.

Когда (в IV в. до н. э.) Неарх, адмирал Александра Македонского, отправился по приказу последнего исследовать Индию, из Индуса на Ефрате, он рассказывал, что по выходе из Кийсы они видели множество китов и некоторые из них были "длиной около 100 локтей". Это значит - около 15 метров? Некоторое преувеличение в данном случае

тем более простительно, что в море трудно с точностью определить размеры животного. Впоследствии Неарх видел, вероятно, кита, выброшенного на берег в Персии. "Несколько матросов побежали туда и, измерив его, доложили, что длина его равняется 90 локтям". Это еще больше похоже на правду. Но если бы этот греко-македонский путешественник полагался на свидетельства туземцев, размеры кита, несомненно, были бы гораздо внушительнее!

У арабских же авторов, поднявших факел науки, который бросили греки и римляне, занятые поисками добродетели, еще долго встречались преувеличения. Так, в знаменитой "Книге о золотых приисках и копях драгоценных камней", написанной в 954 году, географ, натуралист и историк из Багдада Абу'ль Хасан аль-Ма-суди'Али ибн аль-Хосайн аль-Мас'Уди сообщает, что в море Зандж, омывающем Абиссинию и Восточную Африку, встречается рыба, называемая аль-уаль (то есть кит).

"Она достигает иногда,- пишет Масуди,- длины от 400 до 500 локтей омары (от 200 до 300 м), в единицах измерения, принятых в этой стране, но обычная ее длина - 100 локтей (около 50 м). Иногда, в тихую погоду, он высовывает из воды концы плавников, которые можно сравнить с большими корабельными парусами; время от времени он поднимает голову и выпускает из жабер фонтан воды, который поднимается вверх на высоту полета стрелы. Моряки, которые днем и ночью боятся его приближения, стучат кусками дерева или бьют в барабан, чтобы держать его на расстоянии".

В XIII веке другой арабский ученый, аль-Касвини, который долго считался в мусульманском мире высшим авторитетом в области зоологии, говорит почти в тех же выражениях о той же самой рыбе в своей книге "Чудеса живой природы". Но он помещает ее в "море у берегов Китая" и приписывает ей длину "более 300 локтей". Это сообщение типичное, но примечательное.

В старых китайских трактатах упоминается кит "фег", еще более необыкновенный, поскольку он убивает три тысячи моряков, когда рассердится!

Но пальму первенства в преувеличениях можно присудить древнееврейским сочинениям. По сообщениям некоторых раввинов, киты бывали 1500 стадий в длину, что составляет более 250 метров! В талмудическом трактате "Бара-Басра" рассказывается, что одно судно должно было плыть три дня над таким китом, чтобы дойти от головы до хвоста.

С появлением христианства мистическое мировоззрение Азии постепенно продвигалось на запад и замещало его рациональное мышление. С другой стороны, при посредничестве арабов западные ученые смогли познакомиться с эллинской наукой. Недаром в Средние века расцвел целый букет фантастических рассказов, один чудеснее другого, и среди них легенда о cetus, как вскоре стали называть только кита.

Киты, принимаемые за острова

Самыми популярными книгами по зоологии были в то время "Бестиарии", забавные каталоги, в которых животные рассматривались с целью раскрытия символики, заключенной в их анатомии или характере.

Первым "Бестиарием", изданным на французском языке, был труд некоего Филиппа из Таона (или Таюна), маленькой деревни близ Кана. Возраст этого сочинения известен потому, что этот сочинитель-поэт сделал красивый жест, посвятив свое произведение прекрасной Элис де Лувен, известной нам в качестве "английской королевы". Поскольку она в 1121 году вышла замуж за Генриха I, сына Вильгельма Завоевателя, короля Англии и герцога Нормандии, сочинение должно было быть написано между этой датой и 1135 годом - годом смерти государя. В самом деле, после этого Элис лишилась своего королевского титула, выйдя замуж за Уильяма д'Альбини, графа д'Арунделя.

"Бестиарии" писателя из Таона есть не что иное, как перевод в неуклюжих и бедных стихах сочинения, очень известного тогда во всем мире под названием

"Физиологус". Этот средневековый "бестселлер" был написан в оригинале, как считается, по-гречески и, несомненно, во II веке. Во всяком случае, теолог Ориген, выдающийся толкователь родом из Александрии, цитировал его уже в начале III века в своих трудах. Впрочем, именно в Египте, настоящем мировом интеллектуальном центре, несомненно, появился первый сборник под ти

тулом "Физиологус". Апостолы, проповедовавшие в христианских общинах Востока, и особенно в Александрии, признавали действенность примеров, позаимствованных у природы. Так, например, когда в тексте Священного писания, которое они комментировали, шла речь о каком-то животном, они цитировали по этому поводу то, что говорилось о нем в трудах по естественной истории, обычно греческих, из Александрийской библиотеки, и старались из этих примеров вывести мораль, согласующуюся с доктриной Христа. Вообще, "Физиологус" был первоначально просто сборником назиданий по поводу различных животных, упоминающихся в Библии.

Это собрание нравоучений в свое время было переведено на амкарский, армянский, арабский и латинский языки (причем на латинский позже всех - в VIII в.). Но несмотря на то, что всякие курьезы из животного мира, которые там описывались, предназначались автором (или авторами) для привлечения внимания читателя и лучшего усвоения им преподанного урока, это не мешало "Физиологусу" быть сочинением прежде всего на зоологические темы.

Как пишет Шарль-Виктор Ланглуа в своей книге "Знания о природе и мире в Средние века", Филипп де Таон был, таким образом, во Франции "первым писателем, который поставил перед собой цель изложить научные знания общедоступным языком. У него скоро появились последователи, и притом многочисленные".

Что же нам сообщает этот первый из французских популяризаторов науки? (Для большей ясности цитата приводится в переводе на современный язык, и не в стихах, которые очень плохи):

"Cetus - очень большое животное; он все время живет в море. Он берет песок из глубины и посыпает им себе спину, иногда он поднимается на поверхность, чтобы полежать и отдохнуть. Мореплаватель видит его, ему кажется, что это остров, он спешит к нему, чтобы приготовить себе пищу. Почувствовав огонь, увидев людей и корабль, кит ныряет и топит их, если может...". На самом деле, в понятиях того времени, этот обманщик-кит символизирует дьявола, а песок, которым он маскирует опасность, означает богатства мира. Привлеченный ими, маловерный человек доверяется обещаниям радостей, которые они таят. Но это всего лишь иллюзия: сатана утащит вскоре неосторожного и бросит в адское пламя*.

Эту удивительную историю можно найти во всех последующих "Бестиариях", но каждый автор дополнял ее, конечно, новыми подробностями по своему вкусу. Так, в "Божественном бестиарии" Гийома Нормандского, написанном чуть позже 1208 года, больше нет речи ни о каком cetus: с этих пор используется только название "кит". И на этот раз уточняется, что сам цвет чешуи чудовища создает впечатление большой песчаной мели**. Этот мираж обманывает матросов; остальное мы знаем:

"К месту хорошему они подходят,
Якорь бросают, огонь разводят,
Пищу себе на холме готовят".

Не довольствуясь поджариванием спины бедного животного, они вбивали в нее колья, чтобы лучше пришвартовать свое судно. Результаты таких действий были фатальны для неосторожных моряков.

Так попадались на удочку "жалкие и несчастные неверующие, обручившиеся с дьяволом". В тот момент, когда они меньше всего ожидают, "обманщик, горящий огнем зла" погружается в ад и увлекает их вместе с собой.

* Эта старая аллегория, которая кочевала из одного "Бестиария" в другой и включалась во все проповеди отцов церкви, дает ключ к истории Моби Дика,

сочиненной Германом Мелвиллом. Литературные критики путаются в туманных рассуждениях, когда пытаются объяснить то, чего сами не понимают. Они усматривают самые разные вещи в белом кашалоте, которого капитан Ахав преследует с убийственной яростью. Надо полагать, что те, кто справедливо видят в нем сатану, воплощенное зло, грех, случайно пришли к правильному решению. Конечно, сочинение Мелвилла часто кажется неясным из-за обилия содержащейся в нем символики, но оно никогда не покажется темным тому, кто знает немного христианскую мифологию. Китобой, который пренебрегает своим ремеслом и ведет своих людей к катастрофе, пытаясь убить неуязвимое чудовище, является, без сомнения, примером грандиозной глупости религиозных фанатиков: они забывают жить, поглощенные истреблением в мире зла, которое внутренне ему присуще. Но, несомненно, для Мелвилла было лучше, что публика не поняла его страстной критики тысяч пуритан, среди которых он вырос

** Плиний, по-видимому, считал, что киты покрыты шерстью, что недалеко от истины, поскольку зародыш кита имеет немного волос вокруг рта. Понадобилось, однако, дожидаться более тщательных исследований Пьера Белона (1551 и 1553), чтобы узнать истину, а именно, что тело этого животного "не имеет ни шерсти, ни чешуи, но покрыто однородной черной кожей, грубой и необычной, под которой находится слой жира толщиной целый фут".

Живой остров на службе у Дон-Жуана с тонзурой

Не все бестиарии были выдержаны в религиозном духе. В "Бестиарии любви" Ришара Фурниваля, например, каждое зоологическое описание было просто поводом для какого-нибудь галантного мадригала в адрес прекрасной дамы. Намерения автора сводились к тому, чтобы показать даме сердца, что она не может на самом деле не уступить его настоятельным просьбам и не разделить страсть, которой он пылает к ней, "своей прекрасной и нежно любимой".

Такая фривольность может показаться удивительной, если учесть, что писатель был сыном врача Филиппа-Августа и братом епископа Амьена. Но его позиция совершенно соответствовала духу времени, и литературные грехи молодости не помешали ему кончить должностью канцлера амьенской церкви.

В своем прелестном "Бестиарии", сочинения 1250 года, юный повеса в сутане не колеблясь продлил пребывание моряков на живом острове:

"И вот они увидели что-то вроде кита, который был так велик, что, когда его спина высунулась из воды, моряки подумали, что это остров, поскольку кожа его была похожа на морской песок. И тогда моряки подошли к нему, как к острову, и высадились на него, и оставались там 8 или 15 дней, и жарили мясо на спине этого кита. И когда он почувствовал огонь, он нырнул вместе с ними в глубину моря".

В глазах пылкого Ришара это означало, что "тем менее следует доверять вещам и людям, чем больше они походят на желаемое". Некоторые "говорят, что умирают от любви и не чувствуют ни горя, ни страданий" и поэтому считаются смелыми людьми. Но он, Ришар, не из их числа и намерен убедить прекрасную в том, что его страдания вполне реальны!

Скажем сразу же, что девица, к которой он адресовался, ничуть не была убеждена этими аллегориями. Очень остроумно и горячо она ответила на "Бестиарию" мессира де Фурниваля другим "Бестиарием", в котором ловко повернула все аргументы своего воздыхателя против него же. По ее мнению, дамы и девицы, которые имеют неосторожность доверять писателям-соблазнителям, щеголяющим куртуазностью и красивыми словами, обманываются так же, как моряки, принимающие кита за остров. Если им слишком нравится слушать такие речи, то это может привести к беде как одних, так и других. Писатели, сбившиеся с пути, рискуют таким образом потерять большие доходы, которые они могли бы получать, став канониками и епископами. Что же касается девиц, если они не будут благоразумны, то уменьшат свои шансы найти

благородного шевалье, который составит их счастье. Следовательно...

Неизвестно, убедили ли Ришара эти аргументы. Но факт то, что он выбрал богатые церковные доходы.

Но оставим в стороне эти любовные бои и невежественное толкование свойств животных! Ришар де Фурниваль был всего лишь оригиналом редкой породы среди множества авторов назидательных бестиариев.

Постепенно обрастая украшениями, история об острове-ките достигла своего апогея во вдохновенном религиозном варианте, в котором автор, не довольствуясь простой символикой, сочтя ее, вероятно, недостаточно действенной в проповедническом отношении, обращается к чуду.

Сначала приведем факты в их классической форме, как они были изложены в различных пересказах легенды о святом Брандане, монахе-бенедиктинце, родившемся в 484 году, который основал аббатство Клонфер в Ирландии.

Согласно легенде, Брандан и семнадцать монахов ордена бенедиктинцев в легкой лодке, сплетенной из ивовых ветвей и покрытой бычьими шкурами, смазанными маслом, пустились через океан на поиски "Блаженного острова", который должен был быть потерянным раем. Однажды, в день празднования Пасхи, они увидели маленький странный остров, круглой формы, не скалистый и не песчаный, без растительности, с голой почвой. Пришвартовав свой корабль с помощью веревок, товарищи Брандана ступили на островок, и, как и полагалось в этот день, каждый отслужил мессу. До сих пор все шло хорошо. Но затем они развели костер, чтобы сварить в котле мясо, и приготовились пообедать. Но мясо еще не успело свариться, как остров вдруг заколебался очень странным образом. Тут уже было не до пира. Монахи едва успели добежать до своей ладьи, как остров на их глазах скрылся под водой.

Брандан, по наставлению Господа (а может быть, он просто читал "Физиологус"?), благоразумно оставался в лодке. Когда братья, испуганные и удивленные, присоединились к нему, святой отец сразу же нашел нужные слова утешения и поддержки:

"Не на острове вы собрались праздновать пасху, но на животном, самом главном и самом большом из тех, которые живут в море. Так пожелал наш Господь, чтобы укрепить нашу веру: поскольку, чем больше мы видим чудес, тем крепче мы верим в него. И вы знайте, что имя этого большого животного - Яскониус. Испокон веков оно пытается схватить себя пастью за хвост, но ему это не удается сделать по причине его огромной величины: поэтому оно является символом вечности..."

Таким образом, если иллюстраторы отчета о путешествии Святого Брандана придавали чудовищу всегда облик кита, оригинальный текст явно намекает на более гибкое, пластичное животное. Невольно приходит на ум Змея Ананта, персонаж старой индусской космогонии, или морская змея Йормунгандр из скандинавской мифологии, или змея алхимиков Уроборо - все они кусают себя за хвост, символизируя вечность или бесконечность. Но поскольку морские змеи были еще менее знакомы людям Средневековья, чем киты, Яскониус очень быстро получил облик кита.

Конечно, это приключение заключало в себе много информации морального плана. Это ни в коем случае не была просто хроника событий, вызванных встречей с морским чудовищем. Из такого случая можно было извлечь гораздо больше пользы. Во всяком случае, так считали многие хитроумные комментаторы.

Так, например, в конце XI или в начале XII века очень эрудированный бельгийский агиограф (агиография - жизнеописание святых) Сижбер де Жамблу приписывает Святому Маклу еще более назидательное приключение.

Этот Маклу (или Магу, или Мало) родился в конце V века в долине Лиан-Карвон, в стране галлов. Пройдя обучение в Ирландии, под внимательным руководством аббата Брандана, он в 538 году поселяется в Бретани и основывает скит недалеко от Алета. Через несколько лет он был назначен епископом этого древнего города, по соседству с

которым впоследствии появился новый город, получивший его имя, - Сен-Мало.

В соответствии с одним из вариантов романа "Путешествие Святого Брандана" Маклу был одним из семнадцати монахов, принимавших участие в достопамятной экспедиции. По мнению других комментаторов, только после этой первой экспедиции галльский монах отправился на поиски острова, открытого его бывшим наставником. Во всяком случае, однажды во время морского путешествия он оказался, как рассказывает Сижбер де Жамблу, в трудной ситуации.

Действительно, для человека набожного очень тягостно в пасхальное воскресенье не получить возможности на суше отслужить со всей торжественностью мессу. Маклу обратился по этому поводу к Всемогущему с горячей молитвой, и вдруг у него на глазах из воды поднялся новый остров. Это было первым чудом, которое, впрочем, не очень удивило будущего епископа, поскольку мысли его были заняты идеей посвятить безотлагательно эту необитаемую землю Богу. Этот проект был тут же воплощен в жизнь. Маклу велел перенести на остров походный алтарь и все необходимые для богослужения принадлежности и начал службу перед коленопреклоненным экипажем. Вся церемония прошла спокойно, и 180 матросов были приведены к причастию должным образом. Но едва верующие, священник и алтарь были перенесены обратно на корабль, как остров погрузился в глубину моря, оставив за собой большой водоворот: это был кит, остававшийся неподвижным на всем протяжении богослужения!"

Этот набожный кит явно не имел ничего общего с зловещим и коварным демоном "бестиариев". Он похож скорее на далекого потомка того кита, который так своевременно всплыл, чтобы спасти от смерти пророка Иону. Несомненно одно: нельзя лучше обыграть сюжет с китом-островом, по крайней мере в религиозных целях.

Вообще-то маловероятно, что аббат Брандан сам сочинил небылицу о чудовище, принятом за остров, поскольку эта легенда гораздо старше него. Но несомненно то, что по возвращении из своих долгих странствий, во время которых он должен был встречать больших морских животных, святой путешественник находился под впечатлением их фантастических размеров, которые на первый взгляд позволяли их принять за песчаную мель или скалистый островок. Эта метафора не должна вызывать улыбку. В наше рациональное время иллюзии еще продолжают существовать. Рассказ об этом можно найти в книге Жоржа Блона, профессионального моряка, "Большое приключение с китами". Вот как он описывает первую встречу с одним из них:

"Что касается меня, я видел одного из них в море, однажды в Атлантике, на широте Гибралтара. Сначала я не мог поверить, что это животное. Волны захлестывали его бурую спину, как плавающий островок; меня охватило совершенно незнакомое чувство приобщения к космосу, которое можно, вероятно, сравнить с ощущениями людей во время землетрясения или извержения вулкана на островке".

Возьмите этот рассказ, вообразите, что он передавался из уст в уста в течение многих лет, пусть его затем изложит на бумаге какой-нибудь впечатлительный Жорж Блон, переведите его последовательно несколько раз, позвольте его затем перепечатать журналистам, любящим сенсации, - и вы с удивлением узнаете, что "капитан Блон" и его экипаж едва не утонули, разведя огонь на спине кита, которого они приняли за островок. В конце концов, когда моряк видит что-то похожее на новый остров, разве не будет первой его мыслью высадиться на него и поесть в обстановке комфорта и стабильности, такой необычной на море?

* Это приключение приписывалось многим высоконабожным персонажам, в том числе, конечно, и самому Брандану. В своей книге "Зачарованный мир" Фердинан Дени связывает его с Эриком Фалкендорфом, епископом из Трондхема, жившим в начале XVI века.

Заметим, что в другом месте своей книги писатель совершенно справедливо отмечает, что кожа кита бывает покрыта мелкими морскими организмами, а иногда на

ней растут водоросли, как на прибрежных скалах или на плавающих обломках. Можно себе представить, как у отдаленного во времени и пространстве комментатора водоросли превращаются в мох, который с помощью новых приукрашиваний принимает размеры кустов, а затем и деревьев. И в конце концов морские животные больших размеров принимают вид настоящих небольших островков.

Так, другая старая легенда, сделав забавный поворот, продолжила историю живого острова: это легенда о плавающих островах.

Острова, принимавшиеся за китов

В былые времена мореплаватели часто удивлялись, не находя земли, обозначенной на неточных, грубо выполненных картах своих предшественников. Случающиеся иногда движения земной коры, в результате которых исчезают острова или появляются новые, которых раньше никто не видел, способствовали постепенному рождению странного поверья: некоторые острова, состоящие, по всей вероятности, из сверхлегких материалов, пемзы например, должны плавать! Так, Геродот считал, что Киянейские острова или Эгадские в Босфоре были некогда плавучими. И Плиний уверяет, что остров Делос, один из Киклад, в прежние времена качался на волнах.

От такого взгляда до веры в то, что некоторые передвигающиеся острова были живыми, один шаг. Кто докажет, в конце концов, что исчезнувшие островки, принимавшиеся мореплавателями в незапамятные времена за новые земли, не были спиной какого-то морского чудовища, гревшегося на солнце?

Вот почему совсем не исключено, что Святой Брандан находился невольно под влиянием легенды о плавучем острове: он был одним из первых представителей Запада, который сделал после своих плаваний описание разных далеких островов, которые позднейшие географы помещали одни - западнее островов Зеленого мыса, другие - у берегов Ирландии, а кое-кто - в Бразилии и даже в Индийском океане! Ввиду ускользающего, неуловимого характера описанных земель даже самые прозаические умы считали их плавающими; и можно найти в различных трактатах, вплоть до времен Ренессанса, замечания вроде нижеследующего, взятого из сочинения Педро де Медина, написанного в 1544 году (описанный остров очень походит на остров Брандана):

"Недалеко от острова Мадера находится другой остров, называемый Антилия, который сегодня уже нельзя увидеть; он находился среди Антильских островов, которым дал свое имя".

Поэты вслед за эрудитами тех времен, узнав о существовании морских чудовищ, похожих на острова, не упустили случая сравнить их с "блуждающими землями".

Одна иллюзия рождала другую, что придавало постепенно легенде о живых островах такую основательность, что писатели Возрождения повторяли ее с непоколебимой уверенностью в ее реальности. Так, например, Олаф Магнус, архиепископ из Упсалы, сообщает в 1556 году в своей "Истории северных народов", что в северных морях водится громадный кит, на спину которого морякам случалось бросать свои крюки и даже высаживаться.

Кит-остров в зоологической литературе

Западный мир встретил это авторитетное свидетельство о чудесах в северных морях как неопровержимое доказательство обоснованности своих верований. На самом деле почтенный Олаф ни в коей мере не был естествоиспытателем или наблюдателем природы: большую часть своей жизни он провел под жарким солнцем Рима, а свой документальный труд о Скандинавии построил отчасти просто на слухах. Не скроем, что он даже никогда не исполнял обязанности архиепископа в Упсале. Эти обязанности нес его старший брат, который был всего лишь архидиаконом собора в Стренгнесе. Когда Густав Васа, освободив Швецию от датского ига, проводил Реформацию в своем новом королевстве, Иоанн Магнус сначала пытался противостоять государю, но тот проявил твердость и настоял на его отъезде в Рим со всем имуществом. Его брат Олаф посчитал тогда, более благоразумным отказаться от своих должностных обязанностей.

После смерти Иоанна папа торжественно передал его титул младшему брату, но Олаф должен был остаться в Италии до конца своих дней и так никогда и не вступил во владение своим епископством. Он продолжал жить в Риме, в монастыре Святой Бригитты, основанном шведами. И что ему оставалось делать, как не беседовать о потерянной родине с другими беженцами, оставшимися верными папству, и пытаться под влиянием ностальгии познакомиться со своей страной тех, кто его приютил?

Так родилась "История северных народов", книга воспоминаний, более или менее точных, маленькой группы эмигрантов. Это значит, что в основу ее легли как самые необыкновенные легенды, так и различные реальные факты, часто, правда, искаженные. Большая часть документальных материалов была позаимствована наверняка из Ватиканской библиотеки! Что касается зоологии, с уверенностью можно сказать, что в этом отношении большое влияние на мемуаристов оказал "Физиологус" - либо по скандинавским информационным каналам Олафа (поскольку существует исландский вариант XIII в. этого произведения), либо через средиземноморских коллег автора.

В подтверждение истории о ките, принятом за остров, Олаф Магнус приводит, например, кроме свидетельства некоего Жората*.

* Этот автор произведения под названием "De animalibus" цитируется многими энциклопедистами XIII века.

Он, таким образом, должен был быть известным в то время, поскольку эти авторы пользовались только солидными источниками. Я не пытался узнать о нем больше, так как такой серьезный историк, как Шарль Виктор Ланглуа, признается, что не знает его, и добавляет: "...востоковеды, с которыми я консультировался, не могли сказать, кто это такой". Еще одно упоминание о нем есть у двух отцов церкви, живших в IV веке: Святого Иеронима, переводчика Библии на латинский язык, и Святого Амбруазия. Этот последний, бывший архиепископом в Милане, утверждал в пятой книге своего "Гексамерона", сборника проповедей по поводу шести дней творения, что, когда кит всплывал на поверхность вод, казалось, что остров поднимается из океана, с горами, вершины которых касались неба. Что же до Жората, он сообщал, что спина чудовища проросла корнями и на ней растут плодовые деревья и кусты. Как же тут не поверить, вместе с Амбруазом, что такие случайные всплытия китов были причиной многих ошибок, когда обманутые моряки наносили эти иллюзорные острова на карты!

Итак, нет сомнения, что "Физиологус" был великим источником вдохновения для таких комментаторов. Знаменитый "бестселлер" наложил такую глубокую печать на зоологические описания отца Амбруазия, что его святейшество стал одним из тех, кому единодушно приписывалось авторство, до тех пор пока не были открыты более ранние следы этой книги.

В конце концов легенда, сочиненная предком авторов всех "Бестиариев", получила с течением времени такое распространение во всем мире, что различные варианты, более или менее сверхъестественные, ею порожденные, накладывались друг на друга, подтверждали друг друга и в результате приобрели репутацию бесспорной истины.

Последний акт этой комедии обманов был разыгран, когда этот концерт анекдотов о живом острове достиг ушей современника Олафа Магнуса, швейцарца Конрада Геснера. Престиж его был очень велик в течение многих веков, поскольку он считался, вероятно, одним из самых эрудированных и хорошо организованных умов своего времени: врач, зоолог, ботаник, филолог... В возрасте одиннадцати лет этот уроженец Цюриха был потрясен актом военного вандализма - когда турки сожгли и разграбили королевскую библиотеку в Буде, в Венгрии. Это разрушение носителей мысли, ужасное чувство непоправимости, которое он испытал, побудило его посвятить свою жизнь титаническому труду компиляции и синтеза, чтобы ограничить возможные потери в будущем. Его великолепная "Универсальная библиотека" (1551-1587),

являющаяся, несомненно, шедевром, дала ему прозвище германского Плиния.

Конрад Геснер, которого точнее было бы назвать Плинием гельветским (Гельвеция - латинское название Швейцарии), был, таким образом, первым, кто предпринял создание "Универсальной библиотеки" (1535- 1555), всеохватывающего библиографического указателя, как мы назвали бы такой труд сейчас. Ограничиваясь только сочинениями на мертвых языках (латинском, греческом, древнееврейском), она содержала не менее 15 тысяч названий. И на каждую книгу Геснер давал часто аннотацию или выдержку из текста, так как он практически все их прочел или по меньшей мере навел о них справки.

Не приходится удивляться поэтому, что он тоже отмечает в своей "Истории животных"; мореплаватели часто ошибались, принимая спину кита за остров. Он, должно быть, так часто читал об этом, что счел своим долгом констатировать это как факт! Геснер уточняет, что моряки-северяне называли кита-обманщика Trolwal, что означает по-норвежски "кит-людоед" или "кит-злодей". А по-немецки его называли Teufelwal (кит-дьявол).

Кит-остров вошел в зоологическую литературу, причем через широко открытые двери.

Черепаха-остров у арабов и ее превращения

До сих пор у читателя могло создаться впечатление, что в течение Средних веков истории об островах-животных концентрировались постепенно вокруг одних только китов. На самом деле ничего подобного. Уже говорилось о том, что Яскониус, по которому ходили товарищи Святого Брандана, был, скорее, разновидностью морского змея. А если справиться у арабских авторов, можно обнаружить, что на Востоке такие же легенды слагались по поводу совсем другого животного.

"Что касается морских черепах, - пишет Касвини в XIII веке в своей книге "Чудеса живого творения", - они такие громадные, что моряки принимают их за острова. Один купец так рассказывает об этом: "Мы нашли остров, возвышавшийся в море, на котором росли зеленые растения. Мы тотчас же высадились на него и выкопали ямки, чтобы развести огонь для приготовления пищи. В ответ на это остров пришел в движение, а моряки сказали: "Поднимемся на корабль, потому что это черепаха и огонь костра обжег ее; поспешите, если вы не хотите, чтобы она Утащила вас с собой". По причине громадности своего тела, рассказывал купец, она походит на остров, а на земле, скопившейся со временем на ее спине как на поле, выросли растения.

Другой арабский эрудит, Ибн аль-Уарди из Алеано, повторяет эту историю в очень похожих выражениях в своей "Жемчужине чудес". Он, впрочем, часто берет за образец Касвини. Именно на рассказах двух этих авторов, очевидно, базируется эпизод с островом-животным из "Тысячи и одной ночи", во время первого путешествия Синдбада-Морехода. Но любопытно, что в рассказе Синдбада речь идет о ките, а не о черепахе. И все же источником информации для этого эпизода послужили именно книги Касвини и Уарди, поскольку далее следуют описания еще двух необычных рыб (взятые из этих книг), встреченных Синдбадом в том же путешествии.

Появление в арабском фольклоре кита-острова западного происхождения легко объяснимо. Действительно, возникновение "Тысячи и одной ночи" не отмечено определенной датой. Это сборник народных сказок, несомненно египетского происхождения, который непрерывно пополнялся с течением веков, причем с одинаковым энтузиазмом туда включались как чудеса, взятые из западных источников, так и легенды, распространенные на Востоке. До последнего времени самым старым манускриптом знаменитых арабских сказок считался текст 1536 года, а европейские переводчики работали с более поздними текстами. Но сказки эти гораздо более старые: Масуди, умерший в 956 году, уже подсмеивался над абсурдными легендами, включенными в "книги, дошедшие до нас и переведенные с персидского, индусского и

греческого... в том числе "Книгу тысячи сказок", которую называют "Книгой тысячи и одной ночи". В 1948 году арабист из Чикагского университета мисс Набия Аббот открыла в том же фрагменты рукописи, датированной самое позднее IX веком.

Очевидно, что детали первого путешествия Синдбада, повторенные Касвини и Уарди, жившими соответственно в XIII и XIV веках, были включены в книгу ранее этого времени. Можно также предположить, что под более поздним влиянием западных писателей черепаха Касвини превратилась в кита.

Сладкий аромат и амбра

Легенды о ките-острове, черепахе-острове и змее-острове так похожи в мельчайших деталях, что можно с уверенностью сказать: они имеют один источник. Почему же главное действующее лицо этих историй разное в восточных, западных и северных вариантах?

Первое, что приходит на ум, - речь идет просто о самом большом морском животном, характерном для каждого из этих регионов или для фольклора этих регионов: так, в индийской мифологии земля держится именно на черепахе, а в северном фольклоре часто фигурирует морской змей.

Но, анализируя ситуацию, можно все же задаться вопросом, является ли кит все же первообразом этой истории. Не по ошибке ли первоначальный *cetus* был назван китом?

Обратимся сначала, для очистки совести, к "Бестиарию" Филиппа де Таона и найдем там действительно подробности техники охоты, характерные для кита:

"*Cetus* имеет такую натуру, что когда он проголодается, то начинает зевать, и при зевоте изо рта его идет запах такой сладкий и приятный, что мелкие рыбешки, привлеченные этим ароматом, заплывают в его пасть. Он ее закрывает и рыбок съедает".

Гийом Нормандский также упоминает, на этот раз именно по поводу кита, что на свой сладкий аромат он ловит рыбу как на удочку. Однако ничто в физиологии собственно китов (то есть китообразных, имеющих китовый ус) не позволяет приписать им сладкий аромат. Но в свете современных знаний можно предположить, что здесь речь идет об особенностях кашалота.

Действительно, этот зубастый кузен китов питается в основном головоногими моллюсками и, чтобы привлечь их, использует тактику, напоминающую приемы средиземноморских рыбаков: опускает под прямым углом свою узкую нижнюю челюсть, покрытую острыми зубами. Возможно, что в подводных сумерках их белизна обманывает кальмаров, которые принимают их за рыбу, совсем как осьминоги, которых ловят на оливковые веточки. В самом деле, можно сказать, что, когда кит проголодается, он начинает зевать, чтобы привлечь добычу.

Кроме того, если и нет никаких данных о приятном аромате самого кита, известно что из его пищеварительного тракта выделяется воскоподобное вещество с тонким ароматом, называемое амброй; его находят иногда на берегу или в воде. Кто-то может заключить на этом основании, что так пахнет вся утроба кита, с одного конца до другого.

Чудесное снадобье давних -времен

Поскольку амбра является одной из главных деталей интересующей нас головоломки и в каком-то смысле служит связующим звеном между китами и гигантскими головоногими моллюсками, она заслуживает особого внимания. Это загадочное вещество представляет интерес во многих отношениях, и в частности из-за своей рыночной цены, которая превышала цену золота. Разве не достойно интереса сокровище, на которое можно наткнуться, гуляя по пляжу?

Уже в течение многих тысячелетий амбра ценилась за свои многочисленные достоинства, главная из которых - способность поглощать запахи и восстанавливать их в более тонкой и стойкой форме. Этим объясняется широкое ее использование на

Востоке в парфюмерии; за ним последовал и Запад,- точно неизвестно когда, но самое позднее в конце античной эпохи. От Северной Африки до Зондских островов, по всему побережью Индийского океана это вещество используется в кулинарии: чтобы подчеркнуть аромат пряностей и букет вин. И наконец, амбра входила в состав индийских пастилок, которые посасывали утонченные парижане прошлого века, чтобы придать свежесть своему дыханию. Амбра и сегодня входит в состав некоторых ароматических веществ.

Античные авторы, тексты которых дошли до нас, не упоминают амбру. Тем не менее они должны были ее знать, если верить свидетельствам более поздних писателей, таких, как Симеон Сет и Этиос (благодаря этому последнему, греческому врачу, жившему в VI в. при дворе Юстиниана I в Византии, мы познакомились с многими произведениями античности, уничтоженными временем).

Предполагают, что древние египтяне курили амброй в храмах, как ладаном. Во всяком случае, мусульмане долго использовали ее именно таким образом, особенно когда собирались отправиться в паломничество в Мекку. Она входила также в состав большинства тех растительных ароматических курений в форме конуса, которые называются "пастилками сераля".

Более прозаичные арабские ученые Средних веков - Разес, Авиценна, Серапион, Аверроэс - ввели это вещество в состав некоторых лекарств, так как ему приписывались успокаивающие и спазмолитические свойства. Западные фармацевты следовали их примеру, и популярность амбры по ее терапевтическим свойствам продержалась вплоть до прошлого века.

Вышедшая в 1691 году "Лондонская фармакопея" Пургона характеризует это вещество как придающее силы больному, стимулирующее, устраняющее засорение, провоцирующее выделение патогенных субстанций и ускоряющее выздоровление. "Оно укрепляет мозг и сердце, оживляет сознание: натуральное, витальное и животное. Его тонкая сульфурная природа дает прекрасный аромат; оно предохраняет от чумы и защищает сознание от заразы". Автор этого труда, "Искусство целения и химическая практика", сообщает нам также, что это вещество, созревшее до желательной кондиции, ароматизирует все, к чему прикасается, успокаивает мигрень, снимает ячмень, подбадривает людей холодных или вялых, предупреждает апоплексию и эпилепсию, укрепляет все части тела и лечит бесплодие. Одним словом, это настоящая панацея.

Спустя немного более столетия очень знающий доктор Ипполит Клоке в своей "Фауне врачей" (1822-1825) сообщает о превосходных результатах, полученных им при использовании амбры для лечения нервной диспепсии и хронических катаров. Вышедший в то же время "Новый кодекс" медицинского факультета содержит формулы многих настоек на основе амбры как для внутреннего, так и для наружного применения в соответствии с указаниями.

Арабы и турки, люди чувственные, но по природе своей вялые, особенно ценили амбру как возбуждающее средство. В Марокко она всегда входила в состав кушанья, вроде варенья, которое было в ходу в гаремах. Недаром маркиз де Сад рекомендовал пить компот из амбры после обеда для стимуляции любовного пыла.

В наши дни в европейских странах амбра используется только в парфюмерии для придания тонкости цветочным и мускусным запахам и для увеличения их стойкости.

Как распознать плавающее золото

Чаще всего амбра в виде воскоподобного вещества плавает на поверхности воды или выбрасывается на берег.

"Считается, - писал в 1675 году химик Никола Лемери, - что ее находят только в восточных морях, хотя иногда она встречается на берегах Англии и в других местах Европы. Больше всего ее на берегах Мелинды, в Восточной Африке, в устье реки Рио-де-Сены (Замбези)".

Очень свежая амбра выделяет тошнотворный запах гнилого навоза, но, омытая морем и окисленная воздухом, она теряет постепенно неприятный запах и начинает пахнуть как гумус или свежеспаванная земля. Оставленная стареть в погребке, она достигает такой степени чистоты, что в ее запахе остается только мускусный компонент, тонкий и обволакивающий, напоминающий запах розного ладана.

Серый цвет амбры не всегда бывает таким. Сначала она всегда коричневаточерная, похожая на гудрон. От долгого пребывания в морской воде она постепенно светлеет. После затвердевания цвет ее колеблется от темно-коричневого до пятнисто-зеленого или грязно-белого.

Доктор Элис Траутон из Австралийского музея, которой часто приходилось иметь дело с образцами амбры, так описывает ее консистенцию:

"Ее структура напоминает немного структуру сухой коровьей лепешки на срезе. Она не крошится, как спрессованный говяжий жир, который не пачкает пальцы, и становится хрупкой только после многолетнего хранения. Если ее слегка нагреть, она становится мягкой, как пластилин, и похожей на смолу, которой пользуются сапожники".

По причине своей редкости и высокого спроса на рынке амбра всегда держится в очень высокой цене. Цена колеблется в широких пределах в зависимости от чистоты продукта и масштабов его производства. Амбра высшего качества продавалась по цене 5 тысяч новых франков за грамм. Еще несколько лет назад она стоила 15-35 долларов за унцию, или 190-430 франков за грамм. В связи с использованием в парфюмерии некоторых синтетических веществ ее цена упала до 100 франков за грамм (8 долларов за унцию).

Легендарное вещество, получившее прозвище "плавающее золото", находят в виде кусков, весящих иногда несколько килограммов, а в исключительных случаях сотни килограммов. Такая находка может принести доход, равный доходу от золотой жилы. Поэтому, гуляя по берегу, смотрите зорче, а главное, приносите домой.

Увы, распознать амбру в комке грязи нелегко, если никогда прежде вы ее не видели и не нюхали. Ни цвет, такой разнообразный, ни запах не могут служить критериями. Вот почему хранителей музеев естественной истории так часто беспокоят люди с глазами, горящими надеждой, подсовывая им для экспертизы куски старого мыла, комья сала или гудрона, разложившееся мясо, губки, куски шлака, гнилого дерева и даже заскорузлые ботинки, а также все остатки от пикников, которые только можно себе вообразить.

Чтобы точно определить, имеете ли вы дело именно с амброй, следует помнить, что она всегда плавает на поверхности воды, размягчается при нагревании на умеренном огне до состояния пластичности и растворяется в холодном виде в чистом спирте и в эфире. Когда в нее погружают иглу или проволочку, раскаленную докрасна, она выделяет, в виде пузырьков, смолистую жидкость, черновато-коричневую, которая не липнет ни к металлу, ни к пальцам. Поднесенный к пламени свечи, кусочек амбры тут же улетучивается в виде белого пара. И наконец, положенная на стол музейного работника, амбра без труда распознается по первой его реакции на вашу находку.

Откуда берется амбра

Забавно, что ученые до недавнего времени не знали происхождения этого ценного вещества. Разумеется, предположений на этот счет было предостаточно, от средних веков и до XVIII века. В 1667 году ученый Клобиус мог назвать их не менее восемнадцати. На самом деле трудно найти такой способ, который еще не предлагался.

Одни считали, что это минерал, другие приписывали ей растительное происхождение, третьи - животное, и эти последние не составляли большинства, и мнение их не имело большого веса.

Самой оригинальной является, несомненно, гипотеза немецкого ботаника Леонарда Фуша, который в XVI веке просто-напросто отрицал существование такого

природного вещества. По его мнению, амбра изготавливалась из различных ароматических ингредиентов. Следует признать, что во многих случаях такое мнение было справедливым. Учитывая ценность товара, мошенники высшей квалификации соревновались в изобретательности, стремясь обмануть богатых любителей. В эпоху Ренессанса наш старый знакомый, Олаф Магнус, уже говорил по поводу амбры: "Ее подделывают, смешивая порошок дерева алоэ, мускус и росный ладан и несколько других веществ. Но подделку легко разоблачить, поскольку фальшивая амбра размягчается, как воск, в тех случаях, когда настоящая амбра остается твердой".

Самыми абсурдными нам сегодня кажутся (поскольку мы знаем правду!) взгляды тех, кто считал амбру минералом. Бытовало также мнение, что это затвердевшая морская пена. Но великий итальянский ботаник XVI века Андреа Чезальпиши считал амбру драгоценным камнем, а другие - настоящей природной серой. И наконец, многие принимали ее за застывшую вулканическую лаву, выливающуюся при извержениях подводных вулканов. Этому объяснению отдавалось предпочтение в ученых кругах XVII и части XVIII века, но Бюффон, например, сомневался, следует ли считать амбру смолой животного происхождения или минералом.

Геологическое объяснение породило новую разновидность авантюристов "охотников за амброй". Поскольку есть в море вулканические острова, почему бы им не выбрасывать ароматическую лаву - таков был ход их рассуждений. В мире флибустьеров поднялось волнение, особенно среди голландцев, когда французский путешественник Исаак Виньи сообщил, что он обнаружил в просторах океана именно такой остров...

Наиболее приемлемым сегодня кажется взгляд на амбру как на вещество растительного происхождения, поскольку большинство ароматических веществ получается из растений. Так, ботаник Серапион Младший объявил, что амбра - это шампиньон, подводный гриб. Так же думал его современник, арабский врач Авиценна. Пятью столетиями позже блестящий филолог и врач Жюль-Сезар Скалиже присоединился к их мнению. Во временном промежутке между ними Аверроэс, другой арабский врач, который в Средние века был отлучен от церкви за свое неверие, высказал мнение, что плавающее золото является разновидностью камфары. Были и такие, которые считали амбру морским растением, аналогичным губке. Велись жаркие споры об истинной природе этого "зоофита", животного-растения. У иных заблуждение зашло так далеко, что они рассматривали амбру как плод коралла, считавшегося тогда деревом, растущим из глубины моря!

Более разумно рассуждал французский ботаник Обле, предположивший, что это камедь, растительный клей, случайно попавший в море. Это правдоподобное объяснение поддержала одна из знаменитостей XVII века, английский химик Роберт Бойль, мнение которого базировалось на рукописи, которую его соотечественники нашли на голландском судне, которое они взяли в плен.

Этот документ, обозначенный "Батавия, 1 марта 1672 года", категорически утверждал, что амбра происходит от дерева, которое росло на некотором расстоянии от берега, но корни которого достигали моря. От тепла тропических вод они стали выделять густую камедь (резину), которая долго омывалась морскими течениями и в конце концов всплыла на поверхность. Можно предположить, что это письмо было специально подброшено, чтобы сбить с толку английских исследователей. Одно несомненно - что "скептический химик", как он сам именовал себя, попал в эту ловушку.

Так ароматическую амбру приняли за затвердевшую смолу хвойных деревьев, то есть янтарь, и французские торговцы предложили в конце концов различать эти два сорта амбры по цвету: настоящая амбра стала называться серой амброй, а янтарь - желтой амброй.

Среди сторонников животного происхождения амбры можно назвать еще тех, кто

считал ее печенью рыбы, рвотной массой тюленей и экскрементами крокодила, причем эти последние мнения были ближе к истине, чем все предшествующие. И можно поздравить Жана-Батиста Дени, который писал в 1672 году со спокойной уверенностью:

"Серая амбра - это смесь воска и меда, собираемого на побережье пчелами, который нагревается и плавится под лучами солнца, а затем падает в море, где подвергается дальнейшей обработке ударами волн и морской солью, в результате чего и превращается в такое драгоценное вещество".

Эта идея имела много сторонников.

Самым поэтическим объяснением было, несомненно, объявление легендарного вещества пометом птицы, питающейся ароматическими растениями. Это объясняло одновременно и зловоние первоначального продукта, и его тонкий аромат после длительного воздействия воздуха: легенда эта была не так уж глупа. Она объясняла также другую характерную особенность амбры. Испанец Гарсия дель Хуэрто отметил в 1563 году в своей книге об Индии, что вещество амбры включает иногда птичьи клювы. Чтобы ловить птиц, рассуждал он, надо самому быть птицей. Значит, хозяин амбры должен быть хищной птицей, который кроме ароматических растений поедает еще мелких пернатых.

Француз Шарль де л'Экюз, профессор Лейденского университета, отметил в 1605 году, что вышеупомянутые клювы принадлежат каракатицам, а не птицам, что, однако, не заставило приверженцев, "птичьей теории" от нее отступить. У них был еще один сильнейший аргумент: иногда в амбре находили птичьи кости. Конечно, в XVII веке еще не подозревали о наличии когтей у кальмаров!

Де л'Экюз, этот великий ботаник и путешественник, которому мы обязаны столь многими описаниями новых животных обеих Индий - двух концов мира в то время! - был очень близок к истине, когда рассматривал амбру как вещество, образующееся в желудке кита, затвердение, подобное камням и "комьям", которые находят внутри некоторых млекопитающих. Он позаимствовал это мнение у Бургиньона, по прозвищу Серве Марель, с которым встретился во Франкфурте. Но увы, он никого не убедил.

Эксклюзивные поставщики амбры

На самом деле многие люди с незапамятных времен знали о настоящем происхождении амбры. Это были жители побережья Индийского океана. Надо думать, европейцы не придавали большого значения мнению тех, кого они считали дикарями и варварами. Но великие путешественники не имели глупого предубеждения относительно мнимого превосходства своей собственной цивилизации. Еще в XIII веке Марко Поло со всею простотой писал о богатствах Мадагаскара: "Известно, что амбру производит кит". В 1705 году голландец Георг Эверард Румф также упоминает, что малайцы называют это вещество "Экскрементами рыбы", причем под словом "рыба" надо понимать морских животных вообще. А немецкий натуралист и исследователь Энгельберт Кампфер в XVII веке сообщает, что в Японии повсюду амбру называют "пометом кита". Он утверждает также, что амбра выделяется только из кишечника карликового кашалота, называемого по-японски "мокос", длина которого колеблется от 3 до 4 морских саженей. Выделяемое вещество считается амброй низкого качества, высококачественную же амбру находят на берегу.

В арабском мире в Средние века широко бытовало мнение, что амбра созревает в желудке кита. Авиценна и Серапион считали все же, что если ее и находят в желудке китов, то это потому, что большие киты питают особое пристрастие к "этому сорту морских грибов".

Они утверждали даже, что киты пожирали такое количество этих грибов, что иногда умирали от несварения желудка. Поверье это основывалось на том, что амбру никогда не находили внутри здорового кита, но чаще всего у китов истощенных, слабых, видимо, умирающих или даже умерших, плавающих на поверхности или

выброшенных на берег.

Еще одно ценное указание относительно личности производителя амбры дал нам сын мавританского князя Аль-Хасан ибн Мохаммед аль-Васан, который попал в руки христианских пиратов, когда возвращался из экспедиции в неисследованные районы черной Африки. Доставленный в Рим и представленный папе, который обращался с ним с должной почтительностью, арабский ученый принял христианство, получив имя Лев Африканский, и написал в 1520 году книгу "Историческое описание Африки", которая наделала много шума в западном мире. Вот что он пишет там по поводу рыб:

"Ambar имеет чудовищные размеры и форму; его можно увидеть только мертвым, когда море выбросит его на землю... Жители побережья говорят, что эта рыба выбрасывает из себя серую амбру, но они не знают, является ли это вещество спермой или пометом".

Этот удивительный текст относится, безусловно, к кашалоту, поскольку там описывается его громадная и мощная голова, способная пробить днище судна. Из этого текста мы узнаем также, откуда произошло название "амбра" - от производителя ее, ambar, то есть кашалота, что исключает всякие дальнейшие кривотолки.

Увы, эрудиты того времени - среди них Конрад Геснер, Олаф Магнус и Жером Кардан - отвергали гипотезу, согласно которой амбра может быть пометом кита: они предпочитали считать ее семенем китов-самцов. Несомненно, им казалось невероятным, чтобы самый тонкий в мире аромат, самое сильное укрепляющее лекарство могли происходить из экскрементов кита.

Единственное, что не укладывалось в эту версию, - амбру находили время от времени в кишечнике выброшенных на берег китов.

Отныне происхождение амбры ассоциировалось в общественном мнении с китами, но, чтобы окончательно прояснить проблему, надо было скомбинировать эту версию с различными старыми объяснениями ее происхождения. В результате появились такие варианты мнений: это продукт переваривания китом морского трюфеля, морской смолы, меда, ароматных плодов и даже (самый сложный вариант) экскрементов наземного животного. Но все равно это было прогрессом в сравнении с вариантами, где кит не играл никакой роли.

К несчастью, некоторые ученые, хорошо информированные, считали своей обязанностью отрицать всякую связь между амброй и китами. Отец Эзб Нюрнбергский, испанский иезуит тирольского происхождения, утверждал в 1635 году, после описания методов охоты на кита, что он никогда не слышал, чтобы китобои находили амбру во внутренностях своей добычи. И, к сожалению, это было истинной правдой, поскольку в те времена еще не охотились на кашалотов! Если американские индейцы в своих утлых пирогах и решались иногда на это, то страшная, зубастая пасть животного всегда заставляла отступить европейцев, даже самых отважных. Ничего удивительного, что амбру никогда не находили во внутренностях китов, снабженных китовым усом. Информация Льва Африканского была просто забыта, а ведь он сообщал, что настоящим поставщиком драгоценного вещества является ambar, "шкура которого тверда, как камень".

Упорным невежеством и презрением к старым текстам и иноплеменным верованиям объясняется популярность до самого конца XVIII века таких фантастических теорий, как выдумки о подводной смоле, растительной резине или искусственном меде.

Заключение доктора Шведиавера

В 1741 году кашалот был выброшен на берег у Байонны. В кишечнике его был обнаружен кусок амбры весом более 5 килограмм. Такой вес не является чем-то необычным: при Людовике XIV голландская Ост-Индская компания купила у местного князя кусок весом 182 фунта, и это не рекорд, поскольку сегодня известны по меньшей мере четыре куса амбры весом более 400 килограммов каждый. Но тогда, в Байонне,

европейцы в первый раз могли собственными глазами увидеть, откуда берется амбра. Но они не извлекли пользы из этого урока, продолжая считать, что кашалот сам проглотил эту амбру!

И только в 1783 году, расспросив многих китобоев из Новой Англии, австрийский медик доктор Франц Ксавье Шведиавер установил совершенно неопровержимо, что амбра является продуктом кишечника кашалота, одного только кашалота, и не зависит от пола этого животного.

Этот факт подтверждается также тем обстоятельством, что амбру находят только в теплых морях, посещаемых этими китами, или на берегах этих морей.

Охотники на китов уточняют, что, когда в кита попадает гарпун, он срыгивает свой последний обед и выбрасывает экскременты, как делают все живые существа под воздействием сильного волнения. Внезапная слабость сфинктера это хорошо известное последствие панического страха. После этого, по мнению китобоев, не остается никакого шанса найти амбру внутри кашалота. Но так ведут себя только здоровые и сильные животные. Больные же, слабые, истощенные редко реагируют таким образом на смертельный удар. Поэтому в их внутренностях можно найти амбру почти наверняка. Это относится также к кашалотам, выброшенным на берег, так как обычно это с ними случается не в результате насилия.

Доктор Шведиавер задался вопросом, а не является ли именно большое скопление амбры в кишечнике причиной болезни кашалотов, приводя к непроходимости кишечника со смертельным исходом.

По мнению австрийского врача, драгоценное ароматическое вещество образуется, когда клювы кальмаров, проглоченных кашалотом, не удаляются сразу из его кишечника, но образуют конгломерат с другими отходами. Поэтому амбру можно определить как помет, необычно затвердевший от остатков головоногих моллюсков, смешанных с другими неперевавленными остатками его пищи.

Действительно, в ароматических камнях почти всегда присутствуют клювы различных головоногих - однажды их насчитали около тысячи! - и другие неудобоваримые остатки, большей частью кальмаров: зубчатые края присосок, когти.

"Золотая трубка", океаническая версия

Ценные данные доктора Шведиавера не объясняли, однако, тайну тонкого аромата вещества такого низкого происхождения.

Какой-то свет был пролит на эту проблему с помощью химического анализа этого таинственного материала, которым химик Х.Н. Гримм занимался с 1682 года.

Он нашел в нем, помимо прочего, особое органическое вещество, которое в начале XIX века Пеллетье и Кавантон называли амбреином. Это жировая субстанция, которая кристаллизуется в форме иголок и очень похожа на холестерин. Поскольку при погружении в желчь это вещество выпадает в осадок в виде желчных камней, профессор Пуше решил в 1843 году, что амбра должна иметь такое же патологическое происхождение. Такой взгляд подтверждали также рассказы китобоев, которые находили ее только внутри больных кашалотов.

И все же одного амбреина, несмотря на его тонкий аромат, недостаточно для производства духов. Кроме этого вещества, на которое приходится от 1/4 до 4/5 массы амбры, она содержит еще минеральные соли, алкалоиды и некоторые кислоты. Химики считают, что уникальные свойства "плавающего золота" зависят от совместного присутствия амбреина и бензойного эфира, который получается от соединения спирта с кислым радикалом. Поскольку этот последний является в данном случае бензойной кислотой, которая входит в состав бензола, розного ладана, это объясняет отчасти особый аромат амбры.

Но в конечном счете может возникнуть вопрос, не принадлежит ли тонкий аромат амбры просто тем кальмарам и осьминогам, которые составляют обычное меню кашалота. В самом деле, кожа головоногих имеет часто железы, маслообразный секрет

которых имеет резкий мускусный запах. Поэтому, между прочим, один из них называется мускусным осьминогом. Плиний сообщает, что римляне высушивали и растирали в порошок этих животных, чтобы делать из них духи.

Но во всех этих гипотезах, по мнению автора, нет необходимости. Вполне достаточным является простое объяснение, которое получил доктор Шведиавер от своих информаторов - китобоев. Если амбру обычно находят только в кишечнике больных кашалотов, то это потому лишь, что у них нет сил реагировать должным образом на опасность, то есть выбрасывать содержимое кишечника при ударе гарпуна. Во всяком случае, так было раньше. Сила и точность современного оружия при охоте на кашалотов так велика, что они не успевают испугаться перед смертью и выбросить из себя амбру вместе с пометом.

Доктор Роберт Кларк из Института океанографии в Уормли (графство Суррей, Англия) сообщает, что в 1847 году были убиты два кашалота, из которых извлекли куски амбры весом 422 и 155 килограмм соответственно и которые при этом совсем не казались больными. Желудки обоих были полны пищи, и на вид они были абсолютно здоровы. Плохое пищеварение - это еще не болезнь.

Таким образом, доктор Шведиавер продемонстрировал хорошее чутье, объявив амбру продуктом ненормального затвердения фекалий вокруг некоторых неудобоваримых отходов. Обычно помет больших китов имеет жидкую консистенцию, но, если, встречая препятствия, задерживается дольше обычного в толстом кишечнике, то неизбежно постепенно твердеет. Кроме того, под влиянием бактерий, обитающих в прямой кишке кашалота, помет подвергается более интенсивной переработке, чем обычно.

В общем, кашалот похож на героя смешного фарса Фернана Кромлинка "Золотая требуха", который превращал в драгоценный металл все, что съедал. Этот сюжет ближе к правде, чем легенда о плавающем золоте.

Непереваренные клювы, ответственные в конечном счете за желудочные колики, в результате которых появляется амбра, причиняют кашалоту ужасную боль, проявляющуюся в виде глухого бурчания в животе и отрыжки, достойной Гаргантюа. Когда громадный гурман поднимается на поверхность, чтобы отдохнуть, эти звуки разносятся на много миль вокруг. Такое несварение желудка должно заканчиваться иногда рвотой и диареей, счастливым результатом которой может быть выброс из кишечника амбры.

По сути дела, не так далек от истины был средневековый китайский автор Пен Сяо, который дал этому веществу название "аромат слюны дракона". Он утверждал, что это ароматическое вещество изрыгают стаи морских драконов, которые собираются в австралийских морях в определенное время года.

И снова невероятная средневековая легенда подтвердилась живыми наблюдениями.

Секрет аспидочерепахи

Проделав, можно сказать, по запаху этот длинный путь, который привел нас к источнику появления амбры, мы можем теперь с большим основанием утверждать, что в средневековых бестиариях под именем *cetus* фигурировал именно кашалот. Как можно его не узнать в морском чудовище, которое непринужденно зевает, когда проголодается, и заманивает жертвы в свою пасть ароматным дыханием?

Но попутно мы узнали также, что помимо амбры приятным запахом обладают некоторые головоногие и что, если верить легенде, этот запах привлекает их врагов. Это наводит на размышления. Не мог ли быть этот таинственный колосс, так плохо описанный, душистым головоногим моллюском очень больших размеров?

Действительно, если вернуться к источнику всех бестиариев, знаменитому "Физиологусу", можно убедиться, что героем истории о живом острове является совершенно особый *cetus*, называемый по-гречески "змея-черепаха". Между этим

животным и китами проводится четкое различие, им в этой книге посвящены две разные главы. Кит же в переводе с греческого означает "выбрасывающий, извергающий", что указывает на знаменитые фонтаны, которые пускают киты (на самом деле они выбрасывают не воду, а воздух из легких, который конденсирует водные пары от разницы в температуре).

Это объясняет, почему арабские натурфилософы говорили о "черепахе-острове", а не о "ките-острове": они держались ближе к тексту оригинала, чем их западные коллеги.

Но кем же может быть эта громадная "черепаха-змея", о которой говорится в старом "Физиологусе"?

Конечно, существует большое число черепах, называемых "скрытошейными", поскольку, пряча голову под панцирь, они укладывают шею в виде буквы S. Это самый большой по численности подотряд черепах, в который входит гигант этой группы, кожистая черепаха.

Но этот чемпион, если он живет в море, не превышает 2 метров 75 сантиметров в длину и не выдерживает сравнения даже с самым маленьким китом; из этого следует, что вряд ли он мог послужить основанием для легенды о громадном животном. Самая большая ископаемая черепаха, которую мы знаем, архелон, которая обитала некогда во внутреннем море на территории нынешнего Канзаса, не превышала 4 метров в длину. Если бы она и дожила случайно до времени написания "Физиологуса", это не прояснило бы вопроса.

Но совсем не обязательно "змеечерепаха" должна быть в самом деле черепахой, подобно тому как летучая мышь совсем не является мышью, а "ухающий кот" (в буквальном переводе с французского) - совсем не кот, а сова. Пользующийся уважением автор XI века Хьюг де Сен-Виктор говорит об "аспидочерепахе", что "одна часть морского зверя была похожа на черепаху, а другая - на змею".

Если так посмотреть на дело, то этот морской гигант мог быть плезиозавром, корпус которого и лапы как у морской черепахи, а длинная шея похожа на змеиную. Он мог выделять также сильный мускусный запах, как многие рептилии. Но этот колосс юрского периода исчез, по-видимому, с лица Земли много миллионов лет назад. Если только он не стал прототипом вечно живого "морского змея". Это объяснило бы также описание живого острова Святого Брандана как змееподобного животного. Но это, как говорил Редьярд Киплинг, совсем другая история (о которой речь впереди).

И последнее объяснение приходит на ум: не означает ли это название "черепаха со змеями", то есть "черепаха с шевелюрой в виде змей" или "черепаха со змееподобными конечностями"? Такое название неплохо подошло бы каракатице или кальмару: овальный и твердый корпус каракатицы не исключает сходство со щитом черепахи, а конечности головоногих очень напоминают змеиное гнездо. И наконец, как мы знаем, некоторые из этих моллюсков сильно пахнут мускусом и перед обедом широко раскрывают венчик своих щупалец.

Конечно, к этой версии следует относиться со всей осторожностью, и сам автор не вполне уверен в законности ее предложения. Но различные записи XVII века говорят в ее защиту. Одним словом, не исключено, что легенда об острове-животном, которое привлекает добычу своим запахом, была навеяна вначале головоногими гигантами. Одно несомненно: в глазах скандинавов это одно из главных действующих лиц этой истории.

Подведем итоги. В начале нашей эры греческий "Физиологус", который стремился вывести мораль из чудес природы, говорил, с одной стороны, о чудовище (ketos), называвшемся аспидочерепахой, которое можно было принять за остров из-за его величины, и, с другой стороны, о китах, также громадных, которые извергают к небесам водяные столбы. Некоторые не очень добросовестные переводчики или копиисты игнорировали название "аспидочерепаха", так как оно казалось им

непонятным или нелепым, и вместо того, чтобы говорить о некоем *cetus* как о чудовище вообще, они называли конкретное животное *cetus*, возможно подразумевая кашалота. Но аспидочерепаха, безусловно, не была китообразным. Позднее, когда латинский вариант был переведен на живой французский язык, слово *cetus* было передано как "кит", а параграфы, первоначально посвященные киту, были сочтены менее интересными или второстепенными либо были включены в главу о *cetus*.

Так, путем ошибок и сокращений, совершалось превращение загадочной аспидочерепахи в кита.

Возможно, корни этой легенды лежат в индусской мифологии (поскольку все индоевропейские языки произошли из санскрита), а на санскрите слово "остров" звучит как "черепаха" (буквально "выпуклый", "горбатый", "приподнятый"). Это послужило затравкой для легенды, которую потом разные народы переделывали по своему вкусу, чтобы подчеркнуть громадные размеры чудовищ, плавающих в их родных морях.

Классический кит в Скандинавии

В некоторых странах Европы ученые не позволяли себе обманываться из-за ошибок, допущенных переписчиками и переводчиками древних текстов. Например, в Скандинавии в период средневековой ночи научный дух не пришел в такой упадок, как на остальном континенте. В то время как повсюду на Западе не давали себе труда наблюдать природу, "поскольку все уже содержится в Аристотеле", северные народы, менее подверженные влиянию средиземноморской культуры, держали глаза широко открытыми. Поэтому они были первыми, включившими в современную им науку информацию о новых явлениях, наблюдавшихся ими.

Конечно, когда в Скандинавии появилась легенда об острове-животном, она имела сначала классическую форму.

В каталоге замечательных животных, составленном в XVII веке датским врачом Олафом Уормом и являвшемся синтезом современных ему знаний, среди двадцати четырех различных "китообразных" двадцать вторым числилось громадное чудовище, очень редко наблюдаемое, известное под именем *hafgufe*:

"Те, кто его видел, рассказывали, что тело его больше походит на остров, чем на животное. Поскольку никогда не видели трупа этого животного, по всей вероятности, в природе существует только два экземпляра этой породы".

Этот текст скуп на детали, но, к счастью, сохранились более обширные комментарии об этом *hafgufe* соотечественника и современника Уорма: "Анатомическая история" (1657) Томаса Бартолена, человека, который первым описал лимфатическую систему.

Знаменитый анатом из Копенгагена, ученик Марка-Аврелия Северино сообщает сначала, что животное это называют еще "морским паром", а затем рассказывает уже известную нам историю о епископе Брандане. И наконец, Бартолен склоняется перед премудростью провидения, которое, ввиду недостатка на земле пищи и места для такого громадного животного предусмотрело только два экземпляра этой породы, стерильных, но бессмертных. В целях экономии предусмотрено одноразовое кормление этих животных в год. После длительного переваривания этой пищи раздается громкое урчание в животе у животного и разносится аромат такой приятный, что со всех сторон к нему собираются рыбы. Но чудовище тут же открывает свою пасть, громадную, "как залив или пролив", и обманутые животные спешат быть проглоченными...

Эта легенда осталась неизменной в скандинавской мифологии в течение полутора тысяч лет, несмотря на метаморфозы ее главного героя во всем остальном мире. Она так же бессмертна, как сам *hafgufe*.

Гигантский краб в качестве живого острова

Германский натуралист конца XVII века Христиан Франц Паулинус, автор многих трактатов по ботанике и зоологии, ссылаясь на сведения, полученные им от его ученых друзей в Скандинавии, подробно описывает внешний вид и повадки "острова-

животного", но утверждает при этом, что это гигантский краб, хватающий людей с приблизившегося судна своими чудовищными клешнями и пожирающий их.

Но был ли это действительно краб? Более чем сомнительно. Гигантские крабы в зоологической литературе встречаются так же редко, как и в природе. Вот разве что Элиан сообщает, что, когда Александр Македонский плыл в Красном море, он видел крабов, панцирь которых имел в окружности 3 метра 30 сантиметров.

Действительно, известны крабы, величина которых приближается к вышеупомянутому. Гигантский морской паук, или "краб на ходулях", живущий в Японском море, имеет панцирь максимум 1 метр 50 сантиметров в окружности, но конечности его так длинны, что в распластанном виде он потянет на 4 метра. Но даже при таких размерах ему далеко до настоящих морских гигантов, таких, как киты. Ни один хвостун не отважится утверждать, что он высаживался на спину такого краба.

Зато в рассказах плававших по морям в Средние века арабских мореплавателей от Ормузского пролива до Китая можно встретить гораздо более устрашающих крабов. Они высовывают из воды свои гигантские клешни, похожие на рифы, и сжимают ими корабли, неосторожно приблизившиеся к ним.

В сиамском фольклоре до наших дней сохранились легенды о гигантских крабах и скорпионах, которые могли утащить корабль в глубину моря. Эскимосы также приписывают такие злодеяния громадным морским "паукам".

Все эти экзотические чудовища похожи, несомненно, на похитителей баркасов, о которых пишет Паулину, но очень сомнительна их принадлежность к классу ракообразных. В действительности большие крабы способны только бегать по дну моря и не умеют плавать. Каким же образом они могли бы подняться на поверхность воды?

Крабов часто путают с осьминогами

Скандинавская легенда о krabben или kraken, во всем похожая на вышеописанную легенду, относится отнюдь не к крабу, как можно было бы подумать, судя по названию животного, а к головоногому моллюску.

Морские раки Паулину, крабы арабских путешественников и сиамских сказочников, пауки эскимосских рыбаков имеют, несомненно, ту же природу.

Бесспорно, осьминог и краб, с их круглым корпусом, окруженным десятком конечностей, имеют похожий силуэт: ничего удивительного, что неискушенные люди сваливают их в одну кучу. Еще в эпоху Ренессанса головоногих и ракообразных нередко путали. Посмотрите, к примеру, на гравюру на дереве, иллюстрирующую главу "Полипы" в сочинении Олафа Магнуса. Текст относится, несомненно, к осьминогу: говорится о "рыбе с множеством ног", которая живет в пещерах и меняет свой цвет в зависимости от фона, на котором находится; ее корпус мал по сравнению с конечностями. Упомянут и реактивный двигатель, хотя расположение его указано неправильно: "Животное имеет трубку на спине, с помощью которой меняет курс, поворачивая то направо, то налево". И все же иллюстратор ничтоже сумняшеся изображает громадного лангуста! На картинке изображен также матрос, которого чудовище хватает своей клешней и бесцеремонно тащит с палубы корабля.

В 1539 году Олаф Магнус печатает в Венеции карту, на которой представлены все чудовища северных морей. Она называлась так: "Карта северных земель и чудес, там имеющих, равно как и в соседнем океане". По ее образцу изготавливались впоследствии похожие карты, сегодня широко известные по причине их живописности: среди них в 1556 году появилась такая карта в "Универсальной космографии" Себастьяна Мюнстера, а в 1572-м подобная карта была изготовлена Антуаном Лафрери. На всех этих картах был изображен вышеупомянутый эпизод в виде борьбы человека с гигантским омаром.

Все эти истории о лжеракообразных, нападающих на суда или на моряков, следует сравнить со старой легендой о Сцилле, которая не упускала случая схватить матроса с неосторожно приблизившегося судна. Рассказ Гомера освежила в памяти

читателей монументальная зоологическая энциклопедия Улисса Альдрованди: чудовищный похититель людей был определен в ней совершенно недвусмысленно. В пространном труде натуралиста из Болоньи сказано, что именно осьминоги атакуют суда в открытом море и, обвив человека своими щупальцами, стаскивают его с палубы в море.

Единственное сомнение в правдивости этой истории вызывает тот факт, что если осьминог и плавает немного лучше, чем краб, то все же это глубоководное животное: он никогда не поднимается на поверхность, тем более "в открытом море".

Пришло время напомнить, что у осьминога есть кузен, выдающийся пловец, который не только может всплыть на поверхность, но и постоянно это делает, кальмар. Случается даже, что он вылетает, как стрела, из воды и падает на палубу корабля.

Со времен Аристотеля известны кальмары необычной величины. Если читать между строк, то история о знаменитом "осьминоге" из Картеи, о котором пишет Плиний, заставляет подозревать существование поистине гигантских экземпляров. И критическое изучение источников легенды о *cetus*, обладателе приятного запаха, которого часто принимали за остров, еще усиливает эти подозрения. Но тогда напрашивается вопрос, не являлись ли гигантскими кальмарами и остальные вышеописанные страшилища: норвежские *hafgefe*, описанные Уормом и Бартоленом, чудовищные морские раки Паулинуса и арабских мореходов, морской разбойник осьминог Альдрованди? Такой вопрос вполне логичен, тем более что в эпоху Ренессанса ничего не знали о плавающих осьминогах, которые к тому же и не показывались из своих глубин. Увы, поскольку в XVII веке никто не занимался наблюдениями и сравнением повадок различных головоногих, этим капитальным вопросом не задавались. А поставить вопрос - значит ответить на него.

Это случилось в эпоху, когда сэр Томас Браун в Англии пытался упрочить права разума, борясь с вульгарными ошибками и задавая себе нелепые вопросы, вроде того, какие песни могли петь сирены.

Потребовалось время, чтобы произошел переворот во взглядах. Гигантский кальмар еще в течение века был погружен в густой туман легенды, поскольку никто не стремился рассеять этот туман. Или, может быть, никто не решался посмотреть правде в глаза?

ЛЕГЕНДА О КРАКЕНЕ С НАУЧНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В XVIII веке, заслуженно называемым "веком Просвещения", тайна "животного-острова" потому так взволновала умы ученых, что это чудовище считалось самым крупным из живых созданий. Спокойствие натуралистов было нарушено настолько, насколько заслуженными в их глазах казались эпитеты "дьявольский" и "колдовской", которыми наградили это животное моряки. В то время, как Антони ван Левенгук с помощью своего микроскопа открыл мир невидимых глазу животных, а Реомюр познакомил современников с поведением самых низших беспозвоночных - насекомых, не обидно ли было ничего не знать о существе столь монументальном?

Заметим, что в ту эпоху наука о животных не представляла из себя хоть сколько-нибудь стройной системы. Недавно открытые виды соседствовали здесь с монстрами из греческой мифологии, змеями о двух головах, пятиногими баранами, белолицыми неграми, а также обыкновенными гусями, курами и прочими обитателями птичьего двора. Все более актуальная проблема классификации животных требовала от ученых прежде всего строгой идентификации отдельных видов. Это обстоятельство, в частности, и побудило в середине XVIII века трех натуралистов почти одновременно заняться решением проблемы "животного-острова".

Первым из них был шведский ботаник и врач Карл Нильсон Ингемарсон, уже известный в то время под псевдонимом Линней. Второй - ученый датский прелат, занимающийся естественными науками, епископ Эрик Людвигсен Понтоппидан. И наконец, третий - немецкий анатом и ботаник, профессор из Франкфурта Карл Август

фон Берген.

Загадка морского микрокосмоса Линнея

По-видимому основываясь на информации Бартолина, упоминающего загадочного "кита" (*hafgufe*), "больше похожего на остров, нежели на животное", и Пауллинуса, описывающего морского краба, спина которого могла бы служить полем для маневров целого полка, Линней включил это таинственное создание в свою книгу "Фауна Швеции", изданную в 1746 году.

Под многозначительным названием "*Microcosmus*" (маленькая вселенная) он поставил это животное в один ряд с разнородной группой панцирных червей, в которую вошли все панцирные беспозвоночные. И прокомментировал это так:

"Сообщают, что оно живет в Норвежском море; но, что касается лично меня, то я его никогда не видел".

Линней включил описание загадочного микрокосма и в шестое издание своей фундаментальной работы "Система природы". Кстати, успех этой книги был бы почти непонятен, если бы мы судили о ней только по классификации животных, предложенной Линнеем. По сравнению с классификацией Аристотеля она является, скорее, шагом назад, и в ней, кроме того, можно обнаружить много грубых и смешных ошибок. Змеи здесь рассматриваются как земноводные, свинья и землеройка отнесены к выючным животным, а среди человекообразных можно найти ленивца и даже ящерицу! Тем не менее, очевидна и заслуга Линнея, ведь именно он впервые предложил использовать при классификации растений и животных двойную номенклатуру, согласно которой каждый организм идентифицируется по роду и виду.

Итак, мы подошли к самому необоснованному предположению Линнея. Общепризнанное сходство загадочного животного с островом, покрытым растительностью, дало ему повод снабдить его каменистой оболочкой, эквивалент которой натуралист находит у морского ежа или устрицы.

При этом, по-видимому чтобы окончательно запутать читателя, Линней рядом с научным названием, *Microcosmus marinus*, приводит и общеупотребительное немецкое название - *Meertraube* (морской виноград). Хотя давно известно, что грозди студенистых капсул, обозначаемые этим словом, являются не чем иным, как яйцами, отложенными каракатицей.

Морской инжир

Чтобы понять, как представлял себе Линней животное, которое, по его же признанию, сам никогда не видел, обратимся к его источникам информации. К сожалению, отец систематики упоминал эти источники в очень сокращенном виде. Вот его ссылка при описании пресловутого микрокосма:

Bart. cent. 4. p. 284: *Cete vigesimus secundus* Rhed. vivent. t. 22 f. 1.4.5.: *Microcosmus marinus* Ephem. Nat. Cur. ann. 8. obs. 51: *Singulaire monstrum* Act. lips. 1686. P. t. 48: *Microcosmus marinus*.

Для читателя подобные записи мало что проясняют и представляют, скорее, трудноразрешимый ребус. Первую и третью ссылку достаточно несложно расшифровать, будучи знакомым с "Анатомической историей" Бартолина, посвященной "киту" (*hafgufe*), и исследованиями Пауллинуса, опубликованными в журнале "*Ephemerides de l'Academie des Curieux de la Nature*". Но что касается второй ссылки, только путем длительных поисков можно догадаться, что Линней имеет в виду известного итальянского натуралиста Франческо Реди. Под сокращением "*vivant*" он, по-видимому, подразумевает работу этого автора "*Osservazioni interne agli animali viventi che se trovano negli animali vivanti*", опубликованную во Флоренции в 1684 году, в которой Реди наносит сокрушительный удар по теории спонтанного размножения, показывая экспериментальным путем, что кишечные черви рождаются из яиц и размножаются половым путем. Но какое отношение может иметь "животное-остров" к этим кишечным обитателям?!

Похоже, что Линней элементарно запутался, сопоставляя "животное-остров" Бартолина и Пауллинуса с морским микрокосмом, описанным у Реди. Ведь если итальянский натуралист и говорит о странном животном - обитателе морских глубин, похожем на скалу, покрытую кораллами и другими образованиями, населенными небольшими сколопендрами и червями если он обрисовывает это существо как мир в себе (*Microcosmus*), то в первой же строке своей работы уточняет, что речь идет об "*animaletto*" (маленьком животном). Линней же попросту игнорирует это уточнение и заимствует название для морского гиганта!

Его ошибка становится очевидной при взгляде на рисунок, приведенный Реди для его микрокосма. На нем запечатлено животное раздвоенной формы, известное под названием "морской инжир". Твердая оболочка этого существа действительно населена всевозможными паразитирующими организмами, благодаря чему оно и числится в современной научной номенклатуре под родовым названием *Microcosmus*.

Впрочем, осознав сою ошибку или не сумев описать достаточно точно морской микрокосм, Линней исключил это животное из всех последующих изданий своей фундаментальной работы.

Портрет и повадки неуловимого кракена

Насколько Линней был немногословен и сдержан, говоря о морском микрокосме, настолько подробно епископ Эрик Людвигсен Понтоппидан приводит сведения относительно кракена, в котором легко увидеть сходство с "животным-островом" Пауллинуса и Бартолина.

Легенда о кракене имеет древнее происхождение: ее распространенность среди северных народов в XVIII веке подтверждается многочисленными деталями, которыми она украшается в доказательство. Но впервые развернутая версия и попытка ее разъяснения появилась с опубликованием очень добросовестной работы Понтоппидана "История природы Норвегии" (1752-1753).

Этот образованный служитель церкви, бывший епископом Бергена с 1746 по 1764 год, посвятил целую часть своего двухтомного произведения исследованию легендарных животных северных морей, мысль о существовании которых казалась ему не лишенной основания. Начав с рассказов о сиренах и морском змее, он перешел к описанию того, кого называл "бесспорно, самым огромным морским чудовищем". Легко догадаться, что под этим названием подразумевался уже известный нам кит (или морской краб).

"Его называют Krake, Крахе, а чаще - Krabbe. Это название вполне походит к округлому, сплюсненному существу, имеющему множество конечностей, или "ветвей". Называют его также "Anker-trold" (якорь-злодей), но, кажется, никто из древних или современных авторов не имеет об этом создании ясного представления".

Таким образом, в середине XVIII века целые народы верили в существование морского гиганта, но никто не был абсолютно уверен в правдоподобии этой легенды. Что о нем знали? Только то, что рассказывали простые люди Севера.

"Наши рыбаки, - пишет Понтоппидан, - единодушно утверждают, что иногда, особенно в жаркие летние дни, выходя в открытое море, они сталкиваются с сильным изменением глубины (35-50 м вместо ожидаемых 145- 180-ти). В таких местах, как правило, почти полностью отсутствует рыба. Рыбаки с трудом забрасывают свои снасти, из чего делают вывод, что под ними на глубине находится кракен. По их мнению, именно это существо не позволяет нормально измерить глубину, создавая преграду для зонда. Впрочем, таким встречам, как правило, рады, так как они считаются предзнаменованием успешной ловли. Иногда более двадцати лодок собираются над кракеном так близко друг к другу, что становится почти невозможным продолжать ловлю: остается только наблюдать с помощью зонда за глубиной. Ее уменьшение свидетельствует о том, что животное поднимается к поверхности. И тогда, не теряя времени, рыбаки прекращают ловлю, хватаются за весла и как можно скорее

уплывают на нормальную глубину, где могут чувствовать себя в безопасности. Остановившись, они наблюдают, как на поверхности воды появляется огромный монстр: он всплывает, пока не показывается все его тело, которое человеческий глаз не способен охватить взглядом. Его спина, имеющая около двух километров в окружности, с первого взгляда напоминает скопление островков, окруженных некой субстанцией, плавающей и колышущейся, как морские водоросли. То здесь, то там на поверхности воды появляются бугры, похожие на песчаные отмели, над которыми подскакивает множество маленьких рыбок, пока "отмели" снова не погружаются в воду. И тогда над морской поверхностью вырастают, постепенно расширяясь, многочисленные блестящие шипы, или рога, достигающие порой в высоту и ширину размеров средней корабельной мачты. Рассказывают, что, если бы "руки" этого создания обхватили даже самый большой военный корабль, они бы увлекли его за собой в бездну.

После того как в течение нескольких коротких минут монстр находится на поверхности воды, он . начинает медленно опускаться; и в этот момент опасность так же велика, как и прежде,- погружаясь, животное производит такие круговороты и всплески воды, что утягивает за собой все вокруг.

Поскольку это необычное животное, по всей вероятности, относится к скатам или морским звездам, его "руки" (или "рога") являются, по существу, щупальцами. С их помощью кракен может перемещаться в пространстве и добывать себе пищу, поиск которой значительно упрощается благодаря его способности источать сильный, приманивающий рыб аромат.

Старые, опытные рыбаки знакомы с еще одной странной особенностью кракена. Они наблюдали, как несколько месяцев подряд это животное не прекращая поглощает пищу, переварив которую, в следующие несколько месяцев оно извергает содержимое своего пищеварительного тракта обратно в море. Во время такого кишечного очищения поверхность воды окрашена экскрементами и кажется густой и мутной. Говорят, что эта "тина" так нравится на запах и вкус рыбам, что они сплываются со всех сторон и немедленно собираются над кракеном; и тогда он раскрывает свои щупальца и проглатывает долгожданных гостей, чтобы, переварив, преобразовать в очередную порцию приманки для их же сородичей".

Такова легенда о кракене. В ней без труда узнается "животное-остров" северных морей и псевдомикрокосм Линнея. Можно представить, как различные части этой легенды постепенно, в течение веков сливались в единый рассказ: подобие острова, которое этому животному приписывают в наследство от настоящих китообразных, редкость его появления на поверхности, восхитительный аромат, привлекающий рыб, трудоемкое пищеварение, чередующееся с периодами длительного голода, наличие многочисленных щупалец и, наконец, сила, позволяющая увлекать на дно самые крупные корабли. Единственный действительно оригинальный штрих в истории, приводимой Понтоппиданом, - это благоухание выделяемых кракеном экскрементов и их использование для приманки рыбы, необходимой для следующей трапезы. Эта трогательная забота об экономии, по-видимому, приписывается божественному провидению.

"Я сообщаю здесь только то, что рассказывают другие, - пишет об этом епископ Понтоппидан, - и, хотя в подобной особенности, на мой взгляд, нет ничего противоречащего природе, не буду утверждать это с той уверенностью, с какой верю в существование самого кракена".

Молодой, беспечный кракен и его агрессивный собрат

Было бы ошибкой думать, что епископ Бергена, человек ученый и, без сомнения, сообразительный, стал бы с уверенностью подтверждать реальности невероятного морского гиганта, довольствовавшись рассказами нескольких рыбаков. Он исходил из своих записей, которые вел в течение нескольких лет, опрашивая жителей прибрежных

районов. Зачастую Понтоппидан прибегал и к помощи пасторов подчиненных ему епархий. Так, при посредничестве пастора города Бодо преподобного отца Фрииса и викария колледжа по развитию христианских знаний он получил доступ к сведениям столетней давности, касающимся обнаруженного некогда трупа кракена. Это был достаточно редкий случай реального созерцания всего тела легендарного животного, наблюдать которое в открытом море было невозможно ввиду его грандиозных размеров.

"В 1680 году небольшой кракен (скорее всего, молодой и беспечный) отважился заплыть в воды залива Ульванген, изобилующие подводными камнями и прибрежными скалами. Обычно эти животные стараются держаться далеко от берега в открытом море, но известны случаи, когда кракены, подплывая к берегу, обхватывают щупальцами деревья и вырывают их с корнем. Запутавшись со своей ношей в расщелине или трещине скалы, они не в состоянии вырваться из своего плена и умирают. Их осто́в, заполняя собою большую часть узкого фиорда и распространяя вокруг соответствующий запах, делает проход через него малодоступным. Вероятно, подобным образом был обнаружен рыбаками и молодой погибший кракен".

Еще один факт, говорящий в пользу честности Понтоппидана и его информаторов: они не делают из кракена ужасного страшилища, несмотря на то, что это могучее животное способно затопить корабль самой большой грузоподъемности:

"Кракены никогда не имели репутации опасных существ, хотя некоторые из них, быть может, и лишили кого-нибудь жизни (кто, однако, уже не сможет этого засвидетельствовать). Я слышал только об одном случае проявления агрессивности, который произошел несколько лет назад недалеко от Фридрихштадта. Рассказывают, что двое рыбаков, случайно и к великому своему удивлению, попали в зону воды, наполненную густым илом, напоминавшим болото. Они тотчас попытались выбраться из этого места, но им не удалось развернуться достаточно быстро, чтобы избежать удара одного из щупалец кракена, которое раздробило нос их лодки. С большим трудом они спаслись на обломках, хотя стояла тихая погода..."

Острова-призраки

Понтоппидан был не единственным, кто сравнил это загадочное животное с островом; в нем он нашел объяснение другому чуду - острову-призраку. Он вспомнил, что в своем описании Дарерского архипелага, появившемся в 1673 году, датский пастор и топограф Лукас Джакобсон Дебес рассказывал об островах, которые внезапно появлялись и так же быстро исчезали. Еще две работы конца XVII столетия намекали на подобные факты: "*Mundus mirabilis tripartitus*" Эбергарда Вернера Хаппеля (Хаппелиуса) и "*История Норвегии*" Тормода Торфесона (Торфеуса). Последняя из них касалась, в частности, появления в 1345 году в заливе Брейди-фиорд, у берегов Исландии, острова, ранее никем не замеченного.

"Никто тогда так и не смог понять подобного явления",- подчеркивает Понтоппидан. Поэтому нужно ли удивляться, что простые люди моря приняли за обиталище злого духа эти острова, появление и исчезновение которых расстраивало навигационные расчеты и увеличивало трудности судоходства. Очевидно, морякам сложно было представить существование в бурных водах моря плавающих островов, подобных тем, что образуются в тихих, застойных водах, и они увидели в них вмешательство дьявола. Но, как здраво рассуждает ученый прелат, "стоит ли безосновательно обвинять этого ангела-отступника?"

"Я, скорее, склонен думать, - говорит он, - что дьявол, который заставляет так внезапно появляться и снова исчезать эти плавающие острова, есть не кто иной, как кракен, которого называют также морским злодеем (*soe-trold*)".

В подтверждение этого мнения можно вспомнить рассказ о приключении барона Карла Гриппенхельма, который тщетно пытался найти в открытом море остров под названием Гюммарор, указанный на карте географа Бурзуса. Однажды он увидел над

волнами три островка и спросил лоцмана шлюпки, не тот ли это остров. На что матрос ответил, что не знает, что находится перед ними, но это "что-то" может предвещать бурю или косяк рыб. Потому что Гюммарор, - мрачно сказал он, - это груды кораллов с цветущей водой, где притаился soe-trold!

"Всякий может догадаться, - добавляет Понтоппидан, - что этот мигрирующий остров, предсказывающий изобилие рыбы, и есть кракен!"

Епископ Бергена, претендовавший на серьезность своих исследований, трезво относился к распространенным в его эпоху басням: он называл "смешной сказкой" историю кита, принятого за остров, который скрывался в волнах, когда на его спине пытались разжечь костер. Обвиняя в наивности своего шведского коллегу Олафа за распространение этой сказки, он не догадывался, что два века спустя сам станет объектом насмешек.

Понтоппидан: кракен - голова гигантской медузы

Нам уже известна точка зрения Понтоппидана в отношении кракена. Он причисляет его к головоногим или к морским звездам. Сопоставление моллюсков и иглокожих может вызвать законное удивление у того, кто никогда не наблюдал за тем, как ползает и закручивается морская звезда: ее движения поразительно напоминают движения осьминогов. Не стоит забывать, что во времена Понтоппидана зоологическая классификация была в зачаточном состоянии. Линней едва опубликовал первые издания "Системы природы". Систематизируя беспозвоночных животных, внутренняя анатомия которых была мало изучена, великий шведский натуралист вынужден был полагаться на внешние признаки, сходство которых легко объясняется благодаря явлению конвергенции. По принятой в те времена систематике все беспозвоночные делились на покрытых панцирем насекомых (Insecta) и тех, у кого отсутствовало какое-либо подобие панциря и которых относили к червям (Vermes)!

Впрочем, опираясь на туманное описание рыбаков, можно было с одинаковой степенью вероятности назвать кракена как гигантской морской звездой, так и головоногим моллюском. Понтоппидан отдал предпочтение первому варианту. Он имел неосторожность слепо согласиться с текстом Плиния, описывавшего древовидного животного, такого огромного, что тот не смог бы проплыть между геркулесовыми столбами: в этом Понтоппидан увидел сходство с кракеном. Но, кроме того, он совершил ошибку, связав этот отрывок текста с последующим, в котором говорится о "колесе" с восемью расходящимися лучами. Он представил, что эти два сравнения, одно - с деревом, другое - с колесом, касаются одного и того же животного. Древовидное разветвление рук первого привело прелата к тому, чтобы сравнить легендарного кракена с морской звездой, называемой голландцами "Zee-sonne" (морское солнце), а им самим - "головой медузы". Согласно Понтоппидану, эту идею подтверждало и то, что жители прибрежной Норвегии принимали "головы медузы" за новоиспеченных кракенов!

Затем, буквально наудачу, он сравнивает аромат, источаемый кракеном, с аналогичным свойством мускусного спрута (*Ozaena moschata*), о котором упоминает Плиний. Чтение "Естественной истории" Плиния привело Понтоппидана также к выводу, что среди различных видов головоногих и морских звезд, которых он объединил в один род по признаку лучевой симметрии, "кракен является самым крупным и даже, если полагаться на его описание, превосходит по размерам всех прочих морских гигантов".

Выводы скандинавского епископа не лишены оснований. Его можно упрекать только за безграничную веру в баснословный рост животного. Два километра в окружности? Это означает 600 метров в диаметре! Надо признать, что это слишком много для одного животного.

В свете современных анатомических, физиологических и инженерных знаний не составит труда доказать, что существование подобного животного механически

невозможно. Любая морская буря разрывала бы на части такого исполина. Кроме того, невозможность образования нервных волокон трехсотметровой длины не позволила бы ему координировать свои действия. Невозможно представить и такое мощное сердце, которое позволило бы качать кровь к самой периферии 600-метрового тела, питая и насыщая кислородом все его клетки. Чтобы быть жизнеспособным, тело кракена должно было бы иметь несколько сердец, несколько мозговых центров, многочисленные жабры и почки и т. д. и т. п. Иначе говоря, оно должно было бы само образовывать несколько организмов, что приводит нас к тождественному выводу о невозможности существования животного такого размера.

Если даже Понтоппидан в свою эпоху и не мог руководствоваться подобными соображениями, чувство здравого смысла должно было бы внушить ему сомнения. Знакомый с произведениями древних авторов, он мог обратить внимание на то, что в легендах, как правило, преувеличивались размеры морских гигантов. Знал он и то, что киты, которым приписывали сотни и тысячи метров в длину, никогда не "превышали нескольких дюжин метров. Впрочем, именно за легкое верие он и сам насмеялся над доверчивым Олафом Магнусом.

Фон Берген: микрокосм - огромный головоногий моллюск

Самым точным исследователем кракена, без сомнения, был профессор Карл-Август фон Берген (1704- 1760) из Франкфуртского университета. Этот ученый также пытался сравнить между собой все древние скандинавские рассказы о загадочном монстре северных морей. Но, относясь к ним более критически, чем все его предшественники, он выражал искреннее удивление по поводу непроверенных данных Линнея о микрокосме и "притянутого за волосы" определения Понтоппидана.

"Похоже, сами натуралисты до сих пор не договорились между собой об идентичности морского животного, которого они называют микрокосмом",- говорил он, удивляясь легкости, с которой Линней соединил под общим названием двух существ настолько различных по своим размерам, как микроскопическое животное Реди и "животное-остров" Пауллинуса и Бартолина.

Чтобы идентифицировать гиганта скандинавских морей, по мнению немецкого ученого, не было необходимости изучать труды Понтоппидана. Этот последний лишь осторожно предположил, что животное нужно классифицировать в классе головоногих, полагаясь "на наличие у него щупальцев". Остальные же части его тела всегда оставались под водой, и никому из смертных еще не удавалось их увидеть.

При этом из рассказов рыбаков никоим образом не следует, что животное, о котором идет речь, имеет конечности, разветвленные, как у "головы медузы", с которой сравнивал его Понтоппидан. И если эти так называемые головы медузы являются действительно маленькими кракенами, как считает датский епископ, то не слишком ли часто они попадают на глаза?

Еще менее вероятно, чтобы это необычное животное относилось к группе панцирных моллюсков, как хотел бы того Линней. Снабженный раковиной, этот гигант никогда бы не смог подняться к поверхности.

На самом деле, делает вывод фон Берген, внутреннее строение этого животного можно будет точно описать, только когда удастся загарпунить и вытащить на берег хотя бы один его экземпляр. Все, что можно сказать о нем сегодня, единодушно сообщают все авторы. А именно: что это самое крупное морское животное; что никто никогда не видел его полностью, ибо оно предоставляет лишь редкую возможность видеть его щупальца; что поверхность его спины, покрытая водорослями и другими морскими растениями, издали напоминает маленькие острова или рифы; что, наподобие мускусного спрута, оно распространяет сильный запах, привлекающий некоторые виды рыб; что только один раз в год оно наполняет содержимым свой желудок; что в летние месяцы, когда море спокойно, оно иногда показывается на поверхности; что перемещается оно по вертикали и, наконец, что ритм его

размножения достаточно медленный.

Ничего не говоря конкретно, профессор фон Берген тем не менее подчеркивает те признаки, которые приближают кракена к головоногим моллюскам. При этом он выражает свое удивление по поводу того, что Понтоппидан не придавал значения упоминанию мускусного спрута, процитированному Плинием. И хотя предположение фон Бергена, сделанное почти наугад, очень близко к действительности, все же в его времена ученые уже располагали данными, позволявшими идентифицировать "животное-остров" и с большей точностью.

Кракен - стая гигантских кальмаров

Понтоппидан, вместо того чтобы насмехаться над историей кита-острова, рассказанной Олафом Магнусом, поступил бы умнее, сравнив легенду о кракене с другим отрывком работы этого автора "Historia de gentibus septentrionalibus", посвященным "ужасным монстрам, обитающим у берегов Норвегии" (кн. 21, гл. 5). Судя по всему, эти "монстры" описаны с большой точностью (приведенный текст соответствует французскому переводу, опубликованному в 1561 г.):

"В Норвежском море встречаются очень странные и ужасные на вид рыбы, название которых неизвестно. С первого взгляда они кажутся жестокими существами и внушают страх. Их голова покрыта со всех сторон острыми колючками и длинными рогами, напоминая собой корни только что вырванного из земли дерева; длина головы достигает 6-7 метров. Цвет их черный. Огромные глаза (5-6 метров в окружности) с большими (около 60 сантиметров) ярко-красными зрачками видны рыбакам и самой темной ночью. Эти существа имеют шерсть, растущую как толстые и длинные гусиные перья и свисающую наподобие бороды. По сравнению с огромной головой остальная часть туловища кажется небольшой: его длина не превышает 8-9 метров. Одно такое морское чудовище может утащить за собой на дно огромный нагруженный корабль, какими бы опытными и сильными ни были его матросы".

Среда обитания животного, описание его головы, обрамленной длинными рогами, и сила, позволяющая ему потопить большой корабль, указывают на то, что в этом тексте, датированном 1555 годом, речь идет о существе, которое в дальнейшем назовут кракеном. Богатство деталей текста помогает более точно установить природу этого животного.

Корона из заостренных "рогов", расположенных как корни дерева, несомненно, показывает, что речь идет о головоногом моллюске. Нас не должно смущать, что он называется рыбой, поскольку в эпоху, к которой относятся тексты, под рыбами понимались и многие другие морские обитатели. Присутствие на голове густой и длинной "шерсти", напоминающей гусиные перья, , позволяет уточнить, что этот головоногий моллюск принадлежит к отряду десятиногих (именно этим двум дополнительным щупальцам формы гусиного пера кальмар обязан своим названием). И наконец, огромный размер глаз, впрочем явно преувеличенный, склоняет к мысли, что животное, о котором идет речь, является скорее разновидностью кальмара, нежели каракатицы.

Точность такого определения может быть проверена благодаря указанным размерам: почти все приведенные пропорции сохраняются для большинства кальмаров. У гигантского экземпляра, длина тела которого достигает 9 метров, голова вместе с конечностями имеет длину около 7 метров, а размер зрачка приблизительно равен 60 сантиметрам. Правда, при этом окружность глазного яблока не превышает 3 метров. По-видимому, неточность в определении этого размера проскользнула из перевода: в оригинальном латинском тексте 1551 года утверждается, что размер глаза составляет 8-10 футов (2,4-3 м), что подтверждают фактические данные.

Это точное соответствие пропорций можно объяснить, только исходя из предположения, что измерения были сделаны на реально обнаруженных трупах животных, а тогда их можно считать важным источником информации.

Таким образом, легенда о морских гигантах становится более правдоподобной. И хотя их размеры еще далеки от 600 метров в диаметре, рассказы о том, как эти монстры потопляют хрупкие шлюпки, уже не кажутся совсем невероятными. Шаг за шагом начинает проясняться древняя загадка о кракене.

Предположим, с одной стороны, что кальмарам зачастую присуще стадное поведение. Этот факт достаточно проверен в наши дни для большинства их видов, но еще с античных времен натуралисты могли додуматься до этого, поскольку уже Плиний сообщает, что кальмары иногда выскакивают из воды в таком количестве, что волна при этом может захлестнуть корабль.

С другой стороны, обратимся к Понтоппидану, который настаивает на том факте, что никто никогда не видел полностью все тело кракена, за исключением "молодого", выброшенного на берег в заливе Ульванген в 1680 году. Вот что, по словам Понтоппидана, обычно наблюдали рыбаки: "На бескрайней поверхности моря появлялись скопления островков, окруженных неким веществом, которое плавало и покачивалось, как морские водоросли", среди которых наконец появлялись "многочисленные блестящие шипы, или рога", иногда такие толстые и высокие, как мачты кораблей.

Если сравнить эти два факта - стадное поведение кальмаров и неоднородный внешний вид "морского злодея", - то вывод напрашивается сам собой. Кракен - это не морской монстр, это целое собрание морских монстров, стая гигантских кальмаров. Впрочем, об этом можно было бы давно догадаться, потому что, как уже говорилось, 600 метрой - это слишком большой размер для одного животного!

Тайна "ложного дна"

Самым поразительным во всей этой истории кажется то, что лишь несколько десятилетий назад ученые случайно натолкнулись на объяснение одного из наиболее фантастических аспектов древней легенды о кракене, а именно способа, которым это животное изменяло глубину, вступая между зондом рыбаков и морским дном.

Обратимся к фактам. В 1946 году американское адмиралтейство предало гласности историю о том, что за четыре года до этого, во время войны, трое его специалистов по акустическому зондированию - Эйринг, Кристенсен и Райт обнаружили в морских глубинах, между 300 и 450 метрами, "слой" загадочного происхождения, отражающий звуковые волны. Это открытие, сделанное у Калифорнийского побережья, было зафиксировано в 50-километровой зоне, а в течение нескольких последующих лет было обнаружено, что он имеет место почти во всех глубоких океанах земного шара (в некоторых местах находили по два, три и даже шесть отражающих слоев, расположенных на разных уровнях).

Первым делом ученые предположили, что эхо образуется на определенной глубине, на границе между двумя слоями воды, различными по температуре, плотности и химическому составу. Но в 1945 году биолог Мартин В. Джонсон из американского Института океанографии смог обнаружить первый явный признак, помогающий объяснить происхождение "ложного дна". Он наблюдал, как этот "глубокий отражающий слой", или слой E. C. R. (названный в честь своих первооткрывателей); "в соответствии с суточным ритмом перемещается в вертикальном направлении: ночью он поднимается к поверхности моря, а днем снова погружается на глубину. Таким образом, этот слой вполне осмысленно избегает яркого дневного света. И, значит, вполне естественно было бы предположить, что он является скоплением живых существ.

По поводу идентификации этих животных были высказаны три гипотезы. Первая предполагала, что ими являются маленькие планктонные креветки, служащие пищей для китов. Авторы этой гипотезы, по-видимому, исходили из того, что некоторые организмы, составляющие планктон, подвержены вертикальным миграциям, зависящим от дневного света. Вставал вопрос, возможно ли, чтобы даже очень плотная

популяция этих миниатюрных созданий смогла бы стать препятствием для распространения звука.

Поэтому некоторые ученые предпочли вторую гипотезу, согласно которой слои Е. С. R. образованы косяками рыб. Плавательный пузырь рыбы действительно может служить преградой для звуковой волны, а ежедневные миграции вверх и вниз могут быть обусловлены в данном случае вертикальным движением планктона, который служит рыбам источником питания. Однако большинство исследований показывает, что популяции рыб в океане, как правило, сконцентрированы в очень ограниченных зонах. И трудно представить, что в этих зонах бесчисленное множество рыб способно образовывать равномерно распределенные слои.

Третья гипотеза кажется еще более смелой и на первый взгляд менее правдоподобной. Ее немногочисленные сторонники утверждают, что "ложное дно" является скоплением кальмаров. Но как можно представить себе существование равномерно распределенного слоя этих животных, если трудно допустить даже существование непрерывного слоя рыб, группы большой и весьма разнообразной?

Чтобы судить о правомерности этой гипотезы, необходимо подробнее поговорить об этих ночных головоногих моллюсках, распространенных во всех океанах земного шара, от ледовых вод полярных морей до теплых морей экватора.

"Известно, - напоминает нам Рашел Карсон, - что кальмары являются единственной пищей кашалотов, обитающих во всех умеренных и тропических морских водах, и других китообразных, а также тюленей и многих видов морских птиц. Это говорит о том, что они должны водиться в изобилии. Об этом свидетельствуют и рассказы людей, работавших ночами у поверхности воды, которые всегда поражались их обилию и ночной активности в этих водах".

Автор книги "Море, нас окружающее" приводит по этому поводу личные свидетельства Тура Хейердала и Ричарда Флеминга, которые имели возможность наблюдать огромные стаи кальмаров, собирающихся ночью на поверхности воды.

Аналогичную информацию приводят и другие ученые.

В ряде случаев необычную плотность популяции кальмаров удавалось наблюдать в исключительных ситуациях. Так, 10 января 1858 года экипаж торгового голландского корабля "Вриндентрув" во главе с капитаном Гривелинком столкнулся с случаем массового отравления кальмаров: поверхность моря, насколько хватало глаз, была сплошь покрыта трупами кальмаров. О больших скоплениях этих животных сообщает нам и Андре Капарт, помощник директора лаборатории бельгийского Института естественных наук. Рассказывая об океанографической экспедиции в Южной Атлантике в 1948- 1949 годах, он указывает на то, что достаточно было ночью остановить моторы и навести прожекторы в сторону моря, чтобы увидеть кальмаров, буквально кишящих на поверхности воды.

О космополитизме кальмаров

Из всех морских беспозвоночных головоногие моллюски относятся к тем, чья организация наиболее высока: исследования показывают, что даже с точки зрения физического строения они занимают достаточно высокую ступень в царстве животных. Вот, к примеру, что профессор Джон Захари Юнг из Лондонского университета говорит об осьминогах: "Это наиболее умное из низших животных и всех беспозвоночных, оно обладает самым большим и наиболее развитым мозгом". Многочисленные эксперименты показывают, что головоногие способны к достаточно сложным размышлениям и без труда обучаются. Профессор Анри Пьерон на опыте продемонстрировал, что осьминогу, оставленному наедине с закупоренной бутылкой с крабами, хватает ума, чтобы откупорить ее и достать желаемую жертву.

С древних времен головоногие доминировали в течение десятков, а возможно, и сотен миллионов лет, то есть значительно дольше, чем остальные группы животных. На сегодняшний день их известно около 400 видов. Помимо того, палеонтологи смогли

идентифицировать еще более 8 тысяч ископаемых видов, что, по-видимому, составляет лишь ничтожную часть от их реального количества.

Для сравнения можно вспомнить о былом процветании наutilusов, которые сегодня представлены единственным родом (*Nautilus*), или о необычайном разнообразии форм раковин аммонитов и белемнитов, двух абсолютно исчезнувших групп. Среди них были и первые морские гиганты: в древних геологических пластах были обнаружены известковые футляры наutilusов длиной до 5 метров. А закрученная раковина аммонита *Rachydiscus seppenradensis*, диаметр которой достигает 2 метров, считается самой крупной из всех когда-либо существовавших. Даже в силурийский период самый крупный из известных членистоногих, гигантский морской скорпион, в длину не превышал, как известно, 3 метров. Никогда ракообразные и их вымершие родственники, трилобиты, не обладали такими усовершенствованными возможностями самозащиты и нападения, как скаты, и не могли передвигаться с такой высокой скоростью, как кальмары. В мире беспозвоночных животных головоногие моллюски остаются на сегодняшний день бесспорными чемпионами как по своим возможностям и скорости, так и по размерам.

Даже появление рыб почти не повредило престижу этих моллюсков, снабженных многочисленными щупальцами. Мы знаем, что они способны противостоять наиболее опасным и прожорливым среди них - акулам. Впрочем, некоторые виды головоногих превосходят по массе самых крупных рыб. А потому не стоит удивляться, что они доставляют немало хлопот кашалотам, наиболее сильным и защищенным морским млекопитающим.

Добавим к этому, что кальмары вследствие развиваемой ими скорости могут без труда отыскивать для себя пропитание и имеют достаточно разнообразную диету, состоящую из моллюсков, ракообразных и рыбы. С другой стороны, эти животные кажутся достаточно хорошо адаптированными к широкой гамме температур и к значительным перепадам давления. Поэтому не удивительно, что различные виды кальмаров встречаются во всех океанах земного шара, как на поверхности, так и на больших глубинах морских впадин: известен случай, когда кальмар (*Chroteuthis lacertosa*) был выловлен на глубине около 5400 метров.

Таким образом, в морском царстве кальмары занимают нишу, подобную той, что на земле отведена крысам, воробьям, мухам или... человеку. И если, принимая во внимание многочисленность и разнообразие видов рыб или гигантские размеры китов, можно колебаться в том, чтобы присвоить им титул Царя моря, то по крайней мере они вполне могут претендовать на звание космополитов.

Замечательный натуралист Айвен Сандерсон как нельзя лучше резюмировал эту ситуацию: "Большинство людей не знают, что такое кальмар, несмотря на то, что скопления этих животных, без сомнения, способны образовывать самую крупную массу живой материи. В бесчисленных стаях, бесконечных с виду, они обитают во всех океанах и морях земного шара; а ведь почти три четверти поверхности нашей планеты покрыто водами, глубина которых в среднем составляет 4 тысячи метров. И этот колоссальный объем жидкости, без сомнения, больше чем кем бы то ни было населен кальмарами".

Таким образом, самым правдоподобным объяснением глубоких отражающих слоев оказывается именно третья гипотеза. Ведь если и есть в океанических водах существа, распределенные равномерно и непрерывно, то, без сомнения, ими являются кальмары. И тогда мы видим, как современная наука удивительным образом подтверждает древнюю легенду о кракене!

ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ ГИГАНТСКОГО КАЛЬМАРА

Первые вещественные доказательства

Вообще говоря, начиная с XVII века какой-нибудь Шерлок Холмс от зоологии мог бы только на основании легенд и рассказов доказать существование в Северной

Атлантике кальмаров чудовищной величины, сравнимых по размерам с китами. Чтобы установить совершенно точно то, что официальная наука вынуждена была признать только двумя веками позже, ему достаточно было бы применить метод, которым автор этой книги пользовался в своих исследованиях по поводу неизвестных животных: сопоставить тексты старых авторов, склонных к преувеличениям, но при этом простодушно искренних, выявить обстоятельства, которые могли дать повод к рождению некоторых легенд, пропустить через критическое сито сообщения и свидетельства людей невежественных - короче, использовать малейшие имеющиеся данные, никогда не пренебрегая заранее самыми неправдоподобными сообщениями. Правда не всегда бывает правдоподобной.

Что касается гигантских кальмаров, вокруг которых которыми постепенно появился ореол ужаса и мистической тайны, было бы небезынтересно узнать первоисточник старых народных преданий на этот счет, иногда с очень точными описаниями. Несомненно, таковыми служили мимолетные и неполные наблюдения мореплавателей, видевших, что на поверхность вод всплывают какие-то живые существа. Но, по всей видимости, источником информации служили и продолжительные наблюдения и даже измерения мертвых особей. Поскольку маловероятно, что эти морские гиганты были убиты людьми, скорее всего, изучались случайно выброшенные на берег трупы этих животных.

И действительно, если порыться в старых хрониках, можно найти следы таких происшествий. Когда во второй половине XIX века зоологи наконец получили конкретные доказательства существования таких чудовищ и даже части их тел, они с триумфальным видом начали размахивать этими древними текстами, вместо того чтобы использовать их раньше для ориентации исследователей. А после эти документы имели уже только историческое значение.

С учетом этого становится понятной задача зоолога-детектива и ее назначение.

Шестиголовое чудище из Исландии

Выйдя из чарующего, но искажающего истину тумана легенд, обратимся к конкретным фактам и обстоятельствам.

Как уже говорилось, первым, по всей вероятности, документом о появлении на берегу гигантского кальмара был отчет Требиуса Нигера об "осьминоге" из Картеи, что на Атлантическом побережье Испании. Аналогичный случай или случаи были зафиксированы на скандинавских берегах, о чем свидетельствует описание "чудовищных рыб" Олафа Магнуса с указанием их размеров, в общем довольно точных. Но первый текст страдает двусмысленностью, а второй не привязан к конкретным обстоятельствам.

В "Истории животных" Конрада Геснера (1555-1560) упомянут эпизод более точный в хронологическом плане, чем предыдущий, но неясный и странный в отношении предмета описания:

"В 1530 году нашей эры, в январе, в Венецию прислали чудовищную змею, верное изображение которой здесь приводится. Она прибыла из Турции. Король, которому ее прислали в подарок, воскликнул: "Это чудовище, несомненно, предвещает нам ужасную катастрофу!"

Никто бы не подумал, что речь идет о гигантском кальмаре, если бы не иллюстрация, приложенная к тексту. Это, очевидно, интерпретация художника, в средневековом духе, грубого и цветистого описания останков животного большей или меньшей степени сохранности. Ни одно животное не имеет такого количества голов, и следовательно, в них следует видеть что-то другое. Но ничто так не напоминает пасть змеи, как щупальце кальмара, снабженное зубчатой присоской. Как и в случае с гомеровской Сциллой, шеи гидры представляют собой щупальца кальмара, количество которых сокращено до семи ввиду магического значения этого числа. В виде лап, вероятно, изображены обрубки двух щупалец. Что касается вытянутого туловища, оно

вполне могло принадлежать кальмару. Но все это пока только догадки.

Но вот в исландских хрониках за 1639 год мы находим первое подробное описание выброшенного на северное побережье Исландии гигантского кальмара:

"(1639). Осенью было выброшено на пески Тингора, на территории Хюневанда, необыкновенное существо, или морское чудовище, тело которого, по длине и толщине равное человеческому, имело семь хвостов, каждый длиной в два локтя (1 м 20 см), с наростами, похожими на глазные яблоки с веками золотистого цвета. Кроме семи хвостов, над ними располагался еще один, особенно длинный - от четырех до пяти туаз (4,95-5,50 м). В теле его не было ни костей, ни хрящей, а на вид и на ощупь оно было похоже на живот самки рыбы циклоптеруса. У него нельзя было различить головы, разве что одну или две жаберные крышки, расположенные возле семи хвостов.

Многие люди, достойные доверия, видели это чудо, а один из хвостов монстра был привезен в старинное аббатство Тингора для изучения".

Первые же более или менее компетентные люди, которым попался на глаза этот документ, не могли не узнать описанное таким образом чудовище. Когда, в середине XVIII века, по инициативе научного общества Копенгагена было предпринято изучение внутренних земель Исландии, бывшей тогда владением Дании, членам комиссии по счастливой случайности попал в руки этот бесценный документ. По возвращении ученых из путешествия по этому поводу были напечатаны в 1772 году такие комментарии:

"Нам сразу показалось, что в описании допущена ошибка, то есть что задняя часть животного принята за переднюю; при правильном рассмотрении прыщеватые отростки выглядят не хвостами, а щупальцами, или руками; поскольку их насчитали только семь, очевидно, одно было отрублено.

Кто же усомнится теперь, что это животное было очень большой каракатицей? Но какого вида? Это мы не могли установить, поскольку не было описания ни формы ее желудка, ни строения рта,- очевидно, животное было повреждено и изуродовано. Описание присосок смешно, но верно по точности, с которой указан цвет и прочие детали".

Действительно, присоски кальмаров, на ножках, с тонко зазубренным краем, очень похожи на глазные яблоки, отороченные густыми ресницами: мотив для художников-сurreалистов. Сравнение исландского летописца было, таким образом, очень точным.

Не менее удачной была идентификация датским ученым знаменитого исландского чудовища. По народному поверью, оно часто посещало фиорд Гримсей: откусывало головы тюленям и топило корабли.

Датские ученые отнесли описанное чудовище к роду червей, к которым в то время относили всех моллюсков. Наличие у животного одного особенно длинного щупальца указывает на то, что речь идет о головоногом моллюске из группы десятиногих, но ни одна подробность из приведенного текста не позволяет судить, был ли это кальмар или каракатица. Диагноз датских ученых был настолько точным, насколько это было возможно в то время.

Таким образом, мы имеем документ немного двусмысленный, доказывающий существование в ледяном арктическом океане головоногих с десятью щупальцами длиной 4 метра (не считая щупалец) и общей длиной не менее 7 метров. Это, конечно, далеко от размеров гигантского "полипа" из Картеи и от "чудовищных рыб" Олафа Магнуса, но все же значительно больше "больших кальмаров" Аристотеля (достигавших едва 2,5 м), которые казались ему колоссами.

Голландский дьявол, увенчанный звездой

Исландия в те времена казалась очень далекой страной - недаром о чудовище из Тингора узнали только через столетие с лишним.

Но в 1661 году похожий эпизод имел место на берегах Нидерландов, одного из

интеллектуальных центров того времени в западном мире. Это событие, которое совпало по времени с роковым визитом английского короля Карла II, считали достойным передачи потомкам. Животное было зарисовано еще при жизни или по крайней мере сразу после смерти, а описание его, равно как и обстоятельства его поимки, были изложены в брошюре, напечатанной по-немецки и получившей довольно широкое распространение. Вот ее перевод:

"Описание ужасного морского чудовища, выловленного в море в конце 1661 года, в Голландии, между Шевелингеном и Катвиком.

Вышеозначенное морское чудовище было поймано в том месте, где стояли на якоре английские корабли, пришедшие за его величеством. После поимки оно прожило еще три часа, но вело себя при этом так ужасно, что морякам казалось, что сам дьявол попался в их сети: оно успокоилось только тогда, когда в тело ему вонзили шлюпочный крюк и таким образом обездвижили его. Оно было длиной в три с половиной фута (1,05 м), имело диковинную голову, на макушке которой была звезда с восемью лучами, каждый около фута длиной, причем на двух из них была натянута кожа, как на крыльях летучей мыши. Вся поверхность звезды была покрыта маленькими шишками, как бы сотнями венчиков, и, пока рыба была еще жива, они блестели, как маленькие зеркала. Из звезды торчал орлиный клюв, который мог открываться и закрываться; под звездой была пасть или рот, как у свиньи, с языком внутри. Между пастью и звездой находились глаза, которые при жизни чудовища имели такой устрашающий взгляд, что его следовало остерегаться. Когда их извлекли, чтобы набальзамировать, оказалось, что внутреннее ядро глазного яблока имеет размеры и вид жемчужины. Сами глаза по величине равнялись коровьим; за один из них рыбаку было предложено двести голландских флоринов. Из-под звезды, или короны, которая была на голове у чудовища, выходили две длинные руки приблизительно в два пальца толщиной. У него было два отверстия для приема пищи, но ни одного выходного отверстия; внутри его тела не было кишечника, но только печень и сало. В заключение ученые, которые путешествовали повсюду, заявили, что это чудовище не похоже ни на одно другое, которых находили в Италии, Турции или Индии, что они считают его совершенно особенным, диковинным созданием, предназначение которого известно только Всевышнему".

Это интересное описание наводит на некоторые размышления.

Точность приведенных деталей вместе с рисунком, который сам по себе прекрасен, такова, что известный датский зоолог Стенstrup двумя столетиями позже на основании этого документа не колеблясь объявил о существовании нового вида кальмара в северных морях. Но некоторые истолкования комментатора были совершенно ошибочными. То, что он принимал за пасть с языком, было отверстием полости, из которого высовывался сифон. Этот последний, как известно со времен Аристотеля, является настоящим выходным отверстием у всех головоногих.

Замечание относительно "внутреннего ядра глазного яблока" относится к наиболее интересным. Глаза головоногих действительно устроены почти так же, как у высших позвоночных: главной их особенностью является сферичность хрусталика, который служит линзой. То, что хрусталик похож на жемчужину, было замечено уже давно, так как археологические раскопки показали, что со времен инков перуанцы использовали хрусталики больших головоногих для украшений, а древние египтяне вставляли их в глазницы мумий. В более поздние времена жители Сэндвичевых островов продавали их как настоящие жемчужины наивным русским путешественникам.

Итак, рисунок не оставляет никаких сомнений в том, что пойманное животное было кальмаром, а не каракатицей. Цилиндрическая форма тела и двухлопастный плавник - решающие аргументы в пользу кальмара.

Величина голландского кальмара - около 1,35 метра от крайней задней точки до

кончиков рук - не так внушительна, как исландского экземпляра. Но в то время это событие стало такой сенсацией, что останки животного обогатили коллекции Королевского музея в Копенгагене.

Сокровища Кабинета редкостей в Гетторфе

В мае 1662 года, через восемь дней после праздника Вознесения, другой головоногий моллюск, еще более скромный по величине, был пойман в Эльбе, в Голштинии, недалеко от Гамбурга. На этот раз речь шла, судя по описанию, опубликованному в местной печати, всего лишь о каракатице длиной 90 сантиметров, включая щупальца, то есть об экземпляре немного большем обычного. Тем не менее происшествие наделало много шума, животное называли "совершенно необыкновенной рыбой". Можно предположить, что после шума по поводу голландского чудовища "морские демоны" вошли в некотором роде в моду.

Они привлекли внимание Адама Ольшегера, по прозвищу Олеариус, немецкого эрудита, которого герцог голштинский Фридрих назначил послом (1633-1639) в Московии и к правителю Персии, а также сделал его своим личным библиотекарем и хранителем Кабинета редкостей в своей резиденции в Гетторфе. Среди чудес этого музея, где египетские мумии соседствовали с набитыми соломой чучелами крокодилов, Адам Олеариус хранил труп кальмара, едва достигавшего фута в длину, но который, по его мнению, был еще молодым и мог бы достичь размеров человека и даже стать еще намного больше. Можно догадаться, что к такому предположению его склонила поимка у голландских берегов "морского чудовища" длиной 1,35 метра, а возле Гамбурга - "совершенно необыкновенной рыбы" длиной 90 сантиметров. На основании их описаний он тотчас же сравнил эти два существа со своим собственным маленьким кальмаром:

"Кто же не увидит, по опубликованным описаниям и рисункам, что все три рыбы принадлежат почти к одному виду? Разве что голландский экземпляр и наш более вытянуты, а гамбургский немного более округлый. Принадлежность обоих видов известна, всех их можно отнести к моллюскам".

И он предлагает классифицировать последнего как каракатицу, а двух первых относит к кальмарам.

Прежде чем поставить этот замечательно точный диагноз, Адам Олеариус не удержался от насмешки над "физиками и учеными", которые, не умея определить пойманное в Голландии животное, видят в нем "дикийное существо", служащее дурным предзнаменованием в связи с высадкой английских войск. Лучше бы, говорит он, почитали Альдрованди и Джонстона!

Стоит обратить внимание еще на один странный экспонат кунсткамеры в Гетторфе. В каталоге редкостей его описание непосредственно предшествует описанию головоногих чудовищ. Речь идет о "рыбе, называемой "морским монахом", так как ее передняя часть очень похожа на голову монаха". Это странное существо, уточняет Адам Олеариус, было поймано живым у деревни Энхузен, на западном побережье Фрисландии.

Хранитель Кабинета редкостей не делает никаких сравнений между этим странным существом и головоногими, о которых он говорит вслед за тем. Но кажется, что не без задней мысли он поставил их, так сказать, на одну полку. Сравнивая их изображения, сразу видишь, что пресловутый "морской монах" - это всего лишь изувеченный и засушенный кальмар, очень похожий на пойманного в Голландии и изображенного ниже.

Венчик "волос" вокруг тонзуры "монаха" - это обрубки щупалец кальмара.

Олеариус добавляет, что Альдрованди также описал "монаха", но тот экземпляр был покрыт чешуей и не был похож на своего собрата из Энхузена. Отсутствие абсолютного сходства не помешало, однако, профессору Стенструпу признать в чудовище Альдрованди гигантского кальмара.

Двухголовое животное из Дингл-Ай-Кош

Следующий эпизод из истории гигантских кальмаров более сенсационный, чем предыдущие, он погружает нас в атмосферу "Трехгрошовой оперы" Бертольда Брехта.

В конце 1673 года некая личность, о которой неизвестно ничего, кроме имени, Джеймс Стюарт, и профессии, коммерсант, разъезжала по городам и весям Ирландии, вызывая на пути своего следования любопытство или ужас, изумление или недоверие, но никого не оставляя равнодушным. Повсюду он возил с собой таинственный продолговатый ящик, больше него самого, и не менее громоздкий рулон полотна. Раскинув свой шатер на месте сельской ярмарки или на рыночной площади, он предлагал зевакам послушать правдивую историю о двухголовом чудовище, которое он собственными руками поймал в Дингл-Ай-Кош, в графстве Керри. В подтверждение своих слов он показывал пачку писем от достойных доверия свидетелей, которые видели остов животного и знали обстоятельства его поимки. Затем, "за скромную плату", добрые люди приглашались внутрь посмотреть на "изображение рыбы, нарисованной в натуральную величину на холсте".

И наконец, на развернутом полотне любопытные, соблазненные краснобаем, могли созерцать наивный рисунок, изображающий кальмара 6-метровой длины, овальный корпус которого казался обернутым свободными складками ярко-красной оболочки, из которой высовывался острый конец туловища, украшенный чем-то вроде двухлопастного хвостового плавника.

На Голове были нарисованы два громадных глаза, из нее торчали также восемь коротких рук, покрытых по всей длине двумя рядами присосок. В центре этой шевелюры Горгоны помещались две более длинные конечности, такой же толщины, как и остальные, но голые и гладкие, с острыми концами.

Но самым удивительным в этом портрете был толстый округлый нарост, снабженный челюстями и грубо нарисованными глазами: иначе говоря, вторая голова упрощенной модели.

Рядом с изображением помещался пояснительный текст, содержавший более подробную информацию. Хозяин балагана читал его торжественным тоном, подчеркивая указкой самые выразительные детали в тексте и на рисунке:

"Это чудовище было поймано в Дингл-Ай-Кош, в графстве Керри, после того как оно было выброшено на берег во время шторма в октябре 1673 года. У него две головы: большая имеет два глаза, каждый величиной с оловянную тарелку. Длина чудовища около 19 футов (5,8 м), тело его толще, чем у лошади, а форма его показана на рисунке. На большей из его голов имеется десять рогов, некоторые из них длиной шесть футов, другие восемь или десять футов (2,3-3 м), а один длиной одиннадцать футов (3,35 м); самые крупные из них толщиной с ногу человека, а самые тонкие - с человеческое запястье. Эти рога торчат во все стороны. Из десяти его рогов два самых больших расположены в середине, они гладкие и блестящие, другие восемь имеют зато по сотне коронок, расположенных попарно, и все восемьсот коронок - с зубами по краям, как зубчатое колесо часов. Они рвут все, что к ним прикасается, с помощью этих острых зубцов. Толщина коронок равна большому пальцу человека или немного больше, так что в середину ее можно засунуть палец. Внутри коронок находится что-то похожее на жемчужину или на глаз. На спине чудовища имеется покрывало ярко-красного цвета, окаймленное бахромой; оно спадает с двух его сторон, как скатерть со стола, с изнанки оно белое. Коронки и покрывало выглядят великолепно.

Это чудовище не имеет ни костей, ни плавников, ни чешуи, ни лап; кожа его гладкая, как человеческий живот. Плавает оно, взмахивая своим покрывалом. Оно может высовывать свою маленькую голову из большой на длину одного метра и снова прятать ее: она похожа на орлиный клюв, и внутри ее два языка, посредством которых, вероятно, чудовище заглатывает пищу. Когда оно умерло и его вскрыли, то обнаружили, что его печень весит тридцать фунтов".

В продолговатом футляре хранились, замаринованные, два щупальца длиной 2,5 метра и "малая голова". Но после внимательного осмотра зрители обнаружили, что глаза, изображенные на рисунке этой головы,- плод фантазии демонстратора.

На самом деле малая голова описанного здесь кальмара является не чем иным, как глоткой животного, так называемый клюв - конец выворачивающейся трубки, который рвет пищу, а раздвоенный язык - устройство для более мелкого ее дробления, работающее по принципу терки.

Другая интересная деталь в этом описании - присоски с роговыми зубцами по краям, которые у больших экземпляров превращаются в коронки хирургического инструмента - трепана или механического инструмента - пробойника. Сила присасывания увеличивается за счет надсечек на теле при посредстве этого устройства.

В общем, эти большие кальмары очень напоминают фантастического спрута Виктора Гюго, от прикосновения которого лопается кожа и кровь бьет фонтаном "под нечеловеческим нажимом".

История поимки чудовища

Обстоятельства поимки животного нашим ярмарочным знакомцем известны из письма некоего Томаса Хука из Дублина, адресованного 23 декабря 1673 года его другу Джону Уикинсу в Лондон:

"...В прошедшем октябре, кажется 15-го числа, он бродил один по берегу моря в Дингл-Ай-Кош, когда что-то большое в море привлекло его внимание. Когда он разглядел рога, он понял, что перед ним что-то страшное. В первую минуту он боялся посмотреть на чудовище, а когда осмелился, то перед ним предстало великолепное зрелище: рога были все украшены коронами, похожими, по его словам, на жемчужины или драгоценные камни. Животное могло шевелить своими десятью рогами и поворачивать их вокруг головы, как это делают улитки; два самых длинных рога оно выбрасывало вперед, а остальные восемь делали беспорядочные движения. Когда животное приблизилось к берегу, его передняя часть оказалась на суше и лежала неподвижно, вытянувшись. Тем временем подошло подкрепление. Видя, что животное им не угрожает, сбегали за веревками, обвязали ими его заднюю часть и попытались вытащить чудовище на пляж. Оно по-прежнему вело себя смирно, и тогда, расхрабрившись, люди решили потянуть его голыми руками за рога. Но короны так впивались им в руки, что они вынуждены были ослабить хватку: все короны были вооружены зубцами и вцеплялись во все, к чему прикасались. Тогда рога перетасили с помощью багров и, поскольку наступил вечер, ушли, оставив животное на берегу. На другое утро его нашли мертвым..."

Предприимчивый хозяин "двухголового животного" в конце концов отправился в Дублин с целью представить свои трофеи главе городского магистрата. Как отреагировал на это господин префект, история умалчивает. Но происшествие это, во всяком случае, вызвало сенсацию, о чем имеются письменные свидетельства в виде рукописного письма и двух больших бюллетеней, напечатанных один в Дублине, другой в Лондоне. Первый, несомненно, был образцом листовки, которая раздавалась зрителям ярмарочного павильона, а второй - чем-то вроде брошюры, которая содержала, кроме портрета животного и его описания, копии трех удостоверяющих событие писем.

Эти документы, настолько же ценные, насколько и живописные, были собраны лондонским книгопродавцем Томасом Торпом, коллекционером материалов, относящихся к истории Ирландии. В конце концов они оказались в библиотеке Королевского общества в Дублине, откуда были извлечены на свет Божий только в 1875 году натуралистом А.-Дж. Мором для переиздания.

Является ли кальмар самой крупной рыбой в море?

Нам уже известно от Эрика Понтоппидана, епископа Бергена, что в 1680 году "молодой" осьминог так неудачно застрял между рифами залива Ульванген в Норвегии,

что погиб там, и зловоние от его труп "а некоторое время парализовало все движение в фиорде. Никакие подробности об этом животном, безусловно громадном, до нас не дошли, кроме упоминания о множестве рук. Но можно не сомневаться, что речь идет о кальмаре, а не об осьминоге. Прекрасно лазающий и ползающий, осьминог с легкостью вышел бы из этого трудного положения, в то время как кальмар гибнет, если попадает на мелководье.

Во всяком случае, известно, что в течение одного только XVII века на берег были выброшены пять кальмаров или каракатиц, разной величины но все равно гигантских, в разных местах Европы: в Исландии, Голландии, Германии, Ирландии и Норвегии. И конечно, эти зарегистрированные и потому дошедшие до нас сведения не были единственными. Можно только удивляться, почему наука так долго хранила равнодушное молчание по поводу существования в море таких гигантов. Но новости в прошедшие века распространялись нескоро и недалеко. Эти отдельные эпизоды, подробности которых искажались при последовательной передаче, никак не подталкивали точные науки к изучению гигантских головоногих. Постепенно вокруг них складывались легенды, поскольку пробелы в знаниях всегда заполняются воображением. А мифические преувеличения, обращения к чудесам и сверхъестественным объяснениям неизбежно вызывают реакцию недоверия.

Так, когда преподобный Антуан-Жозеф Пернетти, из аббатства де Буржель, член Королевской академии наук и литературы Пруссии, член-корреспондент аналогичной академии во Флоренции и библиотекарь его величества короля Пруссии, сопровождал Бугенвиля в плавании на фрегате "л'Эгль" к Мальвинским островам в 1763-1764 годах, авторитета его титулов, должностей и его эрудиции оказалось недостаточно, чтобы убедить читателей в реальности слухов, которые он привез из дальних морей. Люди просвещенные предпочитали не оспаривать его утверждения, все же утрированные, относительно гигантского роста жителей Патагонии, но ограничивались улыбкой по поводу его рассказов о гигантских кальмарах:

"По мнению мореплавателей южных морей,- повествует аббат,- кальмар является самой крупной морской рыбой. Он хватает добычу подвижными отростками, расположенными на конце его морды. Моряки говорят также, что он цепляется за корабль этими отростками и карабкается на него, когда тот на ходу: если это происходит ночью, когда его не видно, он может повиснуть на борту, накренить судно своим огромным весом и даже его опрокинуть. Поэтому выставляется охрана с топорами и другими режущими орудиями, чтобы рубить эти отростки, как только заметят, что они ухватились за судно. Наш капитан и его брат, которые много плавали по южным морям, подтвердили этот факт; они добавили также, что ели эту рыбу, которая весила 150 фунтов, и что она превосходна на вкус. Если судить по маленькой рыбке этой породы, рисунок который я привожу, вкус ее должен быть очень тонким. Кальмар, который служил ей футляром, и сама рыбка почти прозрачны".

Иллюстрация, приложенная к тексту преподобного Пернетти, не оставляет сомнений, что это действительно был кальмар.

Правда, капитан судна не гарантировал существования экземпляров весом более 75 килограмм, но и это не так уж мало: общая длина такого кальмара должна составлять Около 3 метров. Если учесть, что кальмары, упомянутые в ученых трактатах того времени, не превышали 10 килограмм, следует признать, что сообщение отца-бенедиктинца привносит кое-что новое в наш сюжет.

Когтистая каракатица сэра Джозефа Бэнкса

Справедливость рассказов Антуана-Жозефа Пернетти косвенно подтвердил другой случай.

В 1768 году капитан Джеймс Кук предпринял свое первое кругосветное плавание в направлении с востока на запад. Его сопровождали два натуралиста: один - британский меценат сэр Джозеф Бэнкс, другой - Дэниел Солендер, один из любимых

учеников Линнея, которого он направил, как многих других, исследовать мир, изучать новые, неизвестные еще виды животных и растений. Желание отца систематики живого мира вскоре исполнилось совершенно сенсационным образом.

Обогнув мыс Горн, "Индевор" направлялся к новым островам на юге Тихого океана, когда произошел необычный случай, который капитан должен был отметить в своем отчете о плавании:

"Господин Бэнкс нашел большую каракатицу, которая, по всей видимости, была убита птицами: ее искалеченное тело плавало на поверхности воды. Она очень отличалась от головоногих, встречающихся в европейских морях, поскольку ее конечности вместо присосок были снабжены двойным рядом когтей, очень острых, похожих на когачьи, которые это животное могло по желанию выпускать и убирать".

Отдельные части моллюска были привезены в Англию в 1781 году и сданы на хранение в лондонский Хирургический колледж. Когда впоследствии они были изучены знаменитым анатомом Ричардом Оуэном, его заключение было таково:

"Плавники животного имеют ромбовидную форму, что позволяет ему одинаково хорошо плыть как вперед, так и назад. Сравнивая размеры этого головоногого, по сохранившимся щупальцам, с другими взрослыми животными этого вида, но меньших размеров, рассчитали, что его корпус должен был составлять 4 фута в длину (1,2 м), а вместе с щупальцами - превосходить 7 футов (2,1 м)".

Описание плавников животного, которые не образуют единого непрерывного кольца вокруг его корпуса, свидетельствует о том, что речь идет не о каракатице, а о кальмаре. Хотя Аристотель четко определил разницу между этими двумя видами, прискорбная путаница снова объединила их в это время.

Странный когтистый головоногий моллюск, найденный компаньонами Кука, вскоре снова заставил говорить о себе и снова был неправильно определен. Действительно, в своей "Естественной истории Чили" известный чилийский писатель Хуан Игнасио Молина упоминает когтистую каракатицу, несомненно похожую на каракатицу сэра Джозефа. В начале следующего века Пьер Дени де Монфор довершил путаницу, назвав того же самого моллюска "когтистым осьминогом"!

Потребовалось дожидаться солидной монографии по головоногим моллюскам Феррюсака и д'Орбини (1835- 1848), чтобы увидеть торжество истины. Альсид д'Орбини распознал по рисунку, представляющему щупальце "большой каракатицы" сэра Джозефа Бэнкса, характерные особенности разновидности средиземноморского кальмара, названного им, в переводе с латинского, "кальмаром вооруженным".

Размеры кальмара, найденного Бэнксом в Тихом океане, были, конечно, не такими внушительными, как у кальмаров, выброшенных там и сям на берега Европы. Что такое два метра. с щупальцами по сравнению с кальмаром из Картеи, 14-16-метровой "чудовищной рыбой" Олафа Магнуса, 7-метровым кальмаром из старой ирландской хроники или 6-метровым "двухговым монстром" из Дингл-Ай-Коша. И все же в комментариях по поводу этого моллюска профессор Оуэн подчеркивает опасность контактов с ним: "Жители полинезийских островов - ловцы жемчуга, испытывают вполне обоснованный страх перед этими животными".

Действительно, рога, которые у этих кальмаров заменяют щупальца, очень опасны при прикосновении к ним, даже если это кальмар средней величины.

Щупальце длиной более восьми метров

Одно несомненно: аббат Молина, изучив фауну чилийских вод, не верил в присутствие в этой части Тихого океана каракатиц больших размеров, "вооруженных" или нет. Например, он пишет по поводу так называемого кальмара-стрелы: "Моряки преувеличивают размеры и силу этого животного, но что касается чилийских вод, там наверняка не найдется экземпляра тяжелее 150 фунтов".

Это вес, названный информаторами аббата Пернетти. Пусть рога весят 150 фунтов, кажется, говорит аббат Молина, но морские животные большей величины это

фантазии матросов!

Но не только матросы делали такие заявления. В "Британской зоологии" (1777) английский натуралист Томас Пеннент приводит удивительные подробности о головоногом, которого он называет вместе с Линнеем *Sepia octorodia* и который является, несомненно, осьминогом:

"В жарких широтах встречаются животные громадных размеров. Один из моих друзей, прилежный наблюдатель природы, который долгое время жил на островах Индийского океана, сообщает мне, что, по словам туземцев, там встречаются экземпляры, центральная часть которых составляет две морские сажени (3,65 м), а каждое щупальце в длину равно 9 морским сажням (16,5 м). Индусы очень их боятся, когда плавают в своих маленьких лодках: из страха, что животное перебросит свое щупальце через борт и потопит лодку, они никогда не плавают без топора, которым можно отрубить это щупальце".

Эта информация может относиться как к кальмару (и даже в большей степени к кальмару), так и к осьминогу.

В 1784 году вниманию публики были представлены некоторые более точные факты. В своем исследовании о происхождении амбры (1783) доктор Шведиавер привел удивительные сведения, полученные им от капитана-китобоя из Новой Англии, искренность которого вне подозрений. Этот честный и здравомыслящий человек, как представляет его сэр Джозеф Бэнкс, долгие годы "занимался китобойным промыслом в австралийских морях. Лет десять назад, по его словам, он поймал кашалота, у которого в пасти застряло что-то большое, что он сначала не распознал, но что потом оказалось щупальцем *Sepia octorodia* длиной около 27 футов (8,23 м). И это была еще не вся длина, так как один конец был разрушен желудочным соком кашалота.

"Если, - комментирует Шведиавер, - мы примем к сведению громадную длину этого щупальца, мы перестанем удивляться словам рыбаков, будто каракатица является самой большой океанской рыбой".

Предложение Линнея считать *Sepia octorodia* (каракатицу с восемью ногами) осьминогом кажется абсолютным нонсенсом, поскольку каракатица является, собственно говоря, десятиногим, то есть головоногим с десятью конечностями. Но Линней зачислил почти всех головоногих в один род. В данном случае термин "каракатица" выбран все же не совсем неудачно. Вполне возможно, что это щупальце принадлежало десятиногу, то есть кальмару, а не осьминогу. Кашалот и кальмар являются извечными врагами. В этом нет ничего удивительного, ибо оба они хищники и охотничьи угодья у них одни и те же - все водное пространство; осьминоги же, напротив, живут на дне.

Дуэль между кальмаром и кашалотом

Кальмары и кашалоты ведут в водных глубинах битвы не на жизнь, а на смерть. Остатки рогачей в изобилии находят в пищеварительных трактах пойманных китов, а на шкуре кашалотов видны ряды круглых шрамов, оставленных зубчатыми присосками их противников. Были люди, имевшие редкую возможность присутствовать при некоторых моментах этих смертельных дуэлей. Среди них можно назвать английского писателя Фрэнка Буллена, который в 1875 году в возрасте 18 лет оказался на китобойном судне. В своей знаменитой книге "Плавание "Кашалота"" он оставил нам описание такой сцены, происходившей в одиннадцать часов вечера на выходе из Малаккского пролива:

"Море так сильно волновалось там, где его освещала луна, что я едва не поднял тревогу. Я часто слышал о вулканических островах, которые внезапно поднимались из воды и исчезали в мгновение ока, а поскольку мы находились недалеко от Суматры, с ее цепью активных вулканов, меня охватила тревога. Я взял бинокль и навел его на то место, где кипела вода. Я сразу же понял, что мои страхи по поводу вулканов и подводных землетрясений напрасны, но те стихийные силы, которые я увидел, вполне

извиняли мою ошибку.

Громадный кашалот вел смертельный бой с гигантским кальмаром, почти не уступающим ему по величине, бесконечные щупальца которого опутывали его целиком. Голова кашалота была как сетью покрыта переплетающимися щупальцами; и это было вполне понятно, поскольку он держал в своих челюстях туловище моллюска и методично перекусывал его пополам.

Рядом с цилиндрической головой кашалота я видел голову гигантского кальмара, которая может присниться только в кошмарном сне. Насколько я мог судить, она была величиной с нашу большую бочку на 350 галлонов (590 л) и, вероятно, даже больше. Глаза были такие громадные и темные, что на фоне светлой головы производили удивительное впечатление. Они были менее фута в диаметре, с опаловыми переливами, как куриная кожа.

Происходящее привлекло акул, которые, как шакалы возле льва, намеревались принять участие в пире и с нетерпением ожидали смерти моллюска..."

В ноябрьском номере за 1952 год журнала "Французский охотник" капитан дальнего плавания Макс П. Робен рассказывает, как он оказался свидетелем похожей схватки между кашалотом и громадным спрутом, 8-10 метров длиной.

Невероятные ныряния кашалота

Сообщение о спруте сначала кажется ошибкой.

Царствуя на необъятных просторах океана, кашалот, по-видимому, никак не может войти в контакт с осьминогом, прячущимся в расселинах прибрежных скал или в придонных водах.

Но на это можно возразить, что большой зубастый кит имеет обыкновение нырять, и, как стало недавно известно, на невероятно большую глубину. Всего четверть века назад все натуралисты считали, что киты не могут погружаться глубже ста метров. Некоторые признавали, хотя и неохотно, что они способны выдерживать громадное давление в морских глубинах. Но все были согласны в том, что киты должны были бы умирать от газовой эмболии при выныривании, той самой "кессонной болезни", от которой страдают водолазы, слишком быстро поднимающиеся на поверхность.

Киты - это животные, дышащие воздухом, которые под водой существуют на скудном пайке того воздушного запаса, который содержат их легкие. Поэтому трудно было себе представить, что они могут погружаться на большую глубину. В этом случае им пришлось бы выбирать: подниматься затем на поверхность с благоразумной медлительностью и погибнуть от удушья или выныривать на большой скорости и умереть от эмболии.

Только один зоолог не разделял это мнение. Это был немецкий исследователь Вилли Кюкенталь, тогда профессор в Бреслау, который хладнокровно утверждал в 1900 году: "Кашалот может нырять на глубину в тысячу метров".

Если бы кашалоты не были до такой степени лакомы до кальмаров, что принимали иногда подводные телефонные кабели за их щупальца, то Кюкенталь можно было бы принять за фантазера, если не за сумасшедшего.

Несколько лет назад действительно капитан Харн со специального судна "Гардиан" был вынужден поднять поврежденный кабель длиной около 500 метров у экваториального берега с глубины 1680 футов (512 м). Каково же было его удивление, когда на конце своей импровизированной удочки он увидел 10-метрового кашалота: кабель обвился вокруг его нижней челюсти!

Вместо того чтобы признать, что кашалоты могут погружаться глубже 500 метров, были за уши притянуты несколько гипотез. Самая незамысловатая из них сводилась к тому, что труп кашалота совершенно случайно упал на кабель.

Но в апреле 1932 года повторился похожий эпизод, и на этот раз при еще более необычных обстоятельствах. Поступил сигнал о повреждении кабеля, соединявшего Бальбоа, в зоне Панамского канала, с Эсмеральдой, в Эквадоре. Когда подняли кабель в

открытом море у берегов Колумбии с глубины 3240 футов (987 м), то увидели мертвого кашалота запутавшегося в нем как котенка в клубке пряжи. Кабель опутывал не только его нижнюю челюсть, но все тело, и хвостовой плавник тоже. Чтобы так запутаться, кит-лакомка должен был очень постараться, с яростью отбиваясь от схватившего его лжекальмара.

Кашалоты - любители телефонных кабелей?

Когда убедились, что кашалот ныряет на глубину тысячи и более метров, встал вопрос о механизме, делающем возможными такие подвиги.

Благодаря работам американских физиологов Ирвинга и Шолендера было установлено, что кашалот может оставаться на глубине по меньшей мере 75 минут, то есть час с четвертью. Это возможно не потому, что у него больше, чем у человека, относительный объем легких - на самом деле он меньше половины человеческого, - а потому, что он на 90 процентов обновляет воздух в легких при всплытии на поверхность, а человек - только на 15-20 процентов. Кроме того, его дыхательный центр менее чувствителен к углекислому газу, который постепенно накапливается в крови при непоступлении кислорода. Под возбуждающим воздействием этого газа его дыхание не учащается, как это бывает у нас, и он не потребляет больше кислорода тогда, когда его не хватает. Все это позволяет ему подниматься довольно медленно и постепенно, совсем не задыхаясь. С другой стороны, ему не угрожает в такой степени, как водолазу, газовая эмболия, так как в его легких скапливается ограниченное количество азота, поскольку его воздух в процессе ныряния не обновляется. Кроме того, в процессе погружения давление воды на бока нагнетает в его бронхи, трахею и носовые полости большую часть газа, не растворенную в крови. И наконец, ускоренное биение сердца во время подъема благоприятствует быстрому удалению растворенного азота.

И все же нельзя исключить совсем опасность "кессонной болезни" у морских млекопитающих в процессе ныряния. Поэтому возникает вопрос: что же толкает кашалота на такие глубоководные авантюры? Это не может быть чувство самосохранения, так как уже на глубине 100 метров он может считать себя в безопасности, тем более на глубине 500 метров, в абсолютной темноте. В глубину его может толкать только голод. Два случая с поврежденными кабелями это доказывают. Если учесть, что кашалоты питаются почти исключительно кальмарами, а кабели очень похожи на щупальца их добычи, то их фатальная ошибка становится вполне объяснимой, особенно в условиях темноты.

Только нижняя челюсть кашалота вооружена зубами - страшными костяными кинжалами длиной 10 сантиметров, которые вкладываются в соответствующие ячейки верхней челюсти. Предполагают, что, охотясь, кит опускает нижнюю челюсть вертикально вниз, используя свои белые зубы как приманку для кальмаров, а сам черный кит сливается с окружающей темнотой. Похожим образом средиземноморские рыбаки ловят осьминогов на смехотворную оливковую веточку.

Но инциденты с телефонными кабелями наводят еще на одну мысль. Что если кашалот тащит свою отвисшую челюсть, как трал, в темноте у самого дна в расчете на какую-нибудь добычу - отдыхающего на дне кальмара или осьминога? Анализ содержимого его желудка, между прочим, подтверждает это. Но делать такие заключения надо с осторожностью. Наши знания о головоногих моллюсках базируются в основном на изучении содержимого желудков кашалотов: громадного количества желеобразной плоти, щупалец громадных размеров, чудовищных клювов. Памятуя об общей среде обитания китов и кальмаров, эти остатки обычно приписывают кальмару. В действительности они могут случайно принадлежать и осьминогу, и это значительно меняет представление о размерах их хозяев. Если у обычного осьминога щупальце составляет 5/6 его длины, то у кальмара - только 1/3 (если не считать втяжных щупалец). Поэтому метровое щупальце может принадлежать как кальмару длиной 3,5

метра, так и осьминогу длиной 1,2 метра. Разница значительная!

ПЬЕР ДЕНИ ДЕ МОНФОР - НЕПРИЗНАННЫЙ МАЛАКОЛОГ*

"Предположение, основанное на вероятности, может быть иногда очень веским,- замечает в своем "Дневнике" известный американский писатель Генри Дэвид Торо,- как в случае, например, когда находят муху в молоке".

* Малакология - наука о моллюсках.

Находку в пасти кашалота щупальца головоногого моллюска длиной 8 метров можно отнести отчасти к событиям именно такого рода. Они могут навести на размышления относительно величины хозяина этого щупальца. Надо думать, однако, что большинство людей отрицают ценность самых основательных из таких предположений, поскольку был человек, который поплатился своей репутацией и, возможно, своей жизнью, пытаясь сделать выводы из этого события, которые сами напрашивались.

Сообщение доктора Шведиавера, появившееся в 1783 году, не давало покоя молодому французскому натуралисту, влюбленному в чудеса. Его звали Пьер Дени де Монфор, прежде чем он стал гражданином Дени-Монфором - благодаря революции.

Война и мир

Родившийся в 1764 году, этот мечтатель и энтузиаст с юных лет проявлял живой интерес к естественным наукам.

Увы, он принадлежал к поколению, принесенному в жертву историческим катаклизмам. Ему было 25 лет, когда была взята Бастилия,- в этом возрасте люди ищут случая проявить себя. Была провозглашена Республика, и, согласно печально известному высказыванию Фукье-Тенвиля, она "не нуждалась в ученых". Зато она очень нуждалась в тот момент в солдатах, не говоря уже о полицейских, судьях и палачах. В то время как террор царил на французской земле, революционные войска жаждали поделиться со всем миром прелестями нового режима, предавая огню и заливая кровью большую часть Европы. То ли увлеченный новыми идеями, то ли желая заставить забыть "свое недостаточно скромное происхождение, гражданин Дени-Монфор, не лишенный авантюрной жилки, с энтузиазмом принял участие в так называемых семи кампаниях свободы: они позволили ему по крайней мере продемонстрировать преданность своей стране. Конечно, у него не было тогда времени на научные занятия, но после того, как сложил оружие, он, по его собственным словам, "был счастлив, что в шуме битв он не потерял внутреннего интереса к естественной истории".

В этот момент его судьбой заинтересовался геолог Бартеlemi Фожа де Сен-Фон и предложил ему поработать некоторое время рядом с собой, после чего Дени-Монфор занял его должность в Ботаническом саду. Замечательные способности молодого человека были вскоре замечены руководством Музея естественной истории. Так во время экспедиции генерала Бонапарта в Египет он был приглашен участвовать в ней в качестве научного сотрудника. Но одновременно знаменитый анатом Добантон предложил ему в числе других помощников сопровождать его в поездке в Германию. Наш герой отказался от миражей Египта,- он предпочел работать вместе с блестящим ученым, который был главным сотрудником Бюффона, отличал его среди других коллег и дарил "отеческой дружбой".

Знание многих иностранных языков способствовало его успехам в музее, где его ценили также и как переводчика. Профессора этого знаменитого института собирались послать его в качестве минералога в кругосветную экспедицию, которую планировал капитан Боден. Увы, обстоятельства помешали этому путешествию, которое было пределом желаний того, кто уже в юности посетил три континента.

Когда Добантон умер (1799) и место главы кафедры минералогии стало вакантным, Дени-Монфор сразу же представил профессорам музея предложение назначить на эту должность геолога Доломье, возглавлявшего научную часть

египетской экспедиции, которая для него кончилась полным крахом - он попал в руки врагов. Эта благородная инициатива Дени-Монфора была не совсем бескорыстной, поскольку он просил в то же время разрешения замещать Доломье в этой должности до его прибытия.

Как бы там ни было, этот маневр не удался. Очевидно, потому, что, слишком занятый борьбой с врагами республики, Дени-Монфор в тридцать шесть лет имел, по его собственному признанию, "слишком мало опубликованных работ". Ему как раз представился в это время случай заполнить этот пробел в своей научной биографии, так как Сонини де Менонкур без колебаний предложил ему написать для издания "По следам Бюффона" главу о моллюсках.

Дени-Монфор набросился на эту работу с яростной страстью. Склонный к широким обобщениям и в то же время не позволяющий ускользнуть от своего внимания ни одной существенной детали, он принялся с терпением монаха-бенедиктинца перебирать всю научную литературу, существовавшую в то время. Вот тут-то он и наткнулся на заметку доктора Шведиавера относительно происхождения амбры. Он сразу же увидел в ней затравку для сенсационных открытий в области уже достаточно скомпрометированной в то время - в вопросе о существовании гигантских головоногих моллюсков.

Эпоха великих компиляторов - Плиния, Элиана, Винсента де Бове, Геснера, Альдрованди, Джонстона, Уотона - закончилась. Под авторитетным влиянием Бюффона зоология заняла свое законное место среди точных наук, и зоологи занимались отныне только конкретными фактами и доверяли только точным наблюдениям. Это значит, что большинство из них относили рассказы о скандинавских кракенах и их разнообразных родичах к области морских суеверий.

Чудовищное щупальце, которым размахивал доктор Шведиавер, - не заставит ли оно их изменить свои взгляды на этот предмет? Дени-Монфор, хорошо изучивший всю старую литературу, считал это очень желательным. Но желая собрать все возможные свидетельства, прежде чем делать выводы, он решил произвести систематический опрос среди американских китобоев, базировавшихся в Дюнкерке.

В пасти кашалотов находят вещественные доказательства

Несколько лет назад Шарль Александр де Калон, генеральный финансовый инспектор Франции, был озабочен исчезновением китобойного промысла в стране. Баски, пионеры в этом деле, были вытеснены с течением веков голландцами, которые позаимствовали у них все секреты этой профессии, но в свою очередь были лишены этой монополии англичанами, у которых американцы после провозглашения независимости отобрали промысловые воды Нового Света. В надежде возродить китобойный промысел среди французов Калон набрал гарпунщиков среди китобоев Нантакета (США) и сделал им заманчивое предложение переселиться во Францию вместе с семьями.

Именно этих людей собирался расспросить Дени-Монфор, так как именно они в первую очередь, по его мнению, должны были знать о гигантском головоноге, щупальце которого было найдено в пасти кашалота.

Опрос этот увенчался успехом: два капитана нового флота в Дюнкерке рассказали ему о куске громадного щупальца, длиной 10,65 метра, найденном в пасти кашалота. Присоски на нем были величиной с шляпу и расположены в два ряда, как у осьминога, а общая длина неусеченного щупальца должна была составлять 18 метров. Дени-Монфор в своем отчете писал об этом животном как об осьминоге и был при этом не очень искренен, так как американский капитан считал, что щупальце принадлежало кальмару.

Красноватая рука длиной около четырнадцати метров

Второй из этих американских капитанов рассказал Дени-Монфору еще более удивительную историю - о том, как после убийства кита на поверхности воды осталось

плавать длинное мясистое тело с одной стороны красноватого, а с другой - стального цвета, которое сначала приняли за морскую змею и которое напугало матросов.

Но один матрос, посмелее, обратил внимание на то, что у змеи нет головы и она не двигается. Капитан приказал втащить ее на палубу, и тогда все увидели, что это щупальце громадного осьминога с рядом присосок, которые на толстом конце были величиной с тарелку, а противоположный конец был очень тонким и острым. От щупальца отрубили несколько кусков, но, так как мясо оказалось жестким, почти все выбросили обратно в море, предварительно тщательно измерив. У основания диаметр щупальца составлял 75 сантиметров, окружность его - 2,25 метра, а общая длина - 13,7 метра.

Инцидент с лжезмеей кончился прозаически, что стало дополнительным доказательством его достоверности. Матросы отбили отрубленные куски и вымочили их в морской воде, отчего мясо стало съедобным и его можно было употреблять в пищу как солонину. Они пожалели даже, что выбросили в море остальное, так как щупальце потянуло бы на тысячу фунтов.

Почти наверное это щупальце принадлежало кальмару.

Что касается красного цвета щупальца, то головоногие вообще отличаются изменчивостью цвета. В состоянии покоя осьминоги бывают зеленовато-серого цвета с рыжими пятнами и точками, а в возбуждении меняют цвет, переливаясь всеми оттенками красного, пурпурного, фиолетового и синего, которые меняются с молниеносной быстротой. Живые кальмары бывают мертвенно-белого цвета, немного прозрачные, с голубоватыми, зеленоватыми и розоватыми оттенками и серебристым блеском. Когда кальмар мертв и игра цветов прекращается, он становится однотонно кирпично-красным. Неудивительно, что мертвые кальмары или их части, которые выбрасываются на сушу или которые находят на поверхности воды, всегда бывают красными, разной степени яркости.

Картина из часовни Святого Фомы

Дени-Монфор не мог этого знать. Неудивительно, что в эпизодах с гигантскими головоногими он ведущую роль отводил осьминогам.

Подбодренный свидетельствами американских китобоев из Дюнкерка, он не колеблясь пишет в своей "Естественной истории моллюсков", изданной в 1802 года о головоногих как о "самых громадных животных на земном шаре". Но среди них он выделяет только два вида феноменальной величины: осьминога колоссального и осьминога кракена.

Однако он дал себе труд терпеливо и тщательно проштудировать старую литературу по этому вопросу и имел в руках все части головоломки, которые позволяли ему установить существование гигантских кальмаров. Ничто не открыло ему глаза. Даже когда он узнал, что для матросов Байонны "рогач является самым маленьким и самым большим морским животным", то посчитал это ошибкой и, ослепленный своей навязчивой идеей, воображал, что в действительности речь идет об осьминоге.

Но в вину ему ставили не эту ошибку, а то, что в подтверждение своей идеи он приводил самые фантастические рассказы. Этим он навсегда приобрел в научной и даже популярной литературе репутацию вралю и простофили. Была ли она заслуженной? Сегодня можно в этом усомниться. Он опирался на рассказы серьезных ученых и на свидетельства очевидцев.

Первое из них, хотя не персональное и преувеличенное, но основанное, без сомнения, на реальном событии, которое привело в волнение целый город, заслуживает того, чтобы на нем остановиться.

В Сен-Мало, в часовне Святого Фомы, который считается в тех краях покровителем моряков в их опасных трудах, висит картина, на которой изображен страшный момент, когда судно из этого порта едва не погибло. Оно стояло на якоре у берегов Анголы, с которой велась торговля черными рабами, слоновой костью и

золотым песком. Судно готовилось к отплытию, когда среди бела дня и в тихую погоду из воды показалось морское чудовище, вызвав волнение вод далеко окрест, и взобралось на палубу судна. Обвив своими щупальцами все мачты и снасти и повиснув на них, оно наклонило судно, стремясь опрокинуть его и увлечь в морскую пучину. Весь экипаж судна не сговариваясь бросился к оружию, топорами, тесаками и саблями рубя щупальца чудовища. Но, несмотря на все усилия, судно продолжало крениться и грозило опрокинуться, увлекаемое громадным весом животного. Тогда моряки в отчаянии стали возносить моления Святому Фоме о спасении, и тот помог им: щупальца, наконец отрубили, тело чудовища сбросили в море, и корабль выпрямился, вознося мачты к небу.

Вернувшись в родной порт, моряки первым делом отправились в часовню Святого Фомы, чтобы поблагодарить его за свое чудесное спасение, но, не ограничившись этим, заказали художнику картину, на которой должен был быть изображен самый опасный момент их битвы с чудовищем.

Самой большой ошибкой Дени-Монфора была публикация копии этой картины в своем труде: автор картины, как ему и полагается, дал свою версию происшествия, слишком "авторскую" и торжественную. Картина была наивна, упрощала факты и в качестве удостоверяющего документа не годилась.

Единственным указанием на величину животного в тексте Дени-Монфора были слова о том, что щупальца обхватывали мачты до их верхушек. Мачты на таких судах достигали тридцати метров. Для щупальцев кальмара это много, но вполне допустимо. А если бы это был осьминог, как изображено на картине, то его щупальца при такой длине должны были иметь толщину 3 метра, и матросы тогда никак не смогли бы успеть их перерубить - никакими абордажными саблями!

Новые подвиги осьминогов-похитителей

Агрессивное поведение лжеосьминога у берегов Анголы косвенно подтверждает информация Л. Дегранпре, переводчика книги сэра Джона Барроу "Путешествие в Южную Африку", который сообщает Дени-Монфору, что "негры с африканского побережья чрезвычайно боятся громадного осьминога, поскольку он часто забрасывает свои щупальца в пироги, хватает людей и утаскивает их в глубину моря; а на берегах Гвинеи этот моллюск носит имя амбазомби, что означает "злая и хитрая рыба", они считают его даже злым духом".

Но эти "гигантские осьминоги", по словам очевидцев, встречаются довольно далеко от берега, что свидетельствует о том, что они хорошие пловцы, а следовательно, маловероятно, что это были осьминоги, не удаляющиеся далеко от берега и, во всяком случае, не поднимающиеся на поверхность. Скорее всего, речь идет о кальмарах, или рогачах, как их называют моряки.

Об этом свидетельствует еще один рассказ, самый подробный, об аналогичном случае, переданный нам Дени-Монфором, который, однако, не придал значения этим подробностям.

Капитан Жан-Магнус Дан, человек уважаемый и достойный доверия, совершив несколько путешествий в Китай для компании Готембурга, обосновался наконец в Дюнкерке, где провел остаток жизни и умер в почтенном возрасте. Он рассказал Дени-Монфору незадолго до смерти, как во время одного из своих путешествий, на некотором расстоянии от африканского берега, на 15° южной широты, обогнув остров Святой Елены, они попали в штиль, который длился несколько дней. Капитан решил воспользоваться этим обстоятельством и почистить судно снаружи. Вдоль бортов спустили подвешенные доски, на которых устроились матросы, которые чистили и скребли борта корабля. Когда они были заняты этой работой, из глубины моря поднялся один из тех рогачей, которых датчане называют "анкертрель", то есть "людоед-якорь", схватил одной из своих рук двух матросов и унес их в воду вместе с подмостками. Затем он протянул второе щупальце к третьему матросу, который в это

время поднимался на мачту и находился на первой ступеньке вант. Но поскольку осьминог одновременно ухватился и за ванты, он запутался в них и не смог утащить эту третью жертву, которая жалобными криками взывала о помощи. На помощь кинулся весь экипаж, с гарпунами, топорами, ножами, которыми рубили и резали щупальце, держащее матроса, потерявшего сознание от страха.

Одновременно в тело моллюска было пущено пять гарпунов, после чего он погрузился в море, увлекаемый собственным весом, вместе со своими двумя жертвами. Капитан Дан, однако, не терял надежды спасти двух своих матросов: он приказал тянуть линии, прикрепленные к гарпунам, и они почти вытащили из воды тело осьминога, но в последний момент четыре линия оборвались, а пятый гарпун вышел из тела животного, отчего судно получило опасный толчок. Все было кончено. Капитану Дану приходилось и раньше слышать о таких чудовищах, но встретился он с ним впервые. Что же касается человека, вырванного из объятий монстра, то несмотря на то, что корабельным медиком было сделано все возможное и раненый открыл глаза и смог говорить, он был почти задушен и раздавлен и ум его помутился от пережитого ужаса. На следующую ночь он скончался в жару.

Часть щупальца, отрубленная матросами, которая осталась запутавшейся в снастях, была у основания толщиной с фок-мачту и очень острой на конце, покрытая присосками размером с разливную ложку. Длина его составляла 7,6 метра, а поскольку оно было отрублено не у основания (голова чудовища даже не показалась над водой), по мнению капитана, общая длина щупальца должна была составлять 10-15 метров.

Происшествие повергло в ужас весь экипаж, и в течение пяти дней, пока продолжался этот несчастный штиль, они боялись спать, а вахтенные были постоянно настороже, ожидая нового появления страшного врага.

(Заметим в скобках, что подобные истории происходили не только возле африканских берегов. Как сообщал Дж.-М. Доусон в английском журнале "Нейчур", в начале XIX века двухмачтовик с азиатами на борту был схвачен громадным кальмаром в проливе Милбанк (52 северной широты). Матросы не могли освободиться от него иначе, как отрубив ему щупальца топорами. Но зловредное влияние этого животного, по мнению свидетелей, было причиной того, что судно затонуло затем у побережья, южнее места встречи с кальмаром.

Любимый осьминог кракен Дени-Монфора

Неудивительно, что Дени-Монфор, который упорно называл осьминогом того, кого очевидец капитан Дан именовал рогачом, сделал осьминога и из северного головоногого моллюска, таинственного кракена. Однако ничто в свидетельствах очевидцев не позволяло сделать такого заключения относительно классификационной принадлежности кракена.

Дени-Монфор писал, что многие норвежские капитаны, приходившие из Христиании и Бергена с грузом соленой и вяленой рыбы или елового бруса, говорили ему, что хорошо знакомы с фактами, подтверждающими существование гигантских осьминогов в северных морях, и что помимо чужих рассказов имеют и личный опыт контактов с ними. Один из них, по фамилии Андерсен, рассказывал ему, что на скалах в окрестностях Бергена он видел два щупальца большого осьминога, по всей вероятности кракена, соединенных между собой куском мембраны. Они были такие толстые, что их едва можно было обхватить, а длина каждого из них равнялась 25 футам (7,6 м). В течение нескольких дней эти щупальца, которые народ принимал за морских змей, были игрушкой волн, пока море не унесло их прочь. Капитан говорил также, останки больших осьминогов на берегу моря не редкость.

Однако уже с конца XVII века личность кракена, можно сказать, была установлена. Это, несомненно, была разновидность супергигантского кальмара, которого встречали в разных частях Северной Атлантики. Так, Луи-Опостен Боек, сын врача Людовика XV, составитель издания "По следам Бюффона", был на более

правильном пути, когда писал, что знаменитый кракен, который, по словам моряков, способен опрокинуть судно, является не кем иным, как каракатицей. Если освободить эти рассказы от примеси чудес, то можно констатировать по меньшей мере, что им встречались экземпляры достаточно большие, чтобы захватить щупальцами людей с палубы баркаса или небольшого парусника.

Дени-Монфор был знаком с этим мнением своего коллеги, но цитировал его лишь для того, чтобы показать, что он не единственный современный зоолог, который верит в существование гигантских и агрессивных моллюсков.

Но если наш дерзкий малаколог считал кракена осьминогом гигантских размеров, то, спрашивается, что его толкнуло выделить еще и "осьминога колоссального". Географические различия среды обитания? Вовсе нет. Скорее, различие их темпераментов. Он считал осьминога колоссального зловредным животным, которого природа наградила стремлением к убийству и разрушению. Именно им он приписывал исчезновение некоторых судов, которые шли ко дну внезапно и каким-то чудесным образом. Он считал их способными даже останавливать судно на полном ходу и объявлял виновниками многих драматических событий, описанных античными натуралистами. У кракена же, писал он, более миролюбивый нрав.

Этот взгляд, навеянный, видимо, очень подробными комментариями епископа Понтоппидана, оправдывает ли он разделение этих чудовищных моллюсков на осьминога колоссального и осьминога кракена, к какому бы роду они на самом деле ни принадлежали? Это очень сомнительно. Более агрессивный характер южных гигантов, возможно, следует приписать более богатому воображению южных народов.

Колоссальные осьминоги встретили холодный прием

Едва ли стоит говорить, что утверждения Пьера Дени де Монфора встретили в научном мире ледяной прием. Действительно, смелость его рассуждений дискредитировала его навсегда. Ни в одной энциклопедии нет ни малейшего упоминания об этом французском малакологе.

Уже в 1830 году Кювье в библиографическом указателе к своему "Животному царству" (2-е издание) кратко определяет его как "чудака, называвшего себя бывшим натуралистом голландского короля". Но, приняв за имя начало его фамилии, Кювье превратил его в Монфора (Дени де). С течением времени ошибка эта закрепилась. Какое значение имеет, в конце концов, фамилия какого-то "чудака"?

Если и упоминают иногда Дени де Монфора, то для того, чтобы посмеяться над ним или его оскорбить. "Он был, вероятно, действительно душевнобольным", сказал о нем в конце прошлого века Феликс-Архимед Пуше, профессор Музея естественной истории в Руане. Всего несколько лет спустя известный малаколог из Британского музея д-р У.-Дж. Рис назвал даже Дени де Монфора "бессовестным негодяем, служившим в парижском музее". Он обвинял его в том, что тот придумал сказку о гигантском осьминоге, "который топил якобы английские военные корабли во время войны Англии с Францией". Необоснованность этой клеветы, которую д-р Рис только повторил, показывает нам, что не пренебрегали никакими бесчестными приемами, чтобы дискредитировать бедного натуралиста.

Вот как эта нелепая история была представлена в некоторых бульварных изданиях. 12 апреля 1872 года шесть французских судов были взяты в плен у Антильских островов адмиралом Джорджем Роднеем и отведены в ближайший порт под конвоем четырех британских кораблей. В ту же ночь все десять судов затонули при таких загадочных обстоятельствах, что Дени де Монфор заявил, что такая катастрофа могла произойти только вследствие одного обстоятельства - нападения гигантского осьминога!

Очень может быть, что наш малаколог и высказал такое мнение в шутку - он не лишен был чувства юмора. Но что он всерьез мог думать, будто его любимый осьминог отомстил за поражение французов, - это, конечно, нонсенс. И потом, это странный

способ служить интересам Франции - потопить полдюжины ее судов с помощью сверхъестественных сил, от которых можно ожидать большей рассудительности.

В Англии бытовало мнение, что, поскольку британское Адмиралтейство предложило более прозаическое объяснение этих событий, Дени де Монфор, дискредитированный, тщетно пытался спасти свою научную репутацию. Не преуспев в этом, он бросил естественные науки для криминальной карьеры и в результате умер на галерах. На самом деле все было совсем иначе.

Пьер Дени де Монфор не заслужил ни клеветы, ни забвения. Кроме четырех первых томов "Естественной истории моллюсков", зоология ему обязана "Систематической конхиологией" (конхиология - учение о моллюсках) в двух томах, которая, по словам профессора Леона Вайяна (одного из немногих ученых, может быть, единственного, кто был к нему справедлив), "не потеряла еще своего значения, так как много видов, выделенных Дени-Монфором, входят в классификационный перечень; не менее двадцати пяти их упоминается в "Руководстве по конхиологии" Поля Фишера (Париж, 1887), одной из наиболее солидных работ по этому предмету".

Все это было предано презрению и забвению.

В те времена только один натуралист принял без брюзжания выводы Дени де Монфора относительно гигантских головоногих: это был гениальный немецкий философ и зоолог Лоренц Окен. В своем замечательном труде "Руководство по естественной истории" (1815) он не колеблясь дает двум огромным "осьминогам" своего французского коллеги научные названия, сформулированные в соответствии с указаниями Линнея: осьминог колоссальный стал называться *Seria gigas*, а кракен - *Seria microcosmus*. Но следует сказать, что кипучий Окен, настоящее имя которого Окенфус, в свою очередь считался среди своих ученых коллег "экзальтированным", "научным фальсификатором" и по меньшей мере "эксцентричным типом".

У себя на родине дерзкий Дени де Монфор встречал больше всего сарказмов и насмешек. Знаменательно, что два его капитальных труда остались неоконченными. В "Естественной истории моллюсков" только два первых тома принадлежат его перу, редакция двух последних была поручена Феликсу де Руаси. Из "Систематической конхиологии" были изданы только два тома, в 1808-м и 1810 годах, в которых говорится об одностворчатых; третий том так никогда и не увидел свет. Более чем вероятно, что недоверие и враждебность научной среды способствовали преждевременной кончине этих все же значительных трудов Дени де Монфора.

Но все эти нападки только укрепляли горячего и упрямого де Монфора в его убеждениях, как всегда бывает с людьми этого типа. Встретив однажды своего коллегу Дефранса вскоре после выхода в свет его работы о моллюсках, которая уже была осмеяна, Дени Монфор важно заявил, намекая, несомненно, на "арбор" Плиния:

- Если мой кракен пройдет, я заставлю его распахнуть объятия от одного берега Гибралтара до другого.

В другой раз, в присутствии философа Жака-Жозефа Шамполиона-Фижака, старшего брата знаменитого востоковеда, наш насмешник доверительно пообещал своему бывшему шефу Фожа де Сен-Фону:

Если моего "осьминога колоссального" примут, при втором издании я его заставлю перевернуть целую эскадру!

Когда несколькими десятилетиями позднее эти шуточки были переданы непременно секретарю Академии наук Альсиду д'Орбиньи, тот горячо возмущался и не видел в них ничего, кроме признаков экстравагантного ума и недобросовестности. Но это свидетельствует по меньшей мере об отсутствии чувства юмора у господина д'Орбиньи.

Фатальное вмешательство персидского принца Надир-Мирзы Шаха

Кракен Дени де Монфора не получил возможности протянуть свои щупальца между геркулесовыми столбами, поскольку нельзя было сказать, что он "прошел". И до

второго издания "Естественной истории моллюсков" дело не дошло, поскольку "осьминог колоссальный" не был в точном смысле слова "принят": сочли даже более благоразумным доверять это издание начиная с четвертого тома менее мечтательному натуралисту.

Конечно, Пьера Дени де Монфора нельзя назвать человеком безупречным. Как у многих страстных ученых, у него часто отсутствовало критическое чутье, и он был готов принимать на веру те факты, которые вписывались в его концепцию. В то же время произошел злосчастный эпизод, который упрочил за ним репутацию человека легкоговерного.

В Париже появился молодой иностранец, по имени Надир-Мирза Шах, сын персидского владыки Шарок-Шаха, который вынужден был покинуть свою родину в результате междоусобных войн. Не зная французского языка, изгнанник был вынужден дать объявление в газету, приглашая к себе на службу лиц, знающих персидский, турецкий, русский, немецкий или китайский языки. Дени де Монфор, известный полиглот, откликнулся на это приглашение и услышал из уст принца рассказ о романтических приключениях, который не оставил его равнодушным.

Слух о пребывании в столице восточного принца быстро распространился благодаря статье, опубликованной в "Газет де Франс". Но некий гражданин, по имени д'Оливье, знаток, по его словам, политических событий на Ближнем Востоке, сразу же возразил, что так называемый Надир-Мирза Шах не может быть ни кем иным, как самозванцем. Некоторые газеты, всегда падкие на скандал, поддержали это мнение и повели себя как свора злобно лающих псов. Среди прочего объявлялось, что король, сыном которого называет себя Надир-Мирза Шах, является евнухом, что делает его отцовство маловероятным. И наконец, главный аргумент: молодой человек обвинялся в том, что он еврей. По словам одних польский, по словам других - голландский.

В это беспокойное в истории Франции время попасть под подозрение было небезопасно, и бедный эмигрант рисковал оказаться в тюрьме. Возмущенный Дени де Монфор во имя справедливости встал на его защиту, так его тронули несчастья принца. Он был не единственным, кто верил персидскому принцу. Господин де Варан, который двадцать два года провел в России и хорошо знал Восток, готов был засвидетельствовать его чистосердечие. И ботаник и путешественник Мишо, который объехал большую часть Персии, после долгой беседы с иностранцем был убежден, что тот является "сыном какого-то генерала или губернатора персидской провинции".

Вооруженный такими гарантиями, Дени де Монфор опубликовал в 1801 году статью в защиту благородного беженца: "Жизнь и политические приключения Надир-Мирзы Шаха, персидского принца, пребывающего ныне в Париже".

Если верить биографическому словарю Керара, это была очень неудачная инициатива:

"Этот пресловутый персидский принц был всего лишь самозванцем, не знающим ни истории, ни географии, ни языка персов. Его рассказы о приключениях сплошное вранье, абсурдное и неправдоподобное. В Париже он занимался тем, что одурачивал людей: господина Варан и Дени де Монфор были одними из многих обманутых им".

Это суждение Керара не кажется бесспорным. Возможно, этот человек и не был сыном персидского шаха, но от мнения таких эрудированных путешественников, как Мишо и Варен, нельзя просто отмахнуться: не так просто было их обмануть. В пользу "принца" говорит также знание им пяти европейских и восточных языков. Если это был мошенник, то очень высокого полета.

Как бы то ни было, но этот эпизод не способствовал укреплению престижа Дени де Монфора. Он еще раз продемонстрировал свое искреннее увлечение чудесами и приключениями, касающимися как гигантских осьминогов, так и восточных принцев.

Конец неудачливого малаколога

Бесспорно одно - Дени де Монфор никогда больше не занимал официальных

постов в научных или учебных заведениях. Несмотря на сыпавшиеся на него сарказмы, он храбро и настойчиво продолжал заниматься раковинами, хотя его материальные обстоятельства "рыцаря-одиночки" не очень этому способствовали. После издания второго тома "Систематической конхиологии" в 1810 году он до 1816 года напечатал еще несколько статей и заметок в журнале "Физико-экономическая, учебная и развлекательная библиотека", но его работа в области малакологии осталась неоконченной. Возможно, он поселяется в деревне, где жизнь дешевле, чем в Париже, и занимается более прозаическим и более прибыльным делом, чем конхиология, а именно пчеловодством. Во всяком случае, в 1813 год он печатает брошюру на эту тему: "Улей, дающий три урожая в год, укрепленный и экономичный, и его содержание, или Средства защиты пчел от вредителей".

Но ни эта брошюра, ни занятия пчеловодством, по-видимому, не улучшили его положения, поскольку чуть позже он выпускает брошюру еще более скромную, с единственной целью заработать немного денег. Это был словарь на 16 страницах ин-октаво, содержащий 100-150 слов на 19 языках, включая диалекты. Это были наиболее употребительные слова для изучающих иностранные языки. В этом отношении опыт Дени де Монфора был предтечей современных практических методов изучения иностранных языков.

После 1816 года Дени-Монфор совсем ушел в тень, и мы так ничего и не узнали бы о нем, если бы не любопытный рассказ ученого-малаколога прошлого века профессора Ж.-Поля Дезайе. Будучи специалистом по конхиологии*, он собрал коллекцию раковин, ставшую известной во всем мире. Он искал редкие раковины не только в окрестностях города. А в самом Париже он в течение многих лет усердно посещал магазинчики натуралистов-коммерсантов в поисках образцов, которых не было в его коллекции.

* Конхиология - отдел зоологии, изучающий раковины, главным образом моллюсков.

Однажды в одном из таких магазинов, где бабочки соседствовали с кристаллами аметиста, а чучела птиц - с лягушкой в бокале, Дезайе увидел, как открылась дверь и вошел человек нищенского обличья, с всклокоченной бородой, оборванный, в бахромчатых панталонах и залатанной рабочей блузе. Несмотря на свой плачевный вид, держался он уверенно.

Этот по виду нищий извлек из-под своих лохмотьев полотняный мешок и высыпал его содержимое на прилавок перед торговцем.

- Месье, я принес вам ваши раковины, - прохрипел он тоном, в котором чувствовалось, однако, достоинство.

На прилавке лежало штук двадцать раковин, многие из которых были очень редкими. Торговец тщательно пересчитал их и, порывшись в кассе, выдал странному типу монету в двадцать су и предложил ему зайти через несколько дней за следующей порцией. После ухода незнакомца Дезайе спросил с любопытством у хозяина лавки, кто это такой.

- Как, вы его не знаете? - ответил тот. - Однако это известное имя в конхиологии - Дени де Монфор.

Молодой человек не поверил своим ушам, но это действительно был Дени де Монфор, впавший в самую последнюю нищету, из которой у него не было никаких шансов выбиться. Единственным источником дохода для него были лавки натуралистов-коммерсантов, где иногда ему давали раковины для определения. Хотя это занятие требовало довольно больших и редких знаний, оно едва могло его прокормить. Из того франка, что он получал, несколько су тратилось на хлеб и колбасу, а остальное - на живительный напиток. Все это поглощалось в крошечной мансарде, где он жил в полном одиночестве, всеми оставленный и забытый. О его трагическом конце можно прочитать в библиографическом разделе "Животного царства" Кювье:

"...умер от нищеты на улице Парижа в 1820-м или 1821 году".

Он умер на улице, как Эдгар По, и даже еще ужаснее, чем По, которого успели все же отвезти в больницу, прежде чем тот испустил последний вздох.

Так ушел из жизни, одиноким и несчастным, непонятым и осмеянным, великий французский зоолог, прекрасный писатель, виновный только в том, что отважно шел по следу неизвестных чудовищ.

Пьера Дени де Монфора необходимо реабилитировать

И как будто бы этого жалкого конца было недостаточно, чтобы простить его отчасти спорные ошибки - доверчивость, упрямство, фатальную любовь к чудесам, он не знал даже, если можно так сказать, посмертного удовлетворения от реабилитации. В качестве надгробной речи прозвучали насмешки, скрипучие проповеди и даже жалость - эта подачка для нищих духом.

Однако наш проклятый малаколог был отнюдь не без достоинств. Это был очень живой ум, необыкновенно проницательный, горящий во всех его сочинениях, как огонь пожирающий. В его время, когда библиографические исследования было не так легко провести, как сегодня, никто не смог лучше него собрать все существовавшие тогда данные по этому щекотливому вопросу - по гигантским головоногим: его культура должна была быть громадной. Его исследования в большой степени послужили руководством для последующих работ в этой области в XIX веке, и только по одной этой причине он уже заслужил большую благодарность потомков. Однако можно привести много примеров, когда позднейшие авторы, бессовестно ограбив его сначала, вместо благодарности осыпали его насмешками.

И наконец, если некоторые наивные высказывания Дени де Монфора и вызывают улыбку с высоты наших сегодняшних знаний, следует признать, что недоверчивость его противников и хулителей гораздо более утрирована, чем его легкое верие, и еще в большей степени достойна сарказмов. Даже в самом своем бредовом виде его осьминог колоссальный все же ближе к реальности, чем двухметровый, в растянутом виде, осьминог, официально считавшийся гигантом этой группы в прошлом веке.

И в первую очередь следует признать необыкновенную отвагу этого всеми осмеянного французского натуралиста, которая нечасто встречается в научном мире.

ЛИЧНОСТЬ ЧУДОВИЩА УСТАНОВЛЕНА

В то время, как упорный Дени де Монфор проводил свой опрос среди американских китобоев в Дюнкерке, но вопреки очевидности возлагал на осьминогов ответственность за злодеяния, совершенные, безусловно, гигантскими кальмарами, некоторые из этих последних продолжали заставлять о себе говорить повсюду в мире - как на севере, так и на юге, как на западе, так и на востоке.

Кальмар префекта из Медревалле

Благодаря исследованиям Олафсена и Повельсена стало известно, что в 1639 году на севере Исландии на берег был выброшен рогач громадных размеров. Другой исландский исследователь, натуралист Свен Паульсон, получил свидетельство о похожем случае, имевшем место сто пятьдесят лет спустя в том же районе.

В 1791-1793 годах Паульсон занимался исследованием наиболее диких уголков родного острова, в то время бывшего собственностью Дании. Результаты своей работы он оставил нам в виде рукописи под названием "Дневник путешественника", хранившейся с тех пор в библиотеке исландской литературы в Копенгагене. Оттуда ее извлек знаменитый датский зоолог Стенstrup в середине XIX века, поскольку та содержала очень интересную запись, касающуюся гигантских головоногих.

В "Дневнике" приводится письмо, адресованное Паульсону префектом одной из северных территорий, из монастыря Медревалле, содержащее сообщения о некоторых замечательных явлениях, касающихся естественной истории, и в том числе о гигантском кальмаре, выброшенном на берег зимой 1790 года. Согласно довольно точным данным префекта, это был кальмар по меньшей мере 12 метров в длину, не

считая щупалец, которые были у него в разной степени повреждены. Этот великан немного не дотягивал до размеров- "гигантских рыб" Олафа Магнуса, длина которых варьировалась от 14 до 16 метров.

Французские путешественники на randevу с кальмарами

В 1802 году декорации меняются: почти на противоположной стороне земного шара, в южной части Тихого океана, гигантские кальмары внезапно заставили говорить о себе. В море у берегов Тасмании одного из них встретила французская экспедиция Никола Бодена, посланная к австралийским берегам первым консулом Бонапартом; вернувшись, она увидела уже императора Наполеона. Ступив 19 октября 1800 года на борт корвета "Географ", молодой и блестящий натуралист Франсуа Перон был свидетелем этого происшествия. Он оставил о нем подробный рассказ:

"В этот день (9 января 1802 г.) мы заметили в волнах недалеко от корабля громадную спину, по-видимому кальмара, весом с тонну; она с шумом катилась в волнах, вытянув по поверхности длинные щупальца, извивавшиеся, как громадные змеи. Каждое из них было не менее 19-22 дециметров в длину и диаметром 18-21 сантиметров. Нет сомнения, что именно этому животному Дом Пернетти приписал такие чудовищные размеры и такой значительный вес, что оно могло взобраться по корабельной оснастке, накренить и потопить корабль. Описание это страдает очевидными преувеличениями, но у истоков его лежит, вероятно, появление гигантских животных именно этого вида".

Вернувшись во Францию, ставшую империей, Перон, конечно, проконсультировался с "Естественной историей моллюсков" своего коллеги Дени де Монфора, опубликованной в 1801-1802 годах, но не вмешался, чтобы восстановить истину и отдать кальмару должное. Возможно, у него не было на это сил. Страдая от лихорадки, приобретенной им во время плавания "Географа", длившегося с 1800-го по 1804 год, он умер 14 декабря 1810 года в своем родном городе Серии, когда ему едва исполнилось 35 лет.

Несколькими годами позже, после Реставрации, другая французская экспедиция на судах "Урания" и "Физик", возглавляемая Луи Клодом де Сольс де Фрей-сине, подтвердила наблюдения несчастного Перона. В рассказе о их кругосветном плавании, происходившем в 1817-1820 годах, Жан Куой и Жозеф Гэмар, зоологи с "Урании", приводят такие сведения:

"В Атлантическом океане, вблизи экватора, в тихую погоду мы увидели останки гигантского кальмара; то, что от него оставили птицы и акулы, весило еще фунтов сто, а это была едва половина его длины, совершенно лишенная щупалец, так что вся масса животного весила, без преувеличения, 400 фунтов".

И наконец, в своей книге "Руководство по естественной истории моллюсков и их раковин", опубликованной в 1829 году, Поль Карел Сандер Ранг, известный малаколог и одновременно старший офицер Королевского морского корпуса, описывает третью похожую встречу, на этот раз также в Атлантике:

"Мы встретили в открытом океане совершенно особенное животное, темно-красного цвета, с короткими конечностями, весом в тонну".

Еще менее вразумительным, но наверняка из той же серии является свидетельство адмирала Сесилия, который во время путешествия на "Героине" наблюдал, как "вдоль борта проплыл гигантский головоногий моллюск".

В это беспокойное время, когда политические режимы, совсем непохожие друг на друга, быстро сменяли один другой, французы, по-видимому, много путешествовали. И всегда путешественники для нашего просвещения встречались с гигантскими кальмарами, а такого рода встречи невозможны, если сидишь в тихом уголке Франции.

Музейные богатства, накопленные к 1850 году

Итак, если в начале XVIII века о существовании кальмаров большой и очень большой величины знали только немногочисленные очевидцы и знакомые со старыми

текстами книжные черви, то к середине следующего столетия в нем уже не сомневался никто.

В это время вещественные доказательства их существования уже не были редкостью. Многие музеи во всем мире располагали останками головоногих более или менее гигантских.

Во Франции кроме останков большого кальмара Куоя и Гэмара, хранившихся в Музее естественной истории в Париже, существовали еще вещественные доказательства присутствия в Средиземном море рогача солидных размеров. В коллекциях Университета в Монпелье Действительно фигурирует образец кальмара-стрелы длиной 1 метр 32 сантиметра, пойманного в Сете рыбаками в 1845 году. Профессор Поль Жерве, читавший курс в этом университете, признал в нем большого *teuthos* Аристотеля.

В 1851 году вышла монография о средиземноморских моллюсках Жана-Батиста Верани, директора Кабинета естественной истории в Ницце. В этой книге, богато иллюстрированной, Верани говорит о кальмаре, весом 10 килограмм, а в длину превышавшем 1 метр не считая щупальца. Обычно, говорит он, эти большие экземпляры находят на пляже мертвыми. В Ницце был найден кальмар, весивший 15 килограмм, а рыбаки уверяли, что видели выброшенных на берег кальмаров и большей величины.

Этот кальмар, вида "тодар", водится, возможно, по всему Средиземноморью. В Музее г. Триеста хранится экземпляр, весящий также 15 килограмм, который плавал в Адриатическом море и был выброшен на далматинский берег.

Как писал префект из Медревалле Свену Паульсону, эти средиземноморские "гиганты" - мелюзга, которой питаются их кузены, плавающие в океане или в северных морях.

Многие голландские музеи также могли бы гордиться более или менее внушительными трофеями. На второй сессии Британской ассоциации поощрения наук, проходившей в Плимуте в июле 1841 года, полковник А. Смит сообщил о том, что в - музее Гарлема выставлено много "разных частей гигантской каракатицы". В подтверждение своих слов он нарисовал клюв и некоторые органы этого монстра.

С другой стороны, когда в 1859 году Питер Хартинг был назначен директором Музея естественной истории при Университете Утрехта, он нашел там банку, содержащую ротовую часть толщиной 12 сантиметров в самом широком месте, какого-то головоногого, а также несколько чашеобразных присосок с зубчатыми краями. Размеры присосок - от 13 до 25 сантиметров в диаметре - указывают на то, что они принадлежали экземпляру феноменальных размеров.

Чрезвычайно взволнованный этой находкой, новый директор попытался установить происхождение удивительных экспонатов, но ничего не нашел, кроме указания, что они переданы туда из коллекции предметов естественной истории, собранной в конце прошлого века местным аптекарем господином Юлиансом.

Хартинг сделал первое описание всех этих деталей для Академии наук в Амстердаме. В связи с этим заявлением его коллега Биллем Фролик сообщил о существовании фрагментов другого гигантского головоногого в коллекциях Зоологического сада в Амстердаме. Там была также глотка целиком, длиной 11 сантиметров, с большой частью пищевода; конец щупальца толщиной 6 сантиметров в диаметре у основания; громадный глаз, высотой 7,5 и шириной 8,5 сантиметров, больше, чем у кита, и, наконец, часть щупальца, на котором еще сохранились крючки длиной 7-9 миллиметров, которые позволяют установить личность их владельца. Все эти детали были найдены в желудке акулы, выловленной в Индийском океане экипажем торгового судна, направлявшегося из Индии в Амстердам.

В 1860 году Хартинг подробно описал этих двух головоногих, определил их видовую принадлежность и, как авторитетный ученый, подтвердил гигантизм этих

созданий.

Британские музеи были почти так же богаты такими экспонатами, как голландские. В Королевском колледже хирургов в Лондоне хранятся останки кальмара с крючками, полученные от сэра Джозефа Бэнкса: плавники, одно щупальце; сердце и клюв. В хранилищах Британского музея имеется, замаринованное в громадной банке, щупальце длиной 2,75 метра и 28 сантиметров в обхвате у основания. Оно снабжено двумя рядами присосок, общим числом 145-150. Самые большие из них имеют 1,25 см в диаметре, форму бокала на ножке и зубчатый край.

Происхождение этого куса щупальца, довольно значительной длины, точно неизвестно. Насколько можно судить, его привезли с побережья Южной Америки. Знаменитый английский зоолог Уильям Севил Кент, упоминая в 1874 году об этом трофее, относит его к виду *todazus*.

В действительности все кальмары, намного превосходящие по величине средиземноморских больших кальмаров - и которых можно назвать супергигантами, оправдывали создание совершенно особого вида. Эта инициатива принадлежит датскому натуралисту Иоану Япетусу Стенstrupу (1813-1897). Но если научное крещение кракена, поскольку это был, конечно, он, стало узаконенным, то это благодаря новым приобретениям Копенгагенского музея.

Удачи и неудачи Иоана Япетуса Стенstrupа

Музей Копенгаген не был богаче других, но там работал молодой человек, активный и предприимчивый, любознательный. V

Разумеется, доктор Стенstrup не всегда был очень счастлив в своих заключениях. Так, например, открытие изображений мамонта и его костей, разрубленных какими-то орудиями и обожженных на огне, нанесло смертельный удар теории Кювье о несовместимости во времени человека и доисторических животных. Будучи в курсе всего, что происходит в мире, Стенstrup напомнил, что в ледниках Сибири находили мамонтов в таком прекрасном состоянии, что их мясом можно было кормить собак: пещерные люди, по его мнению, также могли черпать вдохновение для своей наскальной живописи, созерцая эти внушительные скелеты, и даже жарить замороженное мясо и костный мозг из гигантских костей. Чтобы опровергнуть это объяснение, хотя и остроумное, достаточно доказать, что в тех местах, где были найдены кости мамонта рядом со следами костров, на которых готовилась пища, никогда не было ледников. Стенstrup ошибался, но было бы невеликодушно не признать законность его возражений.

Что же касается головоногих гигантов, то он показал, что по примеру Дени де Монфора собирается использовать на благо естественной истории "все материалы, достоверность и очевидность которых нельзя оспорить".

Слухи, которые ходили по всей Скандинавии о существовании чудовищного кракена, не оставили его равнодушным. Он начал тщательно просеивать все старые хроники этого, региона в поисках следов тех происшествий, которые породили эту легенду или по меньшей мере ее питали, поскольку она казалась старой, как мир. От известных уже нам авторов он узнал, что кальмары-супергиганты выбрасывались на северное побережье Исландии в 1639 и 1790 годах.

Для молодого исследователя это был случай для первого сообщения, в 1847 году, Обществу скандинавских натуралистов.

Изыскания Стенstrupа, несомненно, были бы преданы забвению, если не осмеяны, как работы Дени де Монфора, если бы через несколько лет случай не сыграл на руку нашему датскому зоологу, позволив ему привести конкретное доказательство его утверждений.

В декабре 1853 года море в самом деле выбросило колоссального кальмара на пляж Аальбека в Ютландии, также на территории Дании. Рыбаки Каттегата, как это у них принято, разрезали животное сразу на куски, чтобы использовать мясо для

наживки, и погрузили его на множество тележек с запряженными в них собаками. По счастью, морской комиссар Кьелдер де Скаген подобрал глотку животного, размером с голову ребенка, и благодаря его стараниям, она попала в руки бдительного Стенструпа.

Это бесспорное вещественное доказательство, снабженное клювом длиной 11,5 сантиметра, при ширине 8,3 сантиметра, послужило основой для научного описания в 1856 году невероятного колосса под именем *Architeuthis monachus*.

Чудовище в обличье монаха

Architeuthis, шеф-кальмар,- название как нельзя более подходящее. Но почему "монах"? Потому, что Стенструп, всегда добросовестный и играющий по правилам, считал, что гигантский кальмар уже получил имя в научной литературе и о нем следует напомнить при присвоении ему нового имени. Эрудиция датского натуралиста не ограничивалась старыми скандинавскими текстами. Он знал "Общую историю рыб" Гийома Рон-деле из Монпелье и был просто потрясен описанием "чудовища в одеянии монаха", которое он там нашел. Французское издание этого сочинения датируется 1558 годом, а латинское 1554-м. Вот это описание:

"В наше время в Норвегии было поймано морское чудовище после большой бури, которому все, кто его видел, дали имя "монах". У него было человеческое лицо, но очень грубое, с голым блестящим черепом. На плечах его как будто бы лежал капюшон, два длинных лапа вместо рук, тело кончалось большим хвостом. Средняя его часть была значительно шире и имела форму военного плаща.

Изображение, на основании которого я даю это описание, было передано мне очень именитой дамой, Маргаритой де Валуа, королевой Наваррской, которая его получила от одного дворянина, передавшего аналогичный портрет императору Карлу V, пребывавшему тогда в Испании. Этот дворянин утверждал, что он сам видел это чудовище в Норвегии, выброшенное морем во время бури на берег в местности под названием Дизе, недалеко от города Денелопах".

Стенструпу не стоило труда понять, о каком городе идет речь. Название его, несомненно, следовало читать как ден Елепох (Еллебоген), а это старое название города Мальме, расположенного напротив Копенгагена, на другом берегу пролива Зунд, каковой и обозначен в тексте словом Дизе, что надо читать как Ди Зунд.

Оставалось найти следы этого происшествия в местных хрониках. Сначала он нашел упоминание о нем в работе историка Серенсена Беделя, зафиксировавшего самые замечательные события на протяжении жизни Фредерика II, короля Дании и Норвегии. За 1545 год среди прочего можно было прочесть:

"Странная рыба, похожая на монаха, была поймана в Зунде: длина ее составляла приблизительно 2 метра 40 сантиметров".

Все это подтверждало правильность умозаключений Стенструпа и позволяло исправить орфографические ошибки господина Ронделе и его издателя. Но дата происшествия была указана неточно, так как две другие хроники относили его к более позднему времени.

На основании суммы всех этих документов складывалась такая картина этого происшествия: "Чудовищная и удивительная рыба с обличьем монаха" была поймана в Зунде в 1550 году. Отловленное сельдяной сетью, животное испускало душераздирающие крики, когда его вытаскивали из воды. Через день после поимки оно еще жило, так как сеть держали в воде. По форме головы и чертам лица это фантастическое существо из-за бритого черепа напоминало человека, а точнее, монаха. Но при человеческой голове у него было тело, члены которого были как будто бы обрезаны и искалечены..

Тело монахообразного чудовища было доставлено в Копенгаген королю Христиану III, который приказал немедленно предать его земле "для того, как говорит его историограф, чтобы не давать народу повода для распускания скандальных слухов".

Познакомившись с этими старыми документами, Стенструп вспомнил, как и

следовало ожидать, о "морском монахе", упомянутом Адамом Олеариусом в его "Кабинете достопримечательностей Гетторфа". Сравнивая его изображение с описанием "ужасного морского чудовища", выловленного между Катвиком и Шевенингеном, он понял, что речь, несомненно, идет об изуродованном теле гигантского кальмара. Но тогда не являлся ли также кальмаром и "морской монах", пойманный в Зунде?

Сравнивая изображение кальмара с наивным портретом "чудовищной и удивительной рыбы", приведенным Ронделе, датский натуралист нашел некоторое сходство в их силуэтах. В складках "монашеского одеяния" чудовища он увидел восемь конечностей рогача, в обрубках рук - его два длинных щупальца, умышленно расположенных подходящим для данного случая образом. А бритая гладкая голова, по его мнению, была задним концом туловища кальмара. Что же касается криков пойманного животного, Стенstrup посчитал их звуком двигательного сифона головоногих, действительно иногда напоминающим крик новорожденного ребенка.

Морской монах был, несомненно, моржом

Но при всем желании трудно поверить в правомочность определения Япетуса Стенstrupа. Основной его ошибкой было, по-видимому, то, что базой для сравнения он взял не текст старых хроник, а фантастический портрет животного. Однако, как это обычно бывает, портрет, по всей видимости, выполнялся по описанию в тексте или по устным рассказам, а не с натуры: в противном случае он не имел бы такого экстравагантного вида! Нет ничего общего между изображением монаха Ронделе и морским монахом Олеариуса.

Следовательно, чтобы установить личность чудовища, следует опираться исключительно на текст. И тогда в нем совсем нетрудно узнать разновидность тюленя.

Гладкий череп, человеческие, но грубые черты лица, руки в форме ласт, широкий хвост на конце туловища, отчаянные крики при поимке - все это заставляет думать о каком-то ластоноге. Конечно, это не обыкновенная морская корова и не мраморный тюлень, обычные для Балтики и Каттегата, где проходят их сезонные миграции. Скандинавы никогда не приняли бы это животное за необыкновенное чудовище! Невольно напрашивается мысль о гренландском тюлене, которого называют иногда тюлень-капуцин. Эти животные действительно каждый год проходят к северу вдоль берегов Норвегии, где самки весной приносят детенышей и иногда могут заплывать даже в Зунд. Это можно расценить как исключительный случай, но в похожести животного на капуцина нет ничего удивительного. Его просторечное название происходит от формы его носа, который самцы могут надувать, как пузырь, так что он принимает форму капюшона, спускающегося назад от самых глаз.

Еще более вероятным кажется, что "морской монах" из Зунда был моржом. Человеческими чертами лица, складчатой кожей, направленностью вперед задних конечностей он очень отличается от тюленей, и в Средние века имел больше шансов быть принятым за чудовище датчанами и шведами, привыкшими к другим разновидностям ластоногих. Напомним по этому поводу, что в 1520 году Эрик Фальхендорф, епископ из Трондхьема, взял на себя труд послать папе Льву III замаринованную голову одного из этих животных, которого он считал чудовищем.

Как правило, моржи не покидают ледяные арктические моря, но некоторые забредали зимой к берегам Великобритании: они были замечены у берегов Шотландии в 1902 году и даже южнее, в Ирландии, в 1897-м. В 1926-1927 годах великолепного самца наблюдали в Норвегии, на Фризских островах в Нидерландах, в Дании и Швеции. В 1939 году еще более смелый, а может быть, заблудившийся морж проплыл через Зунд и кончил свое путешествие на германском берегу. В конце концов, возможно, что он просто повторил, с четырехвековым интервалом, приключение одного из своих предков. Но этого второго уже никто не принял за морского монаха. Морж действительно похож на старого, лысого и плохо выбритого отшельника, а

многочисленные складки кожи на его плечах напоминают капюшон монаха.

На это можно возразить: у моржей такие мощные клыки, что нельзя не заметить такую их особенность.

Но клыки в полной мере вырастают только у взрослых моржей а у самок они поменьше. Если "монах" из Зунда был действительно моржом, то это был молодой морж, поскольку он был длиной не более 2,4 метра. Взрослые моржи всегда длиннее 3 метров, а некоторые достигают 4,5 метров.

Крещение двух гигантских кальмаров

Доктор Стенstrup, вероятно, действительно был одержим мыслью о гигантских кальмарах, если увидел одного из них в живописном описании "чудовища в одеянии монаха" и его гротескном изображении. И подобно Геснеру, другу и коллеге Ронделе из Монпелье, который в 1556 году перевел на латынь датский термин *somunk* как "морской монах", Стенstrup считал своим долгом после научного крещения кальмара, выброшенного на берег в Ютландии, предложить новое имя, по меньшей мере как название видовое в дополнение к названию родовому, данному этому кальмару Плинием Старшим (24-79 гг.).

Ошибка совершилась и была узаконена приоритетным правом. Первый кальмар-супергигант - был назван *Architeuthis monachus* и будет называться так всегда.

Новое происшествие вскоре наградило этого кальмара собратом, но менее монашеского вида.

Осенью 1855 года скандинавский мореплаватель капитан Вильямур Хигом, проходя между Каролиной и Бермудами, видел плавающий в волнах труп кальмара внушительной величины - он был длиной около 4 метров.

Капитан решил поднять на борт тело чудовища, почти невредимое, изъяс из него разные органы и послал их в Копенгаген доктору Стенstrupу: это были рогообразный клюв, зубы (вернее, шероховатый язык), множество щупалец толщиной в руку человека с присосками диаметром 3 сантиметра и другие органы. Спинная кость этого кальмара была не менее 2 метров в длину и 17 сантиметров толщиной посредине.

Поскольку клюв его немного отличался от этой детали у кальмара, выловленного в Ютландии в 1853 году, датский зоолог дал этому новому гигантскому рогачу имя *Architeuthis dux*.

Коллекция господина Барнума и молчание доктора Шеню

Все эти конкретные факты, опубликованные на датском языке в научном журнале, издававшемся в 1857 году в Христиании, были известны в то время только отдельным специалистам, и среди них были доктор Хартинг в Голландии, профессор Поль Жерве во Франции, профессор Аддисон Верил и доктор Пакард Младший в Америке. Последний переписывался со Стенstrupом, а двое других ученых даже встречались с ним.

В то же время трофеи, подобные сокровищам доктора Стенstrupа, хранились в разных музеях мира. И широкая публика даже имела возможность посмотреть на них в Кабинете редкостей знаменитого господина Барнума. Вот что рассказывает журналист Бенедикт-Анри Ревуаль в своей книге "Рыболовство в Северной Америке":

"Американский капитан рассказывал мне в 1836 году, что у берегов Багамских островов его судно было атаковано осьминогом, который, вытянув свои гигантские щупальца, схватил и утащил в море двух человек из его экипажа. Старнгай рулевой ударом топора отсек одно щупальце. Оно было длиной 3,5 метра и толщиной с человека. Я видел этот любопытный экспонат в Музее господина Барнума в Нью-Йорке, где он хранился, высушенный и свернутый кольцами, в громадной банке со спиртом".

Конечно, нет никаких доказательств, что этот кусок щупальца принадлежал кальмару, но все же есть серьезные основания так думать. Но в любом случае это щупальце кому-то принадлежало, и это не должно оставить натуралистов

равнодушными.

Ввиду значительно возросших к середине XIX века знаний о гигантских головоногих удивляет стыдливое молчание на этот счет руководств по зоологии того времени. Заглянем, например, в монументальную "Энциклопедию естественной истории" Жана-Шарля Шеню, главного хирурга военного госпиталя в Валь-де-Грасе и профессора естественной истории, в котором он синтезировал результаты исследований всех своих предшественников. В томе, посвященном ракообразным, моллюскам и зоофитам (животным похожим на растения) и опубликованном в 1858 году мы не найдем и намека на след гигантских рогачей. Там упоминаются различные виды кальмаров, но ничего не говорится о их размерах и тем более о размерах действительно гигантских кальмаров. И это в то время, как ни один рассказ о морских путешествиях в начале века не обходится без красочных описаний встреч с такими кальмарами!

Может быть, по примеру Дени де Монфора доктор Шеню и его соавтор г-н Демаре считали гигантских головоногих осьминогами? Безусловно, нет. Их мнение о колоссальных спрутах отличается чрезвычайной сдержанностью:

"Следует считать невероятными те истории, что рассказывали, среди прочих, Аристотель, Плиний, Эли-ан, Альдрованди, и те, что снова повторяются серьезными путешественниками и натуралистами, Дени де Монфором например, о гигантских осьминогах, способных забраться на корабль и схватить не только людей, но и больших китов..."

"С чрезвычайной осторожностью правдивым следует признать существование в Тихом океане осьминога размером около 2 метров в развернутом виде".

Осьминог с размахом щупалец 2 метра - таков был чемпион среди головоногих, по мнению доктора Шеню и его коллеги, в то время как уже были зафиксированы по меньшей мере пять кальмаров, выброшенных на берег, длиной от 3 до 12 метров, не считая щупалец, и измерены полдюжины обрубков щупалец длиной от 7 до 14 метров, а толщина одного из них достигала 75 сантиметров!

Лицом к лицу с легендой: ученый инстинктивно пугается

За границей положение было ничуть не лучше, чем во Франции, и такая необычная ситуация не менялась. Блестящий германо-американский натуралист Вилли Лей еще в 1948 году беспокоился по этому поводу:

"Так называемые "руководства" по большей части избегают рассматривать гигантские разновидности, ограничиваясь упоминанием хорошо известных видов. Громадная "Библиотека натуральной истории" Лидеккера (издания 1904 г.) не посвятила ни одного параграфа на своих 3556 страницах большого формата кракену. Немецкое издание "Жизнь животных", еще большее по объему, начатое известным доктором Альфредом Бремом и достигшее сегодня "в кратком варианте" 14 томов энциклопедического формата, посвятило только одну страницу этой теме".

Вилли Лей объясняет это молчание - или эту чрезмерную сдержанность ничтожным объемом зоологической информации, даже в наши дни, о гигантских головоногих; сводится она обычно к утверждению, что такие животные существуют:

"Общий вес тела, достигающий тонны и более, щупальца, длина которых часто превышает 6 метров, страшные глаза 25 сантиметров в диаметре, окраска, меняющаяся от темно-зеленой до яркой кирпично-красной,- таковы зарегистрированные факты".

Если бы даже наши знания о гигантских кальмарах ограничивались этими данными, разве не заслуживают они изумленных комментариев? И в таковых нет недостатка - объемные главы этой книги свидетельство тому. Мы гораздо меньше знаем о многих морских животных, как и о сухопутных, относительно которых в руководствах имеются пространные комментарии.

По всей вероятности, упорное молчание всех серьезных изданий XIX века объясняется атмосферой легенды, в которую погружены герои этой истории. К тому же

слишком сильна тенденция путать легендарное с чисто мифическим. За немногими исключениями, зоологи, имеющие отношение к учреждениям, где хранятся останки гигантских чудовищ, не поднимают никакого шума по этому поводу, как будто бы удерживаемые странной застенчивостью. И это бессознательное конспиративное молчание в большой степени ответственно за незнание других. Каждый ведет свою тайную игру, и в результате кусочки головоломки остаются разрозненными и нерасшифрованными.

Политика умалчивания некоторых более поздних руководств, написанных в эпоху, когда самые вопиющие свидетельства рассеяны в большой степени туман тайны, не может иметь другого оправдания, как отвращение многих ученых ко всему, что граничит с легендой.

По этому поводу можно напомнить, что легенда - это не что иное, как знание, пробелы в котором заполнены выдумкой. Иногда она бывает даже необоснованной типизацией отдельного факта - редкого, исключительного.

Острова исчезают из-за ошибки картографа или из-за настоящего подземного толчка. Спины гигантских животных появляются на глазах мореплавателей, как миниатюрные архипелаги. Рассказчик соединяет два эти события, и рождается легенда.

Гигантский кальмар, хищник, как все его родичи, "поохотился" на матроса, чистившего корпус стоявшего неподвижно парусника. Поколения моряков рассказывают об этом необычном и даже ужасном случае, и вот уже рогач становится страшилищем для всех, более опасным, чем акула, на совести которой в тысячу раз больше жертв. Но акула входит в число обыкновенных опасностей на море! Так появляется еще одна легенда. Но разве романтическая форма этих легенд зачеркивает реальность - громадность размеров, врожденную агрессивность гигантского кальмара?

КАЛЬМАР "АЛЕКТОНА"

17 ноября 1861 года пароход "Алектон" покинул Кадис и направился в Кайенну. Тридцатого числа того же месяца, в полдень, он находился в сорока лье от Тенерифе, когда матрос прервал размышления капитан-лейтенанта Фредерика Мари Буйе, беспечно отдыхавшего на палубе после хорошего обеда.

- Капитан, впередсмотрящий видит обломки, плывущие по левому борту.

Среди моряков уже разгорался спор по поводу плывущего предмета:

- Это как будто опрокинутая лодка...

- Да, нет... это нечто иное - как пучок водорослей.

- Да что вы! Оно же красного цвета, это больше похоже на труп лошади.

- Лошадь в открытом море? Ты шутишь! Это просто бочка.

- Вовсе нет! Он прав - это животное. Смотрите, видны его лапы...

Капитан тотчас распорядился о маневрах, чтобы подплыть ближе к загадочному объекту. По прибытии на Канарские острова он сам расскажет о том, что увидел:

"Я сразу узнал гигантского кальмара, существование которого, казалось, отводилось области басен. И вот я нахожусь совсем рядом с этим необычным существом, которое иногда поднимается из самых глубин моря, как будто специально для того, чтобы бросить вызов-науке. Это было слишком редкой удачей, чтобы не воспользоваться ею; и я решил изучить этого монстра как можно ближе, попытавшись поймать его".

Боевая тревога. Все выходят на палубу и готовятся к борьбе с необычным противником. Готовят гарпуны, заряжают ружья, раскладывают петли для ловли огромного моллюска.

Увы! Море было слишком бурным, и корабль, плывя поперек волны, попал в беспорядочную бортовую качку, что совсем не облегчало задачу охотников. После каждой встречи с кораблем изрешеченное пулями животное пыталось уйти от преследования, продолжая, однако, плыть по поверхности воды. Под залпами огня оно на мгновение исчезало в волнах, чтобы вскоре снова появиться на поверхности воды,

не переставая встряхивать и выкручивать свои гибкие конечности. Но каждый раз, когда ему удавалось отплыть на некоторое расстояние, корабль тотчас менял курс и следовал за ним.

И вот после нескольких часов непрерывной, беспощадной охоты экипажу удалось подвести корабль вплотную к кальмару. И сразу с палубы засвистели гарпуны; один глубоко вонзился в студенистое тело.

Защищаясь, животное лишь извергало из себя клейкую массу "чернил". Вокруг распространился сильный запах мускуса. Воспользовавшись растерянностью кальмара, матросы накинули петлю на его тело. И уже собирались покрепче опутать его и поднять на борт, но морская волна неожиданно резко отбросила корабль и выдернула гарпун, с таким трудом вонзенный в рыхлое тело. Петля предательски соскользнула по скользкой шее кальмара до самых плавников.

Собравшиеся на палубе общими усилиями пытались поднять животное на корабль. Уже показалась из воды значительная часть его тела; но веревка, все больше и больше врезаясь в студенистую массу, вдруг с легкостью, с какой проволока разрезает кусок масла, отсекла хвост животного, и двухтонное тело со страшным шумом плюхнулось обратно в воду. Люди, стоявшие на палубе, однако, наблюдали его достаточно долго, чтобы суметь составить точный портрет.

Это был гигантский кальмар. Его длина, от кончика хвоста до ужасного попугаеобразного клюва, на вид составляла от 4,5 до 5,5 метра, не считая восьми полуметровых конечностей. Отсутствие двух дополнительных щупалец свидетельствовало о давней схватке с каким-нибудь прожорливым китом. Замедленность реакций животного говорила о том, что он близок к смерти.

Его кирпично-красный цвет соответствовал имеющимся описаниям гигантских кальмаров, составленным путешественниками и китобойцами. Огромные, величиной с тарелку глаза, такого же серо-зеленого цвета, что и голова, казались странно неподвижными. Полуметровый рот был увенчан весьма опасным клювом. Что же касается туловища - перетекающей, вздутой посередине формы, - оно представляло собой впечатляющую массу плоти, которая, сужаясь к хвосту, переходила в две мясистые, округлые лопасти плавников.

Понимая, что покончить с монстром можно, только подплыв к нему на лодке, капитан корабля Буйе не решился подвергать опасности жизнь своих людей ради "удовлетворения любопытства, пусть даже и научного". Несмотря на настойчивые уговоры офицеров и матросов, он не стал спускать шлюпку на воду, опасаясь, "как бы в этой встрече "лицом к лицу" чудовище не опрокинуло лодку и не задушило кого-нибудь из матросов своими опасными щупальцами, заряженными электрическими импульсами".

Таким образом, после нескольких бесплодных попыток захватить покалеченное животное, ловко избегавшее встречи с кораблем, оно было предоставлено своей судьбе.

Эта битва продолжалась более трех часов.

Престиж кальмара "Алектон"

Первого декабря в 8 часов утра, едва добравшись до Тенерифе, капитан корабля Буйе с несколькими членами экипажа тотчас направился к господину Сабину Вертелю, консулу Франции на Канарских островах, чтобы обстоятельно рассказать ему о происшествии в присутствии свидетелей - своих компаньонов. Приглашенный на борт корабля дипломат смог лично убедиться в правдивости рассказа, рассмотрев 14-килограммовый кусок хвоста, источающий острый запах мускуса.

На следующее утро командир "Алектон" направил официальный рапорт о случившемся маршалу Филиберу Вайану, министру военно-морского флота. А на последовавшем за этим заседании Парижской Академии наук, которое состоялось в понедельник 30 декабря 1861 года, в повестку дня были внесены два сообщения, посвященные происшествию.

Первое сделал известный физиолог Пьер Флоуранс, зачитавший письмо капитан-лейтенанта Буйе, адресованное Филиберу Вайану и любезно представленное маршалом в академию. Второе сообщение сделал зоолог Мокин Тандон, зачитавший наиболее интересные отрывки письма, полученного им от консула.

Помимо подтверждения официального лица, лично беседовавшего с многочисленными свидетелями происшествия и изучившего скудные остатки чудовища, господин Вертело добавил:

"Я лично опрашивал старых Канарских рыбаков, уверявших меня в том, что они неоднократно видели в открытом море больших красноватых кальмаров, длиной более двух метров, которых они никогда не пытались ловить..."

После зачитания этих взаимно дополнявших друг друга писем в рядах академиков был распространен раскрашенный набросок ужасной схватки, появившийся благодаря таланту одного из офицеров "Алектон", лейтенанта Е. Родольфа.

Заканчивая заседание, президент Анри Милн-Эдвардс заметил, что морское животное, о котором шла речь, должно относиться к одному из видов гигантских головоногих моллюсков, существование которых подтверждалось многими авторами и чьи останки хранились в различных музеях. Он процитировал текст Аристотеля, упоминавшего о крупном моллюске из Средиземного моря, и перешел к "рассказам Плиния и очевидным преувеличениям Олафа Магнуса и Дени-Монфора"; вспомнил свидетельства Перона, Куа и Гаймарда, а также важные сообщения своего датского коллеги Стенструпа (1853) и голландца Хартинга (1860).

На этот раз скептицизм самых сдержанных ученых подвергся тяжелому испытанию. Лихорадочно бросились они собирать воедино, многочисленные факты, рассказывающие о гигантских головоногих моллюсках. В то время как Бенедикт-Анри Ревуаль получал подтверждения канадских рыбаков о существовании необычного кальмара в открытом море, профессор Анри Лаказ-Дутье делал то же самое на берегах Ла-Манша. И неожиданно обнаружилось, что имеется нечто больше, чем просто туманные предположения о реальности их существования. Чем дальше заходило расследование, тем меньше напоминало фальсификацию сенсационное сообщение о гигантском животном. Части огромных щупалец и спины можно было увидеть в музеях: в коллекции профессора Стенструпа в Копенгагене, в музеях Утрехта и Гарлема в Голландии, на факультете естественных наук в Мон-пелье, в музее Королевского хирургического колледжа в Лондоне.

Одна из самых последних находок датировалась 1860-1861 годами. Именно тогда поврежденный остов огромного кальмара был выброшен на берег на западном побережье Шотландии, между Хиллсвиком и Скалловеем. Если верить профессору Алману, конечности этого моллюска имели длину около 2,5 метров, щупальца около 5 метров, а длина мантии, заканчивающейся плавниками, составляла 2 метра 13 сантиметров. Таким образом, общая длина животного превышала четыре с половиной метра, не считая конечностей. Диаметр присоски щупальца, по сведениям профессора Алмана, был приблизительно равен 2 сантиметрам.

Проверив соответствие всех этих анатомических частей, ученые попытались выяснить, к какому виду кальмаров могли бы они относиться. Для некоторых кальмаров средних размеров идентификация легко осуществляется по костяку: это можно сказать о кальмаре *Enoploteuthis* или о кальмарах с ромбическими плавниками, обитающих как в Средиземном море, так и в северных морях (например, кальмар-стрела, *Ommastrephes*). Но у этих видов гигантских кальмаров мантия (собственно говоря, тело) никогда не превышает метра, а чаще значительно меньше. Поэтому правомерно ли их объединять с теми, чья мантия измеряется несколькими метрами и кто заслуживает названия "супергигантов"?

Спорная классификация кальмара Буйе

По мнению доктора Стенструпа, для гигантских кальмаров необходимо создать

новый род *Architeuthis*. Но, согласно Хартингу, для подобного новшества нет никаких оснований. Он считает, что имеющиеся фрагменты гигантов не отличаются от соответствующих частей кальмара *Ommastrephes todarus*, описанного Орбини, и, пока не будет доказано обратное, их нужно к ним и относить.

Французские зоологи Кросс и Фишер предложили определять вид кальмара, встреченного "Алектоном", методом исключения. Никто не сомневался в том, что его следует относить к десятиногим моллюскам. А среди них можно было сразу исключить род *Sepia*, *Sepioloidea*, *Sepioteuthis* и *Cranchia*, представители которых резко отличались по форме от описываемого экземпляра. Таким образом, Кросс и Фишер пришли к выводу:

"Кальмары рода *Ommastrephes*, включающие несколько видов гигантских головоногих, отличаются от кальмара с Канарских островов зубчиками верхнего края присосок хватательных конечностей и подвижностью глаз. Головоног, встретившийся капитану Буйе, напротив, имел неподвижные глаза.

Мы склонны думать, что данный вид принадлежит к семейству *Loligidae* и к роду *Loligo*; мы предлагаем дать ему имя *Loligo bouyeri*, которое будет напоминать натуралистам об офицере, впервые детально описавшем гигантского головоногого моллюска с Канарских островов".

Исключение из рода *Ommastrephes* по тому признаку, что у кальмара, встреченного "Алектоном", "странно неподвижные" глаза, кажется достаточно сомнительным. Можно иметь застывший взгляд в буквальном смысле этого слова, но при этом глаз не обязательно будет неподвижным в своей орбите. Более того, никем не доказано, что глаза животного, находящегося на грани между жизнью и смертью, не могут потерять подвижность.

Можно не удивляться поэтому, что Кросс и Фишер определили 6-метрового моллюска в один род с кальмаром обыкновенным (*Loligo vulgaris*), в двадцать раз меньшим его в длину. Вот как они оправдывают подобное соседство:

"Исследование гигантских головоногих моллюсков, принадлежащих к хорошо известным видам средних размеров, очевидно доказывает, что их рост не ограничен четкими границами, как у высших позвоночных животных (млекопитающих, птиц и пр.), и продолжается в течение всей жизни".

Таким образом, при попытке классификации гигантского кальмара были выдвинуты две гипотезы. Или это "переросший" экземпляр уже известного, широко распространенного вида, или он образует отдельный, еще неизвестный род.

За неимением достаточного количества фактов Кросс и Фишер воздержались от четких выводов; тем не менее заметно, что они склонялись в пользу первой гипотезы. Будущее покажет, что они ошибались: сверхгигантские кальмары образуют совершенно самостоятельный род *Architeuthis*, название которому впервые было дано Стенstrupом.

Проделки журналистов

Сенсационный случай с кальмаром "Алектона" вызвал возбуждение не только в научных кругах, но, как можно догадаться, и во всех остальных слоях общества, и в первую очередь среди журналистов. Они поспешили представить свою версию.

Таким образом появился "достоверный рассказ" о разыгравшейся драме, приписываемый самому капитану Буйе, некоторые несоответствия и очевидные неточности которого видны невооруженным глазом. В рассказе, состряпанном каким-то ловким журналистом, можно без труда узнать не только выражения из официального рапорта капитана Буйе и выдержки из письма господина Сабина Вертелло, но даже наивную версию Кросса и Фишера о возможности неограниченного увеличения роста головоногих моллюсков:

"Почему это существо не может достигать гигантских размеров? Ничто не сдерживает его рост - ни позвоночник, ни панцирь; а priori не видно пределов его

развития".

Нельзя отказать себе в удовольствии воспроизвести здесь заключительную часть пресловутого "документа", в которой с первой строки угадывается редакторская рука:

"Этот ужасный беглец из зверинца старика Протея долго еще будет преследовать меня в моих ночных кошмарах. Долго я буду ощущать на себе этот взгляд, неподвижный и тусклый, и эти восемь рук, обвиняющих меня своими змеиными кольцами. Надолго я сохраню воспоминания об этом чудовище, повстречавшемся "Алектону" 30 ноября 1861 года, в два часа пополудни, в сорока лье от Тенерифе.

С тех пор как я увидел своими глазами это странное животное, я не могу не верить всей душой сказочным рассказам мореплавателей. Подозреваю, что море не сказало еще свое последнее слово и хранит в запасе чудовищных отпрысков вымерших видов, каких-нибудь выродившихся потомков трилобитов, и выплавляет в своем всегда активном, горниле необыкновенные формы, наводящие ужас на матросов и дающие сюжеты таинственным легендам океана".

Неприятность подобного рода действий журналистов, осуществляемых чаще всего невежественными писателями без малейшей заботы о соблюдении точности, состоит в том, что они питают веру в уже готовых поверить умах. Пресловутый "достоверный рассказ" командира корабля Буйе был использован замечательным писателем-популяризатором Арманом Ландреном в качестве фактического материала для книги "Морские монстры", опубликованной в 1867 году. Нельзя сказать, что его выбор был удачным.

В своем письме министру военно-морского флота капитан "Алектон" так описывал гигантского кальмара: "Его длина кажется равной от 15 до 18 футов вместе с головой, напоминающей по форме клюв попугая и окруженной восемью руками, длиной от 5 до 6 футов". Если он выразился не очень изящно, то по крайней мере точно. Описание, данное господином Вертело, отличается единицей измерения, но также не искажает смысла. Вот оно: "Длина этого животного составляет от 5 до 6 метров, не считая восьми замечательных рук, покрытых присосками, которыми увенчивается голова".

Смешав эти две равнозначные версии, но запутавшись в единицах измерения, автор пресловутого "рассказа очевидца" опрометчиво написал: "Его тело имеет длину от 5 до 6 футов, восемь его щупалец имеют ту же длину". Несомненно, он предположил, что двенадцати футов вполне достаточно, чтобы поразить воображение читателя, и не стоит слишком преувеличивать... Подобное поведение вполне характерно для журналистов: они раздувают до крайности самые обычные происшествия, а столкнувшись с явлением действительно неординарным, не отдают ему должного внимания и склонны преуменьшать его значимость.

Как бы там ни было, прочитав этот текст неумелого плагиатора, господин Ландрен не удержался от восклицания: "Двенадцатифутовый кальмар! Разве это не блистательное подтверждение басни о кракене? Разве не достаточно этого, чтобы наводить ужас на рыбаков, выходящих в море на обычных лодках, и чтобы оправдать их преувеличения".

Какими словами выразил бы автор "Морских монстров" свое изумление, узнав, что 12-футовый (по опрометчивому утверждению журналиста) кальмар на самом деле имел длину от 20 до 24 футов, то есть примерно от 6 до 7 метров? И стал бы он обвинять в "преувеличении" басню о кракене, если бы отдавал себе отчет в том, что даже этот огромный экземпляр в действительности имеет достаточно скромные размеры по сравнению с 12-метровым кальмаром, выброшенным на берег в Исландии в 1790 году, и с теми, которые будут обнаружены в течение последующих нескольких лет?

Господин Манжен научно доказывает невозможность существования гигантских кальмаров

Однако на этом сюрпризы не заканчиваются. Наиболее удивительным в этой истории может показаться то, что и после приключения с экипажем "Алектона" находились образованные люди, отрицавшие само существование гигантских кальмаров и пытавшиеся доказать а priori их нереальность!

В этом плане характерна книга видного популяризатора Артура Манжена "Тайны океана" - документ, ярко демонстрирующий упрямое неверие и ослепление людей, близких к науке. Отрывок из этой работы, опубликованной в 1864 году и регулярно переиздававшейся вплоть до 1889 года, настолько поражает своим напрасным скептицизмом, обескураживающим исследователя и парализующим ученого, что его можно рекомендовать для изучения всем студентам, посвящающим себя естественным наукам. Пока же подобный церемониал не вошел в обиход, не откажем себе в удовольствии процитировать выдержки из этих поучительных страниц.

Господина Манжена нельзя обвинить в плохой осведомленности, но его точка зрения на обсуждаемый вопрос малопонятна и заслуживает порицания. Досконально ознакомившись с имеющимися данными - ведь он цитирует работы Стенструпа и Хартинга, свидетельства Ранга, Перона, Куа, Геймарда и капитана Буйе, - он выражает тем не менее свое недоверие:

"...Несмотря на категоричные утверждения стольких значительных людей, признаюсь, я не могу удержаться от сомнения. И думаю, мои сомнения закономерны, поскольку речь идет о явлении, которое, будучи доказано неопровержимо, опрокинет все современное представление физиологической механики, все правила, которые до настоящего времени считались основополагающими при рассмотрении организации живых существ. Объяснюсь.

Как я уже говорил, в природе нет ничего необъяснимого. Она подчиняется определенным постоянным законам, и думать, что животные способны достигать каких угодно размеров, могут только люди, абсолютно не понимающие философию природы. Совершенно очевидно, что между степенью развития различных видов животных и их физиологической организацией существует определенная связь, на основании которой одинаково невозможно поверить в существование двухметровой инфузории или носорога размером с маленькую мушку. И именно в силу этого закона существование каракатицы или кальмара размером с кита кажется а priori недопустимым. Ведь кальмар и каракатица относятся к моллюскам, чье строение несовместимо с огромным ростом, позволительным для других животных, организм которых соответственно оснащен: во-первых, скелетом - костным остовом, способным поддерживать их органы, закреплять и быть точкой опоры для мускулов; во-вторых, нервно-мозговой, дыхательной и пищеварительной системами, способными заставить двигаться его тело, совершать трудоемкие процессы питания и восстановления сил, из которых состоит жизнь высших животных; и, наконец, в-третьих, сильными, очень плотными мышцами, без которых невозможно сопротивляться воде, тормозящей движение, или нырять и погружаться на большие глубины, в которых обычно обитают гигантские головоногие моллюски, описанные некоторыми путешественниками. Моллюск, способный противостоять китам, о котором сообщают Перон, Куа и Геймард, Стинстроп и Хартинг, Вертелло и Буйе, кажется, таким образом, не в переносном, а в буквальном смысле слова монстром, то есть животным ненормальным, сверхъестественным, фантастическим, которое следует классифицировать вместе с химерой, гидрой, минотавром и другими фантастическим животным, изобретенными мифологией".

После такого строгого доказательства остается лишь опровергнуть свидетельство капитана Буйе и его экипажа, более трех часов сражавшегося с одной из этих химер. Это не составляет труда для господина Манжена, быстро обнаружившего некоторые несоответствия в опубликованных рассказах о происшествии. Он пишет:

"Приключение "Алектона" необычно, - сообщает он далее. - С одной стороны, я верю в его правдоподобие, поскольку факты подтверждаются людьми серьезными; с

другой стороны, не испытывая ни малейшего сомнения в искренности и чистосердечии господина Буйе, равно как и членов его экипажа, я готов допустить, что и они могут ошибаться. Мне возразят, что ошибка, совершенная одновременно таким множеством людей, маловероятна. Допустим. Но нужно признать, что существование животного, встреченного "Алектонем", еще менее вероятно. Представьте себе 2-3-тонного моллюска, длина одного только тела которого составляет 5-6 метров, которого не может пронзить гарпун, а скользящая петля разрезает на две части! Представьте животное, которое преследуют, обстреливают и пытаются загарпунить, а оно добровольно остается в течение трех часов рядом со своими преследователями, вместо того чтобы вернуться на дно бездны, где обычно обитают существа данного вида!"

"Командир "Алектона" выловил и оставил на борту своего корабля отсеченную нижнюю часть животного. Но почему он не изучил ее досконально? Почему никто не описывает нам ее структуру и те органы, которые она в себе содержит? Похоже, что этот кусок тела неизвестного монстра вряд ли мог вообще быть внимательно обследован. Потому что совершенно непонятно, как можно было поднять его на борт, если веревка рассекла животное на две части и обе эти части должны были обязательно упасть в воду, каждая со своей стороны. Но и это еще не все. Рассказчик описывает нам кальмара, "извергающего большое количество пены и крови, смешанных с клейким веществом". Очевидно, что он имеет в виду кровь красного цвета, иначе она была бы зрительно неотделима от "клейкого вещества". Однако кровь моллюсков бесцветна - это широко известный факт. Итак, чем больше анализируешь рассказ господина Вертело и его описание гигантского кальмара, тем больше начинаешь сомневаться в том, что его источник информации не был введен в заблуждение обманчивой внешностью животного и своим воображением, тем больше удивляешься, что подобный рассказ был так благосклонно воспринят Парижской Академией наук, обыкновенно сдержанной и недоверчивой".

Как же здравомыслящий господин Манжен объясняет приключение "Алектона", "правдоподобное с одной стороны"? Он увиливает от прямого ответа и проводит аналогию со случаем двенадцатилетней давности. В 1848 году некто Смит, путешествовавший на борту судна "Пекинг", сообщил о том, что встретил в открытом море морского змея. Когда корабль подплыл ближе к морскому чудовищу, все убедились, что это всего-навсего огромная водоросль. Эту ошибку и пытается использовать господин Манжен для отрицания существования гигантских кальмаров:

"Не исключено, что фрагменты, выловленные некоторыми путешественниками и представленные в качестве доказательства существования гигантских осьминогов или кальмаров, являются на самом деле частями морских растений. Мягкая консистенция этих фрагментов, их клейкая поверхность и коричнево-красный цвет, сильный запах, который они источают,- все эти признаки характерны для огромного количества морских организмов как животного, так и растительного происхождения.

Достаточно несложных размышлений, чтобы понять, что ученым давно пора не принимать на веру рассказы, повествующие о необыкновенных существах - морском змее, гигантском кальмаре и им подобных,- возможность существования которых привела бы к отрицанию важнейших законов гармонии и равновесия, управляющих миром живой природы".

Не особо задумываясь, господин Манжен обвиняет таких видных ученых, как Бэнкс, Перон, Ранг, Куа и Геймард, и смотрителей Британского музея, Хартинга и Стинструпа, в том, что они неспособны отличить гигантского кальмара от морской водоросли, даже имея в руках фрагменты тела этого животного. Во всяком случае, это ему кажется более вероятным, чем само существование гигантского моллюска. "Несложные размышления" приводят его к выводу, что такое животное самим фактом своего существования отрицало бы "важнейшие законы гармонии и развития, управляющие миром живой природы" (в том числе и интеллектуальным развитием

ученых и различного рода научных популяризаторов) .

Переломный момент в судьбе необъятного кальмара

После памятного случая с "Алектоном" сверхгигантский кальмар на добрую дюжину лет предается забвению в научном мире. Сенсация, так неожиданно быстро овладевшая умами ученых, так же быстро и угасает. Если даже во Франции, на родине большинства свидетелей происшествия, нашелся человек, поставивший под сомнение их рассудок, то не удивительно, что в других странах эту историю без -малейших колебаний расценили как "типичный случай коллективной галлюцинации". Поскольку, увы, не существовало никаких материальных свидетельств события (быстро разложившийся кусок хвоста животного был почти сразу выброшен), мало-помалу все разуверились в его реальности. И снова были позабыты законсервированные щупальца, экспонировавшиеся во многих музеях мира.

Чем более вдохновенно Жюль Верн и его последователи и подражатели вводили гигантских моллюсков в сюжеты своих басен о подводном мире, тем глубже зоологи погружались в сдержанное молчание. И чем более неуместным казалось вторжение этих легендарных животных в научные сферы, тем более оправданно отводилось им место в туманных дебрях фольклора, не требовавшего материальных доказательств.

Целое десятилетие после памятного заседания Парижской Академии наук (1861) и статьи Кросса и Фишера (1862) раздавались лишь слабые отголоски первоначального ажиотажа. К ним можно отнести короткое сообщение в научно-популярной книге Гвина Джеффри "Британская конхиология", а также работу Армана Ландрена (1867), скорее популярную, нежели научную. Для такого необычного и огромного животного это, конечно, совсем немного.

Но в течение последующих тридцати лет статьи и книги, посвященные гигантскому кальмару, вдруг снова стали появляться в таких количествах, что лишь с трудом можно было ориентироваться в дебрях этой бьющей через край научной литературы.

Причины такой неожиданной популярности лежат на поверхности. Ведь если за двухтысячелетний период предшествовавшей истории удавалось с трудом отыскать лишь редкие свидетельства о животных этой группы, то с 1871 по 1879 год у берегов Ньюфаундленда было зарегистрировано более двадцати пяти выброшенных из моря гигантов. Казалось, что Царь всех Беспозвоночных решил раскрыть свое инкогнито.

Эта "эпидемия самоубийств" гигантских кальмаров сработала подобно каталитической реакции. С каждой новой находкой все более рассеивался скептицизм зоологов, все более внимательно вслушивались они в рассказы очевидцев, переходя от пассивного интереса к активному, возбуждающему новые систематические расследования.

Пожалуй, настал момент перескочить от моллюсков к млекопитающим и сказать несколько слов об овцах Панурга и о необычайной обширности зоны их распространения.

АРХИТЕВТИСЫ В ИЗБЫТКЕ

К концу XIX века едва прошло сто лет с тех пор, когда в Сейлеме, в Массачусетсе, перестали сжигать колдуний. К тому же часть населения отказалась от этого не без сожаления. В 1878 эта истеричка Мери Бейкер Эдди, основательница могущественной "Крисчен сайенс", постоянно надоедала местным судам, стремясь возобновить средневековые обычаи под тем предлогом, что ее личные недруги вызвали смерть ее третьего мужа и ее собственные болезни, прибегнув к "пагубному животному магнетизму", что было просто новым названием для упражнений в черной магии. Однако это не помешало тому, что в этом самом пуританском городе, где буква Библии имела силу закона, с 1867 года выходил прекрасный научный журнал - "Американский натуралист".

Именно в номере этого периодического издания за 1873 год можно найти первые

отголоски той невероятной эпидемии попаданий на мель, жертвой которой на побережье Ньюфаундленда, незадолго до этого, к нашему удовольствию, стали архитевтысы.

После изложения истории вопроса о гигантских кальмарах (недостаток точности которого мне, увы, уже приходилось подчеркивать), доктор Э.С. Пакард-младший, главный редактор упомянутого издания, ссылаясь на многочисленные свидетельства, собранные им лично:

"Капитан Дж. Хаммонд из Сейлема, который плавал в течение сорока одного года между этим портом и Индией, сообщил мне, что на широте мыса Доброй Надежды он видел плававшие в воде останки кальмара, размером от 8 до 10 кубических футов (что соответствует размеру бочки объемом от 250 до 280 литров). На это животное, по всей вероятности, напали китообразные, которые съели его голову и щупальца".

На последнем собрании Бостонского общества естественной истории почтенный капитан Н.И. Этвуд сообщил о том, что видел, как кашалот изрыгал части кальмара, имевшие в диаметре 10 дюймов (25 см). Он отметил, что кашалотов считают пожирателями гигантских кальмаров.

Первый кальмар из Ньюфаундлендской банки

Все это не принесло ничего нового, а лишь подтвердило высказанное прежде доктором Шведизером, Пьером Дени де Монфором и некоторыми другими. Самым важным в статье доктора Пакарда-младшего было напоминание о прошедшей незамеченной для зоологов публикации в газете "Кейп-Энн эдвертайзер".

Согласно осеннему выпуску этого журнала за 1871 год, экипаж рыболовного судна из Глостера, плывшего по Ньюфаундлендской банке, обнаружил в воде труп кальмара, имевший в длину 15 футов (4 м 60 см), самые длинные щупальца которого были длиной 10 футов (3м).

Главный редактор "Кейп-Энн эдвертайзер" подтвердил доктору Пакарду подлинность этого происшествия: действительно, мистер Джеймс Тарр из фирмы "Дог, Тарр и Ко" из восточного Глостера поручился ему в этом.

Мистер Тарр, опрошенный заинтересованными натуралистами, смог дать самые полные сведения об этом событии.

Примерно 20 октября 1871 года капитан Кемпбелл со шхуны "Б.-Д. Хаскинз" в то время, когда его корабль стоял на якоре в Ньюфаундлендской банке, обнаружил на поверхности волн студенистую массу.

Несколько человек спустили лодку, чтобы обследовать этот труп с близкого расстояния, и обнаружили гигантского кальмара. Пассажиры следующей лодки обмерили туловище кальмара и обнаружили, что он имел 15 футов (4 м 60 см) в длину и 4 фута (1 м 42 см) в окружности. Для своей длины он был, скорее, тонким. От его наполовину съеденных щупалец остались части длиной от 9 до 10 футов (2 м 75 см), объем их составлял 22 дюйма (56 см).

Несмотря на свою стройность, этот головоногий должен был весить около тонны!

Клюв кальмара был бережно сохранен одним из рыбаков судна "Б.-Д. Хаскинз", однако этот человек не пожелал расстаться с ним ни за какие деньги. Доктору Пакарду удалось все же этот клюв сфотографировать. Фотографию он послал в Копенгаген профессору Стенструпу. По мнению этого датского специалиста, такой клюв должен был принадлежать, по всей вероятности, кальмару вида *Architeuthis monachus*.

Доктор Пакард представил также своему скандинавскому коллеге гравюру на дереве, изображавшую другой клюв, подаренный капитаном Этвудом из Провинстауна Эссекскому институту. Эта анатомическая деталь, имевшая 4,5 дюйма (11 см) в длину (одна из самых крупных), была найдена в желудке кашалота, загарпуненного, по всей вероятности, в Северной Атлантике. По мнению Стенstrupа, этот клюв мог принадлежать кальмару вида *Architeuthis dux*.

Отец и сын Пикко в борьбе с кальмаром из Грейт-Белл-Айленда

Статья доктора Пакарда в "Американском натуралисте" не должна была долго оставаться без отклика.

10 ноября 1873 уважаемый человек из города Сент-Джонс в Ньюфаундленде, мистер Александр Меррей из Геологической комиссии Канады, написал письмо профессору Жюлю Марку с просьбой передать его крупному голландско-американскому ученому Луису Агассизу, который в то время являлся высшим авторитетом в области морской биологии. Этот последний успел только передать письмо главному редактору "Американского натуралиста", прежде чем слег - 2 декабря, после конференции в Фитчберге. Через десять дней он скончался от переутомления и вызванного им приступа нервной депрессии.

В письме была описана схватка рыбака, по имени Теофиль Пикко, с действительно исключительным по размеру кальмаром, которая случилась около 25 октября к юго-востоку от острова Ньюфаундленд.

На этот раз речь не шла, как во времена Дени де Монфора, о том, чтобы отбросить историю, как цепь лжесвидетельств или нелепостей, ибо доблестный Пикко добыл в виде трофея одно из щупалец чудовища, отрубленное одним ударом топора. Фрагмент этой анатомической детали и несколько отделенных от нее присосок с зубчатыми краями были заспиртованы мистером Александром Мерреем в подарок профессору Агассизу.

По словам Пикко, щупальце было отрублено на расстоянии 10 футов (3 м) от того места, где оно прикреплялось к туловищу. Первый обрубок представлял собой часть внутренней поверхности щупальца, имевшую в длину 6 футов (2 м). Кроме этого, осталась часть щупальца, имевшая в длину 30-35 футов (9-10 м), и фрагмент, имевший в длину 19 футов (5 м 80-см), который пришлось укоротить до 2 футов, для того чтобы законсервировать в сильно концентрированном рассоле. Этот фрагмент заканчивался чем-то вроде узкого, лопатообразного, остроконечного и обтрепанного снизу весла, которое было 15-сантиметровым в своем самом широком месте. На конце оно было усеяно многочисленными розетками из мелких присосок, ороговевших по краям. В итоге одна лишь палица, которая венчала конец щупальца этого кальмара, была больше, чем обычный крупный кальмар!

Письмо мистера Александра Меррея было опубликовано журналом "Американский натуралист" лишь в феврале 1874 года. За это время событие достигло ушей публики посредством других периодических изданий, заинтересованных в сообщении последних известий в большей степени, чем научный журнал. Так, в номере за 6 декабря 1873 года можно прочесть рассказ об этой страшной схватке, принадлежащий перу преподобного Мозеса Гарвея из Сент-Джонса. Действительно, в этой очень верующей стране рыбаки после схватки с чудовищем отправились в первую очередь к священнику, и именно ему первому показали они отрубленное щупальце. Священник немедленно посоветовал своим прихожанам отнести этот трофей преподобному Гарвею, чей страстный интерес к естественным наукам был ему известен. В конце концов именно Гарвей сохранил то, что осталось от щупальца, и передал в музей Сент-Джонса.

Искушенному натуралисту немедленно стала понятна вся важность анатомической детали. Четверть века спустя он сообщал об этом все еще с волнением:

"И вот я завладел одной из самых редких достопримечательностей животного царства - настоящим щупальцем "рыбы-дьявола", до сих пор почитавшейся мифом, животного, существование которого оспаривалось натуралистами на протяжении веков. Я знал, что держу в руках ключ к большой тайне и что новая глава должна быть вписана в Естественную историю".

И все это случилось потому, что один одиннадцатилетний мальчик проявил исключительное хладнокровие.

Благодаря целому хору совпадающих между собой сообщений можно

восстановить событие в мельчайших подробностях.

Двадцать шестого октября, после того как они забросили свои сети в море на широте Грейт-Белл-Айленда, рыбаки Дэниел Сквайр и Теофиль Пикко, которого сопровождал его маленький сын, увидели вдруг темную и бесформенную массу, плававшую невдалеке от их лодки. Думая, что это останки разбитого корабля, и надеясь на какую-нибудь драгоценную добычу, рыбаки приблизились, и один из них, стараясь зацепить предмет, ударил по нему гарпуном. От удара масса внезапно ожила и поднялась над водой, обнаружив довольно осмысленное лицо, на котором два бледных, выпученных глаза, казалось, яростно сверкали. Для того, чтобы увеличить ужас до пределов, животное с враждебностью, не оставлявшей сомнений в его намерениях, разинуло клюв, размером с бочонок на 6 галлонов (27 литров), похожий на гигантский клюв попугая.

Пораженные, окаменевшие от ужаса, рыбаки не в силах были пошевелиться. Прежде чем они успели опомниться, чудовище, находившееся теперь в нескольких футах от них, развернуло вокруг головы множество щупалец мертвенного цвета и протянуло их к лодке, стремясь схватить ее. Только два щупальца достигли лодки, вцепились в нее и благодаря своей длине полностью вокруг нее обвилились.

Действовать надо было немедленно, огромное животное могло утащить лодку в пучину. С отчаянным усилием Том, сын Теофиля Пикко, схватил топор и одним ударом отрубил щупальце, потом набросился на руку. Лишенное, таким образом, драгоценного оружия, чудовище прекратило сражение и стало удаляться рывками, характерными для движения кальмаров. Постепенно оно исчезло из виду.

В течение короткого времени рыбаки могли еще видеть грязно-розовую массу его тела и хвост, который, поднимаясь над водой, разрезал ее поверхность как нос корабля. Мальчик предотвратил катастрофу.

Пикко, который видел щупальце животного, вытянувшееся вдоль борта его баркаса длиной в 20 футов (6м 10 см), и мог, таким образом, судить о его размерах, предполагал, что туловище животного втрое длиннее щупалец. Что же касается ширины, в том месте, где к туловищу прикреплялись две головные лопасти, она, согласно Пикко, не могла быть уже 5 футов (3 м).

Кальмар, имеющий в длину 18 метров? Научные комментаторы того времени единогласно заявляли, что эти размеры преувеличены страхом. Однако истинность этого свидетельства не может вызывать сомнений, если судить по значительному размеру сохранившегося обрубка щупальца. Но, может быть, Пикко подразумевал под длиной животного общую длину тела и щупалец? Тексты говорят об этом двусмысленно. Принимая во внимание представленные Пикко размеры тела этого кальмара, надо признать, что оценка 60 футов не могла относиться к одному только телу, удлинённому короткими руками, иначе кальмар имел бы неправдоподобно вытянутую форму.

Вместе с щупальцами, имевшими в длину примерно 10 метров, кальмар Пикко, туловище и голова которого вместе составляли около 4 метров, мог бы иметь длину 14 метров. Это не так уж далеко от 18 метров, о которых сообщал смелый рыбак.

Кальмары следуют один за другим, но не ходят друг на друга

В своем письме, адресованном профессору Марку, мистер Александр Меррей не только пересказал знаменитую авантюру отца и сына Пикко. Он упомянул также о двух случаях выброса на берег гигантских кальмаров, имевших место за несколько лет до этого:

"Преподобный Габриель, который теперь живет в Португал-Коуве, а раньше жил в местности, называемой Ламалин, на южном берегу острова, утверждает, что в течение зимы 1870/71 года два головоногих были целиком выброшены на местный пляж. Они имели в длину соответственно 40 и 47 футов (12 и 14 м)".

Вскоре, в своем следующем письме, мистер Александр Меррей сообщил о поимке

в заливе Лоджи, рядом с Сент-Джонсом в Ньюфаундленде, в ноябре 1873 года значительного по размеру кальмара, хотя он и уступал предшествовавшему. Его полная длина составляла 9 метров 70 сантиметров, из которых 2 метра 35 сантиметров приходились на голову и туловище и 7 метров 35 сантиметров - на щупальца. Длина рук кальмара составляла 1 метр 80 сантиметров.

Тело головоногого едва превышало 4 метра. Однако его не без труда удалось прикончить, когда он запутался в сетях для рыбы. Рыбаки, вооружившиеся топорами и большими ножами, вынуждены были сражаться с ним в течение получаса. Голова, глаза и двигательный сифон кальмара были превращены в лохмотья.

Останки кальмара были благоговейно собраны, измерены и сфотографированы преподобным Гарвеем. Затем пастырь-натуралист постарался законсервировать в рассоле сохранившиеся части кальмара. Но, убедившись, что они все же начали разлагаться, он должен был согласиться на то, чтобы их заспиртовать.

В другом месте второго своего письма мистер Меррей ссылается на трудно поддающиеся проверке, но гораздо более сенсационные свидетельства:

"Один уважаемый человек, по имени Пайк, сообщил мне, что видел много гигантских кальмаров на побережье Лабрадора. Один из них имел 80 футов в длину от клюва до хвоста. Этот человек утверждал также, что некий мистер Хаддон, инспектор образования в этом районе, измерил там одного кальмара длиной 90 футов (27 м). Он сообщил мне также, что эти чудовища съедобны".

Это последнее сообщение могло бы показаться абсурдным и отвратительным в Америке, но не в Европе, где осьминоги, каракатицы и кальмары давно являются излюбленной пищей средиземноморских народов.

Но не ради кулинарных интересов эти сообщения были сохранены учеными, занятыми исследованием супергигантских кальмаров, в частности профессором Эдиссоном Веррилом из Йельского колледжа, главным специалистом. Его заинтересовали размеры, которые приписывали упомянутым головоногим. По размеру они далеко превосходили те образцы, которые были надлежащим образом сфотографированы или частично законсервированы. Они вчетверо превосходили колосса из Медревалле!

Конечно, можно понять это недоверие, высказанное с позиций позитивной науки, однако оно теряет всякую законность, когда приходится видеть того же ученого, который принимает не моргнув глазом множество других, по преимуществу недоступных для проверки свидетельств, относящихся к образцам меньшего размера по сравнению с теми, что уже были подвергнуты классификации.

Ибо, в конце концов, в силу какого научного принципа свидетельство более достойно доверия оттого, что оно совпадает с событием, уже имевшим место прежде, особенно в такой области, где все является необычным и фантастическим? Не слишком ли быстро забыто: существование "супергигантских" кальмаров отрицалось именно потому, что они не соответствовали "норме"?

Спор о приоритетах

Теперь, когда реальность существования крупных головоногих была доказана, зоологи торопились ввести в свои классификации кальмаров, выброшенных на берег или пойманных в районе Ньюфаундленда, чьими несомненными останками они теперь обладали.

Как всегда, это не могло обойтись без столкновений.

Как мы уже знаем, профессор Стенstrup, увидев фотографию кальмара, который был найден мертвым в нижней части Ньюфаундлендской банки, узнал в нем вид животного, описанный им под названием *Architeuthis monachus*. Что же касается огромного клюва, обнаруженного капитаном Этвудом в желудке кашалота, он отнес его к виду *Architeuthis dux*.

Эти определения пришлось не по вкусу американскому натуралисту Уильяму Севиллу Кенту, бывшему помощнику консерватора в отделе естественной истории

Британского музея. Он не колеблясь написал в 1874 году об образцах *Architeuthis monachus* и *Architeuthis dux*, которые послужили Стенструпу для составления его описаний:

"К несчастью, по-видимому, ни одного фрагмента этих животных, пригодного для научной идентификации, не сохранилось".

Это, как мы знаем, было совершенно неверно. Изучение части головы "размером с череп ребенка", снабженной клювом длиной 11 сантиметров, прекрасно подтверждало описание *Architeuthis monachus*. Описание *Architeuthis dux*, хотя и не было опубликовано, опиралось на исследование всех основных органов экземпляра животного, выловленного капитаном Хидомом в Атлантическом океане.

Севилл Кент отнесся к этому не менее формально:

"Действительно, два фрагмента, хранящиеся в Британском музее (знаменитое анонимное щупальце длиной 2 м 75 см и толщиной примерно 10 см) и в музее Сент-Джонса (щупальце, доставленное Теофилом Пикко преподобному Гарвею), составляют, по-видимому, единственный конкретный материал, которым в настоящее время мы располагаем и над которым можно работать".

Это утверждение дает представление о неведении, в котором пребывали люди еще в ту эпоху относительно богатых коллекций останков кальмаров, которые хранились в иностранных музеях, а также относительно работ других ученых, написанных на эту тему. Но, возможно, иногда в этом неведении содержалась известная доля расчета.

В конце концов, Севиллу Кенту были хорошо известны работы доктора Хартинга из Амстердама. Но если он и цитировал эти работы, то лишь для того, чтобы подтвердить, что анатомические детали, которыми Стенст-руп воспользовался для создания вида *Architeuthis dux*, могут быть отнесены и к *Ommastrephes todasus*. В то же время английский биолог противоречил сам себе, поскольку признал, что описания его голландского коллеги были основаны на конкретных элементах, а именно на фрагментах кальмара, "пригодных для научного определения".

Глухота господина Севилла Кента объяснилась внезапно, когда оказалось, что он предложил для гигантского головоногого с Ньюфаундленда новое видовое название, *Megaloteuthis*, которое должно было обеспечить ему бессмертие.

Господин Севилл Кент очень справедливо заметил, что щупальце кальмара Пикко было по всей своей длине покрыто присосками, которые характерны для *Ommastrephes todasus*, следовательно, его надо отнести к другому разряду, то есть к другому виду, для которого он предложил временное название *Megaloteuthis harveyi*. Но только этот другой вид был уже создан профессором Стенstrupом, ибо описанные им анатомические детали не могли быть вопреки мнению господина Хартинга, отнесены к представителю вида *Ommastrephes*. Что и было подтверждено более тщательным исследованием материала.

Кальмар размером 15 м 85 см из Кумбс-Коува

Профессор Эдиссон Веррил из Йельского университета был справедливее своего британского коллеги и признал приоритет голландского ученого. Едва узнав об открытиях доктора Пакарда-младшего, он воспользовался первой же возможностью для того, чтобы поехать и посмотреть клюв большого кальмара, найденного мертвым на поверхности Ньюфаундлендской банки в 1871 году. В то же время он изучил в музее Сент-Джонса часть щупальца, отрубленного юным Томом Пикко в октябре 1873 года. И, наконец, благодаря любезности преподобного Гарвея он завладел различными частями небольшого экземпляра из бухты Лоджи.

Кроме этого профессор Веррил получил от своего коллеги профессора Бэрда из Смитсоновского института челюсти и две присоски кальмара длиной 10 метров, в неопределенное время выброшенного морем на берег залива Бонависта в Ньюфаундленде. Останки его были собраны неким преподобным Мьюрином.

Впоследствии преподобный Гарвей сообщил ему также о том, что в декабре 1872 года в этом же месте на берег был выброшен еще один экземпляр *Architeuthis*. Профессор Веррил спрашивал себя, не шла ли в обоих случаях речь об одном и том же экземпляре. Но в этом случае один из "преподобных" должен был ошибиться в своей оценке размера кальмара. Преподобный Гарвей оценил длину тела кальмара в 4 метра 25 сантиметров. Согласно его оценке, руки кальмара, "толстые, как бедро мужчины", имели в длину 3 метра, а щупальца были длиной 9 метров 75 сантиметров. Эти размеры были слишком крупными для кальмара, имевшего в целом в длину.

10 метров. Самым удивительным из того, что подарил ему почтенный пастор, были крупные присоски рук кальмара, имевшие в диаметре два с половиной дюйма, что составляло больше 6 сантиметров! Такие присоски могли принадлежать экземпляру, имевшему в длину по меньшей мере 14 метров.

Самый длинный, хотя и не самый большой экземпляр, нашедший смерть у берегов Ньюфаундленда, профессор Веррил обнаружил, листая местные газеты. О нем в 1872 году сообщала статья некоего Р.Т. Беннетта из Инглиш-Харбора:

"Три дня назад на побережье Кумбс-Коува выбросился кальмар действительно огромного размера. Некоторые жители завладели его останками. Длина его туловища, которое было толстым как бочка, составляла 10 футов (3 м 05 см). Одна из его рук была толщиной с кулак мужчины и имела в длину 42 фута (12 м 80 см) другие руки имели в длину лишь 6 футов (1 м 80 см), однако, они были толстыми и имели в диаметре 9 дюймов (23 см). Кожа и тело кальмара были толщиной 2 и 1/4 дюйма (около 6 см), как снаружи, так и изнутри они были красного цвета. Присоски в форме чашки были собраны на конце длинной руки, и каждая из них была окружена длинной бахромой, напоминавшей зубцы ручной пилы. Я предполагаю, что кальмар использовал эту руку как привязь, а присоски - как якорь, когда хотел подтянуться или схватить добычу. Это животное, когда почувствовало, что бурное море выбросило его на берег хвостом вперед, присосалось к скале и оставалось там в полной безопасности, пока люди не стащили его на землю".

Когда почтенный мистер Беннетт сообщил все эти подробности в письме профессору Веррилу, этот последний более не колеблясь отнес этот экземпляр кальмара с непомерными щупальцами, происходящий из Кумбс-Коува, одного из ответвлений бухты Фортуну, к числу гигантских кальмаров из района Ньюфаундленда. В 1874 году он опубликовал в "Американском натуралисте" одну из первых посвященных им заметок. В этой заметке он отметил, что "эти останки свидетельствуют, что существует две разновидности гигантских кальмаров". По его мнению, к первому виду принадлежали вытянутые индивиды, которые, несомненно, относились к *Architeuthis monachus* профессора Стенструпа. Более коренастые индивиды составляли вторую группу; на основании исследования формы одного из подобранных клювов этих кальмаров можно было отнести к описанному Стенstrupом виду *Architeuthis dux*.

Прозаическая судьба кракенов из Ньюфаундленда

Однако наплыв гигантских кальмаров не прекращался. Поднятый вокруг них повсюду шум повлек новые свидетельства их поимки. Так, геолог из Галифакса (Новая Шотландия) доктор Ф. Хониман сообщил о том, что непосредственный свидетель рассказал ему о поимке экземпляра длиной 52 фута (15 м 83 см) в районе острова Белл-Айленд, но на этот раз на побережье Лабрадора. Однако он не помнил даты появления чудовища:

"Он мирно спал в воде, когда его разбудили ударом весла. Он расвирепел и выбросил из сифона большую струю воды..."

Если общая длина этого кальмара совпадала с длиной экземпляра из Кумбс-Коува, то масса его тела в действительности была более значительной, самое длинное щупальце имело в длину 37 футов (11 м 27 см), тогда как тело было

пятнадцатифутовым (4 м 58 см)!

Вскоре поступило сообщение о выбросе на берег в Харбор-Грейсе в течение зимы 1874/75 года гигантского кальмара, который, увы, был уничтожен без обмера.

Немедленное уничтожение было уделом большинства этих чудовищ. Небогатое население этих районов всегда находило им то или -другое применение из наиболее прозаических.

Так, в декабре 1874 года экземпляр длиной 12 метров, включая длину восьмиметровых щупалец, был выброшен на берег в Ньюфаундлендской банке, в бухте Фортуны. Когда господин Дж. Симз, местный судья, осматривал его всего через несколько часов, животное оказалось совершенно искалеченным: рыбаки разрезали его на куски и значительную часть отдали собакам.

По словам капитана Дж.-В. Коллинза со шхуны "Хауард", множество гигантских кальмаров появились в октябре 1875 года на поверхности Ньюфаундлендской банки. Большинство из них были мертвы, и несколько попорчены рыбами и чайками. Среди них были и очень крупные. Капитан Коллинз измерил одного из них, одна лишь мантия которого составляла 5 метров. Другой имел щупальца длиной примерно 11 метров. Пятьдесят или шестьдесят погибших кальмаров были выловлены рыбаками, которые превратили их в наживку для ловли трески. Кальмару, который был обнаружен годом позднее, 20 ноября 1876 года, в Хаммер-Коуве, в заливе Норт-Дам, не пришлось ждать появления людей для того, чтобы быть растерзанным на части. Это сделали чайки и лисицы, превратившие его останки в груды истерзанного мяса.

Первый гигантский кальмар, который полностью избежал разрушений, был выброшен после сильного шторма на пляж Каталина, в заливе Тринити, 24 сентября 1877 года. Это был кальмар среднего размера.

Длина его составляла 12 метров. Тело было длиной 2 метра 90 сантиметров; 9 метров 15 сантиметров приходились на долю щупалец. Руки его тем не менее имели в длину 3 метра 30 сантиметров, в окружности у основания они имели 43 сантиметра - размер десертной тарелки! Предприимчивые люди демонстрировали его в течение нескольких дней в Сент-Джонсе. Затем, помещенный в солевой раствор, он был перевезен в Нью-Йорк. Там фирма "Райх и братья" приобрела его для Нью-Йоркского аквариума.

Возможно, я напрасно сказал, что кальмар этот совсем избежал порчи. Увы, он попал в руки несведущих изготовителей чучел, "которые плохо расположили руки, сифон и другие части тела, а также снабдили его двумя красными, плоскими глазами, расположенными слишком близко на конце головы" (Э. Веррил). Именно этим обезображенным чудовищем были призваны восхищаться отныне толпы ньюйоркцев.

Кальмар, который был выброшен несколько позднее, в октябре, в той же бухте, но на 25 миль севернее, чем предшествовавший, оказался новым объектом немедленного уничтожения. Он был расчленен на части в течение одного часа, для того чтобы послужить удобрением!

Третий кальмар был живым выброшен 21 ноября на побережье залива Тринити в Ланс-Коуве, в пяти милях южнее, чем его предшественник. Он тщетно старался освободиться, увлекаемый одновременно весенним приливом и мощным течением. Его общая длина составляла 13 метров 40 сантиметров, из которых 3 метра 40 сантиметров приходились на туловище и 10 метров - на щупальца. Его руки были замечательно длинными, около 4 метров, и в основании были толще, чем бедро мужчины. Мощность потока воды, который животное выбрасывало из сифона, была так велика, что - им была вырыта в песке траншея значительной глубины и длиной в десяток метров. Жители этого района разрезали тело головоногого и, не зная о его ценности, оставили на пляже, откуда он был унесен отливом обратно в море.

Гигант из гигантов: 17 метров в длину

В следующую зиму два новых кальмара действительно гигантского размера

вторглись на побережье Ньюфаундленда. Первый - 2 ноября 1878 года в Фимбл-Тикле, второй - 2 декабря в районе, называемом Три Руки. Последний обладал туловищем длиной 4 метра 60 сантиметров, толщина его была неслыханной, в окружности он имел 3 метра 70 сантиметров! Его руки, более толстые, чем бедро мужчины, имели в длину 4 метра 90 сантиметров. Ничего не было упомянуто о щупальцах, но можно представить себе колоссальную массу этого кальмара, вообразив нечто вроде ракеты длиной около 10 метров и имеющей в диаметре 1 метр 15 сантиметров.

Предшествовавший кальмар был еще больше, и гораздо больше! Одним словом, это был самый большой кальмар, существование которого было признано наукой (хотя он и был немного меньше того, что был выброшен морем на берег Северного острова в 1890 году).

Он заслуживает того, чтобы мы задержались на обстоятельствах его поимки, сообщенных преподобным Гарвеем в "Бостон трэвелер", в письме, которое было опубликовано в этой газете 30 января 1879 года:

"Второго ноября сего года Стивен Шерринг, рыбак, живший в Фимбл-Тикле, вышел в море на лодке вместе с двумя другими рыбаками. Неподалеку от берега они увидели массивный объект и, предположив, что это могли быть обломки кораблекрушения, направились в его сторону, чтобы, к ужасу своему, обнаружить огромную "рыбу", которая прилагала отчаянные усилия, пытаясь уплыть, и превращала воду в пену движением своих рук и огромного хвоста. Уплыть чудовищу не удавалось, и прилив начал спадать. Через сифон, расположенный на конце головы, оно выбрасывало огромное количество воды... Временами эта вода становилась черной как чернила.

Обнаружив, что животное уже почти выбилось из сил, рыбаки осмелились приблизиться и бросить с борта своей лодки гарпун, который погрузился в мягкое тело животного. Они закрепили гарпун на конце крепкой веревки, конец которой вынесли на берег и привязали к дереву, чтобы животное не было унесено отливом. Это было удачным решением, ибо "рыба-дьявол" оказалась таким образом прикованной к берегу. Судороги чудовища были ужасными, когда во время агонии оно обвивало все свои десять рук вокруг своего туловища. Рыбаки предпочитали держаться в это время на значительном расстоянии от длинных щупалец, которые время от времени извивались вокруг тела, как огромные языки.

Со временем животное устало и, когда вода спала, скончалось.

Это был исключительно крупный кальмар, самый крупный из пойманных к настоящему времени. Длина тела от клюва до хвоста составляла 6 метров 10 сантиметров. Он вдвое превосходил нью-йоркского кальмара. Окружность его тела не была упомянута. Но одна из рук имела 10 метров 70 сантиметров в длину. Наверное, это было щупальце".

На основании более полных измерений других кальмаров можно приблизительно вычислить размеры основных органов этого колосса. Надо представить себе чудовище с огромными, как барабаны, глазами, с клювом, имевшим в длину 20 сантиметров, с руками толщиной в тело человека (85 см в обхвате), самые крупные присоски на которых были шириной 10 сантиметров!

Разве этот титан не был способен на подвиги, приписываемые Пьером Дени де Монфором "колоссальной пульпе"? Во всяком случае, для неверующих настало время, когда они должны были подвергнуть свои убеждения серьезному экзамену.

Кальмары вытянутые и коренастые

После поимки кальмара длиной около 17 метров, масса тела которого превосходила 11 метров, выловленные в следующем году у берегов Ньюфаундленда кальмары не казались слишком крупными.

В октябре 1879 года после сильной бури на пляже в Бригесе, в заливе Консепшен были обнаружены две руки кальмара длиной 2 метра 45 сантиметров.

Наконец, в начале ноября "маленький" экземпляр (общей длиной 11 м 60 см, с туловищем длиной 8 м 85 см которое было продолжено щупальцами длиной 8 м 85 см), был пойман живым в Джеймс-Коуве и завершил список жертв этой странной эпидемии "выбросов" кальмаров на побережье Ньюфаундленда. Животное извивалось в воде подле борта, когда рыбак обратил на него внимание, внезапно задев веслом. Рассвирепевшее животное выбросилось на пляж. Люди воспользовались этим для того, чтобы обвязать веревку вокруг тела и вытащить его на землю. Затем, охваченные своего рода страстью к разрушению, они бросились на кальмара и растерзали его на части.

Таким образом, обладая более или менее полными результатами измерений примерно двадцати кальмаров сверхгигантского размера и значительного числа анатомических деталей, профессор Эдиссон Веррил подверг их тщательному исследованию в серии коротких заметок. В 1879 году он наконец опубликовал окончательные результаты своих исследований, посвященных виду *Architeuthis* с северо-восточного побережья Северной Америки. Эти последние подтверждали, что за пять лет до этого он предположил на основании первого ознакомления: следует различать два разных вида кальмаров; один имеет более вытянутую форму и руки такой же длины, как и туловище, другой - более коренастое туловище и более короткие руки.

К первому следует отнести, в числе других, экземпляры из Ньюфаундлендской банки, Каталины и Ланс-Коува, так же как и того кальмара, чей клюв был обнаружен капитаном Этвудом в желудке кашалота; к нему также, без сомнения, надо отнести кальмаров из залива Форчен, Три Руки, а также, по всей вероятности, и чемпиона из Фимбл-Тикле. Среди них один экземпляр, с особенно длинными руками, из Ланс-Коува, возможно, был самкой.

Ко второму виду, для которого характерным был "маленький", могучий коротышка из бухты Лоджи, без сомнения, можно отнести экземпляр из Кумбс-Коува и кальмара из залива Бонависта.

На этот раз на основании тщательного описания профессор Эдиссон Веррил не отнес эти два типа к видам, описанным Стенstrupом, а создал для них два новых вида: *Architeuthis frinupus* для удлинённых, и *Architeuthis Larveyi*, для коротких.

Это крещение должно было однажды заставить его сына, знаменитого натуралиста, путешественника и писателя А. Хайтта Веррила, сказать по поводу останков, собранных преподобным Гервеем, и сделанных им точных обмеров: "На основании этих данных мой отец, профессор Веррил, смог описать первого из известных науке гигантских кальмаров..."

Согласиться с этим значило бы недооценить кропотливый труд, которому профессор Стенstrup посвятил большую часть жизни. Куда бы мы зашли, если бы сыновнее почтение могло повлиять на правила присуждения приоритета в области таксономии?

Архитевтысы в смертоносном тупике Ньюфаундлендской банки

Прежде чем идти дальше, позволюсь ответить на интригующий вопрос: "Почему же все эти архитевтысы выбрали точно очерченный район Ньюфаундленда и расположенного напротив него побережья полуострова Лабрадор для своего абсурдного самоубийства?"

Ответ на этот вопрос надо искать в особенном расположении области Ньюфаундлендской банки по отношению к морским течениям. Почему в этом районе наблюдается одна из наиболее значительных в мире концентраций тумана? Потому, что здесь встречаются под прямым углом теплое течение Гольфстрим, идущее из Гвианы и Карибского моря, и холодное течение, идущее от Лабрадора. "Зимой, отмечает по этому поводу Рейчел Карсон в книге "Море, которое нас окружает", смена температуры на границе двух течений является столь резкой, что, если корабль переходит из одного

течения в другое, его носовая часть может находиться в воде, которая на 12 градусов теплее, чем вода за его кормой, словно некая стена является материальной преградой, разделяющей две водные массы. Перед "хвостом" Ньюфаундлендской банки эти два течения отличаются по цвету так же ясно, как две страны на географической карте: нетрудно узнать теплые воды цвета индиго, принадлежащие Гольфстриму, и холодное северное течение цвета бутылочного стекла!" Согласно Дж.С. Робсону, большому британскому специалисту по головоногим, архитевтисы стремятся к оптимальной температуре 10 градусов Цельсия. Поэтому они никогда не встречаются у атлантического побережья Соединенных Штатов, где вода благодаря Гольфстриму имеет более высокую температуру. На широте этого побережья они должны находиться на определенной глубине, чтобы обитать в "климате", который для них подходит.

Но что происходит, когда увлекаемый Гольфстримом гигантский кальмар поднимается к Ньюфаундленду? Прежде всего, когда поток воды мало-помалу становится холоднее, головоногие склонны приближаться к поверхности воды в поисках предпочтительной для них температуры. Если же, к несчастью, кальмар сойдет с дороги и пересечет знаменитую "холодную стену", он окажется в безвыходном положении. Единственным выходом для него было бы возвращение назад, но такая реакция была бы для кальмара необычной. Обычно, когда ему становится холодно, он просто поднимается, потому что знает из опыта, что температура нормализуется, когда он приближается к поверхности воды (холодная вода тяжелее теплой). Он будет вести себя как обычно и в этом случае, но холод течения, идущего от Лабрадора, так велик, что, поднявшись на поверхность, кальмар не находит привычной для него температурной среды. В этих аномальных условиях он погибает и полуживой оказывается во власти прилива, который выносит его на берег. Так по крайней мере профессор Робсон объясняет их частые выбросы на берег, но истина оказалась более сложной.

Одна вещь, однако, была отныне установлена. Чудесный архитевтис не совершает самоубийства, он погибает оттого, что, сбившись с дороги, оказывается в безвыходном положении.

Архитевтисы в четырех частях света

Если в 1871-1879 годах на побережье Ньюфаундленда обрушилась целая лавина гигантских кальмаров, то в это же время в других, часто удаленных друг от друга частях земного шара были также отмечены несколько отдельных выбросов на берег гигантских кальмаров.

Так, в майском номере докладов Германского общества естественной истории и этнографии стран восточной Азии за 1873 год, изданном в Иокогаме, доктор Ф. Хилгендорф сообщал, что приобрел на рыбном рынке в Токио кусок кальмара необычно большого размера. Кроме того, ему представилась возможность в этом же городе приобрести выставленные для обозрения останки кальмара длиной 4 метра 28 сантиметров, из которых 1 метр 97 сантиметр приходились на туловище, 45 сантиметров - на голову и 1 метр 97 сантиметров - на самую длинную из сохранившихся рук. На первый взгляд натуралист принял этого кальмара за гигантский экземпляр *Ommastrephes*, но, поразмыслив, описал его в 1880 году как новый вид - под названием *Megateuthis marteusii*. В действительности это был *Architeuthis*, а это доказывало, что кальмары этого вида не ограничивали свое место пребывания Атлантическим океаном, как можно было допустить до этого момента.

Через пятнадцать лет, в 1895 году, два японских зоолога, Мицукури и Икеда, подтвердили присутствие этих головоногих в японских водах и объявили об открытии в Токийском заливе архитевтиса небольшого размера. Он оказался самым маленьким из когда-либо найденных: его мантия была длиной лишь 72 сантиметра, руки не превышали 1 метра 22 сантиметров, а щупальца - 2 метров 91 сантиметра.

Область распространения гигантских и супергигантских кальмаров год от года

становилась все обширней. Из-за шума, поднятого вокруг выбросов кальмаров на побережье Ньюфаундленда, языки мало-помалу развязались.

Так, в 1872 году, побуждаемый недавними открытиями доктора Пакарда-младшего, другой американский натуралист У. Долл, сообщил о том, что в течение зимы 1871/72 года множество гигантских головоногих были выброшены океаном на берег в разное время на острове Уналашка, одном из Алеутских островов. Среди них, в числе прочих, был когтистый кальмар вида *Onchoteuthis bergi*, общей длиной 3 метра и весивший около 100 килограмм.

К тому же У. Долл сообщал, что есть различные свидетельства о кальмарах действительно гигантского размера из тропических и субтропических районов:

"Нет никакого сомнения в том, что в теплых морях некоторые головоногие достигают огромной массы и огромной длины. Капитан Э.-Э. Смит, опытный китобой и умный, кропотливый наблюдатель, сообщил мне, что видел, как агонизирующий кашалот изрыгал части рук кальмара огромного размера с присосками "размером с тарелку"!"

Господин Далл утверждал, что его коллега Генри Ханке из Сан-Франциско во время путешествия на торговом судне между островами в Южной части Тихого океана видел вблизи поверхности воды головоногого "размером со шхуну"*,

* В целях уточнения отметим, что шхуна (небольшой корабль с двумя мачтами) может иметь в длину от 15 до 35 метров. Те шхуны, которые плавали в южных морях в конце прошлого века, должны были иметь в длину не меньше 25 метров.

"При всей неопределенности, - замечает господин Долл, - это указывает по крайней мере на то, что в этих районах существуют гораздо более крупные виды кальмаров, чем до сих пор было отмечено".

В заключение он сообщал: "Мной был собран также ряд неопределенных сообщений о гигантском кальмаре, замеченном в Калифорнийском заливе".

Эти различные комментарии и утверждения должны были несколько лет спустя вызвать сарказм знаменитого американского малаколога Джорджа Вашингтона Трайоне в первом томе его значительного "Учебника конхиологии" (1879-1891). Но, зная размеры, которых могут достигать архитевтисы, позволительно усомниться в правомерности его насмешек.

Уже давно среди рыбаков острова Сен-Поль, этого вулканического островка с затопленным кратером, одиноко расположенного посреди Индийского океана на полпути между оконечностью Южной Африки и Австралией, распространились интересные слухи. Эти смелые люди рассказывали всем, кто хотел их слушать, что каждый год в одно и то же время они замечали на рыбных отмелях огромного головоногого, который протягивал над водой две длинные руки, покрытые присосками. Эти истории, естественно, воспринимались с веселым скепсисом. Но по воле случая 2 ноября 1874 года один из гигантских кальмаров был выброшен морем на берег как раз в то время, когда на острове находилась французская научная миссия. Ее задачей было, под руководством капитана судна Муше, наблюдение за последним прохождением планеты Венеры по солнечному диску.

По возвращении во Францию господин Шарль Велэн, прикомандированный к этой миссии в качестве натуралиста, смог предстать 19 апреля следующего года перед Академией наук, чтобы заявить:

"В первых числах ноября сильный прилив выбросил на северную дамбу кальмара из группы *Ommastrephes*, который имел в длину не меньше 7 метров 15 сантиметров от конца туловища до окончания щупалец. Я имею честь представить Академии щупальце, клюв и сифон этого гигантского головоногого".

В подтверждение этих заявлений, господин Велэн представил членам Академии фотографию всего животного, сделанную неким господином Казаном. Эта фотография, с которой был выполнен весьма неумелый рисунок, рассматривалась как первое верное

представление о внешности *Architeuthis*. Удачно, что первый опубликованный в Европе портрет супергигантского кальмара соответствовал виду, форма которого была необычной. Это не могло не вызвать недоразумений.

Так, профессор Поль Гervé из парижского Музея, который по крайней мере за десять лет до этого уже проявил страстный интерес к гигантским кальмарам из Средиземного моря (вида *Ommastrephes*) и который все еще преподавал в Монпелье, после исследования документов, представленных господином Велэном, заявил, что *Architeuthis* относятся к группе стреловидных кальмаров. Он, конечно, не высказал бы этого мнения, если бы видел изображение архитевтиса из Атлантики, задний плавник которого имел форму червонного туза, а не форму бубнового туза, - как у *Ommastrephes*! Профессор Веррил должен был подчеркнуть, что новый вид, *Architeuthis monchezi* из Индийского океана, отличается от северных форм своим более узким и ланцетовидным плавником. Вот почему на неясной фотографии его можно было принять за ромбовидный!

Действительно, более ранний рисунок, выполненный офицером корабля "Алектон", давал лучшее представление о форме *Architeuthis*, чем фотография господина Казана.

Два часа борьбы с умирающим титаном

Поскольку визиты архитевтиса на Ньюфаундленд все множились, внимание натуралистов всего мира было приковано к этим невероятным гигантам. И каждый старался сообщить новые свидетельства о кракене, лишившемся наконец ореола таинственности.

Сначала оно появилось, как это и должно было быть, в стране кракена, в Норвегии. Действительно, в 1874 году труп архитевтиса всплыл на поверхности фиорда Фольден на 65-й параллели. В этом районе не было отмечено ни одного появления супергигантских кальмаров с тех пор, как Понтоппидан сообщил о кракене, "молодом и беззаботном", запутавшемся в 1680 году в скалах в проливе Ульнанген. Не следует делать из этого вывода, что в течение двух 'веков гигантские кальмары' не выбрасывались на побережье Норвегии. В действительности редко когда на месте оказывался натуралист или даже любитель, способный сообщить об инциденте. Обычно событие проходило незамеченным.

Между 1877 годом и концом века в Норвегии случились еще три выброса кальмаров, детали которых нам совершенно неизвестны: два на крайнем севере, третий на уровне полярного круга.

Для того чтобы мы могли узнать об архитевтисе больше, он должен был обнаружиться в какой-нибудь более населенной области!

В 1875 году, к счастью, настала очередь ирландского зоолога сообщить о драматической поимке 25 апреля действительно колоссального кальмара. Инцидент произошел на широте острова Боффин, вблизи побережья Коннемара, на западе Ирландии. Сержант королевской ирландской полиции Томас О'Коннор составил об этом образцовый отчет:

"В последний понедельник экипаж кураки, некоего подобию байдарки, сделанной из деревянного каркаса, обтянутого пропитанным гудроном полотном, состоявший из трех человек, пережил странное приключение на северо-западе от острова Боффин. Забросив поутру сети, они заметили в открытом море большую плавучую массу, увенчанную чайками. Они подплыли к ней, предполагая, что это могли быть останки кораблекрушения, но, к своему большому удивлению, обнаружили, что это головоногий колоссального размера, совершенно неподвижно, словно он грелся на солнце, покоившийся на поверхности воды. Нож был единственным имевшимся на борту оружием. Мясо кальмара очень ценится в качестве наживки для рыбы, поэтому экипаж решил добыть хотя бы часть этого кальмара. Ввиду размеров чудовища и мощи его щупалец и силы присосок рыбаки выбрали стратегию, отличную от прямого

нападения. Они осторожно приблизились на веслах и мгновенно отрубили одно из щупалец. Спокойное до сих пор животное стало опасно активным и поспешило в открытое море, поднимая брызги и разрезая поверхность воды с изумительной скоростью. Лодка бросилась в погоню и настигла противника снова лишь через четыре мили. Рука, которая тянулась позади животного, была снова атакована, люди употребляли все свое искусство, для того чтобы держаться на расстоянии от присосок.

Сражение продолжалось два часа, рыбакам удалось избежать прямого столкновения, и животное постепенно оказалось лишенным всех своих орудий нападения. Углубившись на пять миль в открытое море, рыбаки в утлой байдарке все еще преследовали свою жертву и с удивительной смелостью и настойчивостью стремились вымотать ее. К этому времени кальмар был уже частично побежден и байдарка могла беспрепятственно его преследовать. То, что сохранилось от десяти больших рук, тщетно молотило воду и воздух. Туловище истерзанного животного плыло рядом с лодкой, из своего окончания оно последовательно извергало жидкость, которая окрашивала море в темный цвет. Наконец голова животного была отрублена. Она как камень опустилась на дно моря. Из различных фрагментов моллюска, которые были доставлены на землю, две большие руки, сохранившиеся целиком, имели в длину 8 футов (2 м 45 см) и в окружности у основания - 15 дюймов (38 см). Два щупальца достигали в длину 30 футов (9 м 15 см). Челюсти имели в диаметре около 4 дюймов (10 см). Голова, лишенная всех своих щупалец, весила более 38 килограммов, и глаза имели в диаметре около 15 дюймов (38 см)".

Останки этого кальмара, по всей вероятности умиравшего уже с самого начала сражения, были изъяты сержантом О'Коннором у рыбаков и отправлены в музей Королевского общества в Дублине. Э. Мор счел, что это должен быть *Architeuthis dux*, но профессор Эдиссон Веррил, который имел больше возможностей для сравнения, узнал в нем крупный экземпляр *A. Rarweyi*. На основании размера сохранившихся останков можно предположить, что он должен был иметь размеры, близкие к размерам 14-метрового кальмара из залива Бонависта.

Э. Мор воспользовался случаем поимки кальмара в окрестностях острова Боффин для того, чтобы на основании старых хроник заявить, что этот случай поимки кальмара не является первым в Ирландии. Так, миру известна наконец история "животного с двумя головами из Дингл-Ай-Кош, которую мы подробно рассказали в предыдущей главе. Припоминают, что этот головоногий имел в длину около 6 метров, не считая общей длины щупалец.

В Ирландии вот уже два века как имелись доказательства существования подобных титанов, но до тех пор никто об этом не догадывался.

С некоторым опозданием Мор, однако, предпринял научное описание кальмара из Дингл-Ай-Кош, но он поступил неправильно, придав растяжимому хоботу кальмара (его второй голове!) столь большое значение, хотя это и оправдывало в его глазах создание нового вида, *Dinoteuthis proboscideus*, что значит "страшный кальмар с хоботом".

Как рассудительно заметил Трайон, "растяжимый хобот характерен для- всех огромных головоногих из Северной Атлантики". В действительности он свойствен всем кальмарам, какого бы размера они ни были. Животное с двумя головами из Дингл-Ай-Кош было не кем иным, как обычным архитевтисом.

В октябре 1880 года третий кальмар сверхгигантского размера был выброшен морем на западное побережье Ирландии, в Килке, графство Клэр. На этот раз, как и в случае с кальмаром из залива Дингл, потребовалось немало времени для того, чтобы событие стало известно ученому миру. В 1918 году, почти сорок лет спустя, шотландский натуралист Дж. Ритчи сообщил об этом впервые в научной публикации.

Танивхе народа маори

Сообщение о том, что море постоянно выбрасывает на побережье

Ньюфаундленда супергигантских кальмаров, вызвало отклики на другом краю света. В 1879 году новозеландский натуралист Т.-В. Керк, помощник препаратора в Колониальном музее, ободренный, без сомнения, открытиями профессора Веррилла, сообщил о том, что море иногда выбрасывает гигантских головоногих на побережье Новой Зеландии. Конечно, легенды о их существовании были уже давно распространены среди маори, но белые поселенцы, по-видимому, не слишком им доверяли.'

Узнав о том, что гигантский головоногий был выброшен на отмель в Ваймараме, на восточном побережье острова Южный, и что клюв его хранится у человека по имени Ф. Мейнерцхаген, Керк обратился к нему с просьбой о более полных сведениях. 27 июня 1879 года тот переслал ему клюв и сообщил, что кальмар был выброшен на берег в то время, когда сам он находился в Англии. Но один из его друзей, вполне достойный доверия, осмотрел и измерил чудовище и сохранил для него клюв кальмара. В письме, написанном в то время, когда случилось это происшествие, он изобразил, хотя и не слишком научный, однако, выразительный портрет животного, которое Мейнерцхаген назвал "мертвым осьминогом":

"Животное имело восемь щупалец, у основания по толщине равных бедру мужчины и снабженных на внутренней поверхности страшными присосками размером от шара весом в унцию до маленькой горошины на самом конце. Его ужасные глаза были как колеса лото. Мощный клюв располагался у основания рук. Его голова, казалось, выглядывала из чехла. В целом это было совершенно отвратительное животное".

Письмо сопровождалось некоторыми результатами измерений. От конца хвоста до основания рук животное имело в длину 3 м 20 см. По середине туловище его в окружности превосходило 3 метра. Руки достигали длины 1 м 70 см.

Также имелся эскиз выброшенного на берег чудовища, сделанный пером. Но и на основании одного только текста можно догадаться, что речь шла не об осьминоге, а о кальмаре, лишившемся, без сомнения, двух своих щупалец.

Друг Мейнерцхагена добавил также несколько интересных деталей, касавшихся отношения маори к этому животному:

"Все местные жители побросали свои дела, чтобы прийти взглянуть на него. Старики говорили, что это танивха, так как они никогда не видели вехе такого размера. Они говорили, что подобный танивхе напал и потопил пирогу, направлявшуюся в Отаго; они с уверенностью утверждали, что животное напало первым! Они говорили также, что эти крупные вехе вполне способны схватить человека и выпотрошить его. Что касается меня, то я больше не купаюсь в море!"

Ученые специалисты могут утверждать, что никогда ни один головоногий не нападал на лодку. Лично мне трудно поверить, что идентичные слухи, сообщенные чернокожими обитателями Анголы, индейцами Британской Колумбии, скандинавскими рыбаками, мореходами Индийского океана и, наконец, народом Маори, изолированным посреди Тихого океана, могут быть полностью лишены всякого основания или даже основываться на единственном, исключительном происшествии, которое со временем было преувеличено. С другой стороны, для того чтобы найти общий исток этих слов в легендах столь удаленных друг от друга народов, следовало бы поискать в фольклоре каменного века, когда люди еще не должны были быть знакомы с навигацией...

Ужасный танивхе отнюдь не был единственным. В Колониальном музее в Новой Зеландии находился еще один клюв гигантского кальмара, подарок некоего М.-А. Гамильтона. Этот последний получил его от натуралиста по имени К.-Х. Робсон, который жил на мысе Кэмпбелл. К.-Х. Робсон, опрошенный Т.-В. Керком, сообщил 19 июня 1879 года, при каких обстоятельствах он получил этот клюв.

Действительно, он уже не однажды находил на побережье мыса в большей или

меньшей степени разрушенные экземпляры крупных моллюсков. Один из них оказался неповрежденным, и именно от него был отделен тот внушительный клюв, который натуралист сохранил в виде сувенира. По воспоминаниям господина К.-Х. Робсона, тело животного имело в длину 2 метра 10 сантиметров, руки его были длиной 2 метра 40 сантиметров, а щупальца - 3 метра 65 сантиметров. Он был уверен, что общая длина кальмара приближалась к 6 метрам 10 сантиметрам.

Керк узнал также, что совсем небольшой экземпляр, длиной 2 метра 40 сантиметров, был пойман рыбаками около Булдер банки в Нельсоне, в районе пролива Кука, и что другой экземпляр, размер которого не был уточнен, был найден неким господином Муром около Флат-Пойнта на Западном побережье.

В действительности за несколько недель до этого с Керком случилось происшествие, побудившее его заинтересоваться гигантскими головоногими. 23 мая 1879 года почтенный архидиакон Сток предупредил нашего натуралиста о том, что трое мальчиков этим самым утром обнаружили в бухте Лайалл труп "очень крупного" головоногого.

Керк" поспешил прибыть на место, твердо решив доставить этот экземпляр полностью в Колониальный музей. Каково же было его удивление, когда он обнаружил кальмара, длина которого приближалась к 5 метрам и который должен был, таким образом, весить более тонны!

От конца хвоста до окончания мантии чудовище имело длину 2 метра 80 сантиметров, и его руки имели в длину 1 метр 30 сантиметров. Длина головы кальмара составила 1 метр 20 сантиметров. Щупальца, от которых, без сомнения, сохранилась лишь половина, имели в длину лишь 1 метр 87 сантиметров.

Все имена сверхгигантского кальмара

В 1881 году наш новозеландский натуралист описал кальмара из бухты Лайалл под именем *Steenstrupia stockii*, желая таким образом почтить одновременно профессора Стенструпа и архидиакона Стока. Но это крещение было дважды неудачным, так как упомянутое животное оказалось архитевтисом. Но даже если бы он действительно принадлежал к новому виду, название *Steenstrupia* не могло быть подходящим, так как Форбзу уже пришла в 1846 году мысль назвать так одного кишечнополостного!

Никто не гарантирован от такого рода неудач! В том же году, когда гигантские кальмары вошли в моду, знаменитый британский зоолог сэр Ричард Оуэн внезапно вздумал окрестить того кальмара, чья рука, длиной 2 метра 75 сантиметров, уже давным-давно хранилась, законсервированная, в банке, в одном из самых дальних подвалов Британского музея. Он изобрел для него имя *Plectoteuthis grandis*, которое оказалось мертворожденным. Эта анатомическая деталь принадлежала, как вы уже догадались, архитевтису.

В июне 1880 года архитевтис длиной 6 метров, не считая щупалец, был выброшен на побережье в районе пролива Кука, по-прежнему в Новой Зеландии. Тело и голова его имели в длину 2 метра 80 сантиметров, чрезвычайно вытянутые руки достигали 3 метров 15 сантиметров. Клюва кальмара обнаружить не удалось, его забрали рыбаки, увлеченные, без сомнения, собиранием сувениров. Это не помешало тому, что Т.-В. Керк счел себя обязанным создать новый вид, *Architeuthis verrilli*, основываясь лишь на том, что сохранилось от этого кальмара.

Несколько лет спустя, 30 июня 1886 года, другой *Architeuthis*, гораздо более массивный и коренастый, был найден живым на мысе Кэмпбелла. Его туловище имело в длину 3 метра 15 сантиметров, руки - 2 метра, щупальца - 5 метров 75 сантиметров. На этот раз, головоногий был описан К.-Х. Робсоном, который уже сообщал о нескольких кальмарах, выброшенных морем на берег в этом районе. Робсон утверждал, что редкий год обходится без того, чтобы море не выбросило на берег гигантского кальмара в период южной зимы (в июне или июле). Однако чаще всего головоногий

бывал уже растерзан акулами, этими морскими собаками, и останки его имели небольшую ценность для натуралиста.

Обнаруженный живым экземпляр кальмара получил имя *Architeuthis kirkii*.

В 1887 году прославленный таким образом натуралист Керк снова прославился в связи с тем, что странный экземпляр кальмара был выброшен на Биг-Бич в бухте Лайалл. Рыбак по фамилии Смит принес в музей его клюв и утверждал, что измерил это живое животное, имевшее общую длину 19 метров!

Не теряя ни минуты Керк, сердце которого сильно забилося, поспешил к Биг-Бич, для того чтобы собственными глазами увидеть это чудовище рекордного размера. На побережье его ожидало двойное разочарование. Прежде всего, он нашел головноногого, имевшего в длину лишь 17 метров 35 сантиметров. Это вовсе не значило, что рыбак обманул его. Эластичные щупальца легко могли сократиться при высыхании!

Другое разочарование заключалось в том, что почти вся длина моллюска приходилась на щупальца. Самое длинное из них имело в длину 15 метров! Длина тела, включая голову, не превосходила 2 метров 35 сантиметров; вместе с руками, имевшими в длину 2 метра 40 сантиметров, это составляло 4 метра 75 сантиметров. Однако от кальмара длиной более 17 метров можно было ожидать большего. Вспомним, что у гиганта из Фимбл-Тикле, общая длина которого равнялась 16 метрам 80 сантиметрам, тело было в два с половиной раза длиннее. Это еще раз показывает нам, что включение в длину кальмара длины его эластичных щупалец не позволяет дать представление о его истинном размере.

Исходя из этих особенностей, Керк наделил этого нового кальмара с Биг-Бич именем *Architeuthis longimanus*.

Несомненно, можно было бы удивиться тому, что с тех пор, как ученый мир признал реальность существования сверхгигантских кальмаров, почти при каждом появлении такого кальмара находился натуралист, наделявший этот экземпляр новым названием, а наиболее дерзкие требовали создания нового рода.

Мы уже знаем, что из всех родовых названий, которые были предложены, в живых осталось только одно, самое первое. Действительно, мало-помалу стало ясно, что все сверхгигантские кальмары являются близкими родственниками. Что касается видовых названий, то вероятно и даже правдоподобно, что некоторые из них являются законными, но можно сказать, что в большей части описания были слишком поспешными, так как оригинальные черты отдельных экземпляров могли быть результатом индивидуальных или половых различий, а также географических вариаций, которые оправдывают самое большее лишь учреждение определенного подвида.

В данном случае произошла ошибка. Но надо признать, что с таким скромным животным, как знаменитый архитевтис, другого выбора не было.

Для того чтобы избежать надоедливой синонимии, следовало бы потребовать от зоологов публикации лишь анонимных описаний животного в ожидании того времени, когда наконец будет собрана коллекция, достаточно значительная для того, чтобы сделать возможным таксономическое определение. Но просить их об этом было бы абсурдно.

Тщательно рассмотрев вопрос, профессор Пфеффер предложил предварительно объединить экземпляры гигантских кальмаров на основании районов, где они были пойманы или выброшены на берег. Таким образом, он с осторожностью выделил североатлантические, североатлантические, североатлантические и южные формы.

Надо признать, что рассмотренные зоны очень обширны, но в случае таких путешественников, как кальмары, это необходимо, ибо, следуя за морскими течениями, они, без сомнения, совершают длинные кругосветные путешествия. Для того чтобы животные такого размера чувствовали себя хорошо, необходим аквариум размером с океан.

ПОСЛЕДНИЕ СОМНЕНИЯ

Едва прошло несколько месяцев после того, как американские газеты сообщили о выбросившемся на берег в Новой Гвинее супергигантском кальмаре, как на другом конце Земли снова заставил говорить о себе пират-осьминог Дени де Монфора. Правда, он сменил личину, очевидно следуя новой моде, и предстал в виде колоссальных размеров кальмара. Помолодевший монстр, кажется, обрел новые силы. На этот раз он не удовлетворился нападением на рыбацьи лодки и намного больше преуспел в своем разбойном промысле.

Трагический конец шхуны "Перл"

Новость достигла Европы 4 июля 1874 года и появилась в респектабельной лондонской "Тайме". Речь шла о драме, разыгравшейся два месяца назад в Индийском океане:

"Десятого мая пароход "Страфовен" шел из Коломбо в Мадрас по Бенгальскому заливу. Было безветренно. За час до захода солнца капитан заметил примерно в 2 милях по правому борту небольшую двухмачтовую шхуну, обездвиженную штилем. Ничто в ее внешнем виде не привлекало внимания. Когда пароход приблизился, недалеко от шхуны была замечена продолговатая, низко сидящая в воде темная масса - сначала ее приняли за кучу водорослей. Внезапно, до тех пор неподвижная, масса направилась к шхуне. В мгновение ока она достигла ее, и та заметно вздрогнула в момент столкновения. Затем почти сразу ее мачты начали клониться к воде, и вскоре она легла на борт, несколько секунд оставалась в таком положении и исчезла под водой. Пароход направился к тому месту, где буквально 20 минут назад мирно стояла маленькая, симпатичная шхуна, а теперь барахтались в воде оставшиеся в живых члены ее экипажа. Каково же было удивление спасателей, когда, подняв на борт несчастных, они услышали, что шхуна была потоплена гигантским кальмаром. Вот что рассказал капитан шхуны "Перл": "Наша шхуна, водоизмещением 150 тонн, с экипажем из шести человек, направлялась с острова Мориса в Рангун. На третий день пути штиль остановил нас в Бенгальском заливе. Десятого мая, около 5 часов вечера, я увидел, как по правому борту примерно в полумиле от шхуны из глубины медленно всплыло и осталось на поверхности огромное тело бурого цвета. Оно было похоже на спину гигантского кита, но не такое выпуклое. Даже на таком расстоянии было видно, что оно гораздо больше нашего суденышка.

- Что это может быть? - спросил я своего помощника.

- Черт меня побери, если я знаю; - ответил тот.- Судя по цвету, размерам и выступающей из воды части тела, это может быть кит.

- А может, это морской змей,- вступил в разговор другой член экипажа, хотя для змея оно слишком широкое.

Я сходил в каюту и вернулся с ружьем. Коца я уже приготовился стрелять, ко мне бросился Билл Дарлинг, матрос с Новой Земли, с криком: "Осторожней, капитан, это гигантский кальмар, он нас потопит, если вы причините ему какой-нибудь вред!" Мысленно усмехнувшись, я выстрелил в монстра и, очевидно, попал. Он дернулся, вокруг него вскипела вода, и чудовище пришло в движение.

- Хватайте топоры и ножи,- закричал Билл,- рубите и режьте все, что он забросит на борт! Пошевеливайтесь, и да поможет нам Бог!

Не понимая еще всей опасности, до сих пор не встречавший подобного монстра и даже не слышавший о нем, я не отдавал никаких команд. Из-за штиля руль и паруса были бесполезны и не могли помочь нам убежать. К этому моменту трое матросов, включая Билла, вооружившись топорами, встали у борта, наблюдая за приближавшимся чудовищем. Мы отчетливо видели огромную плоскую массу, толчками плывущую под самой поверхностью воды к шхуне, оставляя за собой широкий след бурлящей воды: длина существа была не меньше, чем у нашего судна, и такая же ширина. Ему понадобилось примерно столько же времени, сколько я писал

эти строки, чтобы достичь борта. От удара шхуна' содрогнулась. Через мгновение чудовищные щупальца, толщиной с небольшое дерево, ухватились за корабль и он накренился.

- Рубите его, мы рискуем своей шкурой! - вопил Билл.

Но все наши усилия оказались напрасными - монстр забросил свое огромное тело на борт и положил шхуну на бок. Мы полетели в воду, и в момент, когда я уже погружался в волны, я краем глаза увидел, как один из матросов был раздавлен у мачты огромным щупальцем. Шхуна несколько секунд оставалась в положении на боку, затем зачерпнула воды и начала тонуть. Еще один матрос, наверное, утонул, так как на борт парохода были подняты только пять человек. Остальное вы знаете".

Подлинность этой истории теперь не проверить. Уже слишком поздно пытаться найти следы такого маленького утонувшего судна.

Но что это? Шутка? Мистификация? Может быть. Но в этом случае она принадлежит руке мастера и большого эрудита. Вся история правдоподобна вплоть до мельчайших деталей. Событие и персонажи обрисованы с замечательной подробностью. Анатомические особенности и движения кальмара описаны точно и со знанием дела. Тот факт, что дело происходило в тропическом районе океана, еще больше свидетельствует в пользу истинности рассказа в свете современных знаний. В самом деле, если в тропиках и не находили останков гигантских кальмаров, выброшенных на берег, то именно там их часто видели на поверхности. Наконец, неподвижность судна еще больше увеличивает вероятность проявления агрессивности со стороны чудовища. А отсутствие груза делает еще более правдоподобной ту легкость, с которой шхуна легла на борт и затонула.

Короче, все сходится самым чудесным образом.

Для меня остается один подозрительный момент во всей этой истории: все произошло именно в тот момент, когда гигантский кальмар стал звездой газетных публикаций во всем мире. Слухи о выбросившихся на берег Новой Земли моллюсках появились в декабре 1873 года в Америке. И новость из Индии пришла как раз вовремя и могла быть шуткой какого-нибудь талантливого любителя розыгрышей.

Но, в конце концов, не так уж и важно установить, было ли это замечательное нападение на самом деле или нет. Для нашего исследования важнее доказать, что оно могло произойти. Так мы выявили бы потенциальную опасность архитевтиса и могли бы дополнительно реабилитировать бедного Дени де Монфора, виновного лишь в том, что поверил в подобные истории.

Для этого предоставим слово фактам.

Познавательная отрывка агонизирующего кашалота

С 1880 года гигантские кальмары перестали посещать Ньюфаундленд, и ни один из них не выбрасывался на берег Британских островов в течение почти тридцати лет. О монстре доходили слухи лишь из Новой Зеландии, с другого конца света, из района, откуда не должны были часто приходить подобные новости. В сентябре 1889 года один из архитевтисов выбросился на берег около местечка Локберг в Норвегии, у полярного круга, но это происшествие прошло почти незамеченным. Можно сказать, что суперкальмар исчез с научной сцены на полтора десятка лет. Нельзя сказать, что он ушел в небытие или вернулся в легенду. Однако архитевтис перестал часто попадаться на глаза даже китобоям, находившим обычно его остатки в желудках кашалотов. Увы, вопреки надеждам моряки, казалось, совсем перестали интересоваться естественной историей. Это главное впечатление, которое Франк Буллен вынес из своего знаменитого "Путешествия за кашалотом". Если бы этот молодой искатель приключений, насколько внимательный в своих наблюдениях, настолько и точный в описаниях, не оказался на борту китобойного судна, сколько волнующих открытий остались бы вне нашего поля зрения! Так, после того как был загарпунен первый кашалот этой китобой-жой кампании 1875 года, его внимание привлек следующий

любопытный феномен:

"Там и здесь вокруг нас плавали странные полупрозрачные куски беловатой субстанции, за которые дрались многочисленные рыбы. Я спросил у офицера, что это и откуда они могли взяться. Тот ответил, что кашалот перед гибелью отрыгивает содержимое желудка. По его мнению, это должны были быть остатки гигантского головоногого, но он не был в этом уверен. Я взял один из этих кусков на борт корабля, чтобы я там получше рассмотреть.

Меня не очень удивило безразличие, с которым офицер относился к такому удивительному факту, после сорока-то лет китобойной практики! Совершенно очевидно, что в моем распоряжении оказалась часть щупальца головоногого моллюска. Оно было, наверное, толщиной с полного человека и имело шесть или семь присосок размером с чайное блюдце. По периметру они были окружены роговыми зубчиками или коготками, острыми, как иголки, размером и формой напоминавшими когти тигра.

Я с трудом мог вообразить чудовище, которому мог принадлежать кусок этого щупальца. Конечно, как любой моряк, я много раз слышал, что кальмар - самый большой из обитателей океана, но до сих пор почти не верил в это".

Судя по толщине выловленного щупальца и величине присосок, кальмар, его обладатель, должен был превосходить размерами даже того колосса, который был выловлен у Фимбл-Тикле три года спустя. Если бы улов не был должным образом описан и измерен, кто поверил бы Франку Буллену, когда он опубликовал свои путевые заметки в 1899 году? Однако зоологи, которые не хотели верить в кальмаров длиной 24 и 27 метров, описанных Пайком на Лабрадоре (официальная наука до сих пор не признают, что длина их тела может быть больше 6 м!) конечно, не удостоили вниманием и свидетельство английского писателя, когда он в своей книге "Морские создания" уточнял, что кальмар, которого на его глазах пожирал кашалот, был не менее 60 футов в длину (18 м) без щупальцев и около 20 футов в окружности (6 м). Скептики могут сказать, что, глядя на яростную схватку, развернувшуюся перед его глазами, Буллен не смог правильно оценить размеры сражавшихся. Но тогда к какому виду морских гигантов могли относиться студенистые массы, оторванные загарпуненным кашалотом, которые он видел в другой раз? Множество этих кусков гигантской плоти плавало вокруг корабля, и, по словам Буллена, они были "около 8 футов длиной (2,5 м) и 6 футов (1,8 м) шириной". В самой тонкой части они имели в окружности не менее 7 метров и должны были составлять только часть тела существа гораздо более крупного!

Франк Буллен не единственный писатель-маринист, видевший умирающих загарпуненных кашалотов и наблюдавший, как они отрыгивают остатки гигантских кальмаров из своих желудков. Герман Мелвилл, автор знаменитого "Моби Дика" остающегося памятником неточностей с точки зрения зоологической науки, говорил о кусках щупальцев моллюска длиной 30 футов (более 9 м). А Эшли писал в 1926 году в газете "The Yankee Whaler" ("Американский китобой"): "Умирающие кашалоты иногда отрыгивали куски кальмаров длиной в половину китобойного судна".

Два американских натуралиста, профессор Осмонд Бреланд из Техасского университета и писатель Вилли Лей, описали независимо друг от друга, как однажды кашалот выплюнул кусок щупальца длиной 6 футов (1,8 м) и диаметром 2 фута (60 см). Увы, я не могу привести источник откуда взята эта сенсационная информация.

Сколько подобных историй, даже еще более ошеломляющих, могли бы нам поведать многие китобой? Этого мы никогда не узнаем. Сдержанность моряков кажется такой же большой, как их нелюбопытство.

"Эти люди,- писал Франк Буллен,- замечательные мастера своего дела, но, на удивление, наблюдатели - самые плохие из всех. Они расскажут вам о множестве вещей, в которых совсем не разбираются, вспомнят всех офицеров, под командой которых когда-то служили, но о чудесах, великолепии и тайнах океанских глубин вы не услышите от них ни слова".

Шрамы на телах китообразных

Потребовалась чудесная встреча китобоев с учеными-зоологами, чтобы гигантский кальмар снова заставил говорить о себе. Но сначала необходимо установить связь между крупными головоногими и китами. Эта связь кажется сегодня очевидной, но не всегда так было. Давно известно, что некоторые зубатые киты, например кашалоты, питаются почти исключительно головоногими, но никто вплоть до конца прошлого века не мог вообразить, что добыча иногда оказывала сопротивление своему кровожадному преследователю.

Уже давно внимание натуралистов привлекали параллельные шрамы, покрывающие обычно тела дельфинов вида *Grampus griseus*, но не представляли, кто их предполагаемый автор. Капитан Чавес, директор музея в Понта-Делгада (Азорские острова), первым в 1892 году приписал эти следы объятиям гигантских головоногих.

Несколько лет спустя, в 1901 году, сэр Арчи Томпсон интерпретировал таким же образом шрамы на теле новозеландского дельфина. Он предположил, что круглые отпечатки оставлены присосками когтистого кальмара (*Onychoteuthis*), а параллельные шрамы - окружающими их коготками.

То, что сегодня кажется очевидным, стало возможным только после того, как существование гигантских кальмаров было установлено большим количеством конкретных доказательств. Прошло двадцать лет между первым массовым выбросом архитевтисов на Новой Земле и признанием природы таинственных круглых шрамов на телах дельфинов. А ведь кальмары с когтями на щупальцах известны уже больше ста лет! Такое впечатление, что многие ученые просто отказываются признавать факты, если они им кажутся слишком фантастичными или ужасными.

Естественно, что зубатые киты после подводных битв с разного рода головоногими хранят на теле знаки славных побед. Так, тела дельфинов *Grampus* редко имеют один шрам, вплоть до того, что естественный цвет их кожи исчезает, покрытый шрамами от ран различной давности. А если принять, что архитевтисы оказывают достойное сопротивление даже мощным кашалотам, можно предположить, что китообразные меньших размеров или хуже вооруженные - и, кто знает, даже сами кашалоты - иногда заканчивают жизнь в объятиях собственной "добычи".

По привычке говорят, что кашалоты и другие зубатые киты питаются гигантскими кальмарами. Но не становится ли иногда правдой обратное?

Мученическая смерть гиганта

18 июля 1895 года принц Монако Альберт I совершал на борту яхты "Принцесса Алиса" одну из своих знаменитых экспедиций по изучению океанских глубин, которые вскоре дадут океанографической науке чудесный толчок. Исследования занесли его в самый центр Атлантики, в район Азорского архипелага. Там он увидел, как множество лодок преследует стаю кашалотов. Принц остановил яхту примерно в полутора милях от китобоев и наблюдал издали за перипетиями этой охоты. Когда ему показалось, что один из китов убит, он приблизился к охотникам, чтобы присутствовать при развязке драмы.

Зрелище было ужасным. Среди красных от крови волн бился в агонии раненый титан, судорожно вдыхая и выдыхая воздух и испуская раздирающие стоны. Люди на борту яхты, сгрудившись у борта, в молчании, оцепеневшие наблюдали эту сцену.

"Яхта со свидетелями драмы,- писал принц Альберт,- покоилась посреди кровавого покрывала площадью примерно гектар, по которому змеились пенистые кровавые ручьи, все еще вытекавшие из тела животного. Его голова находилась у нас за кормой, и нижняя челюсть, не поддерживаемая мышцами, открывалась и закрывалась под действием волн. Вдруг я увидел, как из пасти, похожей на зияющую пещеру, вынесло множество головоногих, осьминогов и кальмаров, одного - колоссальных размеров. Очевидно, это был результат его последней перед гибелью охоты в океанских глубинах, добыча даже не переварена.

Я понял, какую ценность для "ауки" представляют эти обитатели средних глубин, до сих пор успешно защищавшиеся от всех наших попыток их поймать. Немедленно спустили лодку, чтобы собрать этот неожиданный, оказавшийся бесценным урожай.

Тошнотворные сокровища

"Принцесса Алиса" удачно оказалась рядом в момент охоты - не только для науки, но и для китобоев. Кит оказался для них слишком тяжелым, и принц Альберт помог отбуксировать его в ближайшую бухту. За это он был с лихвой вознагражден. Рыбаки отдали ему желудок кита со всем его содержимым. Перед нами незабываемое описание этой операции:

"...Среди почти ста килограммов полупереваренной пищи довольно хорошо сохранились несколько кусков гигантских осьминогов, настолько хорошо, что можно было с уверенностью сказать, что они принадлежат к неизвестному науке виду. Вести поиск приходилось в фиолетовой полужидкой массе, где плавали остатки глазных яблок и клювов, спасаясь от действия желудочного сока, испускающего зловонные испарения..."

Когда даже через много месяцев профессор Луи Жубен попытается идентифицировать таким образом собранные сокровища, ситуация для его обоняния будет ненамного легче.

Но на что не пойдет настоящий зоолог, чтобы собрать и изучить это богатство! Там, среди прочего, оказался клубок щупальцев кальмара *Cucoteuthis unguiculata*, каждое с сотней остро заточенных когтей, мощных, как у самых крупных хищников. Кроме того, три экземпляра, примерно метровой длины, глубоководного кальмара *Histioteuthis guppeli*, с фосфоресцирующими органами, и два клубка щупальцев его соседа по глубинам неизвестного вида.

Были найдены остатки двух кальмаров величиной с человека, которые - вещь невероятная - были полностью покрыты чешуей, как рыбы! В честь принца профессор Жубен назвал эти существа *Lepidoteuthis grimaldii*, то есть кальмар чешуйчатый Гримальди. Еще был кусок тела кальмара длиной 46 сантиметров, который специалисты описали сначала под именем *Dubiteuthis physeteris*, а затем причислили к архитев-тису. Наконец, с полсотни клювов, все впечатляющих размеров, самые крупные достигали 10 сантиметров в длину и принадлежали, несомненно, таким же супергигантским кальмарам.

"Морской епископ"

Самое большое удивление в этом богатом "улове" вызывает чешуйчатый кальмар. Не являлось ли случайное попадание этого странного моллюска на сушу, да еще в той или иной степени разложения, основанием для рождения средневековых мифов о морских рыцарях? И кто знает, не этот ли головоногий ответственный за появление фантастической истории о "морском епископе"? Тем более надо сказать несколько слов об этом епископском монстре, что некоторые авторы часто путают его с "морским монахом".

Пьер Белой и Гийом Ронделе оба рассказывали об этом странном создании. Ронделе пишет: "Я слышал о нем от доктора Жисбера, немецкого врача, который получил из Амстердама письмо, где утверждалось, что этот морской монстр в епископском одеянии появился в Польше в 1531 году. Он знаками показал королю, что хочет вернуться в море, и, когда его отнесли к воде, немедленно скрылся в волнах".

Мне кажется маловероятным, что "морскому монаху" послужил прототипом гигантский кальмар. Но такое предположение я не исключаю в случае с "морским епископом". Митра, продолжающая его туловище и голову, удивительно похожа на оконечность тела моллюска. Развевающиеся полы плаща могли быть навеяны плавательными щупальцами и складками мантии, опавший вид которой так поражает у вытащенных на берег кальмаров. Ноги могут соответствовать сократившимся ловчим рукам или щупальцам, оставшимся у искалеченного экземпляра. Правда, такое

предположение мне кажется слишком натянутым.

Но если эта наивная фигура не обязательно относится к одному из *Lepidoteuthis*, она могла иметь своим прототипом какого-нибудь другого изуродованного кальмара.

Самое смешное, что история о "морском епископе" после нескольких деформаций, неправильных переписок текста и особенно из-за "человеческого фактора" создала смесь необходимых ингредиентов для успеха у публики публикации в худших традициях американской журналистики. Вот в каких терминах о "епископе" рассказывает Р.-П. Фурнье в 1643 году в своей "Гидрографии". Несмотря на несовпадение дат событий, нельзя не узнать в нем рассказ Ронделе: "В Балтийском море, у берегов Польши и Пруссии, был пойман в 1433 году морской человек, по внешнему виду похожий на епископа, с митрой и крестом в руках, в плаще, напоминающем одеяние епископа. Он прислушивался к тому, что ему говорили, но не произнес ни слова. Королю, который хотел запереть его в башне, он жестами показал, что это ему не нравится, и священники обратились к королю с просьбой отпустить его в море. Он поблагодарил их жестами... Войдя в море по пояс, приветствовал священников и людей, собравшихся на берегу, благословил их, перекрестив, затем погрузился под воду и больше не появлялся".

В этом виде история была вписана епископом магистром Спондским в "Экклезиастические анналы". Счастье еще, что этот кальмар не был канонизирован.

Профессор Жубен призывает к доверию

Если вернуться к кашалоту "Принцессы Алисы", мы узнаем следы некоторых других древних легенд.

Кальмары, проглоченные прожорливым китом, похоже, оказали серьезное сопротивление агрессору. На его губах остались отметины в виде больших концентрических ран, очевидно оставленных присосками. Их вид

вызвал у принца Альберта довольно интересные ассоциации:

"Передо мной встала картина битвы морских гигантов на подмостках океанской бездны, куда гигантское млекопитающее спускается в поисках добычи... Это видение вызвало в моей памяти воспоминание о другом событии, которое произошло во время моего плавания в 1887 году на "Иррндель". Мы находились в центре Атлантики, направляясь к Азорским островам, когда увидели, как на горизонте из спокойной воды бьют фонтаны. Виновником этого чуда оказалось колоссальных размеров создание: голова его и верхняя часть туловища поднимались время от времени из воды и застыли как башня, в то время как хвост бичом хлестал по воде, поднимая мириады брызг.

Наконец море сомкнулось над исчезнувшим гигантом, но поверхность воды в том месте долго сохраняла вид белого покрывала, видимого с расстояния 8 километров, которое могло быть жидкостью или просто пеной от взбитой воды. Несмотря на все наши усилия, неблагоприятный ветер не позволил яхте приблизиться к этому пятну до того, как оно исчезло. И когда через несколько часов я все же добрался до того места, то обнаружил там голову огромного осьминога...

Не будет ли слишком смелым допустить, что я стал свидетелем того, как кашалот с гигантским осьминогом на голове поднялся на поверхность, чтобы стряхнуть своего врага?"

Этот рассказ принца показывает .в новом свете некоторые другие случаи, иначе их трудно понять или в них с трудом можно поверить.

Во-первых, прыжки кашалота, "у которого голова и тело поднималось из воды вертикально как башня", объясняют нам, почему Плиний описывал своего Физе-тера как "гигантскую колонну, поднявшуюся выше мачт корабля". С другой .стороны, величина вспененного пространства, видимая "с расстояния 8 километров", напоминает

китайский миф о ките "фег", который "может убить три тысячи моряков, если его рассердить". Наконец, ярость борьбы свидетельствует о силе голово-ногого, способного держать голову млекопитающего гиганта длиной больше 20 метров. Если судну такого же размера пришлось бы померяться силами с одним из них, не оказался бы он в затруднительном положении? Это свидетельство по крайней мере дает пищу для

размышлений. Профессор Луи Жубен, один из авторитетнейших океанографов, написал несколько комментариев, которые должны убедить его коллег стать менее недоверчивыми:

"В зоологической литературе можно найти кучу свидетельств, касающихся головоногих, одно неправдоподобнее другого. Они принадлежат и мореходам прошлых веков, и современным морякам. До сих пор ученые лишь пожимали плечами. Теперь, мне кажется, необходимо снова вернуться к ним и отнестись более внимательно, прежде чем отбросить. Описания, только что процитированные, принадлежат перу моряка и к тому же ученого-натуралиста. Они показывают, что эти игры природы абсолютно реальны, несмотря на всю свою фантастичность".

Мы еще не видели по-настоящему колоссальных кальмаров

Основанные на "истинной правде" легенды о кракене в начале XX века получили право войти в научную литературу: архитевтис стал океанографической звездой. Отныне тот, кого упрямо отрицали в течение многих веков, добился чести быть отмеченным "некрологом" в "серьезном" журнале. Тот, кого долгое время считали невероятным или абсурдным, невозможность существования которого была "доказана", скоро войдет во все учебники, что означает всеобщее признание. Но это происходит в виде; стереотипа, что несет определенную опасность. Подобным образом рожденные научные легенды иногда так же далеки от реальности, как и народные мифы. Мы были бы не правы, если бы об этом забыли.

Но супергигантский кальмар продолжает свою фантастическую карьеру в океанских глубинах, появляясь на поверхности редко и в разном виде. А по волнам зоологической литературы уже начал плавание другой кальмар, более скромных форм и размеров.

В конце прошлого века, в 1895 году, в Токийском заливе был выловлен небольшой экземпляр, около двух метров в длину, а в фьорде Трондхейм с интервалом в несколько месяцев в 1896 году на берег выбросились два архитевтиса. Их длина, включая щупальца, была 10 и 12 метров, а длина тел около 5,5 метра. Вероятно, это самые крупные экземпляры, найденные в Норвегии за последние несколько столетий. Но где же тогда те "чудовищные рыбы" прошлого, которые, если верить Олафу Магнусу, были в три раза больше? О их существовании мы знаем только из зашифрованных посланий.

В 1903 году пришла очередь норвежского парохода "Михаэль Сар", проводившего океанографические исследования, встретить севернее Фарерских островов плавающий по волнам труп архитевтиса. Сэр Джон Мюррей и профессор Йохан Хьорт, основываясь в основном на результатах работы исследователей с этого корабля, написали книгу, которая на долгое время стала библией океанографии, - "Океанские глубины" (1912). На с. 653 этой книги можно увидеть фотографию участка кожи кашалота, на котором ясно различимы круглые шрамы, оставленные присосками крупного кальмара. Некоторые - диаметром 2,7 сантиметра. Но совершенно несправедливо эта величина в научной литературе стала считаться рекордной.

В действительности это совершенно обычные и, скорее, даже средние размеры для присосок архитевтиса. Так у целой серии супергигантских кальмаров Новой Земли, изученных профессором Верриллом, самые маленькие экземпляры имели присоски больше 2,5 сантиметра. Нет повода для ликования, когда находишь присоски диаметром 2,7 сантиметра.

Каких размеров на самом деле могут быть присоски у самых крупных супергигантских кальмаров?

Опираясь на известные данные, опубликованные профессором Верриллом, мне удалось установить правило, выражающее с хорошим приближением отношение между длиной архитевтиса и величиной его присосок. Ошибка не превышает 10 процентов, что удовлетворяет требованиям нашего исследования. Вот это правило: "У архитевтисов с длиной тела, включая голову, n метров, диаметр самых больших присосок составляет n сантиметров".

Следовательно, у экземпляра Фимбл-Тикле, длиной 6 метров 12 сантиметров от задней оконечности тела до клюва, самые большие присоски должны иметь диаметр между 6 и 7 сантиметров. Это в два, если не в три раза больше, чем те, что приводятся в считающемся классическим труде. И наоборот, измерив присоску или ее след, можно прикинуть размеры тела кальмара. Эти расчеты открывают много удивительного, так

как известные шрамы, оставленные на теле китов присосками, часто имеют волнующие воображение размеры.

Так, обследовав во время китобойной кампании 1938 года 81 кашалота (67 самцов и 14 самок), британский зоолог Гаррисон Мэтьюз пришел к выводу: "Почти все самцы кашалотов несут на своем теле следы от присосок и когтей крупных кальмаров. Причем следы диаметром 10 сантиметров - довольно обычное дело".

Если бы Мэтьюз изучал головоногих, а не морских млекопитающих, он бы отнесся к подобному открытию с меньшим равнодушием. Действительно, по крайней мере на первый взгляд кажется, что открыто существование кальмаров с телом длиной 10 метров: тех же размеров, что и "чудовищные рыбы" Олафа Магнуса... По наблюдениям Гаррисона Мэтьюза, большинство архитевтисов, оказавшихся на берегу, меньше средней величины, во всяком случае меньше тех, кого иногда встречали кашалоты.

Какие объективные аргументы можно противопоставить этим выводам?

Круглые шрамы диаметром 45 сантиметров?

Сначала подумаем, не могут ли эти 10-сантиметровые шрамы быть следами ран, полученных в детстве и выросших вместе с животным? Если кашалот удваивает длину тела с детства до зрелости, шрамы могли претерпеть такое же изменение.

На самом деле это маловероятно, так как самые крупные шрамы часто так же ясно видны и, следовательно, так же недавно получены, как и маленькие. К тому же сомнительно, чтобы очень молодые кашалоты могли быть таким образом помечены. Мэтьюз подчеркивал, что следы присосок архитевтиса редко встречаются на теле самок, питающихся в основном мелкими головоногими. Если мы не можем достоверно утверждать этого о молодых китах (охота на них запрещена), у нас есть право предположить, что это справедливо и для них: они должны еще больше, чем их матери, опасаться крупных кальмаров. Правда, скоро мы увидим, что не всегда кашалоты нападают первыми. Но смог бы маленький кашалот выйти победителем из схватки с кальмаром, способным оставить на его теле следы присосок диаметром 5 сантиметров? Иначе говоря, может ли кашалот длиной 10 метров оказать сопротивление многорукому чудовищу, превосходящему его размерами? Моллюск, хотя и более легкий, чем его противник, в этих условиях имеет важное преимущество: ему не надо подниматься на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Если больших размеров шрамы мы находим только у взрослых самцов, не значит ли это, что только им одним удается выходить победителями и, следовательно, живыми из битвы с гигантскими кальмарами?

Более справедливо замечание, что кольцевые шрамы диаметром 10 сантиметров не обязательно могут быть оставлены архитевтисом. То, что они оставлены кальмаром, не вызывает сомнения. Это единственные головоногие с когтями по краям присосок, способными повредить кожу кита. Но не могли бы их оставить кальмары, у которых

присоски пропорционально больше по отношению к размерам тела, чем у архитевтисов? Есть такие в семействе ужасных *Ommastrephes*. Например, *Stenoteuthis caroli*. У него при длине тела, едва достигающей 80 сантиметров, включая голову, присоски имеют диаметр до 2 сантиметров.

Увы! Известные особи этого вида почти не превышают этих размеров. Предположение о существовании такого кальмара в пять раз крупнее - чтобы объяснить шрамы диаметром 10 сантиметров - оправдано гораздо меньше, чем допущение существования архитевтиса только в два раза больше известных размеров.

Некоторые китобои рассказывают о небывалых размерах круглых шрамов на теле кашалотов. Я приведу свидетельство только знаменитого натуралиста Айвена Сандерсона, который в поисках фактов для своей книги "В погоне за китами" перерыл все, что когда-либо было написано об этих животных. Вот что он пишет: "Самые большие следы на теле крупных кашалотов имели диаметр около 4 дюймов (10 см), но находили и шрамы диаметром больше 18 дюймов (45 см)! Эти очень интересные факты были вытасканы на свет, чтобы затем, к нашему величайшему сожалению, быть тщательно игнорируемыми. Зоологам понадобилось несколько столетий, чтобы признать существование кракена, а его размеры до сих пор кажутся нам шокирующими. Сама гипотеза о существовании в глубинах океана кальмара в пять раз крупнее представляется настолько преувеличенной, что сразу превратилась в табу".

Надо признать, в здравом уме и при самом большом желании трудно признать существование кальмара с длиной тела 45 метров. Его щупальца должны простираться на сто, да что я говорю, на 150 метров!

Вилли Лей в своей книге пишет, что он вроде бы имеет сведения о ранах, похожих "на следы от присосок больше двух футов диаметром" (60 см!). Я не знаю, где мой коллега добыл эту информацию, но я всегда верил, что это опечатка и надо читать "больше 2 дюймов диаметром", то есть больше 5 сантиметров. Но существует множество других свидетельств о 10-сантиметровых следах.

Закроем временно, из-за отсутствия удовлетворительного объяснения, досье безразмерных шрамов. Но дело еще рано считать решенным. Тем более что многие другие знаки свидетельствуют в пользу существования по-настоящему гигантских кальмаров.

Гигантский кальмар в апогее своей карьеры

Как бы то ни было, журналисты и писатели, охотники за сенсациями, не упустили своего шанса и хорошо поживились на открытии следов от присосок размером с детское серсо, в то время как учебники продолжали с упорством твердить об отпечатках величиной не более дюйма. Вся правда об этих морских созданиях останется для нас еще надолго, если не навсегда, недостижимой. Но океанографические экспедиции бороздят океаны все чаще, хотя и медленно, но проливая свет на таинственную жизнь обитателей больших глубин. После плодотворной работы "Экспедиции "Планктон", организованной в Атлантике фондом Гумбольдта, профессор Джордж Пфеффер из гамбургского Музея естественной истории в 1912 году опубликовал замечательную монографию, отметившую некоторый подъем гигантского кальмара в научном сознании. А ведь еще полвека назад он был только элементом скандинавского фольклора!

Сообщения о выбросившихся на берег архитевтисах или найденных фрагментах их тел стали обычным делом. Новости приходили со всех концов света. Но за пальму первенства по количеству свидетельств боролись Великобритания и Норвегия. Ньюфаундленд, бесспорный победитель конца XIX века, сдал свои позиции.

Между 1910 и 1912 годами два архитевтиса были найдены на Лофотенских островах и на острове Смола, около Трондхейма. Затем ни один год не проходил без подобных сообщений. В 1914 году годичный отчет ирландской китобойной станции на полуострове Бель-муллет поведал о хорошо сохранившемся экземпляре архитевтиса,

найденном в желудке кашалота. Длина его тела была 1,8 метра, а щупальцев - превышала 6 метров. Этот случай должен ободрить защитников легенды об Ионе - относительно возможности побывать в чреве кита.

21 ноября 1915 года, район Бергена. Норвежский рыбак из Аустрейма видит кальмара длиной 7 метров, дрейфующего по волнам в небольшой бухте. Но едва заинтригованный человек приблизился на расстояние вытянутой руки, как монстр выбросил ему навстречу одно из щупалец. К счастью, при этом присутствовал сосед рыбака. Он бросился на помощь, и вдвоем им после упорной борьбы удалось убить моллюска и отбуксировать его к берегу.

В 1916 году у побережья Трондхейма была зарегистрирована еще одна встреча с архитевтисом.

Затем смена декораций: 2 ноября 1917 года *Architeutis harveyi* выбрасывается на берег залива Ферт-оф-Форт в Шотландии. В 1918 году небольшой трехметровый кальмар пойман в Японии. В следующем году супергигантский кальмар снова появляется в Норвегии на острове Донна. В феврале 1920 года Великобритания отвечает объявлением о находке на острове Норт-Уист, на Гебридах. И в 1921 году уже на северной оконечности Шотландии, в Кейтнесе, другой суперкальмар кончает жизнь на берегу.

После этого "туристская" активность кальмаров спала на десяток лет, за которые были отмечены только два посещения норвежского берега - в 1927 и 1928 годах.

К этому моменту Норвегия вела со счетом 7:4, но Великобритания не сдавалась. Во всяком случае, когда 13 января 1933 года архитевтис снова заставил говорить о себе, новость пришла с восточного побережья Англии, из графства Йоркшир.

Архитевтисы чувствительны к охлаждению?

Так как кальмар, выбросившийся на берег в Англии, отличался от предшественников, Дж.-К. Робсон описал его под специальным именем *Architeutis clarkei*, в честь любителя-натуралиста У.-Дж. Кларка, первым . о нем

сообщившего. Тогда ведущий специалист Британского музея и попытался объяснить повторяющиеся появления архитевтисов на Ньюфаундленде их резким переходом из теплого течения Гольфстрим в более холодное Лабрадорское. Он считал, что разброс точек появления кальмаров у берегов Северо-Западной Европы "хорошо согласуется с этим предположением". Здесь Гольфстрим встречается с холодными течениями Ледовитого океана. Это объясняло бы тот факт, что кальмаров находили в Исландии и Норвегии, в Ютландии, на Шетландских островах, на Гебридах, в Ирландии, в Шотландии и на восточном побережье Англии.

Если посмотреть на карту океанских течений, то гипотеза профессора Робсона кажется вполне обоснованной. В каких районах сталкиваются течения с различными температурами? Кроме Большой банки у Новой Земли и северо-западного побережья Европы, уже упоминавшихся, это происходит у восточного берега Японии, где холодное течение Оясио встречается под прямым углом с теплым Куроисио; в области океана у Тасмании и Новой Зеландии, где околополярным течением отклоняется теплое западно-австралийское; скал Сент-Поль, где им же останавливается ответвление южного тропического течения; в субтропических водах Канарских островов - там холодное течение поднимается с глубины; наконец, у западного побережья Южной Америки, где рукав холодного течения Гумбольдта оттесняет теплое экваториальное течение, называемое рыбаками Эль-Ни-но, к берегам Перу с января по март.

Расположение этих критических зон совпадает с районами, где выбрасывались на берег супергигантские кальмары. Мне кажется особенно показательным появление гигантских моллюсков у Новой Зеландии. Пролив Кука, разделяющий Северный и Южный острова, соединяет море, охлаждаемое холодным течением, от моря, подогреваемого теплым. И именно в непосредственной близости от этого пролива были найдены все местные архитевтисы.

Трудно поверить, что простое изменение "климата" способно до такой степени вывести из строя этих великолепных пловцов, чтобы они не смогли добраться до более благоприятных климатических зон океана. Объяснение должно быть не так просто, как это себе представляет профессор Робсон.

Тайна массовой гибели

Во-первых, если архитевтис держится обычно слоев воды с определенной температурой, то совсем не потому, что она ему лично нравится. Перед всеми крупными морскими обитателями встает одна и та же проблема - пропитания. Чтобы удовлетворить огромные потребности в пище, они вынуждены плавать там, где наибольшая концентрация корма.

Моря имеют слоистую биологическую структуру. Когда исследователи спустились на батискафе к "глубинным слоям, отражающим свет", они, по выражению Ж.-И. Кусто, погрузились в настоящий "живой суп".

Совершенно очевидно, что фитопланктон может жить только в условиях достаточной освещенности, при совершенно определенной температуре и солености воды, и эти границы довольно узки. Различные животные, "пасущиеся" на этом плавающем лугу,- мельчайшие ракообразные, черви, крылатые (как бабочки), моллюски птероподы, крохотные медузы и множество других - составляют зоологический планктон, неразрывно связанный с первым. Рыбы - треска, сардины, макрель и т. д.- в свою очередь питаются этим планктоном и образуют своего рода огромные живые пласты. Для того чтобы пообедать, морским колоссам, вроде китов и голубых акул, достаточно погрузиться с открытой пастью в этот еще копошащийся бульон.

В зависимости от рода планктона, начального звена в этой пищевой цепочке, глубина, на которой устраиваются сообщества организмов, участвующих в ней, должна варьировать. Этим объясняется деление моря на слои с различной отражающей способностью.

Похоже, судьба архитевтиса связана со слоем с температурой примерно 10 градусов Цельсия, в котором сосредоточена его любимая добыча. Если по какой-либо причине кальмар выпадает из этой богатой для охоты территории, он оказывается в драматичной ситуации. Кроме того, внезапное вторжение бедного пищей холодного течения разбавляет концентрацию "живого супа". Перед бедным архитевтисом встает реальная угроза голодной смерти. Но и другая опасность подстерегает его.

Если животные редко погибают от изменения температуры, то совсем иначе обстоит дело с фитопланктоном. Убитый слишком резким скачком температуры или изменением' солености воды, он не только сам погибает, что лишает воду части вырабатываемого им кислорода, но внезапно исчезают и все обычно его сопровождающие существа. Они погибают в свою очередь и так далее по цепочке. Короче, разорванная в одном месте пищевая цепь приводит к массовой гибели. Мириады трупов опускаются на дно. Разлагаясь там, они поглощают кислород, растворенный в воде, и выделяют сероводород, очень токсичный газ. Тот, кто хоть раз нюхал тухлое яйцо, знает этот запах. Смертельный газ быстро отравляет последних оставшихся в живых, даже если они такие огромные и сильные, как киты.

Конечно, степень катастрофы зависит от обстоятельств - быстрое течение или медленное, залив или открытое море,- которые могут способствовать длительному застою воды. В некоторых районах земного шара периодически происходит массовая гибель морских организмов. Так почти каждый год - в декабре-январе волны выносят тонны мертвой рыбы на пляжи Уолфиш-Бей на побережье Юго-Западной Африки. Случаи выбрасывания на берег гигантских и супергигантских кальмаров составляют часть таинственной и сложной проблемы массовой гибели некоторых морских зверей и рыб. Но начало этого процесса должно быть связано с аномальными колебаниями температуры или солености воды, вызывающими гибель части фитопланктона.

Супергигантский кальмар острова Йе

Почти через год после того, как в Англии на берег выбросился один из архитевтисов, этот моллюск снова заявил о себе на Ньюфаундленде. В конце декабря 1933 года небольшой кальмар этого вида был пойман в Дилдо, в заливе Трините. Его общие размеры не превышали 6 метров, а длина тела - трех. Весил он почти четверть тонны (570 англ. фунтов).

В том же году газета "Ивнинг телеграм" в номере от 21 декабря сообщила о выбросившемся на берег кальмаре длиной 11 футов (3,4 м). В том же номере газеты старый капита'н Кейн рассказал, что полвека назад видел мертвого кальмара длиной 72 фута (22 м).

Летом 1935 года у берегов Франции, почти напобтив острова Йе, рыболовной шхуной был выловлен средних размеров *Architeuthis harveyi*. Мы обязаны препаратору научной лаборатории отдела морского рыболовства Ла

Рошели господину Ж. Кадена рассказом об обстоятельствах этой поимки: "8 июня 1935 года в Гасконском заливе с глубины почти 200 метров был поднят на борт шхуны "Паломб" гигантский кальмар. Его общая длина, от конечности хвоста до кончиков ловчих щупальцев, оказалась 8 метров. Погода стояла пасмурная, но сети можно было забрасывать. Надо заметить, что это легкое затишье последовало за длинным периодом плохой погоды.

Никто из членов экипажа шхуны, включая "морских волков", уже давно выходивших в море на лов трески к банкам Ньюфаундленда, где о гигантских кальмарах говорили давно, не видел еще такого крупного экземпляра. К несчастью, до того как его решили отправить в Ла-Рошель, он пролежал на палубе почти 48 часов и, когда мы его обследовали, он не был уже в хорошем состоянии".

Полная длина животного оказалась 8 метров 18 сантиметров (из них 6 м 45 см приходилось на щупальца и 1 м 73 см - на тело и голову). Хотя он и показался огромным "морским волком" со шхуны, но для архи-тевтиса это, скорее, средние размеры.

Кадена, напомнив о пойманных и выбросившихся на берег архитевтисах, замечает, что все эти случаи произошли в прохладных водах. В своих записках он не упоминает о гигантских моллюсках Норвегии, Ирландии, Шотландии, Шетландских островов, Гебридов, Англии, Японии, острова Сент-Поль и Новой Зеландии, но выводы его остаются справедливыми. Ни один супергигантский кальмар не появлялся ниже 35-го градуса северной или южной широты.

А нет ли связи между этим правилом, спрашивает Кадена, и тем фактом, что в 1935 году температура в Гасконском заливе была особенно низкой? Этот вопрос не лишен оснований. Возможно, для того, чтобы в рыбацкие сети попался архитевтис у берегов Вандеи в разгар лета, вода должна была быть более прохладной, чем обычно.

Последние новости о титане

После этой чудесной рыбалки "матч" Норвегия - Великобритания возобновился с новой силой. Скандинавы все еще были впереди, счет 7:5. Но 7 ноября 1937 года гигантский кальмар был пойман в Восточной Шотландии,

в заливе Белл-Рок. А в 1938 году, в октябре, еще один, длина около 5 метров, щупальца с руку человека, выбросился на берег Англии. Правда нашедший его рыбак разделал моллюска на куски, чтобы использовать в качестве приманки для ловли трески, но сохранил клюв. Еще одна счастливая случайность.

Великобритания наконец сравняла счет. Но в следующем году Норвегия опять вышла вперед. На Лофо-тенских островах кальмар выбросился на берег. А затем разразилась вторая мировая война и положила конец сообщениям о супергигантских моллюсках. Норвегия закрепила свое лидерство в 1946 году, когда два архитевтиса появились один в Линдхолмене, другой в заливе Вике. Длина их тел не превышала 2 метров, общая длина второго, включая щупальца, была 9 метров 35 сантиметров.

В сентябре 1948 года Великобритания сократила разрыв с помощью кальмара длиной 8,5 метра из австралийской провинции Виктория. Впервые этот го-ловоногий появился в самой Австралии.

Через год Норвегия восстановила разрыв благодаря экземпляру, выбросившемуся на берег в фиорде Хар-дангер. Но тут же Великобритания совершила блестящий рывок. В октябре 1949 года, уже во второй раз, архитевтис объявился на пляже одного из Шетландских островов. И опять его тело было растащено местными рыбаками на приманки. Но клюв, подобранный д-ром Петерсоном, был отослан в Шотландский королевский музей в сопровождении описания и грубого наброска животного.

Утром 30 ноября того же года другой кальмар был найден у хижины местного рыбака в бухте Нигт (графство Абердин) в Шотландии. Когда его увидели, он был еще жив и конвульсивно цеплялся за прибрежные камни. Его общая длина не превышала 5 метров 87 сантиметров, но Он был в прекрасном состоянии и - о чудо! - рыбаки на этот раз сообщили о находке в морскую лабораторию Абердина. Это позволило Беннету Раи сделать и опубликовать прекрасные фотографии и тщательно изучить моллюска, который, несмотря на свою небольшую величину, весил более 100 килограмм.

Наконец, 14 декабря 1951 года уже полуразложившиеся останки *Architeuthis harveyi* волны выбросили на скалистый берег Восточной Шотландии. Его не сразу нашли, а когда до него добрались, он был уже в жалком состоянии. Но все же удалось измерить длину его туловища с головой, которая составила около 2 метров.

В 1953 году новое появление гигантского кальмара было отмечено в фиорде Хардангер. А в 1954 году еще два архитевтиса были найдены в фиорде Трондхейм, там же, где четверть века назад уже появлялся их собрат.

Первый из этих монстров явился 30 июля. Ужасный мертвый моллюск длиной 7,5 метра попался в рыбацкие сети. Возможно, он погиб, попав в ядовитые выбросы местной бумажной фабрики, расположенной на берегу. Увы, животное было уже серьезно повреждено, когда попало в руки ученых.

Второй кальмар был замечен 2 октября в том же районе. Его тело плавало на поверхности воды. Из-за близости фабрики его сначала приняли за большой лист бумаги. Но когда его наконец вынесло на берег, один из рабочих понял, что это за животное. Сразу же позвонили в музей Трондхейма, но из-за наступления темноты его службы не смогли в тот же день принять этого странного посланца из царства Нептуна. На следующий день д-р Эрлинг Сивертсен с помощниками был на месте и с удовлетворением констатировал, что животное прекрасно сохранилось. Это оказался экземпляр общей длиной 9 метров 24 сантиметра с ловчими щупальцами в 7 метров 10 сантиметров.

Но самые крупные гигантские кальмары нашего столетия были найдены не на пляжах и прибрежных скалах, а в желудках кашалотов!

Так 12 июня 1952 года в утробе одного из этих китов, загарпуненного у Мадейры, оказался гигантский кальмар длиной 10 метров 35 сантиметров и весом 150 килограмм. Кашалот его проглотил целиком и, наверное, живьем!

Этот рекорд по глотанию был вскоре побит. Четвертого июля 1955 года Роберт Кларк присутствовал на Азорских островах при разделке 14-метрового кашалота. В его желудке нашли нетронутого архитевтиса почти такой же длины: 10 метров 50 сантиметров вместе со щупальцами. Его вес был 185 килограмм!

Откуда такие гигантские щупальца

Одна вещь поражает, когда изучаешь супергигантских кальмаров, собранных во всем мире с начала нынешнего века - это относительно небольшая длина тела. Пять метров можно считать уже исключением. В среднем она около 3,5 метра. У большинства экземпляров длина туловища без головы от 1 до 2 метров.

Если экс-кракен все больше становится реальностью, о возможности существования которой теперь не спорят, то относительная малость известных

представителей этого вида, собранных за полвека, вынуждает ученых снижать его возможные размеры. Уже пошли разговоры, что самые крупные из кальмаров Ньюфаундленда - это исключения, почти миф. Кое-кто пошел дальше, и появились заявления, что измерения были произведены неправильно. И все же по многим признакам ясно, что это далеко еще не чемпионы. В научных работах и учебниках с удивительным единодушием утверждается, что "архитевтисы могут достигать длины 17 метров", и ничто не указывает, что это предельные размеры.

Не будем вспоминать ни о 15-метровых "чудовищных рыбах" Олафа Магнуса, правдоподобность которых спорна, ни о кальмаре длиной 18 метров (без щупальцев), который на глазах Франка Буллена сражался с кашалотом, ни о еще более крупных моллюсках с Лабрадора. Спишем эти случаи на слабое зрение или преувеличение. Оставим в стороне пока и косвенные доказательства, такие, как огромные шрамы на телах кашалотов. И даже тогда в нашем распоряжении остаются не менее убедительные вещественные доказательства в пользу нашего гиганта. Какому еще титаническому монстру могут принадлежать куски древоподобных щупальцев, которые китобои часто находят в желудках кашалотов?

Напомним, д-р Шведиавер говорил о щупальце длиной 8 метров 20 сантиметров, "толщиной с мачту корабля"; капитан Бенъонсон - о длине 10 метров 65 сантиметров и толщине с основание мачты; капитан Рейнольде - о щупальце длиной 13 метров 70 сантиметров и диаметром 75 сантиметров и т. д.

Можно ли просто отбросить эти свидетельства? Это было бы абсурдно. Нет никаких оснований не доверять им больше, чем рассказам рыбаков и пастухов с Ньюфаундленда, на словах которых базируются многие описания профессора Веррилла. От двенадцати из девятнадцати архитевтисов, найденных на Ньюфаундленде и Лабрадоре, не осталось ни одного кусочка. Они существуют только на честном слове.

А раз так, надо честно рассматривать с равным правом и вышеперечисленные случаи, тем более что они подтверждают друг друга.

Существуют ли тридцатишестиметровые кальмары, не считая ловчих щупальцев.

Сразу скажем, что в большинстве случаев речь, скорее всего, идет не о ловчих щупальцах кальмаров, длина которых часто превышает 10 метров. Толщина их одинакова по всей длине (за исключением, конечно, заостренных концов, которые легко отличить) и у самых больших исследованных образцов не превышает толщину человеческой руки. Почти во всех случаях речь идет о "руках".

Экстраполируя эти размеры, можно подсчитать общую длину чемпиона Фимбл-Тикле, туловище с головой которого были 6-метровой длины. Если, как думает профессор Веррилл, это был *Architeuthis princeps*, у него должны были быть руки длиной около 6 метров и толщиной 25-30 сантиметров в основании.

Если предположить, не без сомнений, надо признать, что огромные щупальца из желудков кашалотов также принадлежат кальмарам вида *Architeuthis*, какие размеры должны мы приписать тому, кому принадлежали самые толстые обрубки?

У *Architeuthis har-veyi*, самого коренастого из всех, руки меньше или равны длине туловища, в то время как у *Architeuthis princeps*, самого "длиннорукого" из кальмаров, кальмара "самой большой морской рыбой", а кракен является самым крупным животным на Земле.

Не пора ли наконец признать, что монстр такого веса и силы способен нарушить равновесие парусного судна водоизмещением до 50 тонн, если навалится на борт? А именно таким был тоннаж самых больших древних норвежских судов.

Я не прошу читателей слепо верить в рассказы моряков, склонных к хвастовству, - я призываю подумать о простой механической задаче.

Заметим, что, за исключением случая с "Перл", в рассказах мореходов никогда не утверждалось, что головоногий перевернул крупный корабль: речь всегда шла об опасности этого. Что касается потопления 150-тонной "Перл", если оно действительно

было, то здесь, скорее всего, произошло внезапное смещение балласта, вызванное креном судна при нападении моллюска.

Худшего можно избежать, если немедленно оказать сопротивление монстру. Моряки, которые активно защищались топорами, ножами и абордажными саблями, разрубая его щупальца, почти всегда одерживали победу над чудовищем. Таким образом, несмотря на то, что нападение супергигантского кальмара на корабль это самое ужасное зрелище в мире, оно случается исключительно редко и его можно отразить.

Настало время спросить: почему крупные головоногие бросаются без предупреждения на корабли?

Снова плот - с "Британии"

Абсурдно отрицать агрессивность таких активных хищников, как кальмары. Редко кто из рыбаков, которым доводилось помериться силами с кальмаром даже среднего размера, не скажет вам, что это страшный противник, кровожадность которого даже выше, чем у акул. В 1940 году члены океанографической экспедиции Михаэля Лернера ловили кальмаров вида *Ommastrephes gigas* у побережья Перу. Эти головоногие могут достигать 4 метров в длину и 150 кг веса. Самые крупные из пойманных Лернером и его товарищами не превышали 2,5 метра и 50 килограмм. Однако это не рыбалка, которую можно посоветовать для воскресного отдыха. Этим морским демонам удавалось ударом клюва перерубать самые толстые стальные тросы, используемые

для ловли, или вырывать целые куски дерева из багров, которыми их втаскивали на палубу. День и ночь они крутились вокруг приманок, но если кто-нибудь из них был ранен, остальные набрасывались на несчастного и раздирали его на части.

A *Ommastrephes* - карлики по сравнению с *Archi-teuthis*. И хотя все говорит за то, что они свирепее и подвижнее последних, аппетиты их должны быть пропорциональны размерам тела. С точки зрения жертвы один другого стоит.

Нельзя пренебрегать опасностью, которую представляют супергигантские кальмары для человека. Пример тому - случай спасшихся пассажиров транспорта "Британия", перевозившего войска во время второй мировой войны. "Британия" была потоплена 25 марта 1941 года германским рейдером "Санта-Крус" в самом центре тропической Атлантики, на полпути между Бразилией и Гвинеей. Двенадцать человек, среди которых был лейтенант Дж. Кох, избежали немедленной смерти и оказались на крохотном спасательном плоту в открытом океане. Все они не могли на нем поместиться и вынуждены были отдыхать по очереди; остальным приходилось плавать рядом, держась за плот руками. Однажды ночью крупный кальмар обвил одного из находившихся в воде щупальцами и рывком оторвал его от плота. Несчастный скрылся под водой и больше не появился.

Трудно представить весь ужас, который охватил оставшихся. Он еще больше усилился, когда лейтенант Кох в свою очередь подвергся нападению. Он почувствовал, как его ногу обхватило огромное щупальце, причинив острую боль. По неизвестной причине монстр почти сразу же отпустил свою жертву. Но хотя хватка была коротка, этого времени оказалось достаточно, чтобы нанести лейтенанту серьезную рану. Своими когтистыми присосками кальмар оторвал у него от ноги круглые куски кожи и мяса величиной с монету.

По этим следам можно определить размеры кальмара. Это должен был быть архитевтис с телом размером с человека, общей длиной около 7 метров. Некоторые *Ommastrephes* в три раза меньших размеров могут оставить такого же размера раны, но сомневаюсь, что им удалось бы утащить человека.

После пяти дней, проведенных в воде,- за это время большинство обитателей плота умерли - троих, оставшихся в живых подобрал испанский пароход. Среди них был и лейтенант Кох. Через два года после случившегося его раны осмотрел

английский биолог Джон Томпсон. Еще и сегодня круглые шрамы на ноге британского офицера напоминают об ужасной атаке, жертвой которой он стал.

Найдут ли в себе наши кабинетные эксперты мужество разыскать героя этого приключения и заявить ему со своей обычной безапелляционностью, что истории о нападении кальмаров на человека - это только сказки для впечатлительных дам?

Атака с пикирования или неудачное падение?

Все случаи нападения больших кальмаров зарегистрированы в тропической зоне океана, то есть там, где кальмары никогда не выбрасывались на берег. В этом нет никакого противоречия, даже наоборот. Архитевтисам в тропиках, даже если на какой-то глубине они попадут в более холодный слой воды, серьезная опасность не угрожает. Поднимаясь к поверхности, они легко найдут для себя благоприятные условия (температуру +10°). Только там, в самых выгодных для них условиях, они могут показать себя во всей красе. Еще отметим, что появление супергигантских кальмаров в хорошей спортивной форме отмечено в районах, где холодные течения подходят к самой поверхности, - здесь они и могут найти свои любимые +10°.

Подтвердило это и плавание "Кон-Тики" в водах холодного течения Гумбольдта в тропических районах Тихого океана: "Не раз около плота, - рассказывал Тур Хейердал, - из глубины внезапно появлялись круглые, фосфоресцирующие глаза и глядели на нас не двигаясь. Нашими гостями были гигантские спруты" (читайте "гигантские кальмары").

Путешественники на "Кон-Тики" так часто встречались с кальмарами потому, конечно, что использовали самый бесшумный и не беспокоящий морских обитателей вид транспорта. В наше время современных винтовых кораблей все меньше остается надежд, что удастся приблизиться к морским монстрам, вроде супергигантских кальмаров, или их кузенам осьминогам, существам "агрессивным, но осторожным", "со скрытым характером" (проф. Робсон). Даже те два парусника, подвергшиеся нападению в конце XVIII века, были неподвижны: первый стоял на якоре, второй был остановлен штилем. В таком же положении была и шхуна "Перл". В случае с кораблем капитана Денса моряки, висевшие на канатах почти у самой воды и выполнявшие ремонтные работы, скорее всего, послужили приманкой для монстра, так же как и несчастные с "Британии". Что касается случаев явного нападения кальмаров на сами корабли, то не могла ли в этих случаях идти речь о случайных столкновениях?

Японский зоолог Кацуя Таго сообщил в 1937 году, что крупный кальмар, длиной 20 футов (6 м), набросился на рыболовное судно около Кинказана.

Кальмары могут совершать впечатляющие прыжки из воды, им удастся иногда даже запрыгивать на палубы кораблей. И, конечно, падение живого болида в несколько сот килограмм может причинить некоторые повреждения. А если это архитевтис в несколько тонн весом? Не будет ли серьезно повреждено даже солидное судно?

Поэтому, кажется, права мисс Джойс Аллан, хранительница секции моллюсков Австралийского музея в Сиднее, когда пытается - а для этого надо иметь некоторое мужество - подвести фундамент под легенду о нападении спрутов на морские суда: "...надо представлять себе, что раньше корабли были гораздо меньше и медленнее современных и их палубы были ближе к воде. Поэтому, если какой-нибудь гигантский кальмар внезапно выпрыгнет из воды, как реактивный снаряд, и навалится на борт корабля всем своим весом, можно допустить, что судно может и перевернуться".

Танкер атакован кальмаром

Не будем, однако, все время говорить о случайности. Откровения капитана норвежского военного флота Арне Гронингсатера в научном журнале "Натюрен", возможно, дают нам ключ к решению загадки. Офицер рассказал, как нефтеналивной танкер водоизмещением 15 тысяч тонн и длиной 150 метров, которым он командовал, подвергся нападению гигантских кальмаров в Тихом океане.

"Когда мы ходили между Гавайскими островами и Самоа, - рассказывал

норвежский капитан,- наш танкер был три раза атакован гигантским кальмаром, и каждый раз он действовал одним и тем же образом".

С высоты мостика капитан мог легко проанализировать технику нападения, которую использовал его необычный противник. Двигаясь параллельно кораблю со скоростью 30-40 км/час, животное вскоре обгоняло его, идущего со скоростью не более 12 узлов (19 км/час). Когда расстояние между ними достигало примерно 50 метров, моллюск разворачивался, описывая дугу, и бросался прямо на корабль примерно в трети от носа. На глубине 4-5 метров он вцеплялся в корпус. Но ему не удавалось закрепиться на скользкой, гладкой металлической поверхности и моллюск мало-помалу сползал к корме, пока не попадал под винт.

Капитан Гронингсатер объясняет эти повторяющиеся атаки на корабль постоянной враждой между кальмарами и кашалотами. Архитевтис принимал корабль за своего врага и хватал его примерно в трети от носовой части, где удобнее и надежнее всего можно схватить кита. Именно в этом месте у кашалота находится выступающий горб.

Надо сказать, что размеры самых крупных китов - 25 метров - намного меньше 150-метрового танкера. Но надо заметить, часть корпуса, видимая под водой, не так значительна, как поверхность всего корабля.

С другой стороны, у морских животных сам вид добычи редко вызывает реакцию агрессии. У акул, например, аппетит стимулируется в основном запахом: запах крови превращает их в убийц. У барракуд, этих <<морских щук" Антильских островов, агрессивность вызывается скоростью жертвы - примерно около 29 км/час, - с которой движутся рыбы, которыми они питаются. Барракуду можно ловить на приманку любой формы, размеров, цвета, лишь бы она двигалась со скоростью 29 км/час.

Возможно ли найти стимул подобного рода для кальмаров? Может быть, это скорость 19 км/час - крейсерская скорость кашалотов (известно, что преследуемый или яростно атакующий кашалот может развивать скорость и до 32 км/час). Неудивительно тогда, что шум винтов не отпугивает атакующего архитевтиса. Только существование рефлекторного механизма, сравнимого с тем, который управляет акулой и барракудой, может объяснить это безразличие к таким чуждым морю вибрациям.

Гигантские кальмары нападают на свою жертву (или на то, что они за нее принимают), когда находят ее в неподвижности и принимают за уснувшую или если она движется с не очень большой скоростью, как прогуливающийся кит. Явно непреодолимый импульс бросает их на объекты, размеры которых зачастую гораздо больше собственных, со всеми фатальными последствиями. Ведь у кашалотов есть мощные зубы, а у кораблей - острые стальные винты.

Некоторые из семи: покровов с тайны сняты

Итак, подведем итоги. Почти не вызывает сомнений тот факт, что архитевтис обитает обычно в слоях океана с определенной температурой. Но для удовлетворения непомерного аппетита он вынужден постоянно перемещаться. Чтобы все же не выйти из предпочитаемой окружающей среды, своего ареала, как говорят зоологи, он должен следовать за океанскими течениями, менять глубину по мере охлаждения или потепления воды. (Это, в конце концов, делает кальмаров почти космополитами, но и очень ограничивает районы океанов, где они появляются близко к поверхности.) Но если вне тропиков они внезапно попадают в холодное течение или если их уносит ответвлением течения, которое, постепенно охлаждаясь, пропадает, они оказываются в критическом положении. Влекомые инстинктом к поверхности, надеясь попасть там в более теплую воду, они не находят зон, где водится их добыча. Над ними нависает угроза голода. Там, где встречаются течения с большим перепадом температуры, угроза их жизни становится прямой, потому что погибшие и разлагающиеся организмы отравляют воду вокруг. Этим объясняется и относительно частое выбрасывание их на берег, и то, что это происходит в одних и тех же, близких к полярным районам океана.

С другой стороны, огромные размеры, возможно намного большие, чем известные измеренные и описанные, и кровожадность этих хищников превращают их в опасного противника для любого живого существа, включая человека. Сопротивление, которое они оказывают кашалотам, самым крупным плотоядным земли, имеет достаточно свидетельств. Из всего вышеизложенного следует, что районы, где человек может встретиться с супергигантским кальмаром, крайне ограничены. Архитевтисы - глубоководные животные и не должны приближаться к берегу, разве только мертвыми. А в тропических районах, в открытом океане, где они иногда появляются на поверхности, не очень часто встречаются одиночные пловцы - только жертвы кораблекрушений, уцепившиеся за обломки корабля.

Иногда в тропиках кальмар может броситься и на корабль, приняв его за своего главного врага - кашалота. Но такое нападение чаще всего должно оставаться незамеченным для современных кораблей, палубы которых высоко подняты над водой.

Таким образом, если бы не особенная чувствительность кальмаров к изменению температуры и отравленным мертвым зонам, никогда гигантский кальмар не выплыл бы на поверхность, а кракен - из тумана легенды.

Теперь мы знаем, что они существуют, мы знаем, какой они формы, и нам известны размеры некоторых из них. Мы считаем, что можем различить среди них, по довольно бедным материалам, несколько видов, хотя не можем уверенно указать их половые различия. И нам совсем неизвестны их максимальные размеры. По правде говоря, мы не можем уверенно утверждать, что они являются самыми крупными головоногими на Земле! Об их повадках, скорости передвижения, путях миграции, способах охоты, методах маскировки, питании, размножении, развитии и возрасте, стадном чувстве и других аспектах их жизни мы лишь догадываемся, здесь мы находимся на уровне гипотез, более или менее точных экстраполяции, то есть почти полного незнания.

Фантомы, горгоны, вампиры, вурдалаки - вот кем они всегда были и останутся для нас, наверное, навсегда,- несмотря на обрубки щупальцев, мало похожие на останки живого существа, которые мы храним в заспиртованном виде, несмотря на высушенные челюсти, лежащие на пыльных полках музеев, тщательно пронумерованные и описанные. В наших кошмарных снах эти гигантские щупальца извиваются, ползут, колышутся и медленно душат нас; к нам прилипают ужасные присоски с когтями по краям; их крючковатые кяювы вгрызаются в нашу печень бедных Прометеев, слишком безумных, чтобы воздержаться от проникновения в тайны океанских богов.

НЕЗАКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ КОЛОССАЛЬНОГО СПРУТА

А как же гигантский осьминог, спросите вы. В предыдущих главах каждый раз, когда вставал вопрос о чудовищном спруте или колоссальных размеров осьминоге, животное после анализа текстов оказывалось кальмаром. Значит ли это, что в природе не существует гигантских осьминогов?

Во всяком случае, именно к этому выводу склоняются многие исследователи. Откройте любой учебник зоологии, любую энциклопедию по естественной истории, научно-популярную книгу - вы везде найдете одно и то же: кальмары могут достигать значительных размеров, а гигантские осьминоги существуют только в романах. Посмотрим!

Я приведу только один пример - отрывок из книги блестящего американского натуралиста Н.-Дж. Веррилла "Живой поток": "Осьминоги обычно не вырастают больше 7-8 футов (2,1 - 2,4 м) в длину, а их щупальца не превышают 3-4 футов (90 см - 1,2 м). Кальмары - другое дело. Среди них есть и малыши, и такие, которые способны противостоять гигантским китообразным, пусть даже только в том, чтобы не стать их обедом. Самые крупные из известных достигают общей длины 50 футов (15 м). А следы от их присосок на телах китов показывают, что они могут быть и в три раза

больше".

Таким образом, что не совсем обычно для профессионального зоолога, Веррилл не колеблясь признает существование, к тому же по большей части гипотетическое, кальмара длиной 45 метров. Напротив, осьминогам он оставляет размеры намного меньше даже истинных, должным образом проверенных.

На место средневековых мифов о кракенах в наши дни пришли "научные легенды".

Рассказ Николаса, человека-рыбы

Намеренно, чтобы не затемнять еще больше и так сложную проблему истории гигантских головоногих, я оставил в стороне акты, которые относились, без сомнения, к осьминогам.

Но теперь пришло время снова к ним вернуться. Еще с Плиния ведет начало путаница между осьминогом и кальмаром,- но не будем взваливать всю ответственность на римского историка. На самом деле он, говоря о *polypus monstrosus*, имел в виду некоего многоногого монстра, а это название может быть применено к любым головоногим. Во времена Плиния правила зоологической таксономии не были еще зафиксированы, и нельзя его упрекать за это высказывание.

Мы вернулись, что касается осьминогов, к нашей отправной точке гомеровской легенде об ужасной Сцилле. А она была, бесспорно, осьминогом. И обитала в подводной пещере, что обычно для этого прибрежного головоногого.

Конечно, нельзя, основываясь только на гомеровском тексте, делать далеко идущие выводы о размерах этого головоногого, способного схватить и утащить человека с палубы корабля. Но не примечательно ли, что именно в Мессинском проливе обитала эта Сцилла, откуда почти через два тысячелетия после Гомера снова пришло сообщение о присутствии там огромных осьминогов?

Причем наш источник информации сам является легендарной личностью. Это сицилийский ныряльщик XII века, по имени Николас, который за свое непревзойденное искусство получил прозвище Николас-рыба. Его слава была так велика, что многие средневековые авторы, а затем и писатели эпохи Возрождения упоминали его имя в разных вариациях.

Одним из самых громких подвигов Николаса было обследование пучины у Сциллы по приказу короля Роджера Сицилийского (скорее всего, Роджера II, правившего с 1101 по 1154 г.).

Человек-рыба совершил беспримерное погружение в Мессинском проливе и описал враждебный и ужасный подводный мир: "...я видел полчища ужасных осьминогов, облепивших подводные скалы. Вцепившись в них одними своими руками, другими они тянулись во все стороны, и это зрелище показалось мне самым кошмарным в этой бездне. Среди монстров я видел существо с телом больше чем у человека, щупальца которого были длиной не менее 10 футов (3 м). Я не сомневаюсь, что, если бы они меня тоже увидели, я погиб бы страшной смертью в их объятиях..."

Но и это свидетельство долго не привлекало внимания недоверчивых зоологов.

Осьминог Наполеона и Жозефа ле Бико

Падкий на все, что касалось гигантских осьминогов, Пьер Дени де Монфор не мог пропустить историю Николаса-рыбы. Он и сам привел свидетельство такого же рода, но относившееся к его времени: "...один венецианский рыбак, прекрасный ныряльщик, однажды был так напуган подводными монстрами, встреченными им на глубине, что не мог больше спускаться под воду из-за страха быть схваченным ими.

Больше чем уверен, что именно вид особо крупных осьминогов так напугал ныряльщика. Я тоже слышал подобную историю из уст очевидца похожего происшествия. История в некотором роде криминальная, но из-за большого срока давности (она произошла в 1925 году) считаю возможным, никого не предавая, назвать истинные имена участников.

В то время один мой знакомый рыбак, Жозеф ле Бико, отправился со своим другом, водолазом по имени Наполеон, на ловлю морских ежей. Охота происходила на глубине 15 метров. Этот промысел очень прибылен, но он запрещен, так как на такой глубине морских ежей можно "грести лопатой" и быстро опустошить прибрежную зону. Бико стоял на насосе, а Наполеон работал в скафандре на дне. Прошло еще очень мало времени после начала погружения, а водолаз уже рывками сигнального шнура требовал как можно быстрее поднять его на поверхность. Когда Бико снял медный шлем с головы товарища, он увидел его бледное лицо и услышал заикающийся голос. Оказалось, что Наполеон столкнулся нос к носу с хранителем подводных богатств огромным осьминогом "с большими, как у коровы, глазами"!

Моллюск не сделал ни одного жеста, чтобы схватить водолаза, однако одного его вида хватило, чтобы Наполеон уже никогда больше не осмеливался погружаться под воду в этом районе моря. С того дня и Жозеф ле Бико навсегда попрощался с водолазным снаряжением, которое он иногда надевал, чтобы помочь другу. Эти средиземноморские рыбаки были прекрасно знакомы с осьминогами и обычно не пугались, даже если те были значительных размеров: они могли голыми руками поймать экземпляр весом 10 килограмм и трех метров в поперечнике. Значит, встреченное животное было выдающейся величины!

Читателя, привыкшего в приключенческих романах встречаться с осьминогами, у которых глаза "размером с блюдце", трудно взволновать описанием Наполеона. Но авторы этих романов чаще всего в глаза не видели осьминога. Глаза у этих моллюсков выпуклые, но, скорее, маленькие, как у лягушки или... у коровы. Вот так. Здесь возможна ошибка из-за путаницы между осьминогами и кальмарами, которые действительно имеют глазные яблоки непропорциональных размеров. У осьминогов поражают не размеры глаз, а пронзительность взгляда. Взгляда подвижного, внимательного и разумного, так непохожего на безразличный, фиксированный, холодный взгляд рыб. Короче, чтобы иметь "большие, как у коровы" глаза, осьминог должен обладать действительно необычными размерами.

Точнее сказать трудно. Не будем забывать, что под водой все предметы кажутся примерно на треть больше, чем в действительности. Страх может заставить забыть о необходимости этой поправки и даже стать причиной преувеличения.

Внушительные осьминоги Средиземного моря

С момента выхода в свет замечательной работы Жана-Батиста Верани "Головоногие Средиземного моря" мы получили более или менее точные сведения о размерах, которых могут достигать его осьминоги: "Самый большой осьминог, которого я когда-нибудь видел,- пишет директор лаборатории естественной истории в Ницце,- достигал 3 метров в длину и 25 килограмм веса: один старый рыбак встретился с ним прямо у мола в порту и поймал голыми руками,- правда, ему пришлось потрудиться.

В этом районе моря 15-килограммовые осьминоги не являются большой редкостью, а 10-килограммовые вообще обычное дело".

Поскольку здесь речь идет об осьминоге вида *Octopus vulgaris*, у которого голова занимает шестую часть общей длины, рекордсмен Верани должен был иметь щупальца длиной 2,5 метра и, следовательно, размер в окружности около 5 метров.

Несмотря на это бесспорное свидетельство уважаемого естествоиспытателя, мы знаем, что д-р Шену семь лет спустя утверждал в своей "Зоологической энциклопедии", что "крупные осьминоги водятся только в Тихом океане", где они "достигают 2-метровой длины"! Нет пророков в своем отечестве, даже в царстве спрутов!

А может ли быть побит рекордсмен Верани? Или его размеры можно считать предельными для вида *Octopus*? Если верить постоянно циркулирующим слухам, существуют действительно огромные экземпляры этих осьминогов, и я хотел бы найти бесспорные доказательства встречи с ними и особенно факты поимки их рыбаками, в

частности в Средиземном море, где до сих пор витает фантом ужасной Сциллы. Эти поиски привели меня к исследованиям, которые, конечно, не полны, но их трудно назвать скучными и разочаровывающими. Научная литература молчит по этому поводу со времен Верани. Наука, казалось, согласилась признать незыблемость его рекорда. Но это молчание на самом деле лишь скрывает факты и предназначено держать закрытыми двери в фантастический подводный мир. Я связался с многими учеными, специализирующимися на изучении головоногих и морской биологии, так же как с членами многих океанографических экспедиций, которые могли иметь какие-нибудь неопубликованные сведения. Кроме того, я лично опрашивал средиземноморских рыбаков и подводных охотников, переписывался с моряками военного флота, рылся в портовых архивах, перелистывал воспоминания водолазов и ныряльщиков, просеивал сквозь мелкую сетку сообщения прессы. И так в течение многих лет. Я говорю об этом для того, чтобы показать, как трудно найти точные и достойные доверия знания даже о неоспоримых происшествиях.

Отправной точкой для меня послужила статья под названием "Необыкновенный мир спрутов", опубликованная в 1952 году в одном научно-популярном журнале: "В прошлом веке зоолог из Ниццы Ж.-Б. Верани, большая работа которого о головоногих до сих пор является авторитетной, видел, как в порту был пойман экземпляр *Octopus vulgaris* 6 метров в поперечнике. А господин Трегубофф, директор лаборатории морской биологии Парижского университета, сам во время войны в местечке Вильфранш поймал 7-метрового спрута. В Тулонском музее долгое время хранился экземпляр, найденный в корпусе затонувшего линкора "Либерте" после его подъема, примерно таких же размеров".

Под статьей стояла подпись Жана Драгеско, но вскоре я узнал, что этот блестящий фотограф-натуралист не был автором всей информации, а по несносной журналистской привычке часть ее "списал". Первоисточник же был переработан, урезан и дополнен почти на треть. Даже ссылка на рекордсмена Верани оказалась неточной: не может осьминог длиной 3 метра иметь 6 метров в окружности! Это все равно что утверждать, будто балерина ростом 1 метр 60 сантиметров в шпагате растягивается до 3 метров 20 сантиметров.

Все это вызывало большие подозрения, но личность д-ра Трегубофф мне казалась достаточной гарантией для оправдания более углубленных поисков. Сначала я попытался в его собственных публикациях отыскать источник информации, затем - в работах сотрудников зоологической станции в Вильфранше. Ничего не найдя, я обратился к самому Трегубофф, который ответил мне так же немедленно, как и любезно. Вот какой была оригинальная версия его сообщения:

"После первой мировой войны, кажется в 1920 году, военные проводили подводные работы в бухте Вильфранш. Водолаз, спустившийся под воду на глубину 42 метра, сообщил, что видит большого осьминога. Он имел при себе гарпун и смог поразить моллюска, а затем поднять его на борт катера, где тот был измерен. Его длина вместе со щупальцами составила 3,5 метра и вес его был 18 килограмм. Я не присутствовал при этом, сведения, которые я вам передаю, я получил от моряков, разрубивших моллюска на части, чтобы одни куски отправить на кухню, другие использовать в качестве наживки для рыбной ловли.

...Как видите, писал в заключение д-р Трегубофф, - нашему осьминогу далеко до 7-метровой длины, которая является плодом воображения журналиста".

Надо добавить, в некое оправдание слов журналиста, что выражения "его длина, размах щупальцев" довольно приблизительны, когда речь идет об определении размеров этого моллюска. К тому же обстоятельства его поимки описаны с редкой неопределенностью, вероятно из-за спешки. Да и поперечник животного был, как обычно, подсчитан неправильно, просто удвоили его длину. И, наконец, не может 18-килограммовый осьминог быть всего 7 метров в поперечнике; уже трехметровый

экземпляр весит больше 10 килограмм.

Журналист, скорее всего, имел туманное представление о весе головоногих. В той же статье он говорил о гигантском кальмаре, "длина которого превышала 16 метров, а вес был больше 500 кг". На самом деле почти 30 тонн - таков вес подобного кальмара. Согласитесь, это намного больше 500 килограмм!

Гигантский осьминог гавани Миссьесси

Мои поиски осьминога, вроде бы найденного при подъеме линкора "Либерте", оказались более удачными, но не менее трудоемкими.

Этот линкор затонул в 1911 году на рейде Тулона из-за взрыва в пороховых погребах. Подъем корабля был произведен не сразу, а только перед самой второй мировой войной. Я начал поиски в прессе того времени и в архивах флота. По пути нашел кучу различных фактов не менее сенсационных, чем доказательства подлинности существования морского монстра. А об осьминоге ничего. Гигантское животное, казалось, испарилось. Оно выскальзывало из моих рук, как его более мелкие собратья, которых я часто встречал во время своих подводных погружений. И тут пришло письмо, в котором сообщалось о нападении осьминога на водолаза в Тулонском порту между 1900 и 1905 годами. Не очень точно, но я сразу насторожился. Конечно, указанное время достаточно далеко от момента взрыва "Либерте" и особенно от времени его подъема. Но этот агрессивно настроенный осьминог - не мог ли он быть тем самым, который позже обосновался в остовах затонувшего линкора? Надо было проверить, и я снова принялся за поиски. "Моего" гигантского осьминога я нашел в иллюстрированном приложении к газете "Пти журнал". В номере от 16 июня 1912 года была напечатана следующая информация, под заголовком "Нападение спрута на водолаза": "Водолаз Ледю спустился под воду в гавани Миссьесси для поиска предметов, упавших в море, когда, внезапно появившись из какой-то расщелины, на него бросился гигантский осьминог.

Водолаз забыл о своем ноже, о необходимости обороняться и только передавал наверх сигнал опасности. Но морской монстр уже успел обхватить его своими щупальцами длиной 8 метров. Когда бедного Ледю подняли на поверхность, он был без сознания. Усилиями врача его привели в чувство, а феноменальных размеров моллюск, вцепившийся в водолаза, был убит ударами ножей. Он весил не менее 60 килограмм, а присоски на его щупальцах были не меньше 5-франковой монеты".

Позже я убедился, что речь идет именно о разыскиваемом мной монстре. Мой корреспондент ошибся, отнеся событие ближе к началу века. По ошибке журналиста научно-популярного журнала случай был привязан к факту подъема корабля. А именно на поиски предметов, упавших с линкора при взрыве, водолаз Ледю спустился под воду. Такова оказалась связь, объединившая гигантского спрута с затонувшим линкором.

Упоминаемые же размеры монстра требуют некоторых уточнений. Если судить по его весу, осьминог не мог иметь щупальца длиной 8 метров. Очевидно, корреспондент, передававший информацию, хотел сказать, что размах щупальцев 8 метров. А в редакции были рады представить его более ужасным, чудовищным, чем на самом деле, настоящим ищадем дантовского ада.

Чтобы убедиться в справедливости этого уточнения, достаточно составить зависимость веса *Octopus vulgaris* от его размеров. Это можно сделать в первом приближении даже на примере тех экземпляров, о которых мы упоминали в настоящей книге. Осьминог длиной 50 сантиметров весит около 1,5 килограмма и достигает пяти, когда он вдвое больше: любой рыбак вам это подтвердит. Осьминог размером почти с человека (1,6 м?) весит около 9 килограмм. Моллюск из бухты Вильфранш (3,5 м в поперечнике) должен был иметь длину около 2 метров и весить 18 килограмм. Наконец, тот, что был пойман в Ницце (рекордсмен Верани), при длине 3 метра весил 25 килограмм. Если продолжить кривую соответствия, она пройдет приблизительно (не

надо забывать, что речь идет об очень "эластичном" существе) через точки, относящиеся к некоторым известным нам спрутам, и мы увидим, что 60-килограммовый *Octopus vulgaris* должен иметь длину между 4,5 и 6 метрами. А осьминог с размахом щупальцев 8 метров, то есть с 4-метровыми щупальцами, должен быть длиной около 4 метров 80 сантиметров и вполне мог весить около 60 кг. Продвинувшись дальше по этой кривой, мы увидим, что моллюск с 8-метровыми щупальцами должен весить несколько сот килограмм!

Глаза с чайное блюдце

Есть ли спруты подобных размеров в Средиземном море? Некоторые свидетельства позволяют это допустить. Если осьминог гавани Миссесье является (насколько я знаю) самым крупным экземпляром *Octopus vulgaris*, когда-нибудь пойманным и измеренным, это еще не значит, что его рост предельный для вида. Но сведения, которые мне удалось собрать о случаях встреч в нашем море с еще более крупными осьминогами, крайне неопределенны.

В результате расследования, проведенного Национальным географическим обществом после гибели одного из ныряльщиков, был сделан вывод, что наименьшую опасность для спортсменов-подводников представляют как раз подводные чудовища, которых так боялись наши предки. Было заявлено, что даже очень крупные осьминоги избегают встреч с человеком, находящимся в свободном подводном плавании: "Вероятно, самым большим осьминогом, встреченным человеком под водой, был экземпляр с глазами "величиной с чайное блюдце", которого увидел один опытный аквалангист в районе греческого порта Пирей. Человек по природе смелый, как все закоренелые подводники, был сильно напуган, но рассказал, что осьминог покинул место встречи еще быстрее, чем он сам".

Снова мы слышим о спруте с глазами "огромными как блюдце", уже знакомом нам по приключенческим романам. Но на этот раз перед нами не плод романтического воображения (по крайней мере я на это надеюсь). Не ставя под сомнение свидетельство "опытного аквалангиста", я хотел бы, чтобы мы получили больше сведений о размерах осьминога - обладателя таких впечатляющих глаз.

Измерив целую серию блюдечек, я установил, что их средний диаметр около 15 сантиметров. Подсчитаем, какого размера должен быть осьминог с такими глазами, исходя из его пропорций. У осьминога длиной 1 метр 20 сантиметров диаметр глаза не более 1 сантиметра. Сохраняя пропорции, моллюск 3,5 метра в поперечнике, как тот, что из бухты Вильфранш, должен иметь глаза диаметром около 3 сантиметров. У 5-метрового экземпляра глаза чуть больше 4 сантиметров. Тулонский 8-метровый осьминог должен был иметь глаза 7 сантиметров в диаметре. Следовательно, чтобы обладать глазами "с блюдце", обыкновенный осьминог обязан иметь рост в три раза больший, то есть около 18 метров в поперечнике!

Даже если наш пирейский аквалангист из-за преломления света в воде ошибся и ему глаза только показались "с блюдце", а действительные их размеры надо уменьшить на треть, то есть до 10 сантиметров, то и тогда осьминог получается не менее 12 метров.

Конечно, все наши расчеты приблизительны, так как пропорции животных не остаются одинаковыми по мере роста, но все равно, они нам дают примерный порядок величин.

Существуют ли на самом деле в Средиземном море осьминоги с глазами размером "с блюдце" и размахом щупальцев больше 10 метров, вес которых должен измеряться сотнями килограммов? Никаких конкретных данных для подобных утверждений у нас нет. В истории гигантских спрутов последнее слово еще не сказано. Значительная часть его биографии скрыта в темноте.

Коренастый гигант с Багамских островов

Во всяком случае, мы убедились вопреки мнению многих ученых, что в

Средиземном море есть крупные осьминоги, с размерами, превышающими в поперечнике те 2 метра 40 сантиметров, на которых упрямо настаивает Веррилл, и тем более 2 метра д-ра Шену и его коллеги Десмареста для спрутов далекого Тихого океана.

Кстати, что можно сказать об этих экзотических спрутах, неизменных действующих лицах морских приключений на солнечных островах? Есть свидетельства, что в этих теплых водах моллюски действительно достигают выдающихся размеров. И так?..

Можно считать установленным, что в прошлом веке встреча с осьминогом длиной около 3 метров вызвала много шума независимо от того, происходило ли это в Средиземном море или вдали от его берегов.

Так, в 1872 году "Американец нейчурэлист" опубликовал под заголовком "Колоссальный Octopus" письмо некоего Дж.-С. Джорджа с Нассау, одного из островов Багамского архипелага. В нем рассказывалось, что мертвый осьминог длиной 10 футов (около 3 м) был найден на пляже этого острова. И корреспондент добавлял: "Это первый экземпляр таких размеров, которого я видел за двадцать семь лет пребывания на Багамах, но, по слухам, здесь бывают и более крупные особи". Господин Джордж говорит еще, что вес моллюска он оценивает в 200-300 фунтов (от 90 до 140 кг), но это, скорее, ошибка. Особенно если принять во внимание, что осьминог Верани, примерно такого же размера, весил всего 25 килограмм.

Как бы то ни было, этот случай вызвал большой переполох в научных кругах и был отмечен многими специалистами, изучающими головоногих.

Д-р Паккар в следующем номере журнала приводит свидетельство профессора Бревера, будто тот видел на рынке в Сан-Франциско осьминога 4 метра 25 сантиметров в поперечнике. В заключение он пишет: "Упоминания об осьминогах Тгромных размеров не так уж и редки: их видели в Атлантическом океане, Индийском и Тихом. Размеры их могут быть не меньше, чем у кальмаров".

Как видите, те, кто в прошлом веке верил в существование гигантских головоногих, были убеждены, что настоящие их чемпионы в категории размеров находятся среди осьминогов. Но время рассудило иначе.

Изящный колосс Тихого океана

Свидетельство профессора Бревера о 4-метровом осьминоге на одном из рыбных рынков Тихоокеанского побережья США получило подтверждение в 1879 году, со стороны профессора Эддисона Веррилла: "Д-р У.-О. Айрес мне говорил, что на рынке Сан-Франциско часто продавались головоногие этого вида и экземпляры с щупальцами длиной 6-7 футов (1,8-2,1 м) были там обычным явлением".

Что же это за тихоокеанский "вид", о котором говорит профессор? Это *Octopus punctatus*, отличающийся от остальных большими кольцевыми пятнами на теле. До сих пор специалисты считали его самым крупным представителем осьминогов.

В 1873 году американский натуралист Уильям Далл опубликовал сведения о впечатляющих размерах, которых иногда могут достигать эти осьминоги, но он подчеркивал в то же время утонченное, даже "хрупкое" строение этих гигантов: "*Octopus punctatus* достигают длины 16 футов (4,9 м) и размеров в поперечнике до 28 футов (8,5 м), но его масса намного меньше, чем у десятиногих головоногих даже меньшего размера. У этого осьминога тело не превышает 6 футов (15 см) в диаметре и одного фута (30 см) в длину, и щупальца у него очень тонкие на концах".

Подтверждается и относительная легкость этого вида спрутов. Так, вес одного экземпляра, пойманного в Калифорнии, поперечник которого был больше 6 метров, не превышал 50 килограмм.

Именно на этого монстра, без сомнения, следует возложить ответственность за нападения, о которых канадский натуралист Дж.-М. Даусон сообщал в журнале "Нейчур" в конце прошлого века: "Появились сведения, что несколько индейцев

утонули, схваченные спрутами во время купания на Тихоокеанском побережье Британской Америки..."

И позже тихоокеанские спруты продолжали время от времени попадать на страницы газет.

Незадолго до второй мировой войны водолаз Джон Крейг, специализировавшийся на подводных съемках для Голливуда, чуть сам не стал жертвой одного из них. Однажды, спустившись под воду в Калифорнийском заливе, он увидел двух осьминогов, казалось заполнивших собой всю ширину двенадцатиметровой скалистой расщелины. Зная, что резкие движения могут спровоцировать нападение моллюсков, он замер. Он позволил одному из осьминогов потрогать свою ногу, продолжая оставаться на месте. Любопытная тварь, закончив первое обследование, убрала щупальце. Крейг решил, что настал момент для отступления. Но, как только он пошевелился, щупальце моллюска мгновенно обвил его лодыжку. К счастью, осьминог непрочно держался за камни и не смог удержать свою жертву на дне. Это спасло жизнь Крейгу, который поднялся на поверхность, полностью опутанный чудовищем. Помощники водолаза сразу же схватились за ножи и топоры и освободили его, перерубив большинство щупальцев. Одно из них Крейг сохранил, его длина 8 футов 2 дюйма (2,5 м). Следовательно, поперечник моллюска должен быть больше 5 метров.

Наверное, бывают еще более крупные и не менее агрессивные экземпляры. Так, канадский водолаз А.-Е. Хук из Ванкувера рассказывал, что в 1928 году в проливе королевы Шарлотты он на глубине 25 метров выдержал жестокий бой с монстром в два раза крупнее, но его рассказ полон не совсем правдоподобных деталей.

Какого роста может достигать *Octopus punctatus*?

К счастью, есть более точные сведения о другом из этих воинственных спрутов Тихого океана, относящиеся к нападению такого же рода, случившемуся перед первой мировой войной. Сообщение об этом событии было опубликовано во многих газетах в начале февраля 1912 года: "Эпическая битва, подобная схватке Жиллята в "Тружениках моря",- пишет "Франко-Калифорниан",- произошла около Сан-Франциско между гигантских размеров осьминогом и японским рыбаком Т. Ямагуши. Рыбак в водолазном костюме собирал на дне моря устрицы, когда внезапно почувствовал, что его обхватили щупальца монстра. Ему пришлось побороться с этим ужасным объятием, прежде чем он смог подать сигнал своим товарищам, оставшимся в лодке, чтобы его немедленно поднимали. Но и на поверхности с большим трудом удалось перерубить одну за другой извивающиеся руки, которыми спрут цеплялся за борт, пытаясь перевернуть лодку.

Осьминог весил не меньше 125 килограмм, длина его щупальцев достигала 5 метров, голова была величиной с большую тыкву".

Зная, что *Octopus punctatus* 6 метров в поперечнике весит 50 килограмм, нетрудно подсчитать, что вес почти 10-метрового экземпляра действительно должен быть порядка 125 килограмм. Это свидетельствует в пользу достоверности информации и деталей, содержащихся в ней.

В 1885 году У. Долл подтвердил, что тихоокеанский осьминог может достигать таких размеров: "В 1874 году,- писал он,- я загарпунил в порту Ильюлук осьминога. Когда измерили его мертвое тело, длина его оказалась 16 футов (4 м 90 см), а значит, размах щупальцев должен был достигать 10 метров. Щупальца были очень тонкие на концах и толстые у головы, диаметр которой был около одного фута. Самые большие присоски имели диаметр 2,5 дюйма (6,3 см). Фрагменты осьминога теперь находятся в Национальном музее США".

Конечно, не раз появлялись сообщения и о более крупных экземплярах тихоокеанских осьминогов. Так, в 1777 году британский зоолог Томас Пеннан, ссылаясь на достойное доверия мнение своего друга, проживающего в Восточной Индии, рассказывал, что тот видел в море осьминога шириной в центральной части 6,65

метра и с щупальцами длиной 16,5 м. Но в свете современных знаний можно утверждать, что подобные размеры могут относиться, скорее, к кальмару вида *Architeuthis*.

Если, конечно, на самом деле не существуют спруты, сравнимые по размерам со своими десятиногими кузенами (океан скрывает еще так много тайн). Кто знает, не одному ли из подобных монстров принадлежали те огромные щупальца, что находили в желудках кашалотов и которые не были похожи на щупальца кальмаров.

Одно ясно: всем, что мы знаем об *Architeuthis*, мы обязаны почти исключительно тому факту, что это животное морское, свободно плавающее, которому смертельно опасно случайное попадание на берег. Осьминогам же, обитающим на дне, это не грозит. Если они по какой-нибудь причине оказались бы на берегу, им легко удалось бы выйти из этого неприятного положения.

Короче, если есть, на глубине 100 метров и глубже, по-настоящему гигантские спруты, у нас мало шансов обнаружить их существование со всей достоверностью, требуемой наукой. В ожидании создания аппаратов, способных свободно перемещаться на этих глубинах и позволяющих систематически их исследовать, нам остается со всей возможной тщательностью рассматривать содержимое желудков кашалотов, которых мы так жестоко истребляем.

А пока вес осьминогов будем считать десятками килограммов, а вес супергигантских кальмаров - десятками тонн.

Буланже в своей книге "Фауна океанов" утверждает, что *Octopus punctatus* Австралии может достигать 12 метров в поперечнике, что предполагает вес до 200 килограмм. Я, однако, не смог найти конкретных свидетельств, на которых основывает свое мнение бывший директор Лондонского аквариума, и у меня сложилось впечатление, что это ошибка.

Почему досье о жертвах осьминогов остается пустым?

Как бы то ни было, очевидно, что именно на этих осьминогов ложится ответственность за бесчисленные нападения на водолазов и пловцов, слухи о которых регулярно попадают на страницы местных австралийских газет: "Мы, несомненно, имеем больше сообщений о нападениях спрутов в Австралии, чем в других местах,- писал в 1952 году профессор Техасского университета Осмонд Бреланд.- Вот и недавно две такие встречи были описаны в австралийских газетах. Люди избежали смерти только после ужасающей борьбы, после того как буквально раскромсали спрутов относительно небольших размеров на мелкие кусочки своими ножами, без которых в этих водах не спускается под воду ни один водолаз".

Вспомним случай с водолазом Смайлом. На него напал также "относительно небольшой" осьминог, меньше 3 метров в поперечнике. Но если бы это был 9-метровый экземпляр, то есть в 3 раза больший, а значит, в 27 раз тяжелее (3 в кубе!), сомневаюсь, что он смог бы нам поведать о своем приключении. Монстр быстро повредил бы его водолазный костюм, разорвал бы воздушный шланг и сигнальный трос и утащил бы человека в свое логово. Товарищи несчастного подняли бы на поверхность только свидетельства трагической смерти. И мы имели бы о случившемся лишь туманную версию, в большей части гипотетическую,- в дополнение к тем фактам, что заставляют скептически пожимать плечами кабинетных зоологов. Надо сказать, что сами обстоятельства встреч спрутов с человеком не предполагают присутствия свидетелей, тем более таких, которых специалисты называют "квалифицированными". Единственными зрителями драмы являются обычно сами ее участники, то есть простые собиратели жемчуга, кораллов и губок, необразованные жители океанских островов.

Но даже если бы, как утверждает профессор Бреланд, "ни одна смерть в результате нападения осьминога не сможет быть доказана", бросает ли это тень сомнения на саму возможность такого нападения?

Осьминог не убивает мгновенно, как акула, на глазах застывших в ужасе и

бессильных что-нибудь сделать свидетелей. Медленно и размеренно, шаг за шагом головоногий опутывает свою добычу, перед тем как приступить к трапезе. Он не может приступить к пиршеству, не схватив сначала крепко добычу кончиками щупальцев. Затем передвигает ее от присоски к присоске все ближе к своему клюву. Эта операция занимает тем больше времени, чем упорнее сопротивление жертвы. Когда на водолаза Мартина Ланда напал крупный осьминог на глубине 10 метров в районе Форт-Росса, лишь после часа ожесточенной борьбы человеку удалось освободиться от объятий липкой твари. (Час... Целых шестьдесят минут... Только гений Гюго мог бы передать нам весь ужас, пережитый водолазом.)

А если осьминог нападет на человека в присутствии свидетеля, у последнего будет достаточно времени, чтобы прийти на помощь потерпевшему, прежде чем произойдет непоправимое. С помощью ножа, топора или просто острого предмета можно справиться даже с большим осьминогом - по причине относительной медлительности его движений, позволяющей парировать его выпады. И новая история пополнит уже и так достаточно полное досье случаев счастливого спасения.

Если же, наоборот, нападение случилось без свидетелей, у человека тем меньше шансов выпутаться из объятий спрута, чем больше его размеры. Если это удастся - новая история появляется в досье, нет - никто больше о человеке не услышит. Его случай займет свое место в рубрике "Исчезновения по неизвестной причине".

Легенда права

Вот мы и ответили на многие вопросы, поставленные на первых страницах этой книги. Нет никаких сомнений, что ужас, который тысячелетиями испытывали моряки! перед морскими монстрами, полностью оправдан. Во всех морях земного шара человек может оказаться в объятиях спрута почти равного ему весом, но многорукого, как мстительный бог индусов, и обладающего страшной обездвиживающей силой. Борьба с самого начала идет не на равных. Что касается встречи небольшого судна с кальмаром величиной с бомбардировщик, это, без сомнения, испытание, ужас от которого превосходит самые болезненные фантазии. Даже борьба Лаокоона и его сыновей со змеями, посланцами Тенедоса, бледнеет перед кошмаром воспоминаний свидетелей. До нас дошли несколько историй подобного рода, которые обычно заканчивались без особых потерь для мореходов то ли потому, что корабли были крупные, то ли по причине того, что моллюск был не очень большой или уже обессилен. Однако я сомневаюсь, что обитателям китобойного судна, подвергшегося нападению многорукой твари весом 30 тонн, все еще полной сил и энергии, удалось бы вернуться и рассказать нам о своем приключении. А если такая встреча произошла бы с простым пловцом? Вспомним о судьбе несчастного с "Британии", утащенного на дно в мгновение ока, - без сомнения, средних размеров кальмаром.

Национальное географическое общество по результатам уже упоминавшегося расследования заявило, что ныряльщик или водолаз еще никогда не оказывался лицом к лицу с архитевтисом. Это утверждение кажется мне совершенно необоснованным, поскольку, если бы это произошло, мы, скорее всего, ничего об этом не узнали бы. Ученое собрание все же вынуждено было признать, что это прожорливое существо, обычно обитающее на глубинах более 500 футов (150 м), во много раз больше тех, которых когда-либо встречали водолазы. Мы знаем множество случаев, когда супергигантские кальмары поднимаются на поверхность. Иногда они так приближаются к мелководью, что кончают жизнь на берегу. Очень может быть, что один из этих монстров натолкнулся бы и на какого-нибудь одинокого пловца, например жертву кораблекрушения, или на небольшую лодку или плот. Что мы могли бы найти об этом происшествии, кроме заметки в местной газете под заголовком "Гибель в море" или "Таинственное исчезновение"? Сколько невидимых трагедий, кошмарных преступлений, ужасных агоний прячутся иногда за этими лаконичными формулировками?

Конечно, подобные трагедии, сохранившиеся в памяти человечества, могут быть только исключениями, потому что основаны на совпадении очень редких обстоятельств. А мы знаем, что именно на основе исключений рождаются легенды. Было бы абсурдным отбрасывать эти факты по причине их невероятности: сама природа их невероятна!

Справедливо критикуя тех, кто с некоторой торопливостью делает далеко идущие выводы, совсем не обязательно сразу отбрасывать нечто исключительное, необычное и даже фантастическое. Эти два отношения к делу имеют и нечто общее: они - суть две стороны одной медали. Первое состоит в том, чтобы верить, что событие обычно, нормально, часто происходит, потому что при нем присутствовали; второе состоит в том, чтобы в него не верить из-за того, что оно необычно, ненормально, нечасто происходит и на нем не удалось присутствовать. В обоих случаях выводы делаются при недостатке знаний. С точки зрения математики оба эти подхода противоречат теории вероятности. Один призывает признавать события, находящиеся на одном и другом концах кривой Гаусса; другой вообще отсекает концы этой кривой.

Почти как в истории с тем англичанином, который, едва приехав в Гавр, написал своим родным, что во Франции все женщины рыжие, только потому, что первая встреченная им женщина оказалась с волосами этого цвета. А насколько меньше выглядел бы он смешным, если бы, проведя целый день в городе и не встретив больше ни одной рыжей женщины, написал домой, что во Франции только одна женщина с огненной шевелюрой?

МЛЕКОПИТАЮЩИЙ МОРСКОЙ ЗМЕЙ ДОКТОРА УДЕМАНСА

История морского змея полна парадоксов. Так получилось, что специалист по самым крошечным из земных беспозвоночных оказался автором первой серьезной монографии о самом, без сомнения, большом из морских позвоночных. Да, голландский энтомолог, который должен хорошо разбираться в анатомии и нравах блох, клопов и пауков, стал в конце прошлого века главным биографом великого морского змея. И он мастерски сделал это в своем монументальном труде "Великий морской змей". Руперт Т. Гуд назвал это внушительное, 592-страничное произведение "собранием любопытных фактов и в не меньшей степени любопытных английских выражений".

На первый взгляд связь между микроскопическими блохами и огромными змееподобными не кажется такой уж очевидной, однако она существует. Обширнейшая группа причудливых, исчезающе малых созданий распылена по всему земному шару и прячется в самых невероятных местах: на поверхности земли и в почве; на листьях растений и в глубине их стеблей; в шерсти животных, под их кожей и даже в их дыхательных путях, как в живых существах, так и в мертвых телах; в пресной воде рек и озер и в соленых толщах морей и океанов - везде, где можно найти хоть какую-нибудь пищу. И всех этих неуловимо-микроскопических живых существ надо поймать, изучить, описать и классифицировать. Для этого требуется такое же терпение, аккуратность, методичность, упорство и даже научная смелость, как и для изучения досье морского змея, этого на первый взгляд хаотического нагромождения фактов, рассказов и свидетельств очевидцев, всего того, что море веками, часто в самом нелепом виде, периодически являло человеку с тех пор, как он обосновался на его берегах. Все эти качества счастливо оказались собраны воедино в личности одного человека - Антона Корнелиса Удеманса, родившегося 12 ноября 1858 года в Батавии, на острове Ява, в семье ведущего инженера департамента географии нидерландской Индии (Индонезии), известного астронома профессора Дж.А. Удеманса. Перед нами, несомненно, яркий случай удачной наследственности. Удемансы представляли собой пример настоящей династии ученых-эрудитов. Дед маленького Антона Корнелиса носил такое же имя и был знаменитым филологом, одним из авторов "Дополнения к словарю староголландского языка". Один его дядя - профессор А.К. Удеманс (все те же

инициалы), известный химик, другой - профессор Корнелис Антон Ян Авраам Удеманс, знаменитый ботаник и специалист по грибам, сын которого, д-р Дж.-Ф. Удеманс, станет позднее президентом голландского энтомологического общества. Глядя на такое множество Антонов Корнелисов и Корнелисов Антонов, можно понять, почему наш любитель зоологии добавил к своему имени приставку Jongzoon (т. е. младший), - возраст его, во всяком случае, это позволял.

Сразу отметим оригинальность выводов, к которым пришел д-р А.-К. Удеманс-младший после углубленного изучения обширного досье морского змея. С его точки зрения, прототипом сказочного монстра мог быть какой-нибудь вид огромного тюленя с шеей жирафа и очень длинным хвостом. Как он пришел к такому поистине революционному заключению? Именно в этом мы и попытаемся разобраться. Мы также увидим, что этот вывод он смог сделать не без помощи некоторых уловок.

Путь в науку молодого Тони и его предшественники

В раннем возрасте Тони (уменьшительное от Антона) был отправлен в метрополию для продолжения обучения. Там он в 1871 году поступил в лицей города Арнема. Давно уже интересующийся естественной историей - ведь зоологами не становятся, ими рождаются, - он не только коллекционировал насекомых, но и читал в огромном количестве все, что касалось животного мира.

Несомненно, именно в это время, в книгах, он впервые встретил упоминания о морском змее и, может быть, даже сделал первые выписки, посвященные этому животному, несомненно самому загадочному среди обитателей Земли.

Свои занятия биологией Тони продолжил в 1878 году в университете города Утрехта. Уже через год, в возрасте двадцати одного года, он сделал в голландском энтомологическом обществе научное сообщение о видах альбиносов среди бабочек, коллекцию которых он давно собирал. Это было скромное начало, но к концу этого же года оно было продолжено интересной работой о клещах. Этот вид паукообразных сильно интересовал молодого студента, и он мечтал посвятить ему свою докторскую диссертацию. Но его также еще очень молодой преподаватель и руководитель темы диссертации д-р Амброзиус Арнольд Биллем Убрехт решил иначе. Это достаточно распространенное явление среди всех "учителей": торопясь увидеть решенной задачу, которая их самих занимает больше всего в данный момент, они нацеливают усилия своих учеников именно в этом направлении, что происходит иногда не без некоторого морального давления. Д-р Убрехт, считавший себя ученым высокого полета, занимался в то время червями немертинами. И в 1895 году Удеманс представил на суд научной общественности свою диссертацию о системе кровообращения этих червей - работу, которая была высоко оценена специалистами.

Но несколькими годами ранее, в ноябре 1881 года, подающий надежды зоолог явил миру доказательство своей научной самостоятельности и крайней независимости ума, опубликовав в журнале по естественной истории "Album der Natuur" статью под названием "Мифы о морском змее и возможность его существования в действительности". К этому моменту молодой Тони был знаком не больше чем с полусотней свидетельств о морском змее. Он тогда наивно полагал, что "Зверь Стронсы" был реальным живым существом, и еще не знал, что история "Мононгахелы", о которой он прочитал в "Иллюстрийтед Лондон ньюс", была просто ловкой мистификацией. Это, правда, не помешало ему уже в то время сделать вывод, что морской змей является представителем одного из отрядов млекопитающих, с длинной шеей, двумя парами конечностей-ластов и продолговатым заостренным хвостом. С точки зрения зоологии это животное должно было находиться где-то между дельфином и тюленем. Могло ли существовать когда-либо подобное животное? В свете знаний того времени он отвечал утвердительно: существовал же в третичном периоде зеглодон китообразный (*Zeuglodon cetoides*), описанный самим сэром Ричардом Оуэном. Однако речь не могла, очевидно, идти именно об этом животном - ведь у

морского змея имела длинная шея, а зеглодон был, скорее, короткошеим. Так как сказочное чудовище поразительно напоминало силуэтом плезиозавра, Удеманс-младший отважно предложил, назвать его *Zeuglodon plesiosauroides* (зеглодон плезиозавроподобный).

На самом деле смелый молодой ученый встал на защиту не совсем новой идеи. Можно вспомнить вопрос, поставленный почти за тридцать лет до этого Шлейде-ном, о возможной идентичности морского змея и *Hydrarchos*, образ которого был реконструирован из ископаемых костей нескольких зеглодонов. Не забудем также, что Ф. Госс высказал еще в 1860 году гениальную догадку, рассуждая о морском змее Дедала:

"Нет ничего невозможного в том, что это создание может иметь некоторые черты китообразных. Я не вижу препятствий для существования среди китообразных какого-нибудь вида с более удлиненным и "стройным" телом. Свидетельство полковника Стила, представившего своего змея с фонтаном, похожим на фонтан выдыхающего кита, возможно, подтверждает это".

По правде говоря, сам Госс не придавал очень большого значения этому своему высказыванию: лично он гораздо больше склонялся в пользу гипотезы о доисторическом ящере, потомке плезиозавров.. Может быть, он еще не знал, что китообразный с "более удлиненным и "стройным" телом", возможность существования которого он мимоходом предположил, уже был в то время известен палеонтологам под именем зеглодона.

Но, по мнению самого Удеманса, первым эту идею предложил, всего годом раньше, почти месяц в месяц, некий смельчак Сирл В. Вуд-младший, тоже натуралист-любитель, но другого поколения и не такой юный, как можно заключить из его имени. В нашем деле его единственной заслугой стало письмо, посланное им в британский журнал "Нейчур" и опубликованное в номере от 18 ноября 1880 года.

Больше чем за тридцать лет до этого, читая в газетах комментарии профессора Оуэна к делу морского змея Дедала, мистер Вуд, в то время более соответствовавший имени "младший", был поражен убедительностью доводов, доказывавших принадлежность чудовища к млекопитающим. Но, ознакомившись с описанием монстра, он не смог поверить, что речь шла об обыкновенном морском слоне. А затем однажды... "Два или три года, спустя,- сообщает он в своем письме,- когда я читал описание китообразного зеглодона, найденного в третичных отложениях Алабамы (предположительно верхнего эоцена), мне внезапно пришла на ум мысль, что существо, встреченное Дедалом, могло быть потомком вида животных, к которому принадлежал и зеглодон. С тех пор я внимательно слежу за всеми появляющимися сообщениями о морском змее".

В поддержку своей гипотезы мистер Вуд привел несколько случаев, которые, по его мнению, могли служить иллюстрацией к его словам. Но выбрал для этого, пожалуй, самые неподходящие примеры. Такие, как история морского змея душиателя кашалота, рассказанная капитаном "Полины", и чудовища, жонглировавшего китом на глазах экипажа "Кушу-Мару". В последнем случае Вуд даже предположил, что упоминавшийся в рассказе очевидцев китовый хвост принадлежал вовсе не жертве, а самому монстру с "лебединой шеей", и отсюда следовал вывод о родстве морского змея с китообразными.

Все вышесказанное выдавало очень странное представление мистера Вуда о зеглодоне, во всяком случае о его анатомии. И действительно, как оказалось, он мало был знаком с существом вопроса и сам честно признавался в этом:

"Хотя я не смог найти никакого описания скелета зеглодона,- писал он редактору,- я все же рискую привлечь внимание читателей вашего журнала к этой теме с надеждой, что среди ваших многочисленных читателей в Америке мое письмо будет замечено теми, кто сможет нам сказать, совпадает или нет строение зеглодона

китообразного с описаниями морского змея".

Все знания мистера Вуда о зеглодоне, а знал он о нем только со слов сэра Чарлза Лайела, ограничивались тем, что длина его достигала 70 футов (т. е. около 20 метров) и что строение его зубов наводило на мысль о принадлежности животного к хищникам. Этого было достаточно, как думал Вуд, чтобы он превратился в "ужас океана".

Насколько я знаю, никто не откликнулся на призыв, брошенный мистером Вудом со страниц "Нейчура", но, даже после того, как он сам ознакомился со статьей "Палеонтология" в Британской энциклопедии, наш натуралист-любитель упорно не хотел видеть, что оставалось неустранимое противоречие между длинношеем морским змеем и зеглодоном с короткой шеей. Честь устранить это несоответствие принадлежит другому Вуду, преподобному Джону Джорджу Вуду, который в 1884 году сделал это способом, одновременно оригинальным и простым: "Короткая шея зеглодона? - спрашивает он.- А не ошибка ли это реставратора?"

Аргументы преподобного Вуда

Именно Вуду мы обязаны блестящим исследованием, проведенным в Бостоне. Результатом явился замечательный по точности и подробности отчет о морском змее Массачусетского залива. Это был внимательный и осторожный натуралист, не позволявший себе неточностей. Выводы ученого священника совпали с мнением молодого Удеманса и его однофамильца Сирла В. Вуда-младшего. Только святой отец защищал свою точку зрения с несравненно большей ловкостью и опирался на гораздо более солидные аргументы.

"Кем могло быть животное,- задавал он вопрос,- описанное, среди других свидетелей, преподобным Артуром Лоуренсом и художником-маринистом Джорджем Вэссоном?"

Совершенно очевидно,- отвечал он далее,- что оно не подходит под описание ни одного современного животного, известного зоологам. Мистер Артур Лоуренс предположил, что оно могло быть плезиозавром, дожившим до наших дней,- идея, которую уже однажды изобретательно разыграл лорд Литтон в одном из своих романов. Но пропасть времени, отделяющая огромных ящерообразных, известных нам по своим окаменевшим останкам, от их современного потомка слишком велика, чтобы ее можно было заполнить каким-то одним выжившим видом.

Но если это не ящер, то это может быть представитель какой-нибудь другой группы доисторических животных, также доживших до наших дней, но находящихся на стадии вымирания. Скорее всего, это не настоящие змеи. Те характерные движения, о которых говорили многочисленные свидетели, не могла бы совершать ни одна змея: строение ее позвоночника этого не позволит.

В океане существует несколько видов морских змей, но никто не видел змею больше нескольких футов длиной и все они имеют хвост, сплюснутый с боков, с помощью которого и передвигаются в воде, совершая волнообразные колебания в горизонтальной плоскости, совершенно так же, как и угри. Напротив, тело нашего чудовища изгибается в вертикальной плоскости, вверх-вниз, как у гусеницы. Однако единственными морскими животными, которые могут совершать подобные движения, являются китообразные. Если рассмотреть строение их позвоночника, то он позволяет им изгибаться вверх и вниз, но не в сторону - боковые отростки позвонков слишком тесно примыкают друг к другу в этой плоскости. Теперь представьте себе на минуту, что существует китообразное животное с очень вытянутым в длину телом, которое занимало бы среди других китообразных такое же место, какое занимает угорь среди рыб. Это существо вело бы себя совершенно так же, как наш морской змей. Каждое движение его было бы движением китообразного. Привычка высовывать голову из воды - совершенно как у китов: например, кашалот это часто и охотно проделывает. Изгиб тела наподобие гусеницы также можно видеть у китообразных - достаточно посмотреть на стаю дельфинов, резвящуюся в волнах. Внезапное поднятие передней

части тела над водой, совершенно так, как это описал мистер Вэссон, тоже характерная особенность китообразных. Киты, когда их легкие наполнены воздухом, становятся немного легче воды. Но они же обладают способностью так напрягать свое тело, что могут камнем пойти на дно - умение, которое часто приводит в отчаяние китобоев. Когда они расслабляют мышечный корсет, с помощью которого проделывают этот трюк, их буквально выбрасывает на поверхность.

Миролюбивость, даже неожиданная в какой-то мере беззащитность со стороны такого мощного животного также является, к счастью для человека, отличительной чертой китообразных - киты почти никогда не нападают на человека, может, только в исключительных случаях. Сейчас науке известны несколько видов китообразных, значительно отличающихся друг от друга по размерам. Можно с уверенностью предположить, что могут быть в океане и еще неизвестные виды. Так, один из них известен нам только -по фрагменту верхней челюсти, особенностью которой является то, что она имеет только по одному зубу с каждой стороны. Никто не знает, на что похожа остальная часть этого существа. Но если существует один экземпляр, то, очевидно, должны быть и другие. Однако места их обитания остаются покрытыми тайной, и, если бы не эта находка, мы не знали бы даже о их существовании.

До сих пор ученым не известен ни один вид современных китообразных, имеющий змееобразную или угреподобную форму. Но такое существо прекрасно и без проблем существовало в прошлом - ученым оно известно под именем зеглодон. В Бостоне находится полный скелет зеглодона, по-моему единственный в мире. В других местах есть отдельные кости, даже фрагменты скелета, -с помощью которых можно попытаться реконструировать животное и представить его любой длины, но позвоночник бостонского экземпляра принадлежит одному существу и его длина может быть определена с большой точностью. Останки относятся к третичному периоду, они были найдены в Алабаме мистером Бакли Кларком. Кроме позвонков хребта он нашел еще и части черепа, нижней челюсти и множество других костей. Длина живого животного составляла около 21 метра, это как раз средняя длина морского змея. Хотя позвонки были серьезно повреждены за прошедшие тысячелетия, многие из них достаточно хорошо сохранились, чтобы можно было заметить их особенное строение, которое не позволяет китообразным изгибаться в боковую сторону*. Однако, хотя и очень похожее на китообразных, существо, о котором мы ведем речь, не есть настоящий кит. Об этом можно судить по дыхательным отверстиям, отличающимся от таких же у китообразных. В то же время они похожи на те, которые заметил мистер Лоуренс у морского змея, встреченного им.

* Это небольшое преувеличение. Если вертикальный изгиб позвоночника более естествен и удобен для таких морских млекопитающих, как киты, то и боковой изгиб тела все же возможен. Более того, у крупных китообразных винтовое движение хвоста, создающее движущую силу, является комбинацией колебаний в вертикальной и горизонтальной плоскостях.- Авт.

Рассмотрим теперь переднюю часть зеглодона, какой она видится, исходя из строения сохранившегося скелета. Если мы вообразим эти кости покрытыми мышцами, наполненными кровью, то должны будем признать, что такое животное очень похоже на морского змея, изображенного на рисунках мистера Лоуренса и известного по описаниям других очевидцев. Вот вытянутая, продолговатая голова, резкое расширение тела после шеи и лапы, которые скрыты под водой и почти не видны. Что касается спинного плавника, мы не можем получить никаких определенных сведений, изучая только скелет. Шея кажется довольно короткой, но, возможно, это ошибка реставратора. Так, например, *Paleotherium* в реконструкции тоже представлялся в виде коротконового тапира, а теперь достоверно установлено, что это было существо ростом -с высокую лошадь. Форма черепа зеглодона также похожа на рисунок Лоуренса. Не собираясь ничего категорически утверждать, я могу предположить, что теория мистера

Лоуренса о дожившем до современности животном, принадлежащем к вымирающему виду, может быть верной, но это существо не какой-нибудь ящер, а один из видов китообразных, скорее всего зеглодон или по крайней мере очень к нему близкое животное".

Зеглодоны были покрыты чешуей и имели спинной плавник.

Мало что можно добавить к выводам преподобного Вуда. Сегодня, с высоты современных знаний, можно лишь подкрепить их новыми доводами.

Так, американец Артур Ремингтон Келлог, который в 1936 году поставил решающую точку в наших знаниях о древнейших китах *Archeocetes*, напомнил, что знаменитый палеонтолог Эдвард Дринкер Коуп считал, что строение суставов у *Basilosaurus* указывает на его способность поднимать переднюю часть тела над поверхностью воды, - это предположение подтверждалось до некоторой степени строением позвоночника. Но как раз такое поведение является обычным и для морского змея Новой Англии.

Вспомним теперь, что если кожа на шее и голове массачусетского животного казалась гладкой, то его спина была покрыта крупной чешуей. Однако теперь ученые склоняются к мнению, что и тела зеглодонов были хотя бы частично защищены роговыми пластинами.

Такая "кираса" была очень распространенным явлением у доисторических китообразных! Ряды бугорков, украшающих спину морских свиней вида *Neomeris*, не имеющих спинного плавника, и иглы, торчащие из спинного плавника другого вида морских свиней (*Phocana spinipinnis*), являются, как заявил Кукенталь в 1893 году, современными признаками, указывающими на наличие такого защитного органа в прошлом. Что характерно, эти бугорки распространены больше у эмбрионов, чем у взрослых особей. Ископаемый дельфин миоцена, найденный в Хорватии, *Delphinopsis freyeri*, обладал кирасой, полностью закрывавшей кожный покров, об этом можно судить по отпечатку, оставленному его телом. Около скелетов зеглодонов находили даже многоугольные костяные пластинки. Такие выдающиеся ученые, как Йохан Мюллер, Вильгельм Даме и Фредерик Лукас, считали их фрагментами защитного панциря.

Что касается этих последних находок, их придется все же отбросить. Эти пластины, скорее всего, принадлежали животному типа морской черепахи третичного периода (*Psephophorus*). Но никто особенно не пытался разрушить гипотезу о существовании доисторических панцирных китообразных.

Альфред Хоуэлл показал в 1927 году с помощью гистологического исследования, что кожные бугорки *Neomeris* не что иное, как утолщенный слой эпидермиса без малейших следов окостенения. Но, так как никому до сих пор не удалось объяснить происхождение бугорков на отпечатках поверхности кожи, оставленных *Delphinopsis*, идея, согласно которой доисторические китообразные были покрыты костяным панцирем, сохраняет сильные позиции.

Частичный чешуйчатый покров некоторых морских змеев в этом случае мог бы подтвердить их возможную принадлежность к некоторым типам *Archeocetes* или доисторических китообразных, из которых зеглодоны только самые известные.

Свидетели, опрошенные преподобным Вудом, почти все говорили об одном спинном плавнике треугольной формы, расположенном в нескольких футах от головы. На первый взгляд это расходится с тем, что мы знаем (или думаем, что знаем) о зеглодонах. Во всяком-случае, на всех реконструкциях они изображаются с совершенно гладкой кожей на спине.

Что касается меня, я, скорее, считал бы, что здесь кроется ошибка и эти змееподобные китообразные все же имели спинной плавник или что-нибудь подобное. И вот почему.

Считается, что все водные позвоночные, особенно морские, должны иметь

органы, обеспечивающие движение или стабилизацию тела в трех взаимно перпендикулярных плоскостях, чтобы сохранять равновесие в беспокойной воде и передвигаться, не рискуя закрутиться в какой-то момент вокруг своей оси. Природа действует так же, как современные конструкторы самолетов и судов, которые стараются минимизировать, насколько возможно, неконтролируемое движение во всех трех плоскостях. Есть несколько способов, позволяющих решить эту проблему чисто механическим путем, главным образом в зависимости от плоскости, в которой осуществляется основное движение тела: более или менее увеличенные размеры некоторых плавников, удлинение хвоста, сплющивание всего тела или его части, придание телу обтекаемой формы.

Так, у рыб можно различить: во-первых, органы, расположенные в вертикальной плоскости симметрии тела: это непарные плавники, а именно спинной, хвостовой и анальный; во-вторых, органы, расположенные также вертикально, но перпендикулярно плоскости симметрии, то есть в поперечной плоскости, - это грудные плавники; наконец, в-третьих, органы, расположенные горизонтально, или, точнее, в плоскости, называемой фронтальной, - это задние плавники.

Эти основные анатомические черты, конечно, могут изменяться, редуцироваться, даже исчезать для некоторых плавников, но при обязательном компенсировании другими средствами: удлинением тела, сопровождающимся его сильным уплощением с боков, как у угрей, или со спины, как у скатов; формирование тела обтекаемой формы у "скоростных" рыб, например акул, тунцов и макрели; наконец, широкие колебательные движения хвоста, служащие для создания движущей силы.

У китообразных, конечно, такое же строение, ориентированное по трем плоскостям. Но у них отсутствие задних плавников - или, если хотите, задних конечностей - компенсируется горизонтальным расположением

широких лопастей хвоста. Если сказать точнее, ширина лопастей и горизонтальное расположение хвоста (совершенно нормальное для млекопитающих, потому что тело их изгибается в вертикальной плоскости) делают бесполезным наличие задних плавников. Д-р Серж Фрешкоп считает, что лопасти хвоста китообразных являются изменившимися задними конечностями. Действительно, есть примечательное сходство в форме и функциях между расширенным хвостом китообразных и задними конечностями ластоногих, таких, как тюлени.

У той и другой группы животных это расширение задних органов в горизонтальной плоскости служит одновременно рулем глубины и стабилизатором при движении. Но каким образом движение вверх и вниз, а также стабилизация тела достигались у зеглодонов - ведь они не обладали ни широким хвостом китообразных, ни задними конечностями того типа, которые есть у ластоногих?

Прежде всего, обратим внимание на расхождение между современными реконструкциями зеглодона и реконструкциями прошлого века. Сегодня ученые допускают, что зеглодоны могли иметь хотя бы небольшой хвостовой плавник: "По различным признакам, - писал большой голландский специалист по китообразным профессор Слайпер, - можно предположить, что они, вероятно, уже имели горизонтально расположенный хвостовой плавник, хотя еще и очень небольшой по сравнению с современными животными".

С этим, правда, согласны далеко не все. Так, Хоуэлл считает, рассматривая анатомическое строение хвоста, что "мускулатура вдоль спинного хребта у зеглодона не была настолько развита, чтобы могла управлять раздвоенным хвостом, подобным хвосту современных китообразных". Она, скорее, должна была, по его мнению, иметь очень большую подвижность и придавать хвосту животного колебательные, извивающиеся движения в вертикальной плоскости. Кроме того, "механизм движения должен был поддерживаться парой боковых симметричных складок, расположенных почти по всей длине хвостовой части тела".

Эта гипотеза кажется более правдоподобной, так как наличие двух очень небольших лопастей на конце достаточно длинного хвоста почти не увеличивает эффективность его работы. Такое "техническое" решение природы не встречается ни у одного известного животного, ведущего водный образ жизни и имеющего длинный, утончающийся к концу хвост, ни у рыб (угри), ни у амфибий (тритоны), ни у рептилий (плезиозавры), ни у млекопитающих (гигантская выдра *Pteronura*). Все эти животные имеют хвосты или заостряющиеся, или приплюснутые с боков, или совершенно плоские. Вероятно, такое же строение мог иметь и хвост зеглодона. Но, скорее всего, среди *Archeocetes*, которых было множество видов и они были очень разнообразны, одни пошли по пути удлинения хвоста, другие - по пути его расширения.

Всего этого, однако, было бы недостаточно, чтобы достигнуть отличной стабилизации. Надо заметить, что у всех современных китообразных спинной плавник тем более развит, чем более узок хвост, и наоборот. Так, у косатки, у которой из всех китообразных самый высокий плавник, лопасти хвоста самые маленькие, а у кашалота, имеющего самый широкий хвост, спинной плавник очень редуцирован, почти исчез. Прекрасная стабильность в продольной оси может быть достигнута, и это совершенно очевидно, увеличением соответствующего органа в вертикальной плоскости так же хорошо, как и в горизонтальной.

Но применение одного из этих вариантов не решает проблем стабилизации в других плоскостях. Надо признать, что даже у китообразных, которые имеют такой эффективный орган стабилизации в горизонтальной плоскости, как широкий хвост, полное отсутствие спинного плавника все же компенсируется другими средствами: иногда - строением самой головы (как у гренландского кита, голова которого настолько огромна, что занимает почти третью часть длины всего тела), иногда присутствием целого ряда горбов, как у серого кита или кашалота-мегацефала. Это не дает животному без конца опрокидываться, когда оно в задумчивости медленно передвигается при помощи своих передних плавников, а также позволяет ему сохранять прямолинейный курс. Достаточно здесь вспомнить о превосходстве мореходных качеств лодки с выпуклым дном перед плоскодонкой, например надувной.

Все вышесказанное подчеркивает большое значение для всех морских животных органов, приводящих их в движение и обеспечивающих стабилизацию во всех трех плоскостях без исключения. Важность этого принципа уменьшается, конечно, для животных медлительных и вялых, которые, кроме того, чаще всего живут в спокойной воде; так, например, сирены, спокойно и неторопливо пасущиеся в зарослях водорослей в устьях рек, могут обходиться совсем без спинного плавника.

Но это совсем не тот случай, который мы встречаем у зеглодона. Эти древнейшие китообразные имели довольно небольшой рот, не позволявший удовлетвориться собиранием пищи как драгой, наподобие современных синих китов. Они должны были преследовать свою добычу - рыбу и кальмаров - с большой скоростью, поэтому были сконструированы природой для гонок. Для них, с их длинным, заостренным хвостом, несущая поверхность которого достаточно мала, отсутствие всякого спинного плавника кажется невыносимым. Из всех известных китообразных они являются как раз теми животными, для которых хорошо развитый спинной плавник совершенно необходимая вещь! Может быть, это был один плавник, высокий и короткий или низкий, но длинный; могла быть также и комбинация двух предыдущих случаев - спинной плавник средней величины, но расположенный вдоль спины на значительной длине или сериями небольших зубцов. В последнем случае перед нами окажется совершенно такая же картина, как у морского змея из Массачусетса.

Существовали ли зеглодоны с длинной шеей?

Все идет к тому, что подтверждается точка зрения преподобного Вуда. Остается рассмотреть, каким образом он избавился от очевидного несоответствия между короткой шеей зеглодонов и ее поразительной длиной у большинства морских змеев.

Конечно, преподобный Вуд имел основания подвергнуть сомнению справедливость многочисленных реконструкций этого животного палеонтологами. У него перед глазами был пример зеглодона, принятого сначала за огромного ящера и названного базилозавром (*Basilosaurus*). Вспомним и историю с игуанодоном. В середине прошлого века Ватерхаус Хоукинс решил населить парки Кристал Пэлейса в Сайденхейме гигантскими реконструкциями динозавров в полный рост, выполненными точно в соответствии со знаниями того времени. Звездой этого доисторического стада из армированного бетона был огромный полый игуанодон, внутри которого 31 декабря 1853 года состоялся памятный обед в честь цента британской зоологической науки. На нем председательствовал сам сэр Ричард Оуэн, которого никак нельзя назвать шутником и любителем розыгрышей. Он произнес по этому случаю речь, полную восхвалений в адрес Кювье, Бакленда и Мантелла. Однако все дело в том, что игуанодон был представлен в виде чудовищного носорога с толстым хвостом. И только в 1878 году был найден в Бельгии, в каменноугольных породах, почти полный скелет, кости которого остались на месте. И тогда оказалось, что игуанодон имел вытянутый и поднятый силуэт, скорее похожий на кенгуру, а самое интересное, что рог, который ему обычно располагали на носу, в действительности оказался пальцем ноги в виде шпоры! Самые знаменитые представители британской науки пировали в чреве абсурдного монстра, место которого - на страницах фантастического комикса...

Вся история палеонтологии заполнена промахами подобного рода. Сам великий Кювье совершал ошибки и достаточно монументальные. Так, из-за своих зубов игуанодон казался ему не рептилией в форме носорога, а, что еще хуже, настоящим носорогом, и он же считал *Chalicotherium*, парадоксального травоядного с когтями, гигантским ящером!

Но - оставим в стороне тяжелые воспоминания - с зеглодоном, а теперь это точно известно, не могло быть таких грубых ошибок в реконструкции, как в случае с игуанодоном Хоукинса. Было найдено множество костей зеглодона и даже несколько полных скелетов в слоях эоцена по всему миру: в Англии и Новой Зеландии, Северной Америке и Египте. Здесь ошибка невозможна: зеглодон имел гибкую, но относительно короткую шею, сравнимую, скорее, с шеей тюленя (и я здесь еще щедр).

Такое строение зеглодона позволяет, конечно, сравнивать его с описаниями множества морских змеев, но не с теми, где фигурируют особи с лебедиными шеями, или теми, которых видели поднявшимися из воды в виде огромной ручки от зонтика.

Надо ли говорить, что эти морские змеи, так часто встречаемые в океане, не могли никоим образом быть родственниками зеглодонам? Это очевидно. Но нет пока и никаких доказательств, что не существовало раньше и не может существовать сейчас в семействе зеглодо-нопоподобных или в родственных семействах (*Dorudontites* или *Protocetides*), короче среди *Archeocetes*, к которым относятся они все, видов с вытянутой шеей. Во всяком случае, бросается в глаза, что во всей этой группе животных имеется тенденция к увеличению длины тела. Ремингтон Келлог подчеркивал даже, что удлинение поясничных позвонков у некоторых видов зеглодонов - уникальный случай среди млекопитающих. На первый взгляд кажется, что эта тенденция к удлинению распространяется только на хвост, который становится поистине безразмерным. Но не надо заблуждаться: вытягивается все тело - шейные позвонки также становятся необычно удлиненными. Сам череп вытягивается - формируется даже продольный костяной гребень. (У современных китообразных иногда наблюдается увеличение челюстей в форме клюва, но черепная коробка всегда как бы приплюснута, чтобы иметь лучшую гидродинамическую форму.) Поэтому не надо удивляться тому, что у некоторых видов *Archeocetes* сама шея могла присоединиться к общей тенденции к удлинению.

Не будем забывать, что нам известно ничтожное количество существ, живших в то время на суше, еще меньше - в морях и еще меньше - в океанах. Это подтверждается

тем, что мы до сих пор не знаем, от кого произошли китообразные, которые должны были бы первоначально обитать в реках и озерах. Осадочные слои этих древних водных бассейнов не сохранились. Мы также ничего не знаем о их последующей эволюции. Возможно, как писал известный американский палеонтолог Джордж Гейлорд Симпсон, "некоторые главные исторические события происходили только в больших океанских бассейнах и напрямую не затрагивали прибрежные воды и периферийные моря, в которых найдены все известные нам останки древних китообразных". Говоря языком геологии, современные китообразные кажутся внезапно возникшими из ниоткуда, со всеми свойственными им признаками высокой специализации.

Archaeocetes сохранили некоторые первичные черты, такие, как различающиеся зубы, ноздри, расположенные на конце морды, гибкую, подвижную шею и конечности, трансформировавшиеся в ласты. Они составляют независимую линию, значительно отличающуюся от зубатых и усатых китов, которые тоже как бы появились уже достигшими совершенной специализации. Их история так же неполна и фрагментарна, как и история дельфинов и китов.

Слуховой аппарат зеглодонов очень похож на аппарат современных китов, и похоже, что они также могли нырять на большую глубину: это были животные открытого океана, и они почти не имели шансов совершенно исчезнуть. Только отступление моря с обширных пространств суши позволило нам найти их останки в осадочных породах, когда-то составлявших дно моря. Кто знает, если их эволюция и специализация продолжалась и в дальнейшем, не могли ли они стать еще более уникальными хозяевами океанских просторов?

Может, по одной и той же причине мы не можем найти ни останков предков современных китообразных в доступных для нас геологических слоях, ни останков морских змеев на наших берегах. Не в обиду будь сказано профессору Симпсону, который неосторожно заявил в 1945 году: "Совершенно очевидно, что почти все виды существующих сейчас млекопитающих открыты", но он сам в то же время предоставил в наше распоряжение аргументы, не позволяющие в это поверить.

Перемена в мнении д-ра Удеманса

Все эти доводы в пользу идентификации зеглодона с морским змеем не были известны молодому Удемансу, когда он писал свою первую статью в 1881 году.

Более того, он вскоре уже находился под впечатлением других аргументов, которые, наоборот, указывали на невозможность их идентифицировать.

В своей большой монографии о великом морском змее, опубликованной одиннадцать лет спустя, он высмеял Ширли В. Вуда-младшего за идею, что зеглодон мог иметь не только длинную шею, но и двухлопастный хвост, похожий на хвост современных китообразных. Когда Удеманс наконец познакомился со статьей преподобного Вуда, его собственный труд был уже в основном написан, и он уделил ей несколько строк в послесловии, подчеркнув ее большой интерес, но также "неточность с точки зрения зоологической науки" и сопроводив ироническими замечаниями по поводу мнения автора о том, что короткая шея *Basilosaurus* могла быть просто следствием "ошибки реставратора". Что касается собственных прошлых заблуждений, он отнес их на счет своей в то время крайней молодости и недостатка информации: "...мне, как и множеству авторов, писавших на эту тему, казалось, что можно разрешить эту сложную проблему не прочитав всего, что было написано до меня о морском змее, или по крайней мере воспользовавшись только несколькими редкими сообщениями!"

Что же должно было произойти, чтобы оправдать такой резкий поворот в мнении? Конечно, наш молодой зоолог имел возможность познакомиться с множеством новых сообщений о встречах с морским змеем. После систематических поисков он довел их число в своем архиве с 65-ти до 187-ми, не считая тех, которые он посчитал следствием ошибок или результатом фальсификаций.

И, конечно, он стал старше, образованнее и мудрее. (Но это не всегда благоприятствует появлению революционных теорий.) В 1885 году, после того как он посвятил несколько лет скрупулезным, исследованиям морских червей, оттачивая руку на препарировании этих существ и долгими ночами рассматривая их в микроскоп, он завершил работу над докторской диссертацией о системе кровообращения и пищеварения червей немер-тинов. Его авторитет в научном мире настолько вырос, что вскоре ему предложили встать во главе Зоологического и ботанического общества Гааги. С этого момента он мог ближе познакомиться с животными более внушительных размеров в зоологических садах самого богатого города Голландии, которые также оказались на его попечении. Судя по его записям, интересы Удеманса в то время делились между совсем недавно исчезнувшими нелетающими птицами Маскаренского архипелага, гигантскими кальмарами, выброшенными на берег, и, заметьте это, тюленями.

За всем этим явно маячит тень морского змея. Она, должно быть, неотступно преследовала его и будоражила его воображение, когда он бродил по просторному пляжу Шевенингена и наблюдал за играми тюленей в бассейнах "своего" зоологического сада. Он стал к тому времени видным, красивым мужчиной, с усами и окладистой бородой; ясный и слегка сдержанный взгляд его глаз говорил об интеллигентности и наличии юмора.

И вот однажды решение было принято. Он публикует углубленное исследование по этому вопросу, который занимал его столько времени. С 1889-го по 1892 год он посвящал этой теме все свое свободное время, отдаваясь ей телом и душой. На этот раз из его исследований и размышлений выходило, что морской змей был не чем-то вроде зеглодона, как он считал раньше, но представителем ластоногих, иначе говоря, длинношеим кузеном тюленей и моржей.

У морского змея две или четыре лапы?

На самом деле д-р Удеманс не так уж радикально изменил свое мнение, как может показаться с высоты наших дней. Действительно, в конце прошлого века в научных кругах некоторое время считалось, что зегло-доны были близкими родственниками ластоногих. Поэтому я думаю, что решающее значение в зарождении новой гипотезы д-ра Удеманса сыграло исследование профессора Арчи У. Томпсона, опубликованное среди других в отчетах Парижского международного зоологического конгресса, прошедшего в 1889 году под лозунгом "Надо ли причислять зеглодонов к китообразным?".

Профессор зоологии из "Юниверсити колледж" в Данди, в Шотландии, отвечал отрицательно на этот вопрос. В то время зеглодона считали переходным этапом эволюции между ластоногими и китообразными,- Томас Хаксли пытался представить его связующим звеном между первыми и вторыми. Но большинство все же видели зеглодона среди китообразных. Профессор Томпсон попытался доказать, что необходимо было отделить их от последних, что они отличались от китообразных множеством примитивных особенностей, и предложил причислять их, скорее, к ластоногим. Удеманса эта идея настолько воодушевила, что он пошел еще дальше и предложил классифицировать зеглодона как настоящего ластоногого. Он придумал даже вид мифического протоластоногого, с длинным хвостом, принадлежавшего к группе выдр, который и дал рождение, с одной стороны, зеглодонам, с другой остальным ветвям ластоногих. Эти ластоногие, как и зеглодон, вначале тоже имели длинный хвост. Затем, в то время как одни теряли мало-помалу свой хвост, трансформируясь в тюленей и моржей, другой вид сохранил его и достиг гигантских пропорций: это теперь великий морской змей, столь близкий сердцу Антона Корнелиса Удеманса.

Сразу же оговоримся, что подобное генеалогическое дерево сегодня, в свете современных знаний, совершенно неприемлемо. В результате многочисленных

открытий палеонтологов зеглодоны воссоединились с отрядом китообразных, который разделяется на три подотряда, отличающихся друг от друга некоторыми особенностями: Archeocetes, Ondontocetes, или зубатые киты, и Mysticetes, или усатые киты. Больше нет вопроса о существовании родственных связей между китообразными и ластоногими. Лучшие знатоки китообразных сходятся в мнении, что они приближаются скорее к копытным, чем к хищникам, к которым, без сомнения, относятся ластоногие.

В 1926 году профессор Рауль Антони вслед за Джоном Хантером рассматривал китообразных как животных более близких к непарнокопытным (тапиры, носороги и лошади) по их анатомическим признакам. В 1950 году американские микробиологи Боу-ден и Джемерой нашли, что они более близки к парнокопытным (свиньи, гиппопотамы, жвачные), проведя исследования крови. Вероятно, более осторожным было бы, подобно Сержу Фречкопу (1944), принять, что "их отделение от общих для всех млекопитающих корней должно было предваряться разделением травоядных и хищников". Во всяком случае, произошло ли это отделение до или после разделения травоядных! от хищников, оно должно было произойти задолго до того, как ветвь ластоногих отделилась от ствола плотоядных.

Чтобы не углубляться дальше в споры специалистов по филогенезу, подчеркнем фундаментальное отличие, которое разделяет теорию, причисляющую морского змея к зеглодонам, и теорию, причисляющую их к ластоногим.

Согласно первой, речь идет о животном, имеющем только пару передних конечностей, по второй, животное имеет две пары конечностей.

Одна или две пары лап - that's the question.

За монстром надо охотиться так, как когда-то охотились за метеорами

Что касается метода, д-р Удемандс применил в своей работе метод, использованный Кладни в классическом труде о метеорах, появившемся в Вене в 1819 году. Удемандс сам сказал об этом в предисловии.

Во все времена метеориты, или, как их называли, небесные камни, падали на Землю. Кое-кто систематически их подбирал, и таким образом были собраны любопытные частные коллекции. Некоторые эрудиты допускали космическое происхождение метеоритов, но большинство ученых открыто высмеивали их доверчивость и наивность и не жалели для них сарказма: "Неужели они представляют,- издевались они,- что жители Луны решили забросать камнями несчастных землян?" Боясь насмешек, обладатели небесных камней часто вынуждены были скрывать собранные коллекции или даже выбрасывать свои находки. Это положение могло длиться долго, и никогда правда не пробилась бы сквозь свинцовую стену догматизма.

Винт Эрнст Флоренс Фредерик Кладни был одним из тех, кто твердо верил в космическое происхождение метеоритов. И он занялся тем, что принялся собирать все сообщения, касающиеся падающих с неба камней, начиная с древности и до XIX века, и скопил, с одной стороны, просто огромное количество фактов, с другой впечатляющий ряд совпадающих свидетельств во многих независимых наблюдениях. Пелена упала с глаз неверящих. Началась настоящая охота за метеоритными камнями, которые оказались отличными от камней, имевших земное происхождение. С той поры казавшееся невероятным существование камней, падающих с неба, было установлено раз и навсегда.

То, что Кладни сделал для метеоритов, Удемандс собрался сделать для морского змея и принялся за дело таким же образом.

Сначала он приступил к систематическому, кропотливому, неустанному и тщательному исследованию всех произведений, журналов или просто газет, в которых говорилось о морском змее или упоминалось о морском чудовище, которое могло им быть. Его библиография содержала не менее трехсот названий, из которых около двухсот он изучил сам, а с остальными познакомился из вторых рук.

Тщательно переписав наиболее интересные фрагменты своим мелким, аккуратным и правильным почерком, он расположил все наблюдения в хронологическом порядке. Затем собранный таким образом материал Удеманс был вынужден разделить на три части.

Сначала он отбросил все грубые мистификации и абсурдные или фантастические истории, которые могли бы только дискредитировать дело. В большинстве случаев это было не так уж и сложно, мистификаторы часто сами выдавали себя. Но были также и очень неясные случаи. Надо признать, что Удеманс, с одной стороны, отбрасывал некоторые факты, кажущиеся достойными доверия, по непонятным и несправедливым мотивам; с другой стороны, он принимал за достоверные отдельные очень сомнительные случаи. И все потому, что уже давно имел настолько ясное представление о внешности морского змея, что принимал за образец истинности что-то вроде фоторобота, сложившегося в его голове. И по тому, совпадало ли описание неизвестного животного или нет с его собственным представлением, он принимал его или отбрасывал. Это, по моему мнению, самый большой недостаток работы Удеманса: она основывается на той предвзятой идее, что в океане существует только один-единственный вид крупного змееподобного существа, еще неизвестного науке. Вдумайтесь: это то же самое, что заявить о существовании в океане единственного вида крупного животного с веретенообразным телом. В действительности их по крайней мере несколько и они принадлежат даже к совершенно разным, достаточно далеким друг от друга группам животных: акулы, костистые рыбы (тунец), зубатые и усаые киты, тюлени. Если мы оглянемся в прошлое, то к рыбам и млекопитающим сможем добавить и рептилий, например ихтиозавров. Почему должно быть иначе у змееподобных? В водной стихии удлиненная форма тела так же распространена, как и веретенообразная. Мы знаем, что раньше существовали и живут сейчас в морях различные виды змееобразных животных: костистые рыбы (угри и рыба-ремень), рептилии (плезиозавры или мозозавры), наконец, китообразные, например зеглодоны. Действительно, было бы странно принять а priori, что в безбрежном океане может существовать один-единственный вид крупного змееподобного существа, кроме тех, которые были уже надлежащим образом зарегистрированы.

Однако наш директор всех зоопарков Гааги заслуживает извинения. В то время надо было иметь особенное мужество, чтобы заявить о существовании хотя бы единственного вида морского змея. Несмотря на свой авторитет, на добросовестное выполнение обязанностей, Удеманс стал объектом жестоких нападок. Но, вообще говоря, можно признать, что он в какой-то мере поколебал скептицизм ученых мужей по отношению к проблеме морского змея. Кто знает, может, еще более смелая идея лишила бы его всякого доверия и поставила в один ряд с теми сумасшедшими учеными, которых Раймон Кено описал в своем романе "Les Enfants du limon".

И герой должен знать меру. Продвижение ученых в неизведанное можно сравнить с рейдом разведчиков по вражеской территории, с героическим прорывом нескольких подразделений во вражеские укрепления. Но разведывательный отряд не должен заходить слишком далеко и терять контакт с основными силами армии.

Фоторобот морского змея по Удемансу

Отсеяв то, что он считал ошибками, розыгрышами и злостными фальсификациями, Удеманс продолжал отделять зерна от плевел, отбрасывая все сообщения, может быть, искренние и правдивые, но относящиеся, совершенно очевидно, к уже известным животным: сверхкрупным кальмарам, гигантским акулам, сельдяным королям, морским червям, большим угрям и настоящим морским змеям. Закончив наконец эту работу, голландский зоолог оставил в качестве достоверных только 162 сообщения за период наблюдений с 1522-го по 1890 год. В послесловии он добавил еще 25, полученных перед самой передачей книги в печать, что довело до 187-ми общее количество случаев, рассматриваемых им в качестве достаточно

убедительных.

Среди них есть несколько, которые надо отбросить из-за их сомнительного характера или слишком туманных описаний, но они, скорее, исключения. Во всяком случае, количество достоверных наблюдений огромно, если представить, насколько может быть бедной информация о некоторых морских гигантах, существование которых вполне доказано. Так, в 1936 году, приступив к изучению огромной китовой акулы (*Rhineodon*), д-р П. Чеви из океанографического института Индокитая, установил, что к этой дате огромную рыбу, размеры которой могли достигать 16 метров в длину, наблюдали всего 78 раз, еще 11 других раз с очень большой вероятностью это была тоже она, но абсолютной уверенности не было.

Таким образом, к 1936 году было только 89 достоверных наблюдений, которые можно отнести к китовой акуле, этому крайне медлительному, вялому, с мягкими, граничащими с тупостью повадками животному, к которому очень легко приблизиться. Ее смогли сфотографировать и даже загарпунить несколько экземпляров; с некоторыми из этих акул даже сталкивались корабли.

Заметим здесь же, что к этому времени Удеманс, который продолжал собирать свидетельства о морском змее и после опубликования своей книги, имл уже в своем архиве не менее 250 случаев! Этому относительно изобилию сообщений о морском змее, который относится к очень резвым, подвижным и ловко уклоняющимся от встречи животным, можно дать только два объяснения: или наш подопечный принадлежит к виду чрезвычайно распространенному, или к нескольким, но менее многочисленным.

Д-р Удеманс старался показать, что в большинстве описаний морского змея нет серьезных противоречий, в общих чертах они похожи и могут дополнять друг друга. На их основе можно составить не только очень точное представление о внешнем виде животного, но и вообразить многие детали его физиологии, поведения и даже психологии. Можно представить себе аргументированность и тщательность этих выводов, если знать, что они занимают 77 книжных страниц!

Было бы нескромно с моей стороны предложить лучшее резюме книги, чем то, что дал большой специалист по морской биологии французский профессор румынского происхождения Эмиль Раковитца. Вот в каких выражениях он кратко изложил суть выводов д-ра Удеманса относительно великого морского змея:

"Размеры, упоминаемые различными авторами, варьируются от 20 до 250 футов (от 6 до 76 метров), но наиболее часто говорится о тех, длина которых составляет

50-100 футов (19-30 метров). Голова очень маленькая по сравнению с телом ($1/25$ от общей длины) и формой похожа на голову змеи, но иногда ее описывают похожей на голову собаки, моржа, настоящего тюленя или ушастого тюленя. Морда вытянута, и несколько раз на ее кончике были замечены вибриссы (усы). Под горлом и по бокам шеи имеются складки кожи, пасть поперечная, широкая, расположенная на конце морды; глаза очень большие, блестящие, черного цвета с красным отблеском. Шея очень длинная (почти $1/5$ общей длины тела), более тонкая, чем голова, и явно отделяется от тела расширением на уровне плеч, где расположена пара плавников, похожих на плавники черепахи или тюленя. Округлое тело более широкое в передней части и оканчивается заостренным хвостом, огромным по длине. Он составляет почти половину общего размера животного. Этот задний отросток имеет цилиндрическую форму и гораздо более тонкий, чем остальное тело, даже у основания. Кожа описывается как гладкая и блестящая, и только два раза упоминается о чем-то похожем на чешую. Удеманс считает, что раз животное имеет вибриссы, то его кожа должна быть обязательно покрыта шерстью и своим блестящим и гладким видом она обязана тому, что шерсть мокрая и прилипла к телу. Шкура тюленя имеет такой же вид, когда он вылезает из воды.

Цвет морского змея некоторые наблюдатели называют желто-серым, но

большинство сходится на том, что он бурый. Во всяком случае, цвет более темный на спине, чем на брюхе, где он несколько раз указывался как чисто белый. В некоторых сообщениях говорится о гриве, тянущейся от вершины головы до начала хвоста, вдоль всего тела по середине спины. Она более густая на шее и на плечах, и ее часто сравнивают с гривой лошади или с пучком водорослей. Но другие наблюдатели ее не замечали или твердо заявляли, что виденные ими животные гривы не имели. Удеманс объясняет это расхождение половым различием, мол, только самцы обладают таким украшением, а самки нет.

Пищей морского змея должна, по всей видимости, служить рыба, так как его иногда видели преследующим их стаи. Он нападает даже на тюленей и дельфинов, судя по тому ужасу, который вносит в стада этих млекопитающих близкое присутствие морского змея.

Появляясь на поверхности, он испускает фонтан, по всей вероятности из ноздрей, во всяком случае, очевидцы иногда видели фонтаны пара, вырывающиеся из окончания морды, а не из макушки головы, как у китообразных. Его появлению на поверхности предшествует грязно-серое пятно, а сам он распространяет сильный и зловонный запах. Плавает он часто с высоко поднятой над поверхностью воды головой, и подвижность всей видимой части его тела очень велика. Морской змей передвигается, совершая волнообразные извивающиеся движения в вертикальной плоскости, но может легко изгибаться полукругом в любом направлении, и тогда на его теле появляются большие складки, как у животных, имеющих толстый слой подкожного жира. Его передние плавники работают попеременно, как у черепахи, когда он плывет медленно, но, набирая скорость и двигаясь с помощью колебательного движения тела, он прижимает плавники к бокам. Во время движения над водой видна только небольшая часть его тела, а хвост не показывался никогда.

Характер морского змея кажется довольно миролюбивым: не было случая, чтобы этот колосс напал на наблюдавших за ним людей, даже если в него стреляли из ружей. Нрав у него игривый и жизнерадостный, очевидцы часто наблюдали за его прыжками и кульбитами. Он часто появлялся на виду в хорошую погоду и встречался, пожалуй, во всех морях и океанах, за исключением прибрежной части Антарктиды".

Почему его встречают только летом?

Таким образом, морской змей представляется настоящим космополитом. Если его чаще встречали в Атлантике и реже в Тихом океане или Индийском, то Удеманс объясняет это тем, что Атлантический океан является настоящей "столбовой дорогой народов". Я сам должен признать, что по мере того, как проходили столетия и появлялись новые морские пути, сообщения о неожиданных встречах из недавно еще мало посещаемых, удаленных районов становились все более частыми. Эта тенденция, как мы увидим в дальнейшем, будет только усиливаться в течение XX века: в то время как сообщения о новых встречах стали немного более редкими из морей с оживленными морскими торговыми путями, их число из новых зон морского судоходства, в частности из Тихого океана, увеличилось.

Хотя и космополит, морской змей имеет свои предпочтения. Особенно это касается климатических условий. Его голландский биограф показал, что монстр явно равнодушен к хорошей погоде. Его практически всегда встречали в теплое время года при ярком солнце и спокойном море. Кроме того, изучение мест, где он попадался на глаза очевидцам, показывает, что он отдает предпочтение теплым океаническим течениям. Короче, он явно выражает склонность к теплу. И именно поэтому его летом встречали в основном в северном полушарии, а зимой он мигрирует в южное полушарие, где в это время наступает лето. Так как большинство оживленных морских путей находятся в северном полушарии, понятно теперь, почему в основном только летом морской змей заставляет говорить о себе!

После всего, что мы узнали, Удемансу остается только уточнить, что же

представляет собой этот морской монстр, о котором уже известно так много.

Согласно гипотезе голландского зоолога, морской змей, за которым он сохраняет, уважая приоритет, название *Megophias*, предложенное в 1817 году Рафи-неском, является не рептилией, а млекопитающим, чем-то вроде гигантского тюленя с вытянутой шеей.

По его реконструкции, животное имеет, как и тюлень, четыре перепончатые конечности-ласты, горбы - утолщения на спине, обремененные своим происхождением слою подкожного жира, и веретенообразную голову. Но Удеманс строит свои выводы на довольно шатком основании: во-первых, на том факте, что животное было несколько раз описано выбрасывающим фонтаны пара при дыхании,- отсюда предполагается его теплокровность и принадлежность к млекопитающим. Так как никто не оспаривает, что иногда эти фонтаны сдвоенные и исходят во всех известных случаях из окончания морды, а не из вершины головы, делается вывод, что животное дышит ноздрями. Следовательно, это не китообразное,, по крайней мере не принадлежит к современным китам. Все киты имеют только одну пару плавников. Отсюда вывод, что *Megophias* должны принадлежать к другой большой группе морских млекопитающих, возможно ластоногим. Осталось сделать только шаг.

"С другой стороны,- замечает Удеманс,- зверю приписывают гладкую на вид, за редким исключением, кожу, во всяком случае лишенную чешуи. Кроме того, очень часто очевидцы указывают на наличие гривы, которая характеризует самца, и особенно вибриссов, то есть усов, которые также свидетельствуют в пользу гипотезы, указывающей на его принадлежность к млекопитающим, а точнее, к ластоногим".

Кроме того, Удеманс считает маловероятным присутствие морского пресмыкающегося в холодных морях, подобных тем, что омывают берега Гренландии, Исландии и Норвегии.

Голландский ученый, как мы уже знаем, не останавливается на этом, он идет дальше и закрепляет за морским змеем место в генеалогическом древе млекопитающих - на ветви ластоногих, где другие ответвления занимают моржи, настоящие тюлени и ушастые тюлени.

Мы уже знаем судьбу этой гипотезы Удеманса. Было бы нечестным с нашей стороны придирается к деталям его генеалогической теории, ведь она вполне согласовывалась со знаниями того времени, которые теперь устарели. Но в главном его гипотеза не потеряла своей ценности и сегодня: *Megophias* вполне может быть и ластоногим. Но действительно ли это так? Больше того, является ли *Megophias* вообще млекопитающим?

Могли ли морские пресмыкающиеся иметь гладкую кожу и теплую кровь?

Станем на мгновение адвокатами самого дьявола. Признаем, что, хотя и очень тщательно выполненное, исследование Удеманса далеко от того, чтобы быть абсолютно убедительным и доказательным, особенно в том, что касается определения природы морского змея.

Во-первых, своим внешним обликом *Megophias* скорее похож на плезиозавра, чем на любого из млекопитающих. Но это еще не все. Некоторые из свидетелей, наблюдавшие эту змееподобную бестию достаточно близко, говорят о наличии у нее чешуи. Ошибка в наблюдении, утверждает Удеманс. Даже если это допустить, то надо признать, что нет никаких доказательств того, что такие прекрасно адаптировавшиеся к водной стихии рептилии, как плезиозавры, не могли иметь совершенно гладкой шкуры, потеряв чешую в процессе эволюции. Среди рыб наблюдается иногда подобный феномен, примером могут служить угри, и в то же время у наиболее приспособившихся к морской жизни млекопитающих, таких, как китообразные, совсем нет шерсти. Наконец, не забудем одного из самых редких сейчас представителей морских рептилий - кожистую черепаху (*Dermochelys coriacea*) - она уже не имеет чешуи ни на голове, ни на шее, ни на плавниках, а все, что осталось от панциря, превратилось в нечто вроде

толстой, как бы выдубленной кожи.

Во-вторых, мы совершенно определенно знаем, что некоторые крупные рептилии мелового периода были лишены чешуйчатого покрова. В 1908 году натуралист из Канзаса Чарлз Стернберг обнаружил в слоях песчаника, относящихся к верхнему мелу, мумифицированные останки траходона, морского родственника игуанодона, с утиноподобным клювом. Его кожа была тонкой, усеянной бугорками, как мяч для игры в гольф, но совершенно лишена чешуи.

Остается, конечно, вопрос с усами. Но по размышлении можно заметить., что до Удеманса только старик' Понтотипидан недвусмысленно говорил о них. Что касается пресловутой гривы, она могла состоять и из материала, отличного от шерсти или волоса: кожные выросты некоторых земноводных, например странная бахрома волосатой лягушки, и гибкие лучи плавников некоторых рыб могут вполне сойти за гриву. Удеманс объясняет, что это украшение, замеченное у одних особей и не наблюдавшееся у других, является признаком полового диморфизма, как у львов, например. Но отметим, что у гривастых тюленей, к которым, по Удемансу, морской змей значительно ближе, самки имеют это украшение так же, как и самцы! Напротив, у многих современных видов ящериц - и ничто не мешает допустить, что этого не может быть у крупных пресмыкающихся,- кожные наросты, такие, как спинные гребни, подгрудки, шипы, зоб, почти всегда более развиты у самцов, если они у них, конечно, есть. Это особенно бросается в глаза у игуан, анолисов, драконов и василисков.

Удеманс считает присутствие пресмыкающихся в холодных водах Скандинавии почти недопустимым. Но что мы знаем, в самом деле, о физиологии гигантских рептилий мелового периода? Нет никаких доказательств того, что они были холоднокровными, то есть что их внутренняя температура тела следовала за всеми изменениями внешней температуры, как у современных рептилий. Однако и у последних этот процесс не всегда так жестко связан и зависит от размеров тела. Опыты Эдвина Колберта, Р.-Б. Коула и Чарлза Богерта над аллигаторами во Флориде показали, что скорость изменения температуры обратно пропорциональна их размерам. Можно предположить, вместе с профессором Жаном Пивто, что у доисторических гигантских ящеров мелового периода колебания температуры тела вслед за ее изменением в окружающей среде должны были иметь очень небольшую амплитуду. В некоторой степени рептилии могли иметь качества теплокровных животных, сравнимые с теми, которыми обладали птицы и млекопитающие.

У некоторых доисторических рептилий мелового периода эта "теплокровность" могла даже основываться на системе регуляции почти такой же совершенной, как и у существ с так называемой горячей кровью. Напомним: с одной стороны, некоторые палеонтологи считали, что наличие полых и наполненных воздухом костей у динозавров должно было быть связано, как, например, у птиц, с постоянством температуры тела. С другой стороны, на отпечатках летающих рептилий мелового периода были найдены следы сальных желез и даже шерстяного покрова, что указывает на наличие у них процесса и системы терморегулирования.

Короче, с очень большой вероятностью можно утверждать, что плезиозавры были способны сопротивляться температурам более низким, чем те, которые могут переносить современные рептилии, такие, как крокодилы. Кроме того, аргументация Удеманса содержит еще одно противоречие на этот счет: с одной стороны, он отказывает Megorhias в принадлежности к рептилиям на том основании, что они часто заплывали в прибрежные шотландские и норвежские моря, но, с другой стороны, сам же подчеркивает, что морской змей предпочитает именно теплые воды и активно ищет более благоприятных климатических условий, совершая для этого впечатляющие миграции. На основании аргументов самого Удеманса можно также легко показать, что у Megorhias довольно мало шансов оказаться родственником ластиногих: большинство этих животных обитают в приполярных водах арктических и антарктических морей, и

если они по каким-либо причинам покидают их, то при этом стараются воспользоваться холодными течениями, выходящими из этих районов. Напротив, Megophias никогда не встречались, за редким исключением, ни в холодных водах Ледовитого океана на севере, ни ниже/45-й параллели на юге, что еще более примечательно. Изучение географии встреч с морским змеем показывает, что он практически никогда не покидает теплых течений.

Аргументация, основанная на выбрасывании при дыхании фонтана теплого пара из ноздрей, теряет большую часть своей убедительности, если принять, что крупные доисторические рептилии могли быть теплокровными. С другой стороны, даже отклоняя это предположение, мы видим, что контакт между выдыхаемым воздухом и окружающим, более холодным, играет лишь вторичную роль в конденсации пара при дыхании китов. Если бы это было иначе, как можно было бы видеть фонтан у кашалотов в тропиках? В действительности дыхание становится видимым, как след самолета, летящего в стратосфере, в результате снижения температуры, вызываемого резким падением давления сжатого газа: воздух, накопленный в легких и находящийся в них под повышенным давлением, резко вырывается наружу при открывании дыхательного отверстия, давление быстро падает, и содержащиеся в нем пары воды конденсируются. Следовательно, рептилии, поднявшиеся из глубины, также могут иметь "видимое дыхание". Из современных водных рептилий только морские игуаны с Галапагосских островов иногда выбрасывают небольшие струйки пара из ноздрей. В таком случае...

Как видите, вопрос о "млекопитающей" природе Megophias далек от разрешения абсолютно определенным образом. Даже если принять аргументы д-ра Удеманса. По всей видимости, самым сильным доводом в пользу его теории являются очевидные волнообразные колебания тела морского змея в вертикальной плоскости при движении, и это единственное, что строго поддерживает гипотезу голландского ученого.

Действительно ли речь идет о тюлене с лебединой шеей?

Ахиллесовой пятой работы Удеманса является его почти навязчивая идея породнить Megophias с ластоногими, и только с ластоногими.

Наличие длинной растительности вокруг пасти далеко не доказано. К тому же ластоногие не обладают монополией на усы среди морских обитателей. Нет ничего невозможного и в том, что вибриссы могли иметь Arheo-cetes и особенно зегло-доны.

Конечно, Megophias, по Удемансу, имеют целых две пары ластообразных конечностей, и это не позволяет причислить их к китообразным. Но на каком количестве наблюдений, приведенных в "Великом морском змее", вы думаете, основано такое предположение? На двух, ни больше, ни меньше!

Первое относится к поимке в середине XVIII века четырехлапого морского змея длиной 6 метров норвежскими крестьянами у Сандмора. Вторым мы обязаны капитану Хоупу, который с борта военного английского корабля "Флай" сквозь прозрачные воды Калифорнийского залива увидел подобного монстра плывущим у самого дна. Но одна деталь в описаниях этих двух существ должна привлечь наше внимание. В первом случае уточнялось, что чудовище "похоже на крокодила", во втором - что голова и общие контуры тела монстра "напоминали аллигатора". Это совсем не те признаки, по которым можно узнать лебединошеего тюленя д-ра Удеманса. Отметим, кроме того, что из всех выбранных голландским ученым как достоверные свидетельства это практически единственные, где неизвестные животные описываются похожими на крокодилов! Возможно, в этот ряд входят еще "морской крокодил" Сакраменто, о котором Удеманс не знал, и морской змей Игла, отвергнутый им за агрессивное поведение.

Все эти нестыковки должны бросаться в глаза непредвзятому читателю. Те редкие экземпляры морских змеев, у которых очевидцы видели четыре конечности, имели внешний вид, сильно отличающийся от встречавшихся чаще всего. Первые

определенно могли быть рептилиями. Что касается вторых, "млекопитающая" природа которых не вызывает больших споров, они очень могли иметь только передние конечности и принадлежать, следовательно, к китообразным, но не к ластоногим.

Удеманс сам себя сбил с пути, отказавшись допустить, что может существовать несколько видов морского змея. Все указывает на то, что он ошибся и в конце концов его метод "фоторобота", который он составил для себя перед началом работы, стал причиной, помешавшей ему решить проблему, - по крайней мере, надо было провести тщательный отбор фактов перед составлением фоторобота.

Представьте на минуту, что по показаниям свидетелей сделан фоторобот преступника, но они приняли за злоумышленника различных людей. Можно обвинить одних свидетелей в близорукости, других в ошибке или в лжесвидетельствовании только потому, что их описания не похожи на того, кто, по мнению большинства, им действительно является. И это было бы правильно, если бы был только один преступник. Но если преступление было совершено несколькими злоумышленниками? В этом случае оказались бы отброшенными не только некоторые совершенно истинные и верные описания, но и возникла бы опасность сильно исказить портрет личности, описываемой большинством наблюдателей, деталями, относящимися к некоторым из его сообщников, что привело бы в итоге к созданию фоторобота, не похожего ни на одного из преступников. Нет смысла говорить, что это сделало бы почти невозможным арест любого из них, даже того, в описании которого наблюдалось бы некоторое согласие. Если бы последний и попал в руки полиции, поскольку его силуэт, рост, некоторые основные черты лица оказались похожими на распространенный фоторобот подозреваемого, его пришлось бы отпустить, когда заметили бы отсутствие некоторых характерных, слишком бросающихся в глаза примет (например, шрама на лице или ампутированного пальца), на наличии которых настаивало большинство свидетелей. И совершенно напрасно, просто эти приметы принадлежали соучастникам...

Д-р Удеманс совершил такую же фундаментальную ошибку, считая, что существует единственный вид морского змея в бескрайних просторах океанов. Это заставило его отбросить некоторые заслуживающие доверия свидетельства и, напротив, принять за истинные очень сомнительные, а потом выдвигать предположения, часто притянутые за уши, чтобы согласовать описания с собственным представлением. Его *Megophias megophias* оказался прокрустовым ложем, на котором были искалечены многие морские змеи.

Я думаю, что Удеманс, без сомнения выдающийся ученый, в глубине души сознавал непрочность, хрупкость своей позиции, - он должен был это чувствовать хотя бы подсознательно. Но он знал, что в главном он прав: морской змей существует и является не тем, чем его обычно считают. Но он не мог быть уверен в правильности методов, с помощью которых пытался установить его природу. Этим чувством неуверенности можно было бы объяснить его агрессивность по отношению к противникам своей теории и даже к авторам, идеи которых ненамного отличались от его собственных. Он часто был несправедлив и совсем не признавал заслуг предшественников, подготовивших почву для него самого. "Сами ученые-естествоиспытатели,- писал астроном Ричард А. Проктор о проблеме морского змея,- оказались гораздо менее расположены к недоверию, чем простая публика". Когда это прочитал Удеманс, он аж подпрыгнул от возмущения и его губы сложились в горестно-ехидную улыбку. "Если бы только это было правдой! отвечал он.- До сих пор ученые, во всяком случае зоологи, не приняли даже самую возможность существования неизвестного еще вида животных, называемого морским змеем".

Я считаю, что смогу достаточно, убедительно и полно доказать обратное и показать, что Проктор был прав: многие ученые-естественники, в том числе и зоологи, еще до Удеманса верили в существование морского змея как в еще не описанный вид. Простим этот небольшой каприз голландскому ученому, который хотел быть первым

зоологом, поверившим в существование морского змея. Ему было недостаточно иметь славу автора, первым посвятившего ему такое смелое и блестящее, насколько возможно, полное и тщательно систематизированное исследование!

"Великий морской змей" перед общественным мнением

Честно говоря, резкие выражения и преувеличенный сарказм д-ра Удеманса можно также частично объяснить и опасением, что его скандальная в научном мире книга будет, без сомнения, враждебно встречена общественным мнением.

Опасения Удеманса, однако, были не беспочвенны. Еще до выхода в свет его книги ее готовы были уже разорвать на клочки на основании только анонса, в котором лишь проскользнуло упоминание о несчастном животном. Там, в частности, было написано, что автора увлекла эта проблема после сообщения о морском змее, появившегося в журнале "Нейчур" 8 ноября 1880 года (надо читать - 18 ноября).

"Так как "Нейчур" не выходил 8 ноября 1880 года,- издевается один из авторов этого журнала, - многие будут считать, что эта опечатка (обязанная, конечно, *lapsus calami* или чьей-то злой шутке) относится и к природе самого мифического животного, о котором она сообщает".

Когда наконец книга увидела свет, на нее свирепо набросились со всех сторон.

"На первый взгляд,- писал один анонимный критик в газете "Тайме",- она похожа на серьезное научное исследование; этому способствует то, что сам автор рассматривает проблему очень серьезно. Но, присмотревшись внимательнее, замечаешь, что перед нами, скорее, неудавшаяся и неуклюжая шутка, хотя, может быть, и неосознанная".

Как и прежде, в хор хулителей добавили свои голоса и не самые проницательные журналисты, снова затянув ту старую песню, которая раздается каждый раз, когда появляется сообщение о животном, еще неизвестном науке: "Мы поверим в его существование, когда его останки будут найдены и исследованы компетентными учеными, но не ранее. Выражение "Сначала поймите вашего зайца" всегда было справедливым и даже необходимым советом всем тем, кто любит полакомиться заячьим рагу".

Не надо доказывать очевидное, это совершенно антинаучная позиция, кастрирующая науку, делающая невозможной любой прогресс в наших познаниях. Конечно, есть ученые мужи, которые готовы ее принять без колебаний; кроме того, мы должны признать, что имеются ученые, которые просто не обладают необходимым мышлением. Критикам, любящим приводить в пример мудрость народа, или сказочникам, заворачивающимся в медвежью шкуру господина Фонтена, или потрясающим кроликам мистера Гласса мы напомним, что можно и умереть от голода, если ограничиваться открыванием рта в ожидании дождя из жареных голубей.

В общем же, ученый зоологический мир более благосклонно, чем можно было ожидать, принял дерзкое произведение д-ра Удеманса. (Так же его встретили капитан-лейтенант Вислисенус и некий Карус Штерн в Германии.) В 1894 году австрийский океанограф д-р Эмиль фон Марензеллер опубликовал небольшую брошюру под названием "Die Grosse Seeschlange", чтобы представить и защитить в основных чертах точку зрения д-ра Удеманса в Австрии. Через несколько лет шведский профессор д-р Петер Ольссон сделал еще лучше. В Емтланде, в самом сердце Швеции, находится большое озеро Стуршен. По слухам, в нем обитал "монстр". Шведский ученый провел опрос среди местного населения и получил таким образом 22 свидетельских показания, достойных доверия. Из них следует, что какое-то огромное животное, размеры которого колеблются от 4 до 14 метров, на самом деле живет в озере. Было оно серого цвета, имело голову собаки, перепончатые лапы и гладкую, блестящую кожу, и, наконец, плавало оно, волнообразно изгибаясь в вертикальной плоскости. "Это, должно быть,- делал вывод Ольссон,- и есть неизвестное ластоногое, очень похожее на *Megophias* д-ра Удеманса".

Затем, в 1903 году, ведущие французские зоологи, такие как профессор Эмиль Раковишта и профессор Э.-Л. Труссар, посвятили книге Удеманса большие хвалебные статьи, чтобы привлечь внимание и ознакомить с ней во Франции ученых и публику. Еще через десять лет директор музея профессор Эдмон Перрье продолжил эту пропагандистскую кампанию, заявив, среди прочего, что книга Удеманса "была настоящим проявлением научной смелости". Произведение сегодня является классическим, и никто больше не осмеливается насмехаться над ним, конечно если он его прочитал. Много воды протекло под палубами кораблей с 1892 года, и в этой воде многие морские змеи имели неосторожность появиться перед глазами любопытных наблюдателей, среди которых были и "компетентные зоологи"...

Наследство доктора Удеманса

В 1895 году, через три года после появления "Великого морского змея", д-р Удеманс вынужден был покинуть пост директора Зоологического и ботанического общества. Как пишет его биограф Дж.-Л. Ван Эйндохвен, "по некоторым вопросам его точка зрения расходилась с мнением его начальников". Это легко можно представить. Его начальники должны были, без сомнения, с глубоким сожалением узнать, что их самый главный зоолог настолько экстравагантен, что опубликовал огромную монографию о животном, которое не имело никаких шансов, по их мнению, пополнить ряды обитателей аквариума.

Немного позднее Удеманс, приблизившийся к своему сорокалетию, стал преподавать биологию сначала в Снике, затем в Арнеме, в том самом лицее, где он сам когда-то учился. Там он работал в течение почти двадцати семи лет и оставил о себе память как об учителе, необъятная культура и эрудиция которого не переставали восхищать и изумлять.

За эти долгие годы преподавания голландский натуралист опубликовал, кроме многочисленных научно-популярных произведений на такие разные темы, как ботаника и глубоководная фауна, множество оригинальных статей о клещах и истории зоологии, ставших классическими, о птице додо (дронте), этом крупном медлительном голубе Маскаренского архипелага, исчезнувших еще в прошлые века. Ему удалось по нескольким костям, которые были в его распоряжении, рассказам моряков и рисункам местных жителей восстановить их облик, принятый, так или иначе, многими учеными во всем мире, а это было не простое дело. И все же это были детские игры для того, кто не колеблясь погружался в запутанные лабиринты проблемы морского змея.

В 1923 году, в шестьдесят пять лет, Удеманс ушел в отставку и принялся за свое основное произведение ("Историко-критический обзор акарологии"), для которого успел окончить только три первые части, всего девять томов. Любопытная вещь: в то время как в вопросе о морском змее он страдал непреодолимым желанием все унифицировать, здесь он не колеблясь взорвал сложившееся представление о единстве клещей и разделил их на два вида, которые оказались даже не близкими родственниками; затем он всю свою жизнь посвятил задаче еще больше углубить этот раздел и буквально расколол целый класс паукообразных.

Погрузившись в эту каторжную работу, достойную монаха-бенедиктинца, Удеманс не прекращал параллельно обогащать новыми сведениями свое досье на морского змея. После появления его книги последовало множество новых сообщений или увидели свет старые, которые раньше не попали в поле его зрения, - они приходили со всех концов света. Некоторые из корреспондентов, например британский геолог и минералог Роберт Филиппе Грег, прислали ему даже свой собственный архив материалов о морском змее. И наконец, английское агентство, специализирующееся на подборке газетных вырезок, предоставило в его распоряжение все, что было опубликовано прессой Великобритании об этой вечно живой проблеме.

Удеманс долго надеялся дать своей книге продолжение и включить туда все недавние или пропущенные в свое время сообщения, но был слишком занят своим

трудом о клещах и в конце концов был вынужден от этого отказаться. Однако, когда в 1933 году разразилось дело чудовища из озера Лох-Несс, он опубликовал несколько статей на голландском языке и одну брошюру на английском, чтобы показать, что животное, о котором шла речь, не кто иной, как вид *Megophias megophias*, заблудившийся в шотландском озере. Для Удеманса, к тому времени полысевшего, с совершенно белой мефистофельской бородкой, но по-прежнему живо блестящими за стеклами пенсне глазами, это была уникальная возможность разрешить проблему, интригующую человечество уже столько веков. Морской змей оказался, если можно так сказать, на расстоянии вытянутой руки! Но время шло, а никто не собирался с помощью современных технических средств изучать пресловутого монстра или хотя бы попытаться его поймать. Старый ученый потерял всякую надежду увидеть реализованной свою старинную мечту. Об этом можно судить по тем полным разочарования строкам, которыми он в 1938 году отказался продлить подписку на вырезки из прессы, касающиеся его любимого *Megophias*:

"Я начинаю понемногу отдавать себе отчет, что даже этот самый молодой из морских змеев, появившийся в озере Лох-Несс, никогда не станет экспонатом зоологического музея. Английские зоологи не предпринимают ни малейших усилий, чтобы стать обладателями хотя бы одного экземпляра. Следовательно, как и многие его предшественники, он скоро умрет в своем озере, опустится на дно и будет безвозвратно потерян для науки.

И даже если бы зоологи решили предпринять какую-нибудь попытку в этом направлении, она бы обязательно провалилась: во-первых, потому что местные чиновники сделали бы все, чтобы помешать его поимке; во-вторых, любопытствующие и журналисты провалили бы любую попытку поймать животное. Даже если запретить всякое движение вокруг озера в радиусе километра от берега, газеты, которые обладают такими средствами, наняли бы аэропланы, чтобы днем летать над озером на самой низкой высоте; ночью же они освещали бы его поверхность прожекторами с вершин окружающих сопков, что сделало бы еще более пугливым и так не очень общительное животное".

Как видно, восьмидесятилетний ученый не питал больше никаких иллюзий. Но надо почти не иметь чувства реальности, чтобы вообразить, что можно легко поймать пугливое животное, даже такое большое, как кит, в просторном водном бассейне шириной в среднем почти две тысячи метров, но длиной больше 35 км! В таком случае - почему не допустить эту идею? - проблема морского змея может быть разрешена определенным образом только в результате удачного стечения обстоятельств, вероятно, если какой-нибудь случайный экземпляр выбросится на берег. Очевидно, в руках ученых пока находится только одна часть головоломки, и понятно, что окончательное решение может иметь варианты.

А пока зоологи, достойные этого звания, могут только снова и снова кропотливо пытаться составить анатомический и физиологический портрет, представить себе поведение животного, которое стало легендой. Великолепный пример этого показал д-р Удеманс. Если однажды появится возможность получить достаточные средства, чтобы попытаться поймать морского змея, то его работы увеличат шансы на удачный исход дела, так как будет известно точно не только где искать, но и какое животное надо стараться поймать. Каждый знает, что разные средства требуются для ловли кальмара и акулы, тунца и угря, морской черепахи и крокодила, тюленя и кита.

Красота и гармоничный строй, сладострастье, роскошь и покой...

"Будущее покажет, насколько я был прав или ошибался". Эту фразу Удеманс произнес в 1937- году на юбилейном собрании Энтомологического общества, посвященном рассмотрению его концепции по систематизации клещей, но она, без сомнения, в полной мере относится и к его работам о морском змее. Если она и напоминает последние слова Рафinesка, то звучит гораздо менее оптимистично.

Бедный Рафинеск был убежден, что время поможет доказать его правоту, Удеманс не был так уверен в конечном исходе дела. Этот певец морского змея стал к концу жизни скептиком: он знал хрупкость человеческих теорий, и особенно своих собственных.

Но даже если он поставил неправильный или слишком общий диагноз природе самого знаменитого из морских монстров, он взял на себя этот нелегкий труд, терпеливо создавая для тех, кого захватила эта тайна, идеальный рабочий инструмент - свою книгу, прекрасно документированную, - и бесценные архивы.

Антон Корнелис Удемацс умер 14 января 1943 года в Арнеме, в возрасте восьмидесяти пяти лет, после короткой болезни. За четыре дня до смерти он еще работал над материалами для четвертой части своего огромного труда о клещах. Все свои досье о морском змее он завещал нидерландскому Зоологическому обществу.

В мае 1959 года я просмотрел эти бесценные архивы и сделал с них микрофильмы в очаровательном маленьком городке Гуда, где их любезно предоставили в мое распоряжение. Никогда я не забуду то волнение, которое охватило меня, когда я склонился над наследством д-ра Удеманса, плодом труда и исследований его жизни. В большом сером сундуке стояли девять ящиков с архивами: в двух первых находились документы, касающиеся морского змея, в остальных семи - лох-несского чудовища. Вообще, с самого начала было десять ящиков, но первый содержал материалы, уже опубликованные в "Великом морском змее".

Во всех этих пронумерованных ящичках теснились неслыханные документальные богатства: журнальные статьи, вырезки из газет, брошюры, письма свидетелей и очевидцев, сообщения других корреспондентов. Все было рассортировано в хронологическом порядке и зарегистрировано в маленьких, кокетливых тетрадках. Большинство текстов было тщательно переписано рукой самого Удеманса, его мелким, правильным, аккуратным почерком.

Над этими сокровищами, поступившими со всего света и так прекрасно классифицированными, витал неясный и туманный фантом Левиафана. Я не мог отогнать от себя строки из "Приглашения к путешествию" Бодлера, воспевающие прелесть Голландии:

Там красота, там гармоничный строй,
Там сладострастье, роскошь и покой...

Да, я испытывал само сладострастье, когда ласкал эти богатства, познакомиться с которыми мечтал столько времени, в течение тех лет, что меня занимала проблема морского змея.

Многие документы сопровождались замечаниями Удеманса на полях - на рафинированном голландском языке, немного хромящем английском и забавном французском. Можно проследить все его чувства и волнения по этим заметкам. Еще были оригинальные замечания, точные указания на то, каким способом документы оказались в архиве, подсказывались пути к сообщениям, к которым еще не найден доступ. Чувствовалось, что он страстно желал, чтобы кто-нибудь продолжил его дело, и у меня появилось чувство, что, когда я читаю материалы, он склоняется над моим плечом, дает советы, подбадривает и добродушно улыбается в бороду, глядя на мое восхищение.

Все эти весенние дни его большая, дружелюбная тень сопровождала меня, когда я шел на работу или возвращался домой вдоль каналов, по берегам которых теснились дома, украшенные цветами.

В каналах корабли
В дремотный дрейф легли,
Бродячий нрав их - голубого цвета,
Сюда пригнал их бриз,
Исполнить твой каприз,
Они пришли с другого края света.

- А солнечный закат
Соткал полям наряд,
Одел каналы, улицы и зданья,
И блеском золотым
Весь город одержим
В неистовом предсумрачном сиянии.
Там красота, там гармоничный строй, там сладострастье, роскошь и покой.
(Пер. Ирины Озеровой)

Спасибо, д-р Удеманс. С выходом в свет вашей книги история морского змея получила новый поворот. С некоторых пор ученые уже отдавали себе отчет в том, что крупные змееподобные существа не могут быть обычными змеями. Благодаря Вам стало ясно, что по крайней мере в большинстве случаев они не могли быть также и рептилиями.

Но сила старых идей такова, что заставляет многих ученых упрямо сопротивляться. Тем более, что в глубине человеческого сознания ваша гипотеза наталкивается на образ Дракона как символа темной силы зла, сидящего там уже тысячелетия.

БЛАГОСЛОВЕННОЕ ВРЕМЯ (1892-1914),
или ЛЮДИ НАЧИНАЮТ ЗАДУМЫВАТЬСЯ ВСЕРЬЕЗ

"Ратминес", вышедший из Кейптауна несколько дней назад, неторопливо бороздил море, когда стали происходить довольно' странные вещи. К счастью, на этот раз трое журналистов, находившихся на корабле, подробно описали все события: Мечфилд, американец из Дайтона, Огайо; один наполовину голландец, директор и главный редактор одного из журналов в Йоханнесбурге, и английский репортер, пожелавший остаться неизвестным, которому мы и обязаны изложением этой истории.

Море вдруг вздулось, и на водной глади образовалось что-то вроде жидкого темного холма; видимо, этот внезапный прилив был вызван извержением подводного вулкана. В ту же секунду резко похолодало, затем на море лег густой туман. Очевидно, глубинные слои воды были подняты на поверхность и влажный тропический воздух начал охлаждаться.

Но эта мистическая картина, столь неожиданная в тех широтах, была лишь фоном. Глазам изумленного экипажа предстало странное видение: футах в шести-семи над фальшбортом из тумана появилась голова настоящего чудовища. Впрочем, предоставим слово очевидцам:

"Огромная пасть была раскрыта, там виднелся до смешного миниатюрный язык, похожий на слоновий. Попробуйте представить длинные губы с бледноватыми складками кожи по углам, белые усы, свисающие как у усача*, и беззубый рот.

Но самыми ужасными были глаза - совершенно слепые пустые зрачки на белом фоне, словно кости, опаленные солнцем".

Когда волны улеглись, стала видна длинная шея морского чудовища. Оно, видимо, было ранено во время катаклизма,- агонизирующее чудовище извивалось кольцами на поверхности. Страшные крики животного привлекли к нему кого-то из сородичей. Похоже, это была самка: с душераздирающим стоном она обвилась вокруг умирающего монстра и исчезла вместе с ним в пучине.

Американец и его коллега из Южной Африки бросились писать отчеты, чтобы не забыть ничего из увиденного; что же касается английского журналиста, то он не торопился и лишь заметил своим товарищам, что их статьи обречены на скорую смерть, ибо никто им не поверит. Поразмыслив хорошенько, южноафриканец порвал свои записки; американец же был более упрям и принужден был убедиться в правоте своего друга уже на суше, безуспешно пытаясь "пробить статью". Даже в Штатах нечего было и думать о публикации, не переделав ее в фантастический рассказ.

- Увы, истина подобна обнаженной купальщице, - заметил наш собеседник.

Настоящий джентльмен либо должен помочь ей одеться, либо обязан отвернуться и сделать вид, будто ничего не видел.

Отчаявшемуся американцу пришлось уступить и накинуть на свою даму яркие наряды вымысла. Что до меня, я сейчас сделал как раз обратное. Вместо обнаженной я показал вам красотку в очаровательном трико телесного цвета. Говоря попросту, изложил как действительное происшествие событие из новеллы Р. Киплинга. Похоже на правду? Вряд ли. Вы наверняка почувствовали некоторую "литературность".

Надо сказать, я сделал это совсем не из озорства, а лишь потому, что рассказ этот, появившийся в 1893 году, как нельзя лучше передает атмосферу всеобщего скепсиса, который царил повсюду к моменту выхода книги. Впрочем, это будет видно и по тем свидетельствам, которые я собирал вне владений литературного вымысла.

* У с а ч - пресноводная рыба из семейства карповых.

Вечный скепсис

23 сентября 1892 года Габриэль Хальфорсен Норд-марк, норвежский крестьянин, работал в поле на побережье Сульдаля вместе со своими товарищами, когда их внимание привлек какой-то странный предмет, который несло течением в их сторону. Вода за ним пенилась, словно за пароходом, от самого Дигернаэса. Долгое время ничего нельзя было разобрать, пока наконец необычное существо ибо это было какое-то животное - не показалось на поверхности примерно в двухстах локтях*. Оно было похоже на опрокинутую лодку с торчащим вверх килем: гладкая черная кожа, ни хвоста, ни плавников не видно. Само чудовище было не столь огромно - примерно восемь-девять локтей", но вода вокруг него так и кипела, вздыбленная мощным туловищем, о размерах которого можно было только догадываться.

Кое-кто, возможно, возразит мне, что история эта, появившаяся в номере "Бергене тигенде" от 14 октября под заголовком "Soe ormen", не имеет никакого отношения к феномену морского змея. Ведь это вполне мог быть обыкновенный кит. Следует признать, что случай этот тем не менее был не совсем обычным (возможно, кстати, в газетной публикации были опущены некоторые детали), ибо 7 октября по категорическому представлению музею Ставангера основной свидетель и один из его родственников были вызваны в Верховный суд Сульдаля для засвидетельствования аутентичности своего рассказа.

...Ничего, пожалуй, и не изменилось в Норвежском королевстве со времен старого Понтоппидана - в этой стране к клятвам относятся всерьез.

* Около 140 м.

** Около 6 м.

Несколько дней спустя еще более необычное зрелище представилось глазам изумленных рыбаков из Броути-Ферри, очаровательного предместья Данди, что в устье Тея, Восточная Шотландия. Томас Гэлл и четыре человека команды, находившиеся на борту "Катрин", увидели метрах в тридцати от своего шлюпа что-то вроде извивающегося змеино-го хвоста. Он был голубоватого цвета, к концу светлее, почти белый. Секунду спустя он исчез и метрах в тридцати появилась из воды тяжелая темно-коричневая голова чудовища. Не сказать, что оно было слишком огромным, около 12 метров, да и вообще вся эта история не вполне заслуживала титула фантастической и тем не менее принята была с редкостным недоверием. В шотландских водах уже не первый раз встречалось подобное чудовище, но на сей раз никто не поверил в морского змея, да еще возле самого Данди. Надо меньше пить - таков был общий глас. Несколько времени спустя еще более колоритное существо было обнаружено офицерами и экипажем парохода "Ангола" в Гвинейском заливе. "Добро тому врать, кто за морем бывал". Их рассказу не поверил ни один человек. Минут десять, не меньше, они наблюдали плывущее примерно в миле от них чудовище, которое плескалось в нигерийских волнах между Бич-Беем и Лагосом. Оно передвигалось со скоростью 10 км/час и длиной было метр шестьдесят (прочие размеры нам остались неизвестны). В

какое-то мгновение оно подняло голову над водой, и людям на борту показалось, что ужасные зеленые глаза разглядывают корабль. Потрясение невольных свидетелей было столь велико, что они подписались под рапортом всем экипажем. "Глазго уикли" заметила 29 октября по поводу рассказа моряков: "Увы, наивность наших корреспондентов стала объектом бесчисленных шуток".

Ни поручительство Всевышнего, ни обилие свидетелей и свидетельств - ничто не поколебало 'угрюмой подозрительности читателя. Ему нужно было слишком много. Интервью в "Дейли грэфик" директора Британского музея Уильяма Флауэра стало своеобразным манифестом официальной науки. "В существовании морского змея нет ничего невозможного, ибо слишком ничтожны наши сведения о мире, чтобы мы могли отвергать что-нибудь а priori,- говорит Флауэр,- но проходит год за годом, а нашим знаниям по-прежнему недостает конкретности". - Пусть мне принесут,- патетически восклицает сэр Уильям,- чешуйку или зуб, словом хоть что-то действительно принадлежащее ему, и тогда я буду готов рассуждать о том, что он собой представляет, а не о том, есть он или нет!

Но убедят ли закоренелых скептиков "вещественные доказательства"? Тоже вопрос.

Как раз в это время редакция лондонской "Тайме" получила письмо от доктора У. Расселла, врача из Швейцарии,- речь шла как раз о пресловутых чешуйках морского змея:

"В 1851 году я гостил некоторое время в доме госпожи Эвандю М'Ивер, матери известного режиссера, здравствующего и поныне. Из ее уст я услышал подробный рассказ о недавнем появлении огромного морского змея в Аеболыпой бухточке Грейс, неподалеку от ее виллы. Она подарила мне несколько чешуек - размерами и формой они напоминали раковины морских гребешков,- найденных на скалах, о которые чудовище терлось головой. Надо заметить, что госпожа М'Ивер рассказывала не понаслышке: она собственными глазами видела странное существо, лениво плывущее вдоль отмели, и косяк рыб, в ужасе выбрасывающихся на берег. Почтенная дама, чьи слова не вызывали ни малейших сомнений ни у кого из знавших ее, утверждала, что чудовище направлялось к скале, на которой удили рыбу обитатели подземного поместья; оправившись от изумления, они выстрелили и, по всей вероятности, ранили змея. Некоторое время, пока приближались собачьи лодки, он отдыхал на скалах - была видна голова и трехметровая шея,затем скользнул в воду и исчез, оставив за собой внушительный бурун. Рыбаки обнаружили чешуйки, о которых идет речь, среди камней и подарили несколько госпоже.

Много лет спустя, беседуя с сэром Ричардом Оуэном в Ист-Шине, я коснулся этого происшествия. Он спросил, не могу ли я показать ему чешуйки. Каково же было мое отчаяние, когда, перерыв всю коллекцию своих диких, я убедился, что вещественные доказательства исчезли! Это было тем ужаснее, что сэр Оуэн, ныне профессор, всегда слыл человеком недоверчивым. Что касается меня, то я никогда не сомневался в существовании морского змея. Коль скоро существуют змеи пяти-шести футов длиной, то почему не вообразить, что бывают экземпляры в десять раз длиннее? На это сэр Оуэн возразил мне: "Бог мой, если вы скажете, что видели человека семи или восьми футов ростом, я охотно вам поверю, но боюсь, не сумею вас понять, если вы станете рассказывать о двадцатипятифутовых людях". Вероятно, его не убедили бы и чешуйки".

Тут нам следует оговориться. Прежде всего, ничто не доказывает, что чешуйки, найденные в скалах, были оставлены раненым животным. Просто так они вряд ли могли бы выскочить, для этого требуется все же некоторое усилие. Не исключено, правда, что они были выбиты пулями или что чудовище, пытаясь избавиться от боли, царапало боками камни... Но ведь это вполне могла быть и рыба чешуя или, к примеру, гребешки, выброшенные приливом еще до появления монстра.

Кроме того, надо заметить, что к рассуждениям доктора Расселла, которыми он оправдывает существование 18-метровых чудовищ лишь потому, что встречаются змеи длиной шесть футов, никак невозможно относиться всерьез и реплика сэра Оуэна, без сомнения, разумна.

Тем не менее нельзя не восхититься честностью и искренностью шотландского врача, не побоявшегося поставить на карту свою репутацию, изложив столь щекотливое дело профессору Оуэну, человеку весьма влиятельному и не склонному верить в небылицы. В том же, что бесценные чешуйки были утеряны, нет, пожалуй, ничего удивительного - они просто были слишком тщательно упрятаны доктором.

Ученые, подобные покойному сэру Оуэну, всегда сдерживали развитие науки. У них всегда есть наготове абсурдные аргументы, вроде этой странной аналогии с 25-метровым человеком. (Как будто есть нечто общее между человеком и рептилией!) Не следует, впрочем, впадать и в другую крайность: мистики благословили бы меня, если бы я заявил, что чешуйки испарились как раз тогда, когда чудовище было убито, и будто ими между и умирающим монстром имела связь.

Полный отчет об этой истории можно найти в подшивке "Глазго ивнинг ньюс".

Достоверное свидетельство доктора

Великий Оуэн с пренебрежением относился ко всем сообщениям о морском змее по одной лишь причине: они всегда принадлежали - используем здесь его выражение - людям неквалифицированным. Но что значит "квалификация"? Неужели это должен быть зоолог? Да еще специализирующийся в области крупных морских животных? Мне кажется, куда лучше подошел бы для этой цели какой-нибудь моряк, наделенный практическим интересом к океанской фауне, нежели ученый, посвятивший жизнь мотылькам и ленточным червям. По моему мнению, доверия достоин всякий свидетель, которому доступна широкая научная информация, какой бы ни была область его собственной деятельности. Пусть только он будет искренен и лишен иллюзий. А уж зоологи смогут интерпретировать сами рассказанное им!

Увы, сэр Ричард Оуэн умер слишком рано. В 1893 году, спустя меньше-года после его смерти, некто доктор Ф. Матесон, лондонский врач, пусть и не дипломированный зоолог, но человек, которого сложно было заподозрить в незнании анатомии, обнаружил огромное морское чудовище у берегов Шотландии, катаясь на лодке со своей женой в Киле, как называется узкий вход в гавань Лох-Алш.

"Был чудесный день, - рассказывал он, - о каком можно только мечтать, солнце светило вовсю, на небе не было ни облачка. Час, не то два часа дня. Наша лодка резво идет под парусом, как вдруг прямо перед нами нечто огромное будто бы вырастает из воды: выше нашей мачты, гладкое, словно длинная шея. Я сначала не понял, что происходит, и бросил жене: "Видишь?" Она спросила, что это такое, - голос у нее был несколько испуганный.

Нас разделяло метров двести, и расстояние неумолимо сокращалось. Вдруг "шея" опустилась, и я понял, что перед нами огромное морское чудовище, что-то вроде громадного ящера. У него была коричневая кожа с отливом и черная полоска под головой. Оно было похоже на жирафа, разве что длиннее и голова расположена несколько иначе, не под прямым углом к шее, а, скорее, как продолжение ее. Голова покачивалась из стороны в сторону, и видно было, как блестит на солнце влажная кожа".

Животное скрылось в воде, минуты. через две появилось вновь и стало удаляться. Доктор Матесон плыл за ним около мили, пока оно наконец не исчезло в пучине.

"Туловища я не видел, - продолжает рассказчик, - только волны там, где оно должно было находиться, но размеры его, вероятно, внушают уважение. Мне кажется, это была не просто морская змея, а какой-то невиданный зверь, большой и мощный, наподобие гигантской ящерицы. И, насколько я знаю, ни угорь, будь он столь велик, ни змея так не поднимают шею".

Интересно, как отнесся бы сэр Оуэн к подобному свидетельству человека явно образованного. Увы, не исключено, что скептически. Даже близкие друзья доктора выслушали его рассказ с недоверием. И хотя ученый недвусмысленно заявил, что никоим образом это не могло быть оптическим обманом, много лет спустя его сын, тоже доктор Матесон, полагал, что отец принял за чудовище обычный вихрь. Воистину:

Кого любить? Кому же верить? Кто не изменит нам один?..

Кошмар капитана "Умфули"

Многие читатели полагали, что Киплинг ничего не выдумывал, что в образе английского журналиста он описал самого себя. Впрочем, разве не напоминает Киплинга следующий сюжет.

В 1905 году английский писатель возвращался с Капа на борту "Армадейл Кастл", когда корабль наткнулся носом на огромное морское чудовище метров в двадцать длиной. Туловище его свешивалось с форштевня с одной стороны, голова - с другой. Матросы явственно расслышали, как бьется хвост умирающего монстра о переборки судна. Капитан отдал приказ остановить машину и дать полный назад, чтобы освободить раненого зверя. Как только корабль остановился, чудовище скрылось в пучине.

- Надо было втащить его на борт лебедкой! - крикнул кто-то из команды. Ведь нам никто не поверит!

Умирающая неизвестная рептилия, писатель, путешествующий морем, и боязнь непонимания - все это более чем напоминало новеллу "A Matter of Fact". Вся разница состоит в том, что у Киплинга это было существо из отряда китообразных. Эти существа настолько неповоротливы, что мы знаем множество случаев, когда они сталкивались с кораблями подобным образом.

На самом деле Киплинг просто перевел в литературную плоскость вполне реальную ситуацию - случай столкновения с морским змеем, о котором иначе как со скептической усмешкой никто и не говорил. Одна из самых замечательных историй произошла с капитаном Р. Кринглом в декабре 1893 года, когда он, командуя пароходом "Умфули", принадлежащим компании "Натал лайнз", имел возможность целых полчаса наблюдать морского змея.

Тридцать пять лет спустя, в январе 1929 года, Р. Гуд обратился к Кринглу в надежде услышать все подробности из первых уст, но капитан не был склонен обсуждать с ним все подробности давно минувших дней:

- Меня столько раз поднимали на смех, что мне не хотелось бы касаться этой темы.

Гуд сумел, однако, убедить его в своей заинтересованности, старый моряк смягчился и рассказал, как все было.

Итак, 4 декабря 1893 года. "Умфули" шел на всех парах на юг, держа курс к мысу Доброй Надежды. Корабль бороздил воды Мавритании под 21 градусом северной широты и 17-градусом 30 минутами восточной долготы, когда произошло событие, послужившее поводом к записи в бортовом журнале:

"5 ч. 30 мин. пополудни. Замечено в 500 метрах от корабля морское животное в виде змеи, около 24 м длиной. Кожа влажная, короткие плавники* на спине метров через шесть друг от друга; обхват туловища не меньше, чем у крупного кита. В бинокль я ясно видел, как животное открывало и закрывало пасть. Нижняя челюсть около двух метров, ряд больших зубов. Чудовище очень похоже на морского угря.

Подп.: Пауэлл, корабельный помощник".

Этот официальный рапорт, сделанный сухим, казенным языком, капитан дополнил несколькими деталями, которые позволяют нам представить, как выглядело таинственное существо:

"Когда мы заметили его, оно было метрах в четырехстах. Оно двигалось

довольно быстро, его грудь пенила волну, как корабельный форштевень. Шея вместе с головой составляла около 4,5 метра - у меня было время хорошо рассмотреть монстра... Хвост или, вернее, туловище было куда толще шеи, вот почему я не назвал бы это чудище змеей. Бриза не было, вода совершенно спокойная, как в пруду, видимость прекрасная, и вряд ли я сумел бы ошибиться, разглядывая существо. А кроме того, оно не уплывало, пока совсем не стемнело".

Хотя вскоре после события на "Умфули" вышла убедительная книга профессора Удеманса, бедный Крингл сделался мишенью бесчисленных насмешек и попыток кабинетных умников растолковать ему, что же он видел "на самом деле".

"Мне говорили, что это был выводок морских свиней, что это плавучие островки из водорослей, что это... да мало ли что еще! Но если водоросли способны делать 14 узлов, если выводок свиней может подниматься на четыре с половиной метра над водой, то я, пожалуй, готов признать себя сумасшедшим. Но ведь от этого не легче!"

* На эскизе, сделанном капитаном, плавников нет, но на спине явственно различимы горбы, покрытые шерстью, причем средний расположен выше остальных. Возможно, именно их помощник принял за "плавники".

В оправдание неверующих следует сказать, что время от времени в прессе появлялись, мягко говоря, экстравагантные сообщения. Вот что, к примеру, пишет "Дейли курант", выходящая на Суматре (от 17 февраля 1897 г.): "Капитан парохода "Умфули" и его рулевой наблюдали змея длиной с их судно и толщиной 5,5 метра. Туловище его было покрыто крупной зеленой чешуей и утыкано множеством плавников. Шея вздымалась дугой над волнами. Арка эта была (не взыщите, читатель!) высотой около 45 метров".

* * *

В течение периода, начало которого наметилось с появлением книги Удеманса, а конец наступил вместе со вспышкой войны, весь мир, казалось, уверовал в существование морского змея. Эта перемена отношения произошла сразу в трех странах: Нидерландах, Великобритании и Франции.

Не следует, конечно, думать, что морские змеи и раньше никогда не заглядывали на побережье самой Франции. В 1861 году, как мы помним, одного видели с каким-то "воротничком" напротив Уэссана, а в 1870-м - в ста милях к западу от Бреста, но в обоих случаях наблюдения проводились с британских кораблей.. В девяностых годах - появление у Атлантического побережья Франции, но снова свидетели оказались одни британцы. Мы о нем знаем благодаря запоздалому отчету одного английского иезуита, Р.-П. Эдварда Роклиффа. Тогда еще четырнадцатилетний подросток, он возвращался в Бордо со своим отцом на корабле "Мосс и компани", и вот однажды из воды взвился столб брызг - капитан сперва решил, что это проделки кита. Но, как повествует отец Роклифф, все очень скоро убедились, что это совсем не так:

"Длинная шея примерно 45 см в диаметре была поднята над водой почти перпендикулярно. Затем она плашмя рухнула на поверхность воды, как ствол дерева, с жутким шумом. По счастью, эта операция повторялась через определенные интервалы, во время которых "чудище" продвигалось к французскому берегу... Создавалось впечатление, что оно преследует что-то под водой.

За все эти сведения я ручаюсь. Может быть, сам я и был мал, чтобы точно оценить подлинные размеры. Мои родители говорили, что монстр поднимался над водой на высоту где-то от четырех с половиной до шести метров. Цвета он был как спина у макрели. Голова не толще обычного ствола. И не было никаких признаков наличия хвоста, ни возможности определить величину той части туловища, которая оставалась внизу.

Этот случайный спектакль был разыгран, можно сказать, под носом у французов, но они даже не осознали всю важность проблемы, до тех пор пока

животные весьма похожего вида не стали появляться в Индокитае, и весьма часто.

Французский флот охотится на монстра

5 марта 1896 года в колонке хроники "Курьера Хайпонга" впервые упоминается о "встречах с одним или несколькими доселе неизвестными животными - настоящими морскими чудовищами, выпавших на долю канонерки "Лавина" в бухте Файтцилонг". Эта бухта, которая находится к северу от залива Алонг возле Тонкина, состоит из настоящего сонма островков, отделенных друг от друга проливчиками, пробившимися в известняке. Богатство их фауны исключительно, да это и понятно: вокруг сплошь лужи с тепловатой и холодной водой, морские гроты, узкие проливы, рывины - в общем, невероятный водный лабиринт, покрытый кораллами и водорослями, среди которых кишат разные безвредные организмы, время от времени тревожимые не слишком многочисленными хищниками. Так что же удивительного, что эти тайные кущи, полные дичи, привлекли зверей, чьи размеры придают им буквально пантагрюэлевский аппетит!

Но предоставим лейтенанту Лагресиллю, бывшему тогда капитаном военного судна, право поведать нам подробнее о своих волнующих наблюдениях:

"В июле прошлого (1897) года с "Лавины" впервые заметили в море в заливе Алонг двух животных странной формы и огромных размеров; их длина достигала двадцати метров, а диаметр был от двух до трех метров; особенностью этих животных было то, что их туловище совсем не обладало твердостью известных китообразных, но постоянно извивалось волнообразно, как змеиное, но только вертикально. Была заряжена пушка, и с шестисот метров произвели выстрел. Тут же чудовища нырнули, шумно засвистев, а на поверхности пошли бурунчики, как при приливе. Больше они не появились, но, кажется, удалось разглядеть голову одного, которая, видимо, была небольших размеров.

Пятнадцатого февраля этого года (1898) при пересечении бухты Файтцилонг я снова заметил похожих зверей. Я тут же решил начать на них охоту и приказал зарядить орудия. Мы выстрелили в одного несколько раз с расстояния от трехсот до четырехсот метров, и по крайней мере два ядра достигли цели, но, кажется, не причинив ему ни малейшего вреда, и снаряды взрывались на поверхности тела. Я также пытался догнать их на самом судне, но их скорость была гораздо больше, чем у "Лавины". Конечно, каждый раз, когда животное утыкалось в мель, оно разворачивалось, что позволяло его догнать и оценить на взгляд размеры. Оно часто выныривало, и всегда при этом можно было наблюдать волнообразные движения тела. Каждое выныривание предварялось фонтаном воды или, скорее, распылением воды, производимым шумным выдохом, в противоположность обычным китам, которые всасывают воду и выбрасывают ее на большую высоту.

Окрас животного был серым, с множеством черных пятен. Его было легко отслеживать из-за этого дыхания, которое образовывало на поверхности моря, тогда совершенно спокойного, круги диаметром четыре-пять метров. Однажды, мне кажется, почти удалось его загнать. Охота длилась без успеха в течение полутора часов и была оставлена из-за наступления ночи".

Неделей позже, 25 февраля 1898 года, лейтенант Лагресилль был приглашен на прием, данный адмиралом Жиге де ла Бедольером в честь М. Поля Домье, будущего президента республики, тогда генерального губернатора Индокитая. И, само собой, адмиралу ужасно не терпелось услышать рассказ лейтенанта о своей встрече с гигантским змеем, и тот удовлетворил любопытство собравшихся со своим обычным изяществом. Нужно ли говорить, что слушатели проявили большое недоверие, а некоторые офицеры даже обменялись многозначительными взглядами и даже несколько насмешливо посматривали на рассказчика.

Последний не замедлил взять реванш, и довольно убедительно. На следующий день после приема лейтенант Лагресилль пригласил на свое судно лейтенанта Жоанне

и девятерых офицеров с другого судна, "Байара", дабы и они посетили чудесный архипелаг Файтцилонг. Все господа с воодушевлением взялись завтракать, когда появился человек из команды с сообщением, что в виду показались два морских змея. Все бросились на мостик, подозревая какую-то шутку, устроенную лейтенантом для увеселения общества. Но им пришлось смириться с очевидностью: два странных зверя действительно плавали в нескольких сотнях метров от судна.

"Мы охотились за одним из них в течение получаса,- сообщает лейтенант Лагресилль,- и однажды наблюдали его ясно примерно с двухсот метров, когда он плыл горизонтально. Он совершал три волнообразных движения без перерыва, и они заканчивались в начале головы, которая больше всего напоминала тюленью, только раза в два большую. Нельзя было разглядеть, есть ли у монстра шея и как голова связана с туловищем, чьи размеры были весьма значительны: мы поняли это, когда осознали, что изгибы происходят без перерыва. До сих пор нам казалось, что эти изгибы лишь видимость горбов, которые следуют друг за другом на правильном расстоянии: но, по признанию всех свидетелей, подобное сомнение неправомерно, так как количество этих горбов, когда зверь извивался и когда он вынырнул во всю свою длину, оставалось одним и тем же. У двоих из присутствующих офицеров были фотоаппараты: они могли бы сослужить хорошую службу, но оба остались настолько удивлены всем зрелищем, что, когда им пришлось в голову прицелиться камерой, животное нырнуло и появилось вновь лишь очень далеко, в условиях плохой видимости, при которых сделать снимок было совершенно невозможно.

Подводим итог: животные, виденные с "Лавины", неизвестны науке. Их длина примерно двадцать метров (по меньшей мере), окрас серый и черный, голова напоминает тюленью, а туловище способно на очень ярко выраженные волнообразные движения; наконец, их спина покрыта подобием зубчиков пилы, что придает им большое сходство с известными китообразными; как и эти последние, они выдают свое присутствие шумным дыханием, но не выбрасывают фонтаны воды при выдохе, как китообразные; скорее, при их судорожном дыхании вода испаряется и потом сбрасывается не фонтаном или струей, а дождем. Безусловно, именно эти животные, известные аннамита, которые их очень боятся, были прототипом дракона, который, модифицированный и дополненный легендами, если так можно сказать, "геральдизировался" и стал национальной эмблемой".

Вернувшись на борт "Байара", лейтенант Жоанне поставил адмирала Бедольера в известность обо всем, что видел. Последний немедленно направил лейтенанту Лагресиллю письмо, в котором говорилось, что он приносит свои глубочайшие извинения и больше не сомневается в правдивости рассказа подчиненного. Также он телеграфировал генеральному губернатору Полю Домке, сообщив, что "десять офицеров, среди которых был командир "Байара", находясь на борту "Лавины", наблюдали двух очень чудных зверей". Наконец он настолько увлекся всем делом, что вознамерился организовать конкурс среди канонерок и пароходов, некую большую баталию с целью загнать одно из этих животных на мель и заставить его оттуда выброситься на берег, где с ним можно будет лучше разобраться.

Но военные действия в провинции Квантуй, которую Франция захотела прибрать к рукам, не позволили - увы! - привести этот замысел в исполнение.

Некоторое время, однако, животное продолжали видеть в заливе Алонг, на этот раз с мачт старого линкора "Вобан", которым командовали вице-адмирал Бонниньера де Бомонт и капитан Буте. И только в 1922 году вскрылись обстоятельства той встречи. В то время некто Жан-Батист А. был дипломированным артиллеристом на борту "Вобана" и 11 июля 1898 года стоял на вахте у выхода на трап правого борта:

"Я глядел на море под трапом, и мое внимание привлекло одно странное животное, которое проплыло примерно в трех метрах от основания лестницы, извиваясь совершенно как змея.

Это животное достигало метров десяти-двенадцати в длину и казалось сорока-пятидесяти сантиметров толщиной в середине туловища. На нем были чешуйки размерами с черепахи; шея была гораздо тоньше тела, а голова пропорциональна туловищу, как у змеи; хвост заострялся на конце. Глаза, кажется, располагались несколько ниже на голове, чем у обычных змей; две

хорошо различимые дыры обозначались немного ближе к задней части морды. Окраска животного, вероятно, была серо-зеленоватая, но этот цвет, без сомнения, создавался под влиянием окраски морской воды и неба. Животное находилось на глубине полтора-два метра". Впервые речь идет о чешуе на спине у драконов, но ведь и впервые одного из них видят на столь близком расстоянии! Впрочем, другой свидетель впоследствии подтверждает эту характеристику, но с оговоркой. Этот второй говорит о "желто-мраморных пятнах", которые, конечно, можно принять за чешуйки, особенно глядя сквозь толщу воды. Итак, вопрос по-прежнему остается открытым.

Французские зоологи устраивают мегофиасу жаркий прием

Однако лишь несколько лет спустя наблюдения в заливе Файтцилонг пробудили эхо в французской научной среде. Конечно, они никак не могли не взволновать одного ученого, уже охваченного идеями доктора Уде-манса,- профессора Эмиля Дж. Раковитца, в то время заместителя директора лаборатории Араго в Баниульс-сюр-мере.

Никто не мог подозревать этого ученого в бахвальстве и легковерии. Он первым разоблачал открытия и рассказы моряков, которые, по его мнению, все склонны поболтать о фантастических зверях. Но он прибавлял при этом:

"Зоологи так привыкли не доверять, что, мне кажется, уже потеряли чувство меры. На самом деле есть две категории описаний, которые следует четко различать. Есть те, которые ясно и просто возникают из воображения их открывателей: но есть и другие - результат плохих наблюдений реальных животных. И не так уж сложно отличить первых от вторых, а с некоторым опытом можно научиться делать это немедленно и без ошибок".

Конечно, профессор Раковитц решил, что из труда Удеманса не обязательно следует, что мегофиас - это тюлень.

"Очень возможно,- говорит он,- но также нет ничего, что позволило бы утверждать это категорически. Во-первых, наличие задних лап весьма сомнительно. Присутствие волосков - это обязательный результат наличия волосков в ноздрах; но эти последние встречаются в описаниях очень редко. Наконец, что касается гривы, ее тоже следует оставить из осторожности. Генеалогическое древо, установленное Удемансом, никак не совпадает с данными, которые мы имеем о потомках ластоногих..."

Именно с таким убеждением Эмиль Раковитц отправился в качестве натуралиста в 1898 году в антарктическую экспедицию на "Бельжике", под командованием лейтенанта Адриена де Герлаха. Как он признавался своему начальнику, это предприятие для него "представляет собой очень полезную возможность встречи с морским змеем".

Но судьба - увы! - не была к нему благосклонна.

"Я хочу напомнить,- замечает тем не менее Раковитц,- что у Пунтас-Аренас многие рассказывали мне о гигантском звере, который появляется время от времени у Мыса Дев, при входе в Магелланов пролив; но так как я сам не видел ни одного непосредственного свидетеля, то и не хочу нести никакой ответственности за эти слухи".

В Антарктике бельгийская экспедиция попала в затруднительное положение. Захваченная льдами "Бель-жика" оказалась обездвиженной на целый год. Это критическая и тревожная ситуация не могла не кончиться драмой: один лейтенант умер от истощения сил, один матрос сошел с ума, а цинга добивала многих членов команды, в том числе ее начальника Герлаха и его помощника Лекуанта. Профессор Раковитц

вернулся цел и невредим во Францию и только через два или три года случайно заглянул в номер "Курьера Хайпонга", вышедшего точно через четыре дня после того, как "Бельжика" попала в тиски льда!

"Каково же было мое удивление, когда, ознакомившись с содержимым статьи, пишет он,- я обнаружил, что автор называет животных, которые имели все характерные черты, описанные Удемансом в заключении своей книги, мегофиасами. Ведь М. Лагресилль, тот офицер, который наблюдал животное в 1898 году, совершенно не был знаком с книгой Удеманса, вышедшей в 1893-м. Его наблюдения, следовательно, прекрасное подтверждение исследований, проанализированных выше. И одновременно это одно из наиболее точных описаний, которое у нас имеется".

Живо заинтересовавшись, герой "Бельжики" тут же пишет Лагресиллю и просит у него дополнительных сведений. Тот отвечает 10 января 1903 года, говоря, что жалеет, но не может дать "более точных" деталей.

Донесся слух, что офицер с "Байара" заснял чудовище фотокамерой. Эмиль Раковитц принялся молить своего коллегу, доктора Неве-Лемэра, который имел связи на флоте, начать расследование по этому поводу, и благодаря его настойчивости врач наконец послал господину де Линьи, тому самому офицеру, письмо, датированное 8 февраля 1903 года.

"Я действительно видел,- пишет лейтенант,- то, что мы тогда называли "великим змеем", но я его не сфотографировал. Попытки, предпринятые лейтенантом, теперь уже в отставке, по фамилии Бюиссон, не дали никакого результата. Аппарат был слишком мал, животное слишком далеко, и его перемещение слишком непредсказуемо".

Но его описание подтверждало до последней детали то, которое дал командир "Лавины":

"Мы видели его вблизи один-единственный раз, и сомнений никаких здесь быть не может. Зверь имел следующий внешний вид: толстое, черное туловище, круглое, как у больших китообразных, затем некая извилистая часть, которая не высовывалась из воды целиком, но, казалось, соединяла туловище с головой. Последняя была достаточно крупной, плавно выходила из шеи, формы, скорее, овальной и с двумя зияющими дырами. Наконец, был некий спинной плавник, напоминающий зубчики пилы".

Вооруженный всеми этими ценными сообщениями, профессор Раковитц стал готовить для "Зоологического общества Франции" радостное сообщение, которое вошло в анналы этого учреждения. В нем профессор, явно отталкиваясь от выводов, изложенных в книге-своего голландского коллеги Удеманса, твердо призывает зоологов быть более решительными в отношении мегофиаса, столь малоизученного, и приводит в дополнение весомое свидетельство командира "Лавины" по поводу драконов бухты Файтцилонг. Наконец, он завершает все целой серией советов:

"Мегофиас, как и почти все морские млекопитающие, может удерживаться на поверхности только плавая: он должен двигаться до самой смерти. Следовательно, совершенно бесполезно стрелять по морскому змею, так как, даже если удастся его убить, то труп потом никак не достать!"

А вот что следует попытаться делать, если кто-либо его заметит, говорит профессор, так это приблизиться насколько возможно и только тогда пробовать его загарпунить. Если это невозможно, то надо постараться заснять его на пленку или по крайней мере зарисовать: отметить прежде всего форму головы, вид кожи, наличие или отсутствие гривы, гребня или плавника, форму плавников и соотношение между длиной разных частей туловища, а также место, через которое животное дышит (ноздри или жаберная щель).

Если зверя все же можно убить, то его все равно следует сфотографировать или, за отсутствием камеры, зарисовать, отметив расположение возможных молочных

желез, форму половых органов, тщательно измерить все члены. Так как очевидно, что речь идет о весьма громоздком звере, то его нужно законсервировать, по крайней мере голову, один плавник, несколько позвонков, взятых из различных мест туловища, фрагмент кожи и, если возможно, внутренние органы.

Сообщение профессора Раковитца имело потрясающий успех среди собравшихся зоологов. Было даже решено отпечатать некоторое дополнительное количество текстов его доклада, чтобы распространить их в Индокитае, особенно среди моряков. Итак, к своей вящей славе, французская зоология первой признала существование морского змея (или, более точно, некоего крупного животного змеевидной формы). Словно выражая свою благодарность в связи с этим событием, животное скоро еще раз явилось в водах французской империи, теперь у берегов Аннама, в пятистах километрах от залива Алонг.

В 1922 году Рене Лабрюйер опубликовал в "Журналь де Деба" статью о морском змее, в которой рассказывалось про эту встречу со слов одного капитана дальнего плавания, чье имя не было сообщено, но его вполне возможно установить. Действительно, нам известно, что он был вторым капитаном на судне "Шарль-Ардуин" компании "Кантонская контора" по перевозкам, когда судно шло из Нанта в Гонконг, с ноября по декабрь 1903 года. Из-за повреждений, нанесенных тайфуном, кораблю пришлось войти на рейд Турана, когда рулевой обратил внимание второго капитана на некую темную массу неподалеку.

"В пятнадцати или двадцати метрах от борта, - рассказывает капитан, вынырнула двойная масса; длина каждой части составляла от семи до восьми метров, а промежуток между ними был метров пять-шесть. Толщину каждого витка можно сравнить примерно с толщиной среднего бочонка. Стоящая дыбом грива придавала виткам весьма необычный вид.

Все это тело извивалось как змеиное при движении, и его скорость была ощутимо больше, чем у нашего судна, которое давало в этот момент девять узлов. Цвет был грязно-черный. Через несколько секунд животное нырнуло горизонтально, производя бурное волнение на воде".

Едва прибыв в Гонконг, капитан узнал, что похожих животных уже наблюдали в бухте Алонг. И свое письмо к Лабрюйеру он заканчивает предположением, в точности совпадающим с выводом лейтенанта Лагрессилля:

"...То, что мне довелось услышать во время моего долгого пребывания на берегах к югу от Китая, заставляет предположить, что речь идет об амфибиях (в смысле - о животном с воздушным дыханием), чьи появления в прежнее время были очень часты у побережья китайских морей, и я думаю, что "Тайвань", которого вышивают на китайских и аннамитских тканях, - не кто иной, как стилизованный зверь именно этого вида".

Дракон бухты Алонг

12 февраля 1904 года настал черед лейтенанта Перона, командира "Шато-Рено", встретиться с морским змеем в бухте Алонг, чье название - Бухта Дракона - наконец стало понятно для французского флота.

Ранним утром этого дня лейтенант отправился на моторной лодке изучать западную часть рейда Крапо. Лодку сопровождал старый рыбак-туземец, который очень точно указывал расположение подводных скал. И как же был удивлен наш капитан, расслышав, как кричит с носа лодки матрос: "Скала впереди справа!" Но предоставим слово ему самому:

"Я поднялся и приказал тормозить, а затем увидел не очень далеко впереди сероватую массу в форме черепашной спины, чьи размеры мы оценили метра в четыре; почти сразу она исчезла. Я предположил, что мы имеем дело с кашалотом. Лодка продолжила ход, мы придвинулись к тому месту, где масса появлялась из воды, и я обнаружил на воде маслянистое пятно.

Я приказал снова застопорить мотор, и верно сделал: немного позже мы услышали клокотание воды к востоку от нас и увидели почти у самого берега, который был от нас совсем недалеко (немного к югу от скалы Сретенья), два огромных кольца, которые, как я предположил, принадлежали чудовищному угрю диаметром по меньшей мере метр. Затем, к своему большому удивлению, я обнаружил, что кожа этого зверя и скала на берегу одного цвета: темно-серого с пятнами грязно-желтого. С расстояния, на котором я был, кожа показалась мне единообразной, без неровностей. Но все длилось недолго и два кольца исчезли, произведя уже слышанный нами шум.

Мы снова принялись глядеть по сторонам: не было ни малейшего дуновения ветерка, и поверхность воды застыла: наконец нам удалось разглядеть рябь довольно далеко по направлению к Крапо. Видимость была не самая лучшая, но мы разглядели некое возвышение. Однако у меня создалось впечатление, что животное передвигалось почти в уровень с водой вертикальными извивами".

Затем офицер приказал развернуть моторку и попытался догнать животное, но все было напрасно, так как его скорость намного превышала скорость лодки и была, вероятно, около девяти узлов.

Заметив также, что "время от времени из его головы вырывалась струя воды", лейтенант Перон добавляет: "Во время погони я снова несколько раз видел пятна масла как раз на следе зверя. По его извивам я оцениваю общую длину в двадцать метров".

Лейтенант Перон прибавил, что он, может быть, и забыл бы про эту встречу, если бы через четырнадцать дней не узнал, что лейтенант Л'Еост, командир канонерки "Ла Десиде", совсем недавно наблюдал похожее животное при выходе из бухты Алонг. Этот офицер даже составил чрезвычайно детальный рапорт контр-адмиралу Жонкьеру, командующему 2-м дивизионом дальневосточной эскадры, судя по всему, с абсолютной точностью передававший суть дела. Ведь в конце концов, какой военный станет рисковать навсегда потерять уважение к себе, привирая или просто искажая факты в сообщении о происшествии, свидетелями которого были также и его собственные подчиненные?

"Адмирал.

После полудня 25 февраля прошлого года, следуя заданным курсом к выходу из залива Алонг, "Ла Десиде" встретил поблизости от скалы "Орех" странное животное, которое, судя по всему, относилось к тому же виду, что и те, которых наблюдал у тех же берегов в 1897 и 1898 годах лейтенант Лагрессиль с борта "Лавины" - чьи наблюдения были опубликованы в бюллетене Зоологического общества Франции (в 1902 г.) и с которым я познакомился только после своей встречи.

Сначала я видел спину животного, примерно в трехстах метрах впереди по правому борту, в форме черноватой округлой массы, которую я по очереди принимал сначала за скалу, а потом, увидев, что она движется, за огромную черепаху диаметром четыре-пять метров.

Немного позже я увидел, как эта масса удлиняется и постепенно выныривают, серией вертикальных волнообразных извивов, все части тела животного, которое имело вид уплощенной змеи, чью общую длину я оцениваю в тридцать метров, а ширину - в четыре или пять метров.

Животное нырнуло, и я прекратил наблюдать, мое внимание было отвлечено маневром нашего судна.

Наблюдения, которые я даю далее, собраны на основе показаний разных людей из офицерского состава и команды.

Животное появилось во второй раз примерно в ста пятидесяти метрах и даже поднырнуло под судно, проплыв под задним трапом. В это второе появление сначала была видна лишь его спина. Он был полукруглый в поперечнике, ничего похожего на тело китообразных (доктор Лоуитц). Его кожа была черной, с редкими желто-мраморными пятнами (рулевой Суриман); по словам помощника старшины рулевых

Легуэна, кожа была темно-желтой и совершенно гладкой.

Спина тут же исчезла, оставив широкий кильватер, и теперь лишь голова вынырнула около трапа. Вот наблюдения старшины механиков Пино, который находился в том месте. Все его товарищи, бывшие там, подтверждают его слова по всем пунктам.

Услышав шум голосов со схода, он посмотрел наружу и увидел большие борозды на море, какие бывают, коща вода перехлестывает через скалу на одном уровне, или еще которые производит подлодка при погружении. Он обернулся чтобы позвать своих товарищей, и все прибежали поглядеть.

Голова и шея тогда уже выступали над водой, примерно на сорок метров. Эта голова была цвета скал в заливе (сероватые, они бывают еще с примесью белого и желтого). Она напомнила черепахью; кожа казалась шероховатой, и эта шероховатость представляла скорее чешую, чем волосы.

Диаметр, который указывают свидетели для самой широкой части головы, варьируется от сорока до восьмидесяти сантиметров; этот диаметр слегка превышал окружность шеи.

От головы вылетели две струи распыленной воды. Остальная часть туловища появилась на уровне воды. Оно двигалось волнообразно в горизонтальном плане. Животное перемещалось со скоростью, точно оцененной в восемь узлов (15 км/ч).

Оказавшись вблизи борта, голова погрузилась в воду, и мы увидели, что вдоль тела, которое едва выступало, прошла серия извивов в вертикальном направлении.

Животное возникло опять у правого борта судна. Там находились артиллерист Лекубле и помощник марсового Ле Галл.

Туловище перемещалось вертикальными изгибами. Одновременно были ясно различимы пять или шесть волновых движений по телу. Его длина, по словам этих двоих свидетелей, превышала десять метров. Они описывают голову как более широкую сзади, чем спереди, и более удлиненную, чем у тюленя.

Все туловище показалось им одинакового вида по всей длине. Они сравнивают его с телом "суфлера" (вульгарное название дельфина *Tursiops truncatus*, хотя многие именуют так почти всех китообразных, чье дыхание можно разглядеть. Прим. авт.). Эта оценка, дающая, по моему мнению, чересчур заниженные измерения длины туловища, заставляет меня думать, что свидетели видели только какую-то одну его часть.

Кожа была гладкой. Никто не видел плавников. Животное в тот момент не дышало.

Оно снова нырнуло и появилось довольно далеко позади. Теперь нельзя было различить ничего, кроме черноватого тела, вытянутого с движущимися изгибами и фонтанчиками распыленной воды.

Наконец, согласно наблюдениям свидетелей от трапа, животное дышало скорее ноздрями, чем макушкой головы.

Деталей головы никто не мог разглядеть".

Когда адмирал Жонкьер получил отчет и понял, что это таинственное животное совсем недавно видел лейтенант Перон, то он приказал тотчас же послать за его показаниями и показаниями его команды.

Впрочем, стоит добавить, что и другие подразделения французского флота тоже встречали дракона бухты Алонг. В конце декабря 1908 года несколько членов экипажа линкора "Гвидон" видели его в первый раз. Но когда судно (которое находилось под командой капитана Гудо и помощника капитана Фату, будущего адмирала) вернулось в бухту Алонг в марте 1904 года, то уже сотни людей на борту смогли посозерцать чудовище.

И стоит ли удивляться, как написал мне однажды капитан фрегата Э. Плесси, который служил под командованием Л'Уосста, что "в штабах морской дивизии в

Индокитае все офицеры верят в его существование".

Может ли морской змей быть мезозавром?

Двадцать седьмого июня следующего года профессор А. Жиар, член института, зачитал рапорт командира Л'Уосста перед Академией наук. "Le Temps" в своем выпуске на следующий же день уделило этому памяtnому собранию много внимания и даже воспользовалось случаем опубликовать интервью, данное отважным профессором, в котором он, среди прочего, объявлял:

"Итак, вполне позволительно предположить, что морской змей принадлежит к одному из отрядов, которые мы считали полностью вымершими, например мезозавров или ихтиозавров".

Напомнив о случае с окапи, прежде считавшимся исчезнувшим, а совсем недавно найденным живьем в лесах Конго, он ставит такой вопрос:

"Почему таким же образом не может найтись живой мезозавр или ихтиозавр, которые, если они до сих пор существуют, выжили лишь в тайных глубинах морей и являлись на поверхность в редких случаях и случайно?"

Идея столь радующего душу выживания зверей с легочным дыханием в морских глубинах тут же вызвала справедливую критику. На самом же деле гипотеза, по которой дракон бухты Алонг может оказаться дотянувшим до настоящего времени мезозавром, основана на исключительно веских доводах благодаря изучению сохранившихся останков ящера в Музее естественной истории Парижа, проведенному по инициативе профессора Леона Вайана. Говоря о животном, которого столь часто видели французские моряки, он замечает:

"Его внешний вид не* наводит на мысль о китообразных, и шероховатая кожа кажется покрытой скорее чешуей, чем волосами. Голова, которую никто не смог разглядеть подробно, по одним показаниям очевидцев, сравнима с тюленьей, но только более вытянута, а по другим - с черепашьей и держится на очень узкой шее, длина которой варьируется от сорока до восьмидесяти сантиметров, по различным оценкам. Животное перемещалось извивами, обычно в вертикальном плане, реже в горизонтальном. И одно явно примечательно: животное выпускало две струйки распыленной воды из ноздрей, а не из верхней части головы.

Эти особенности, как мне кажется, говорят против млекопитающих, то есть той группы, к которой был склонен приписать зверя Удеманс, и, скорее, подтверждают, что мы имеем дело с рептилией, весьма вероятно с питонообразной и более или менее родственной мо-зозавру, который в доисторические времена тоже представлял собой морского змея".

Эта версия заслуживает особого внимания, ибо, по моему мнению, из всех крупных рептилий, предложенных в качестве прототипов для некоторых морских змеев, мезозавр, без сомнения, один из самых правдоподобных кандидатов.

Мезозавры - это первые гигантские ящеры мезозоя. Ведь еще в 1770 году их окаменелые останки были обнаружены на берегах Мезы, давшей им имя. Некоторые из них были огромной величины: обычно она исчисляется в десять-пятнадцать метров. Внешне они представляли собой громадных ящериц с неким подобием ручищ вместо лап. Их глотка поднималась до самого неба, оснащенного ужасающими крючковатыми зубами, и таким образом они могли "жевать во весь рот до отвисания челюсти" и заглатывать крупную добычу целиком, совсем как змеи.

Одна анатомическая подробность мезозавров заслуживает нашего особого интереса. Тогда как у плезиозавров позвонки двуплоскостные (то есть по обеим сторонам плоскость), что придавало их туловищу и шее большую твердость, у мезозавров они выпукло-вогнутые и поэтому могут вполне свободно заходить один за другой. Двигая суставами (по типу коленного), эти огромные ящеры, без всякого сомнения, были способны совершать змеиные движения, что позволяло им с легкостью передвигаться простым извивом своего тела, без помощи плавников. Впрочем, именно

из-за этого приспособления в некоторых классификациях им присвоено наименование питономорфов, то есть "змеевидных".

Возможно, что мозозавровые имели на всем позвоночнике или на его части что-то вроде высокого плавника, мягкого и хрупкого, как у некоторых угрей, или гребень с фестонами и бахромой, как у тритонов или ящериц. Подобные образования, очевидно, могли быть приняты на первый взгляд за "горбы", за "хвостовой плавник" или за "гребень в виде зубцов пилы", столь часто приписываемый разным морским змеям.

Мало того, факт выживания мозозавровых вплоть до нашей эпохи гораздо более вероятен, чем плезиозавров. Они на самом деле принадлежат к более современной группе. Так, если семейство зауроптерикиев, к которому относятся плезиозавры, исчезло уже где-то между триасовым и меловым периодами, то семейство мозозаври-дов, как кажется, только-только возникло в меловом.

Впрочем, мезозавры и не принадлежат к совсем вымершему отряду, как ихтиозавры, плезиозавры и динозавры, которые, вероятно, зачахли по анатомическим или физиологическим причинам. Мезозавров относят - и с совершенным единодушием - к разряду завриев, туда же, где находятся нынешние ящерицы и змеи. В некоторых недавних классификациях они даже включены, вместе с варанами, лантанотидами (одна таинственная ящерка с Борнео) и хелодерматидами (хелодермы), в одно подсемейство вараноидов. По своей анатомии мезозавры и вправду чрезвычайно близки к варанам: о них можно говорить как о варанах, адаптировавшихся к воде. Знаменитые драконы Комодо, которые частенько достигают трех метров в длину, дожили до наших дней благодаря изоляции на некоторых из Зондских островов, где они никогда не встречали ни конкуренции, ни естественных врагов. Кое-кто предполагает, что гигант всей этой группы австралийский *Varanus priscus*, достигавший десяти метров в длину, исчез уже в историческое время вследствие вторжения на континент людей и их спутников. Наконец, существует устойчивый слух, изначально возникший на Новой Гвинее, что до сих пор жив в "затерянном мире" некий варан больше шести метров длиной, в чем нет ничего невероятного. Почему же не могли выжить в океанах водные вараны, то есть мезозавры?

Вот что весьма благоразумно сказал по этому поводу Хайатт Веррилл: "Океаны не так уж и изменились со времен начала мира, разве только уменьшились в размерах и испытали некоторое количество перепадов температуры. Конечно же, в глубинах всегда остается одна постоянная температура, около нуля; и нет никаких достаточно веских доводов предполагать, что она когда-то была другой, и то же можно сказать и о созданиях, проживавших в великих глубинах в далеком прошлом, - нет никаких оснований считать, что не осталось их потомков или близких' родственников, существующих и сегодня в тех же местах".

И кстати, всегда ли водные ящеры держатся около поверхности? Только потому, что они должны часто всплывать подышать, и из любви к теплой воде? Или потому, что не созданы для глубин? Вовсе нет. И даже есть серьезные основания предполагать противоположное, по крайней мере в случае с мозозавриями. Их четырехугольные кости так огромны и устроены таким образом (можно найти точно такое же устройство у кашалотов), что способны выносить поразительное давление бездны. Огромные китообразные, как известно, могут погружаться по меньшей мере на тысячу метров.

Следовательно, вполне вероятно, что и мезозавры должны были иметь столь же видимое дыхание, что у этих гигантских кашалотов. Мы на самом деле знаем, что внешне это дыхание выглядит как беловатая струя или, точнее, облачко и объясняется резким разложением легочного воздуха, попавшего в глубинах под жесточайшее давление. Все это тем более соответствует тому, что мы знаем о таинственном звере из бухты Алонг.

Тем не менее стоит признаться, что у мезозавра отсутствовали некоторые части, важные для идентификации морского змея, по крайней мере для "морского змея с шеей в виде ручки зонтика". У самого ящера шея была относительно короткой и такой же толстой, как тело и голова у морского угря. Кроме того, его голова совсем не была такой крошечной, как у мегеофиса Удеманса: она была удлинённой, как у крокодила.

На это можно ответить, что нужно быть очень самонадеянным, чтобы считать, будто мы знаем все до одной формы или, во всяком случае, основные формы. Каждый год приносит все новые открытия окаменелостей, и подчас совершенно неожиданные, которые требуют постоянной переработки установленной классификации или принятых критериев. Так, может, следует все-таки признать, что не все плезиозавровые обладали маленькой змеиной головой на длинной шее жирафа, как собственно плезиозавры и эласмозавры? Некоторые, как кронозавры и брахауэниусы, напротив, имели относительно короткую шею и огромную крокодиальную голову, сравнимые, скорее, с головой и шеей мезозавра. А раз существуют плезиозавровые с головой и шеей мезозавра, то почему не может быть мезозаврового с головой и шеей плезиозавра?

Во всяком случае, можно прибавить, что гипотеза, предложенная профессором Байяном, основана прежде всего на наблюдениях "драконов" бухты Алонг, которым ни один из свидетелей не приписал слишком длинной шеи. Это все так, но ведь существуют и описания этих "драконов" как более классических морских змеев, основная черта которых совершенно не подходит для рептилий: это их волнообразные движения принципиально в вертикальном плане. А у мезозавров (а также и у плезиозавров) вся анатомия базируется на перемещениях посредством волнообразных изгибов в горизонтальном плане.

И еще эта чешуя, которую некоторые наблюдатели приписывали индонезийским чудовищам... На это возражение мы уже достаточно пространно отвечали в предыдущих главах. В 1904 году Шарль Перес выдвинул его впервые в таком виде, в каком оно существует сейчас, в "Revue des Idees": "Даже наличие кожи, по виду чешуйчатой, недостаточно для категорического утверждения в пользу ящерной природы". Напомнив, что "кожная броня была характерной чертой первобытных китообразных и что мы сегодня присутствуем при последних стадиях ее исчезновения", Перес замечает весьма разумно:

"Согласно идеям Долло и Абеля, эти экзоскелетные образования развиваются под воздействием жизни в прибрежных водах, и их исчезновение связано с внешней адаптацией к действительно морской жизни. Следовательно, этой черте нельзя придавать решающего значения. Ихтиозавр, хотя и ящер, но имел гладкую кожу, а животное из бухты Алонг могло обладать спинными чешуйками и быть не более чем млекопитающим".

Одним словом, если до наших дней дожили мезозавры, то не будет ничего столь уж удивительного в том, что он окажется совсем другим неизвестным науке монстром, скажем морским змеем, которого описывали как огромного крокодила с плавательными лопастями, или лапами. Мы уже говорили выше, что речь может идти, в частности, и о некоем зажившемся на планете типе крокодилов исключительно морской среды обитания, из группы талаттозухий, но, учитывая еще более совершенную адаптацию мезозавров к морской жизни вплоть до достаточно удаленных глубин, гораздо правдоподобнее предположить, что именно эту группу следует сближать с таинственным морским змеем с внешностью крокодила!

Но монстры этого типа, кажется, совсем не наблюдались французами, и встречи с ними никак не комментировались французскими натуралистами. Следовательно, ничего нет удивительного в том, что перед первой мировой войной научное мнение во Франции благоволило, скорее, к гипотезе о морском змее

млекопитающем Удеманса, которая, впрочем и по сей день собирает в этой стране большинство голосов.

Французский период заканчивается на французских же берегах

Каждый раз, когда некая страна начинает проявлять интерес к проблеме морского змея, после наблюдений, проведенных достаточным количеством народа, или же внушительных заявлений прославленных ученых можно встретить одно и то же явление. Растет число как подлинных, так и ложных свидетельств, и случается конфуз: оказывается, описываемых типов-то несколько!

Во Франции, впрочем, последствия дела о бухте Алонг ощутились вообще довольно нескоро и весьма слабо. Можно было видеть, как появлялись год от года статьи разных знаменитостей, по большей части зоологов, но в великосветском обществе почти никаких реакций не было. Без отважной инициативы провинциального ежедневника "Уэст-Эклер" в 1922 году досье французского морского змея вообще осталось бы плачевно худым. Здесь не случилось ничего похожего на поток информации, отвечающий в Великобритании на каждый важный и неожиданный поворот дела.

Но свидетельства тем не менее имелись.

Так, 13 апреля 1905 года капитан П. Гюйю, возвращавшийся из Чили на борту "Роны", как раз перед тем, как миновать мыс Горн, имел весьма странную встречу:

"...Я увидел, как метрах в двадцати по кильватеру на высоту метра в полтора из воды высунулась голова животного, которого я, скорее, всего могу сравнить с теми, которыми украшались носы кораблей скандинавских пиратов и больших джонок на Нигере. Животное, казалось, было в растерянности. Я видел лишь шею и голову, которые вздымались в ответ на извивы туловища, которое мне показалось довольно большим. Оно двигалось с весьма значительной скоростью".

Вот и первое сообщение о морском змее из южного полушария, с широты столь же далекой, как Южная Америка, из мест, редко посещаемых кем-либо, кроме моряков. Впрочем, должен подчеркнуть, что это единственное донесение. Я не нашел ни одного наблюдения морского змея с морских просторов Чили и Перу, как, впрочем, и со всего восточного побережья Южной Америки.

Последующие наблюдения происходили в Средиземном море, недалеко от берегов Корсики. В октябре 1907 года рыбаки из Кальви видели в заливе Порто то, что они поначалу приняли за связку плывущих тел, но что впоследствии оказалось морским чудовищем метров в шестьдесят. Объятые ужасом, люди поспешили к берегу, где переполошили всех своих коллег. Тут же все население побережья облепило скалы, чтобы увидеть, как морской змей плавает на поверхности.

В течение нескольких последующих дней рыбаки не осмеливались выходить в море, они даже требовали от коменданта морского округа Аяччо выслать миноносец для устрашения монстра.

Среди свидетельств, появившихся благодаря дознанию, проведенному "Уэст-Эклер", одно из самых ценных приводит нас в бухту Алонг. Его автор, один капитан дальнего плавания из Гранвилля - увы! - отказался, боясь показаться смешным, позволить опубликовать свое имя. Но точность деталей, которые он дает, позволяет установить его без особого труда:

"В июне 1908 года, когда я был капитаном парохода "Ханой", принадлежавшего А.-Р. Мартии из Хайпонга, и находился в шесть часов утра приблизительно в пяти милях к востоку от острова Норвеи, расположенного при входе в бухту Алонг (Тонкий); я стоял у руля и правил между островом и землей, когда вдруг увидел это самое.

Я заметил довольно далеко впереди некую черную массу, которую поначалу принял за корпус опрокинувшегося судна. Приблизившись и всмотревшись через бинокль, я обнаружил, что у него странная форма. Это напоминало скелет, на который

кто-то туго натянул ткань. Бока были очень четко видны, и спинной хребет сильно выступал. При взгляде на него сбоку и не совсем вблизи мне казалось, что он представляет собой что-то зазубренное, так как ребра слишком выступали. Я лично видел его почти в три четверти оборота, что позволяет мне дать достаточно точные оценки размеров.

Окрас был черный: длина примерно пять метров и ширина полтора. Оно -было совершенно недвижно.

Пока я спрашивал себя, что же это может такое быть, мы продолжали приближаться, и я стал ясно различать все детали. Когда мы оказались метрах в тридцати, вынырнула огромная голова метрах в четырех-пяти от того, что я видел раньше, и, следовательно, настолько же близко ко мне.

Хотя и изумленный этим внезапным появлением, я все же разглядел ее весьма хорошо - больше всего она напоминала черепахью, но только была более вытянута и величиной от шестидесяти сантиметров до метра; имела два больших черно-белых сверкающих глаза и крепкие ноздри. Голова была черноватая, как и все остальное. Я не видел челюстей, рот был закрыт, но этот рот был ясно различим и больших размеров.

Голова повернулась, чтобы поглядеть на судно, раздался шумный выход без выброса воды, и она тут же погрузилась, увлекая остальную часть тела и вызвав сильное волнение на поверхности.

Прибыв на место, где находилось животное, я не увидел ничего, кроме ряби на воде.

При всех размерах и пропорциях этого животного его невозможно спутать с черепахой. Во-первых, не было никакого панциря или чешуи, в этом я уверен. Кожа напоминала, скорее, старую дубленую телячью, и в свой бинокль я это хорошо разглядел.

Голова высунулась лишь на несколько секунд, и я не успел навести бинокль, но она была очень близко, может быть в двадцати пяти метрах; что меня больше всего поразило, так это глаза. Морская черепаха имеет маленькие глазки, прикрытые пленкой, а совсем не огромные светящиеся, как здесь. И потом, насколько я знаю, черепах таких размеров не бывает.

От головы до видной части тела было около десяти метров: следовательно, это было необычайно большое животное. . "

Судя по волнению воды в момент его нырка и по той части туловища, которую я видел, форма этого зверя должна быть следующей: очень удлинённая и гибкая шея, определяемая по расстоянию от головы до видимой части туловища и еще по тому, как голова поворачивалась без всякого изменения положения средней части; затем сильное вздутие в середине, эту часть я видел, и затем хвост, достаточно длинный, который не появлялся наружу, но был очень четко обозначен волнением воды.

Наблюдения были слегка затруднены тем, что солнце находилось частью за облаками и отбрасывало слепящие белые отблески на поверхность воды, которые мешали глядеть в глубину".

Последняя фраза может, вероятно, объяснить некоторые расхождения между этим свидетельством и другими касательно дракона из бухты Алонг. Нелишне также упомянуть, что тамошний климат больше похож на британский, чем на островной средиземноморский. Подробность относительно явно выступающего характера боков и спинного хребта - это, безусловно, самое изумительное во всем описании. Она заставляет думать о параллельных гребнях, которые украшают часть панциря черепахи Люта и совсем другую часть туловища китовой акулы и которые служат для устойчивости этих пловцов. Но наш зверь не мог быть ни тем ни другим, так как у рыб, как и у рептилий, эти гребни располагаются вдоль тела. Кроме того, черепаха Люта намного меньше размерами, а у китовой акулы нет ярко выраженной шеи. И к тому же

будет несколько натянутым предположение, что подобный выступающего вида позвоночник мог быть принят другими наблюдателями за зубчатый гребень. Следует вообще спросить себя: а было ли это нормальное животное? Морские млекопитающие по очевидным причинам обычно жирны, защищаясь от подводного холода толстым слоем "лярда". Или здесь речь идет об экземпляре, исхудавшем по болезни или по старости? Это маловероятно. Объяснение, которое я лично предлагаю, таково: этот явно истощенный вид дракона из бухты Алонг может создаваться неким панцирем из поперечных полос, таким же, какой существует у броненосцев.

У нас в распоряжении очень мало сведений относительно встречи с морским змеем в августе 1910 года одного славного мореплавателя, командира ле Льевра, который двадцать два раза пересекал мыс Горн за свою долгую карьеру. В двадцати пяти милях от Мозамбикского пролива еще в молодости он видел, как прямо в уровень с водой рядом проплыл морской монстр, несколько раз разинув свою огромную пасть. По словам моряка, животное достигало семидесяти метров в длину, а в диаметре было с бочку на 800 литров. Эти данные, конечно же, несколько преувеличены.

В течение лета 1911 года некий морской монстр более скромных размеров показался наконец в самой Франции и даже перед французами. Все произошло в море у Сэн-Ке-Портрье в бухте Сэн-Брие (Северный берег); свидетелями тому был господин Франсуа Желяр с двумя сестрами, главный редактор "Земли и жизни", его статья по этому поводу была написана лишь в 1934 году:

"Мы кончили завтракать, и было примерно час пополудни, когда моя сестра, вдова Оливье, закричала: "Смотрите, вон собака купается!" В направлении, которое она указала, мои глаза различили сначала скольжение некой яхты под парусом, потом я заметил между лодкой и берегом, но гораздо ближе к берегу животное, на которое она призывала посмотреть и которое я, не особенно всматриваясь, принял за собаку одного из членов экипажа. Однако она приближалась к нам, и я не переставал удивляться одновременно и той скорости, с которой она плыла, и длине шеи, которую она высовывала из воды.

Я навел на странного пловца морской бинокль, оказавшийся под рукой, и тотчас обнаружил, что пловец не имеет ничего общего с собакой. Также мне не приходили на ум никакие другие сравнения, и только при дальнейшем приближении зверя меня внезапно осенило, что я наблюдаю лишь часть тела, а точнее, шею и голову, которые внешне весьма походили на жирафы.

Однако, двигаясь, зверь оказался еще ближе ко мне, и тогда я различил странные особенности его анатомии. Наблюдался некий купол или горб, который торчал наружу на некотором расстоянии от шеи. Полное неведение относительно строения остальной части туловища, погруженного в воду, заставило меня вообразить, что передо мной колоссальная змея, и я поэтому решил, что эта сферическая выпуклость является просто" одним из ее колец. Однако вскоре я с удивлением обнаружил, что эта выпуклость остается недвижимой в водной борозде, которую прорывала на воде шея животного, как нос корабля, и никак не участвует в этих движениях, а только им подчиняется.

Прочие части тела были совершенно скрыты в море, но на небольшой глубине, что было заметно по сильному волнению на воде. На некотором расстоянии от головы, которое, как мне показалось, было не меньше десяти метров, бурление указывало расположение хвостового плавника, который, вероятно, и был основным инструментом передвижения".

Животное плыло с такой скоростью, что, когда оно рванулось к группке скал, продолжающих мыс, свидетели на секунду решили, что оно собирается броситься на них. Но на самом деле, проплыв с сотню метров, оно резко развернулось и направилось в открытое море. Немного позже еще одно животное, во всем схожее, присоединилось к первому, и оба чудища удалились от берегов Франции, столь полной симпатии и

понимания к морским змеям всех видов.

Удручающее участие американцев

В течение этого периода можно насчитать очень незначительное количество отчетов американского происхождения. Закончились времена многогорбого морского змея из Новой Англии, которого местное население описывало с таким единодушием и, следует отметить: с такой радующей трезвостью! С тех пор достаточно часто стали появляться американские морские змеи гетеродоксального типа, то есть откровенно фантазмагорические!

Так, очень сложно принять всерьез морского монстра, о котором донесли смотритель маяка и его семейство из Стрэтфорда в проливе Лонг-Айленда в 1898 году. Он достигал шестидесяти метров и задира шю, как трубу парохода, на шесть метров над водой; еще у него были усы как велосипедный руль, прекрасного, густого зеленого цвета.

Заслуживают большего доверия наблюдения, сделанные в 1901 году мистером Чарльзом Джем Сейбертом из Вашингтона, когда он возвращался из Нью-Йорка в Белем на борту парохода "Гронгено, под командой капитана Спедлинга. Однако свидетель осмелился на разглашение своего приключения лишь полвека спустя, под влиянием замечательно убедительной статьи зоолога плыло параллельно лодке, довольно долго, пока не исчезло окончательно.

Это устойчивое любопытство является психологической чертой, которая гораздо более свойственна млекопитающим, чем рептилиям. Следовательно, когда мы видим, что генерал Мериам говорит о "серпантинных змеиных" движениях, позволительно усомниться, что они действительно происходили без перерыва, в одном вертикальном плане. На самом деле столько людей не знают, что змеи - и рептилии вообще - извиваются только так, что военному, какого бы он ни был высокого звания, вполне извинительна подобная неосведомленность.

В следующем году в августе господа Спайсер и Каминг, соответственно первый и третий помощники с трансатлантического судна "Святой Андрей" американской компании "Феникс лайн", сообщили, что в тот момент, когда они проходили мимо Лэндс-Энд, оконечности Коруэльса, то им, в компании богатого скотопромышленника Перси Хопли, посчастливилось явно разглядеть некоего морского змея. Его тело поднималось над водой на высоте около пяти метров сорока сантиметров. "Его челюсти,- говорится в отчете для "Аме-рикэн" в Нью-Йорке,- были вооружены огромными зубами, похожими на плавники, а туловище, вероятно, было полтора метра диаметром".

Не совсем понятно, как зубы могут напоминать плавники. Может быть, моряки хотели сказать, что у животного были китовые усы? Но этого мы, без сомнения, никогда не узнаем.

Последний американский морской, змей довоенного времени как бы "с перископом", хорошо известным в мире, но совсем не в этом районе океана. Его описала Айвену Сандерсону одна из его корреспонденток, почти тезка, миссис Ф. В. Саундерсон в одном из писем, которое она направила 15 марта 1947 года по поводу его статьи в "Сатердей ивнинг пост". Эта дама вспоминает, что в течение лета то ли 1912-го, то ли 1913 года, когда она путешествовала со своими родителями на пароходе между Нью-Йорком и Порлендом (Мэн) один из двадцати пяти пассажиров, который находился на мостике, вдруг издал вопль изумления.

"По правому борту,- рассказывает миссис Саундерсон, показалась огромная голова на громадном угревидном туловище или на длинной шее толщиной с бочонок.

Она поднималась на высоту до шести метров над головой, напоминая голову гигантского угря, который встал на хвост, наполовину погрузившись. Голова оставалась поднятой в течение полуминуты, а потом начала медленно вращаться, как будто монстр захотел хорошенько оглядеть окружающий его ландшафт. Затем она

лениво скользнула обратно в море, оставив едва заметную рябь на поверхности".

Среди скандинавских свидетелей обер-егермейстер шведского короля

В Скандинавии, на родине старого Се-Орма, любимого дитяти епископов, можно констатировать ту же нехватку отчетов на рубеже веков, но те редкие, которые имеются, отличаются прежними качествами: точностью и серьезностью.

В июле 1894 года, когда было исключительно жарко (что примечательно), два морских змея были замечены повсюду к северу от Норвегии, в море у Финляндии. Один из них подверг настоящей блокаде рыбацкую деревушку Эрвикен, едва ли в 1200 метрах от Хаммерфеста, оставаясь целый день в пределах досягаемости с берега. Его созерцали семеро рыбаков, но не осмелились ни выйти в этот день в море, ни отправиться в Хаммерфест на лодке, чтобы вызвать китобоев и загарпунить зверя.

"Морской змей, - сообщает "Финмаркпостен", - был темно-желтого цвета, с округлым туловищем и длиной не меньше пятидесяти пяти метров. Он передвигался с огромной скоростью сквозь воду, по-змеиному извиваясь. Голова была примерно размером с бочку, но чуть заостреннее спереди, и сразу же за ней существо имело большое кольцо (от ущемления? - Авт.), расположенное, следовательно, между головой и телом, которое было гладким и без плавников".

Этот монстр со слабо развитой шеей был в тот же день замечен экипажем трех кораблей из Хаммерфеста и из одного соседнего района.

Это был морской змей с тремя горбами, что обычно для длинношеих экземпляров, вроде того, что появился 4 августа 1902 года на другом краю Норвегии, то есть у входа в Осло-Фьорд, и которого видели несколько человек с парусной яхты "Тонни". На борту было одиннадцать человек, среди которых четыре ребенка и даже владелец судна, преподобный Ганс Давидсен, которому мы и передаем труд описать существо, замеченное в полчетвертого пополудни:

"Мы сразу же поняли, что это неизвестное морское животное: оно приближалось, насколько мы могли судить, со скоростью примерно в четыре мили в час. Оно находилось в одном-двух кабельтовых от нас (двести или четыреста метров).

Время от времени три больших горба показывались из воды, и трое из нас точно видели голову существа, округлой формы, длину которой они оценили примерно в девяносто сантиметров. Горбы образовывали сплошную серию и были темного цвета, с блестящей поверхностью. Они, вероятно, были сантиметров шестидесяти в диаметре. Сбоку движения животного казались волнообразными. Невозможно дать точную оценку длины существа. По тому, что мы видели, голова и три видимых горба, без сомнения, составляли в сумме шесть метров. Учитывая расстояние между головой и горбами и длину и ширину этих последних, общая длина создания могла быть около пятнадцати-шестнадцати метров. Мы все видели, что горбы были соединены друг с другом и не могли принадлежать нескольким животным, плывущим гуськом.

По причине большой скорости животное оставляло за собой большую борозду. Мы не видели пены, но все отметили, что передняя часть туловища поднимает значительную волну. Голова держалась близко к поверхности воды, в наклонном положении. Один из пассажиров уверяет, что различил плавник на спине у существа. Мы наблюдали его в течение пяти-десяти минут, иногда невооруженным глазом, а иногда с помощью бинокля".

Морское чудовище, виденное в октябре 1906 года около элегантного курорта Сальтсбаден, в часе хода от Стокгольма, представляется менее "классическим", но личность его главного наблюдателя гарантирует точность показаний. Это был не кто иной как господин Виктор Анкаркрона, обер-егермейстер шведского двора, самый близкий друг короля Оскара Второго, внука Бернадотта.

Прогуливаясь вдоль берега с тремя друзьями, "Этот джентльмен увидел в каких-нибудь двухстах метрах некое животное длиной от пятнадцати до двадцати метров, которое мчалось со скоростью доброй моторки.

Движения животного были похожи на извивы червяка. Его голова, которая напоминала черепахью, была, как он сообщает, чрезвычайной величины по отношению к окружности туловища. Относительно спины он уверяет, что она была округлой и не имела на себе ни плавников, ни других каких-либо отростков. Весь зверь был одинакового серовато-коричневого цвета.

Это описание, во всяком случае, как оно было повторено в прессе, кажется отрывочным и очень плохо представляется зрительно; как бы хотелось увидеть хоть маленький набросок! Тогда бы никто не стал придирается, настаивая на том факте, что визуальный образ почти не передаваем простыми словами.

Можно вспомнить об очень ярком описании морского змея с длинной шеей по наблюдениям 1910 года в море у Ингей (Финляндия) учителя из Сандвикера, М. Р. Элиассена. В течение двадцати пяти лет он не осмеливался предать огласке эту встречу, опасаясь быть осмеянным: наконец, в 1934 году он поведал о ней в "Tidens Tegn" в Осло, под влиянием интереса, возникшего из-за дела лох-несского чудовища.

Одним погожим летним днем господин Элиассен рыбачил с лодки со своим отцом, когда на расстоянии каких-нибудь пятьдесят метров... "... длинная шея с маленькой головой на конце поднялась из воды примерно на метр пятьдесят - метр восемьдесят. За шеей располагался длинный горб примерно такой же длины. За ним короткая часть туловища была погружена в воду, но затем оно снова поднималось в виде еще большего горба, внушающего мысль, что часть, скрытая под водой, должна была быть значительных размеров..."

Вот почему Элиассен-отец в спешке смотал свои удочки и счел более предусмотрительным удалиться, налегая на весла изо всех сил.

"Через короткое время существо стало плашмя погружаться и море вновь сделалось таким же гладким, как и прежде. Я должен прибавить, что мы не видели никакого перемещения этого зверя, ни вообще никаких других движений, кроме легкого наклона головы".

НЕВОЗМУТИМЫЕ БРИТАНСКИЕ НАБЛЮДАТЕЛИ

Всегда именно у жителей Британских островов можно найти наиболее тщательные описания морского змея. За интересующий нас сейчас период я насчитал добрых пять десятков свидетельств британского происхождения, то есть больше двух в год. По правде говоря, я мог бы сказать: их было еще больше, чем в прошлом. Ведь когда в какой-нибудь стране газеты принимаются регулярно публиковать описания морского змея, у кого-то тут же появляется страстное желание изобрести что-то новое, просто скопировав кое-что с предыдущих сообщений; но также можно говорить и о неосознанной деформации сообщений наших свидетелей. Это придает порой причудливый и мало заслуживающий доверия характер британским наблюдениям. Перейдем к обзору самых примечательных.

Один морской змей вполне правдоподобной длины, 20 метров, в виде двух "извивов" на расстоянии три метра, появился в январе 1895 года в Бернере, у одного из Гебридских островов - Льюиса. Господин Ангус Мак-дональд из Тобсона описал животное как "огромного быка без рогов".

Через несколько дней, 7 февраля, англиканский пастор господин Бернере, забравшись на высокий мыс у северной оконечности того же острова, вдруг обнаружил в двухстах метрах от себя шею, похожую на жирафью, которая поднималась над водой на четыре с половиной метра: на голове имелся изгиб сантиметрах в шестидесяти ниже ушей.

"У зверя было,- доносит священник,- два огромных ужасающих глаза, похожих на бычьи, которыми он уставился на меня, и тогда я разглядел три сегмента его туловища общей величиной тридцать шесть метров, соединенных друг с другом как сегменты на хвосте лангуста".

Это уже не в первый раз кто-то упоминает сегментацию туловища у некоторых крупных змеевидных. Мы еще вернемся к этому в случае более тщательного наблюдения.

Следующее сообщение сопровождается рисунком, только относится он к не слишком вероятным, так сказать, наблюдениям, проведенным в шотландских водах в начале 1898 года капитаном шлюпа "Дарт" из Данди Джоном Матчем Доусоном и пятью людьми из его экипажа.

"Животное,- повествует капитан,- было более пятнадцати метров в длину - по крайней мере то, что мы видели,- и большая часть тела скрывалась в море. По внешнему виду оно не напоминало ничего, что можно описать, кроме древних доисторических, зверей, которых иногда изображают и .представляют ученые.

В целом он, должно быть, достигал пятидесяти пяти метров. Его голова была вытянутой и заостренной на конце. Рот был открыт, и мы могли видеть его во всю ширь. Рот был достаточно велик, чтобы проглотить по меньшей мере корову или лошадь. Зубы светились слабым отблеском и придавали животному ужасающий, зловещий вид. Длинный отросток в виде плавника, казалось, свисал с его тела метрах в четырех с половиной - шести от головы. Его глаза сияли зеленым огнем, иногда переходящим в синий и даже часто в алый, пробуждая ужас в наших сердцах. На его туловище плавник, похожий на гриву, обвивал спину от края до края и грудь. Он был темного цвета и не походил ни на одно чудовище, которое мы могли бы вообразить".

Единственное, что можно сказать об этом звере, приподнявшемся над водами весьма мало правдоподобным образом, так это то, что он не похож ни на "древних доисторических зверей", ни на одного из когда-либо описанных морских змеев.

Встретить какого-нибудь монстра из этой категории стало почти обычным делом для британских моряков. Теперь, чтобы произвести впечатление на публику, требовалось нечто большее.

8 июля 1898 года целое семейство морских змеев, как рассказывают, наблюдал в Саргассовом море капитан Джозеф Донован и все офицеры "Сельмы". Первое из замеченных чудовищ достигало дюжины метров, имело

удлиненную голову с каким-то клювом, похожим на тот, что у спрутов, и из этого клюва выпускало громадные струи воды. Немного позже к первому присоединился второй, длиной уже в шестьдесят метров, с роскошной гривой и огромным плавником на спине. Наконец, появился и третий монстр, совсем маленький, едва трех метров в длину: у него также имелся спинной плавник и можно было различить четыре плавательные лопасти.

Неужели речь идет о папе и маме-змеях, которые выгуливали своего малыша?

После всех этих малопоучительных сообщений появилось другое, которое вовсе не было более поучительным, однако отличалось от прежних.

В начале октября 1898 года морское чудовище совершенно необычайной наружности было встречено на морских просторах у Стоунхейвена, в Шотландии, Александром Тейлором, хозяином рыбацкого баркаса "Лили" и людьми его экипажа. С расстояния в сотню метров животное напоминало корпус опрокинувшегося судна, но когда корабль приблизился еще на пятьдесят метров, то объект проявил свою истинную природу, частично вытянув над водой голову, более плоскую, чем у кита. После чего таинственный зверь скрылся из виду.

У животного на спине голубоватого цвета имелись два плавника, расположенных с промежутком в шесть метров и похожих размерами и формой на парус маленького корабля. За первым плавником находилась некая выпуклость, схожая с горбом верблюда.

Время от времени животное вздымало голову достаточно высоко, причем дышало как кит, с той только разницей, что его дыхание было гораздо короче. Хозяин "Лили" заявил, что видимая часть звериного тела была в два раза больше, чем его

судно, которое достигало десяти метров длины.

Не мог ли этот шумно дышащий зверь быть китовой акулой, высунувшей из воды спинной и хвостовой плавники? Или речь здесь идет об одном из гигантских дельфинов с двумя спинными плавниками, о которых иногда писали как Рафинеск, так и Куа с Гаймаром и которых до сих пор не могут идентифицировать точно? Что очевидно, так это то, что загадочный зверь не походил ни на один из известных типов морских змеев, попавшихся на глаза до сих пор, и что, следовательно,

гораздо разумнее вообще исключить его из нашего списка.

Следующее сообщение перемещает нас чудесным способом в края-антиподы Британских островов, а более точно - в Новую Зеландию, где общественное мнение еще не было так развращено непрекращающимся потоком свидетельств, более или менее приемлемых для рассудка. На заседании 13 декабря 1904 года Литературно-философского общества Манчестера доктор У.-Е. Койл зачитал следующее письмо, полученное от С. Говарда Трип-па и датированное 16 сентября того же года:

"Примерно шесть лет назад (то есть в 1898-г.?) в понедельник, я отправился к утреннему восьмичасовому поезду, чтобы ехать в Тимару, Новая Зеландия, когда вдруг нечто, что я поначалу принял за альбатроса черно-сажистого цвета, рухнуло на воду, произведя оглушительный шум, в каких-нибудь пяти десятках метров от меня. Море было спокойным, но я смотрел немного против солнца. Конечно, поскольку я никогда не видел альбатросов, падающих подобным образом на воду, то я остался стоять, поджидая, и вскоре увидел, как странное существо объявилось снова. Теперь я понял, что то, что я вижу, совсем не альбатрос, но хвост какого-то морского зверя, так как он был соединен с неким тонким туловищем. Хвост снова забился, расплескивая в разные стороны воду, затем исчез, чтобы снова подняться, но тут же скрыться из виду совсем. По моему мнению, туловище, к которому относился этот хвост, было примерно сорока пяти сантиметров в диаметре у места соединения и далее утолщалось до шестидесяти сантиметров - это было уже в четырех или пяти метрах от кончика самого хвоста, если учитывать и высоту, на которую тот поднимался из воды.

Естественно, я был ужасно удивлен и поражен тем, что только что видел, и продолжил свое наблюдение. Через несколько минут после окончательного исчезновения из виду хвоста я увидел змеиную голову, ясно различимую, которая поднялась из воды на расстоянии метров в пятьдесят от того места, где скрылся хвост: она высунулась из моря вместе с частью туловища метра на три - четыре с половиной и с шириной практически одинаковой всюду: около девяноста сантиметров - метра двадцати. Затем животное исчезло, и больше я его не видел. Место, на котором я его разглядывал, было мелкое; глубиной не более пяти с

половиной метров, и находилось у оконечности мыса. Может статься, что это был *Hypogoodon*, к тому же мне немного мешало слепившее солнце, но первым моим впечатлением в тот миг было - и таким оно и осталось, - что я видел некое змеевидное существо. Впоследствии я услышал толки о каком-то змее, виденном за два дня до моей встречи в каких-нибудь десяти милях к югу от Тимару, а движения, которые я прочел касательно змея, которого видели примерно за год до того в море у острова Северного в Новой Зеландии".

Закончив чтение письма, доктор Хойл предположил, что мистер Трипп действительно видел нечто, что, скорее всего, было китообразным. Ведь и сам наблюдатель признавал, что, впрочем, доказывает его усердие и беспристрастность, что то мог быть гипероодон, то есть "кит с клювом". Но какого черта китообразному понадобилось так выгибаться, чтобы вытянуть над водой более чем на три метра некое худощавое цилиндрическое тело?

Ни одна из поразительных черт внешнего вида не позволяет идентифицировать трех "змеев", которых встречал 10 мая 1899 года с интервалом в один час капитан Джон Б. Мартин с барка "Опана", принадлежащего Новозеландской

компании морских перевозок. Первое существо, если судить по промежутку между его хвостом, иногда появлявшимся в виду, и огромным спинным плавником, показалось новозеландскому моряку размерами более двенадцати метров. Оно имело, как он сообщает, "большой кусок мяса, прикрепленный к плавнику ближе к его верхушке". Образовывающаяся при этом впадина так характерна для хвостового плавника китовой акулы, что нет никаких оснований предполагать, будто здесь речь идет о чем-то другом. Так какого же черта капитан Мартин решил, что это не так? "Увидев первое существо, я подумал, что то была огромная акула". И правильно подумал.

В 1899 году, опять в этих дальних краях, кое-кто еще тешился надеждой хотя бы чуть-чуть разобраться в проблеме морского змея. В феврале английский пароход "Эмю" по пути в Сидней зашел в гавань Суварроу крошечного острова, затерявшегося между Самоа и Гаити, где туземцы сообщили капитану, что Некий змеевидный монстр был выброшен волной на берег. Несмотря на то, что процесс гниения тела зашел довольно далеко, моряки затащили 'часть останков на борт.

Согласно сиднейским газетам, кожа животного, покрытая волосками, была коричневатого цвета: его голова походила на лошадиную: длина в целом была около восемнадцати метров, а вес шестьдесят тонн: голова была девяносто сантиметров длиной, окружность тела достигала семидесяти пяти -сантиметров, а позвоночник был десять сантиметров диаметром. На оконечности нижней челюсти были видны зубы двух видов.

Эта последняя деталь позволяет зоологу сразу же предположить, что речь, должно быть, идет о том или ином представителе клюворылых китов, очень редких, ставшем неузнаваемым по причине гниения, что, впрочем, вскоре подтвердил анализ, проведенный доктором Уэйтом из Австралийского музея.

21 мая 1899 года, после того как "Нарцисс" обогнул мыс Фалькон, расположенный у Мерс-эль-Кабира в Алжире, судовой лейтенант Бутби, который стоял вахту, около пяти часов отметил в вахтенном журнале нечто, что впоследствии перешло в бортовой:

"По левому борту замечено морское чудовище, достигавшее сорока пяти метров в длину, которое, кажется, передвигалось с помощью больших плавников и затем ушло в глубину". *

На мостике в момент, когда таинственное животное плыло в течение получаса параллельно судну, скопилось множество моряков. Когда некий журналист спросил одного из них, сигнальщика, уверен ли он, что речь идет не о косяке макрели, матрос высказался весьма определенно:

"Мы видели макрелей неподалеку, и их движения совсем не были схожи. Можно было разглядеть, как макрели прыгали и развлекались кульбитами, в то время как это существо пребывало ровно на поверхности, легко скользя сквозь воду... Чудовище, казалось, перемещалось благодаря движению множества плавников. Можно было различить, как они продвигали его вперед со скоростью, близкой к скорости судна. Плавники находились по обоим бокам и, казалось, вертелись без перерыва. Также эти плавники имелись внизу, до самого начала хвоста..."

На другой вопрос журналиста сигнальщик ответил, что головы никак нельзя было различить по причине волн, которые она поднимала, двигаясь вперед, и прибавил:

"Еще одна любопытная вещь: животное дышало, выбрасывая воду, как кит, только струйки водц были

очень маленькие, и казалось, они выходят из разных частей тела".

Из двух возможно только одно. Или эти маленькие струйки воды не были дыханием, но простыми всплесками, которые поднимались при движении плавников, и в этом случае перед нами китообразная сколопендра, как та, которую наблюдали с "Принцессы" и которая существует в действительности. Или эти струйки были на самом деле дыханием, выходящим из разных частей тела, и в этом случае, невзирая на

все нестыковки в показаниях свидетелей, существо оказывается сборищем причудливо сплотившихся в одно нескольких китообразных.

Внимание читателя может задержаться на несколько озадачивающем деле - речь идет о чудовище с множеством плавников, которого наблюдали 13 июля 1902 года на морском просторе у берегов австралийской провинции

Виктория все члены экипажа пакетбота "Чилла-го", во главе со своим капитаном и его помощниками.

"Судя по всему, животное достигало от девяти до одиннадцати метров в длину и имело на туловище четыре плавника длиной от метра двадцати до полутора метров и расположенные на расстоянии полтора метра друг от друга. Его голова на

поминала тюленью, за исключением того, что она была больше - около шестидесяти сантиметров в диаметре. Когда судно приблизилось к монстру по меньшей мере на сто метров, он приподнял голову, поглядел на корабль и исчез. Капитан еще говорил, что "все свидетели сходятся в одном - чудище походило на змея, виденного людьми с "Принцессы", того, о котором писали в "Strand Magazine", с одной только видимой разницей - плавники нашего зверя были расположены под гораздо большим углом, чем у представленного в журнале".

Кстати, ничто не мешает причислить к этому монстру и других, которых считали плохо описанными: чудовище "Бархама" (1858), которого Удеманс полагал выдуман

ным, и барка "Сент-Олаф" (1872), которого считали составленным из многих, и с "Осборна" (1877), и с "Пуны" (1878), о которых могли думать, что они списаны с предыдущих, и, наконец, чудище преподобного Брауна (1879), в которое вообще мало кто верил. Все в действительности были описаны очень схожим образом и решительно заставляют нас поверить в существование некоего сверхтюленя с гривой стегозавра.

Следующий морской змей, встреченный посреди экваториальной Атлантики пароходом "Форт Солсбери", кажется гораздо фантастичнее, если бы не явная трезвость, с которой второй помощник капитана А.-Г. Рей-мер сделал о нем запись в судовом журнале:

"Октябрь 23 (1902), три часа пять минут утра. Темный предмет с длинным светящимся следом возвышался над фосфоресцирующим морем впереди, немного по правому борту. Сигнальщик заметил два огонька впереди. Эти два огонька, почти столь же сияющие, как и огни парохода, казалось, исходили из двух точек, располагавшихся на одной линии на верхней поверхности темной массы.

Мы решили, что перед нами некое китообразное, а огоньки - следствие свечения на его теле. При нашем приближении предмет исчез с поверхности. Я приготовился рассмотреть в бинокль след, когда мы окажемся ближе.

Пройдя примерно сорок или пятьдесят метров слева от следа, мы обнаружили, что это были спинные чешуйки некоего огромного монстра, который медленно погружался. Ночная темнота мешала определить его природу точно, но чешуйки, по виду тридцати сантиметров диаметром и местами усеянные мелкими выступами, были ясно различимы. Толщина тела, выступавшего на поверхности воды, уменьшалась примерно с девяти метров немного спереди того места, где появилась темная масса, до девяноста сантиметров у видимой оконечности. Его длину можно было грубо оценить примерно в сто пятьдесят - сто восемьдесят метров.

Мы решили, что темная масса, видневшаяся вначале, была головой существа. Рябь на воде, производимая движениями чудовища, была явственно различима, как и сильный запах, похожий на тот, что ощутим на мелководном пляже в летний день при неподвижном воздухе. В двух местах по длине животного волнение воды и расширение светящейся зоны, которая окружала

все туловище, выдавали присутствие огромных плавников, шевелящихся под водой.

Влажная и светящаяся спина была обозначена мерцающими фосфорическими огоньками и окружена беловатой каймой мерцающего моря.

Таковы были простые факты касательно прохождения морского змея под 5° 3Г южной широты и 4° 42' западной долготы, какового видел я лично, бывший вахтенным офицером, а также рулевой и сигнальщик".

Вполне законно жгучее желание отбросить "простые факты" всей этой истории на основании их безумной экстравагантности. Но не были ли они столь нелепы по причине необычного характера условий, в которых все действие протекало, и за счет данной им интерпретации? Не будем забывать, что все это происходило ночью. Длина животного могла быть, что очевидно, излишне преувеличена, хотя бы потому, что о ней судили по длине светящегося следа, производимого, вероятно, кишащими в море фосфоресцирующими существами. Но ширина - не менее экстравагантная - туловища животного, определенная по кайме фосфора в данном месте, что позволяло дать столь подробное описание чешуек, должна убедить нас в том, что все это абсолютная чушь.

Британская жатва нелепиц 1903 года

Пароход под командой капитана У.-Г. Бартлетта покинул Филадельфию 28 мая 1903 года и через два дня находился примерно в девяноста милях от мыса Гаттерас, когда мистер Грей заметил вдалеке большое волнение на воде. Оно производилось стаей в добрых сорок акул, которые совершенно непривычным для себя образом выстроились в шеренги и, казалось, бежали от некой опасности, в тот момент невидимой.

Только часом позже проявилась причина их паники. Сперва все решили, что перед ними дрейфует обломок кораблекрушения, но, направив судно прямо к нему, пришлось признать очевидное: речь шла о явном животном. Показалась могучая и ужасная голова, помещавшаяся на столь же мощной шее, похожей на колонну собора. Зрелище было "столь ужасающим, что поначалу пятерых собравшихся на мостике тоже охватила паника; опустив детали всеобщего безумия, описание которого, как кажется, вышло из-под пера ученика Эдгара По или Амбруаза Бирса, мы сфокусируем внимание собственно на звере. Он представлен нам как неожиданное воплощение фантастического китайского дракона или как доисторический ящер, сошедший со страниц устарелых научных трудов, - "не совсем рептилия, не совсем млекопитающее, но соединяющее в себе разом обоих".

Этот несуразный гибрид держался на одном месте, но не переставал двигать головой, так же как, впрочем, и хвостом, похожим на змеиный. Его полная длина казалось, была метров тридцать, а диаметр доходил до двух с половиной там, где туловище вздувалось необычным для настоящих змей образом. В этом месте, впрочем, располагался и сильно выступающий горб, украшенный высоким спинным плавником, а по бокам его имелись другие плавники, похожие на веера.

Но, по словам мистера Грея, особое внимание привлекала голова: она не походила вообще ни на что известное. Это, впрочем, слабо сказано. Нос был изогнут в трубу. На удлинённой морде не различались ни ноздри, ни жаберные щели. Под выступающей нижней челюстью висела надувшаяся губа. Из пасти высовывались два "длинных и ужасных коренных зуба" (!), похожих, как нас уверяют, на моржовые, и постоянно текла грязная слюна.

Точно так же как и низ рта, глаза были горячего красного цвета. Они были в форме миндалин, но - не падайте! - расположены вертикально. И, чтобы представить все в терминах самого рассказчика, "в их тусклой глубине виднелся зловещий и мрачный свет, словно за ними скрывался грозный, жестокий дух, собравшийся во всем огромном теле позади".

Голова и туловище были покрыты огромными чешуйками, круглыми или овальными на плечах (восхитимся точности определения!), "достигавшими двадцати сантиметров в длину и двенадцати с половиной в ширину и выступавшими на десять

сантиметров, причем их вершина образовывала различимый гребень". Общий окрас кожи лучше всего сравнить с цветом старой окисленной бронзы.

Как будто и этого всего было недостаточно: чудовище, без сомнения вызывавшее ужас у наблюдавших его людей, которые глядели на него не отрываясь, вдруг принялось бешено стегать воду хвостом. Его глаза засверкали яростью, и по всему телу вздыбился высокий гребень. Но когда все решили, что он готов к атаке, монстр вдруг отвернулся и удалился, к большому облегчению наблюдателей.

Судя по ужасным подробностям рассказа мистера Грея и невзирая на многочисленные оправдательные документы, которые сопровождают его донесение, я думаю, что он последовал примеру монстра и избежал столь неразумной схватки.

Думаю, не следует удивляться моему добавлению, что ни одному из авторов, которых' расспрашивали по поводу этого морского змея, не удалось убедить кого-либо в правдивости хоть малейшей детали этой истории.

"Чудовище", встреченное в начале июня того же года у Шетлендских островов мистером Ж.-П. Жеми-соном, покажется до смешного малым и прозаическим в сравнении с предыдущим. И не зря! Мистер Жамисон покинул Скаллоуэй в шесть часов утра, чтобы добраться до дому по морю, и спокойно плыл себе, когда вдруг увидел, как неподалеку от его лодки поднялся из воды "морской монстр" дюжину метров величиной. Его внешний вид заставлял вспомнить парус корабля, на голове у него имелось нечто рогоподобное, а на теле - отросток в форме плавника. Обозрев все это, мистер Жамисон не стал дожидаться появления остальных частей и поспешил туда, откуда приплыл. Его свидетельство полностью подтверждают показания экипажа рыбацкого судна "Делонг", члены которого видели то же животное в течение последующих четырех ночей у места под названием Бурра-Хааф. Оно настолько быстро приближалось к их судну, что моряки были вынуждены отпихивать его багром. Две их сети зверь порвал. Его кожа, как они доносят, казалась покрытой толстым слоем пахучей слизи.

Все эти детали - морда, заканчивающаяся подобием рога, треугольный спинной плавник, размеры, наглый нрав, кожа, оснащенная вонючей слизью, разрушение сетей - полностью соответствуют внешним признакам и повадкам китовой акулы.

Это животное, должно быть, видели еще на морских просторах у Шетлендов 3 и 17 октября. В последний раз его наблюдали четыре человека у пляжа Симбистер и сообщили, что "монстр" высовывал из воды маленькую голову и два больших плавника. Именно это можно увидеть у акулы, когда она плавает на поверхности: острый край морды, хвостовой и спинной плавники.

Настаивать бесполезно. Но по крайней мере все свидетели этого дела хоть сами и не поняли, что именно видели, но ничего не придумали.

Относительно змееподобного зверя, которого наблюдал экипаж траулера "Роза" в десяти милях к юго-востоку от Монстроуза, на северном побережье Шотландии, мы располагаем очень малым количеством сведений. Единственное, что нам сообщают, это что животное подняло над волнами примерно на полтора метра - метр восемьдесят то, что напоминало голову. Может быть, наконец, это был настоящий морской змей?

В тот год список сюрпризов на этом не закончился. В начале сентября рыбаки с шотландского траулера "Гленгарнт" из Фрезенбурга раскинули свои сети в открытом море, в ста двадцати пяти километрах от берега, следовательно довольно далеко к северу, когда некое неистовое движение взбурлило воду в сорока метрах от судна. Нет, это не был кит, как все подумали поначалу. Из воды поднялся огромный темный корпус и бросился к судну, весь раскачиваясь весьма тревожащим образом. Приблизившись на расстояние едва ли шесть метров, животное поднялось еще выше, а затем вдруг нырнуло под траулер, издав шумный свист. От движения образовалась

волна, которая зашвырнула огромную массу воды на мостик, в машинный зал, каюты и кубрик. Ужас и растерянность десятерых на борту еще увеличились, когда животное появилось вновь и как смерч опять бросилось в атаку. Виземан, один из рыбаков, казалось, был единственным, кто не потерял хладнокровия. Он схватил ружье и разрядил его в монстра с расстояния пятнадцати метров. И тут же, задетое или нет, животное погрузилось в воду, позволив на мгновение разглядеть свое длинное, изогнутое тело, которое извивалось как змеинное.

По общему мнению, животное было в два раза длиннее судна и, следовательно, достигало шестидесяти метров. Вероятно, это был близкий родич морского змея "Треско". Он обладал головой, похожей на голову морского конька, с длинной гривой или плавником вдоль всего позвоночника, огромными, сверкающими зелеными глазами и громадной пастью, ошетилившейся зубами.

Британские морские змеи 1903 года сильно поколебали веру в себя самых верных своих сторонников. Злорадство окружающих, извращенное чувство юмора все это не было столь уж странной реакцией на создавшуюся ситуацию.

Два зоолога на скамье очевидцев

А затем - неожиданная развязка! До тех пор все свидетельства, даже самые прозаические, по поводу встреч с морским змеем еще могли, исходя из уст "непрофессионалов", попадать под посмертную критику Ричарда Оуэна. Но вот внезапно и зоологи присоединились к хору свидетелей легендарного монстра! И тогда уже никто не мог требовать в качестве доказательств предоставить ему описание морского змея из уст какого-нибудь специалиста.

И действительно, в 1905 году два британских натуралиста, Е.-Дж.-Б. Мид-Вальдо и Майкл Джон Николл, активные члены Зоологического общества, хорошо известные в среде орнитологов, приняли участие в научном круизе на борту "Валгаллы", яхты лорда Кроуфорда. Они находились примерно в пятнадцати милях от устья реки Параиба, в море у берегов Бразилии, когда вдруг... Но предоставим самому Е.-Дж.-Б. Мид-Вальдо право рассказать нам все, что тогда произошло:

"7 декабря 1905 года, в десять часов пятнадцать минут, я находился на носу "Валгаллы" с мистером Николлом, когда он обратил мое внимание на какой-то предмет метрах в ста от яхты; он сказал: "Неужели это там - плавник крупной рыбы?" Я посмотрел и немедленно увидел, как шевелится в воде огромный плавник или гребень темно-коричневого цвета и слегка сморщенный по краю. Он, казалось, был длиной в метр восемьдесят и возвышался над водой примерно на сорок пять шестьдесят сантиметров. Я навел на него сдой бинокль (мощный прибор Герца-Триедера) и, только поймал в поле своего зрения этот гребень, из воды перед ним появилась огромная голова и шея; шея не соприкасалась с гребнем на поверхности, но выходила вперед по крайней мере на расстояние сорок пять сантиметров, а может быть, и больше. По толщине шея была едва ли меньше тела худощавого человека, и от двух десяти до двух, с половиной метров ее длины выступало из воды: голова и шея были повсюду или почти повсюду одной и той же толщины. Голова сильно напоминала голову морской черепахи, так же как и глаза. Я мог видеть ротовую щель, но мы плыли на большой скорости и быстро удалялись от объекта, который сам перемещался весьма медленно. Он двигал головой и шеей из стороны в сторону очень странным образом: и та и другая были темно-коричневого цвета сверху и беловатого снизу - почти белого, на мой взгляд".

В своем письме, много позже посланном Руперту Т. Гуду, мистер Мид-Вальдо дает дополнительные детали описания зверя:

"Он поднимал волну, передвигаясь, и под водой, позади шеи, я мог различить туловище больших размеров. Когда мы приблизились, то увидели, как его шея болтается из стороны в сторону и вспенивает море.

Ухо и очертания шеи заставили нас обоих подумать о некой морской

черепахе. Но в тот момент мы были настолько поражены, что не могли говорить - ни один ни другой! Мы тотчас отправились к лорду Кроуфорду, который сказал, что охотно остановит яхту, если это послужит чему-либо; но так как судно делало примерно четырнадцать узлов (26 км/час), то мы были вынуждены признать, что это будет напрасной тратой времени.

Существо, которое наблюдали с "Дедала", весьма вероятно, было тем же самым".

Отчет мистера Николла почти не отличается от рапорта его компаньона, а выполненный им рисунок дает возможность лучше понять внешний вид встреченного ими животного; в его книге "Три странствия натуралиста" можно обнаружить весьма категорическое суждение о природе зверя:

"Это существо было, по моему мнению, представителем тех, которых столь часто описывают за отсутствием лучшего названия как "великих морских змеев". Конечно, у меня возникло твердое ощущение, что то, что мы видели, было не рептилией, а млекопитающим. Очевидно, нельзя утверждать это наверняка, но общий внешний вид существа и особенно его мягкий плавник, почти резиновый, создавали именно это впечатление".

Можно видеть, что наблюдения двух наших зоологов не дают почти никаких по-настоящему новых данных по проблеме морского змея и оставляют нас в очевидном недоумении касательно сущности виденного животного: тогда как первый свидетель настаивает на его сходстве с черепахой, второй решительно склоняется к мысли, что видел животное, относящееся к млекопитающим. Конечно, если довериться рисунку Николла, который, кажется, был одобрен Мид-Вальдо, последнее объяснение на первый взгляд кажется наиболее правомерным. Действительно, можно заметить, что углы рта не заходят за глаза, что говорит скорее в пользу предположения о млекопитающем, чем о рептилии. Но эту же анатомическую подробность можно встретить у большинства рыб, и при удлинённой голове, расположенной на единообразной шее, со странным спинным плавником, мягким и квадратной формы, этот морской змей явно неизвестного типа запросто может относиться именно к этому классу животных.

Как бы то ни было, два опубликованных свидетельства - экспертов по зоологии! - подтвердили, и весьма убедительно, существование в океанах по крайней мере некоего большого животного, змеевидного и еще не опознанного; нужно было признать себя маловером и невеждой, чтобы посмечь отрицать это. О том можно судить по комментарию, который написал в то время ученый хроникер "Иллюстрийтед Лондон ньюс" У.-П. Пайкрафт, зоолог мало склонный к доверчивости:

"И если серьезно, отныне мы не можем считать морского змея, мифом. Неоспоримо, что океан скрывает в себе загадки, в которые мы пока не проникли".

Несколькими годами позже, в 1924 году, один странствующий британец, по имени С.-Г. Проджерс, подтвердил в своих мемуарах "Приключения в Перу" существование некоего типа морского змея в районе, где производились наблюдения на "Валгалле". Также в 1905 году - но день и месяц не указывались он видел в море у острова Фернандо де Норонья, следовательно в каких-нибудь 250 милях от мыса Сан-Роке, "морское чудо", которое уже встречал почти на том же месте четырьмя годами раньше. На этот раз животное находилось едва ли в пятидесяти метрах впереди парохода компании "Пасифик стим навигейшн К°", на котором и путешествовал тогда Проджерс. "У него,- рассказывал наш странник, голова была величиной почти с целую корову, а туловище казалось в обхвате с мучную бочку". Свидетель видел только "одну выпуклость на последнем, которая находилась в каких-то восьми-десяти метрах от головы и поднималась примерно на тридцать сантиметров над водой".

Краткий голландский период

Нет пророка в своем отечестве. Из всех европейских стран, без сомнения,

именно Нидерланды занимали последнее место по силе воздействия на читателей книги Удеманса. В то время как в 1905 французы и британцы уже оставили сомнения, голландцы только начали собирать свои свидетельства. Они касались не только встреч в открытом море нидерландских грузовых кораблей, которые бороздили океаны всего мира, но и того, что случалось у песчаных берегов самой Голландии. Количество наблюдений заметно росло с 1904-го по 1911 год.

Первое, дошедшее до нас, весьма неопределенно. Мистер П.-У. Демс просто сообщил доктору Удемансу, что во второй половине июля 1904 года, когда он сидел на пляже в Катвейке, то увидел в море на расстоянии триста или четыреста метров некое животное темного цвета, которое плыло мимо со скоростью, превышающей скорость поезда. Над водой неясно вырисовывалась продолговатая масса примерно метр длиной.

Второе сообщение,- напротив, изобилует деталями. Оно касается наблюдений того же года в Баб-эль-Мандебском проливе, который соединяет Красное море с Аденским заливом, проведенных экипажем парохода "Амбон" под командой капитана Г. Зейланга. Вот показания третьего помощника И. Фоллеенса, какими они были получены Удемансом (в несколько иной, отличной форме они были опубликованы в газетах):

"22 октября 1904 года, в одиннадцать часов утра, коща мы пересекали малый Баб-эль-Мандебский, или Восточный, пролив, то заметили странное животное, которое подняло примерно

на полминуты голову над водой. Эта голова была во многом схожа с кайманьей, но вся была гладкой, как сверху, так и снизу; верх был черным, а низ - совершенно белым; глаза, очень мало выступающие, были темнее. На двух челюстях, нижней и верхней, располагались длинные, острые на концах зубы, около дециметра длиной. Голова поднималась примерно на два с половиной метра над поверхностью.

Туловище было темное сверху, брюхо белое: на спине можно было на мгновение различить начало плавника. Животное поднялось из воды как указано на рисунке и погрузилось обратно точно таким же образом. Окружность шеи в самом ее верху была около семидесяти пяти сантиметров. Зверь был окружен косяком маленьких коричневых животных, длиной от пятидесяти сантиметров, которые сильно напоминали молодых акул. Мы видели зверя примерно шесть раз".

На прекрасном рисунке, выполненном мистером Фоллеенсом, можно обнаружить, что виденное животное неоспоримо относится к млекопитающим: рот, который не заходил за начало глаз, это подтверждает. По своей форме голова наводит на мысль о клюворылом ките, но у того нет такого количества зубов - никогда больше одной или двух пар, и только на нижней челюсти. Однако и речи не может идти об одном из членов дельфиньего семейства, которые часто имеют похожие зубы. Ведь и вправду особи таких размеров среди них неизвестны. Ясно, что здесь можно видеть неопознанного китообразного: гигантского представителя одонтоцетов или археоцетов. Конечно, судя по количеству зубов и их расположению в тесных рядах, скорее можно подумать о каких-то дельфинах, нежели об архаических китообразных, таких, как зеглодон, у которых зубы расположены гораздо теснее и в передней части рта. Мы знаем так мало о многообразии археоцетов, что было бы неосторожно отбрасывать сразу такое предположение. Но что точно, так это то, что чудовище "Амбона" достаточно напоминает как по виду головы, так и спинного плавника прекрасный портрет морского змея из Массачусетса, открытого преподобным Вудом. Следовательно, оно может относиться к этому типу, с множеством горбов, известному ранее только в Северной Атлантике.

Но в 1906 году морской змей заставил о себе много говорить даже в самой Голландии. В январе, вскоре после одной встречи, о которой сообщили с морских просторов у Зандвоорта, директор местного отделения писем и телеграмм мистер С.-Ж. де Б. открыл корреспонденту "Утрехт харлемше курант", что это было, по его мнению,

вполне банальное событие. Несколькими годами ранее он сидел от часа с половиной до двух дня перед кафе "Германия", когда его хозяин, мистер Ристиг, указал ему на нечто проплывавшее по морю с ошеломительной быстротой.

- Что это могло быть? - спросил торговец.- Я вижу это каждый день примерно в полдень, и к четырем оно возвращается снова.

- Может быть, какая-нибудь субмарина? - осмелился предположить почтовый служащий, который напрасно пытался рассмотреть объект через маломощный бинокль, когда весьма малая его часть промелькнула на поверхности.

Он полностью забыл об этом инциденте и вспомнил, лишь когда пресса занялась недавними наблюдениями загадочного животного в море у Зандвоорта.

В начале июня 1906 года с одной из высоких дюн на том же берегу несколько рабочих наблюдали неподалеку от выброшенного на берег корпуса "Альбы" то, что они описывали как некоего гигантского угря по крайней мере двадцати метров в длину. Он исчез через несколько мгновений, и когда появился вновь, то уже в компании своего собрата.

Далее, один из учеников Удеманса, Ф.-Дж. Кнупс, доложил ему, что в июле того же года видел некое животное метров пятнадцати в длину на расстоянии полукилометра в море у Катвийка, то есть в пятнадцати километрах к югу от Зандвоорта. Животное оставило взгляду две или три выпуклости над поверхностью воды, а афтем умчалось со скоростью курьерского поезда.

Следующим летом, 7 августа 1907 года, П.-У. Диммс снова видел животное, которое его так заинтриговало три года назад. На этот раз он созерцал его с третьего этажа пансиона "Зееруст" в пять часов сорок пять минут утра и смог разглядеть около четырех метров его туловища. Скорость движения монстра была, по его словам, больше скорости поезда.

Можно представить, как все эти свидетели с голландских пляжей были поражены необычной быстротой животного! Впрочем, она, кажется, была слегка преувеличена. В то время курьерский поезд уже мог развивать скорость 100 км/час, то есть ту, до которой разгоняются все настоящие рыбы (а среди них встречаются и более проворные: меч-рыба, бониты и тунцы) и которая в два раза превышает скорость самых быстрых млекопитающих. Возможное преувеличение объясняется, без сомнения, аномальным характером проявления на море больших скоростей. Впрочем, это должно подтвердить природу виденного объекта: он никак не мог быть подводной лодкой, как предположил директор зандвоортской почты, так как до второй мировой войны эти корабли в полупогруженном состоянии едва развивали десять узлов, то есть восемнадцать км/час.

Голландский сбор в Атлантическом и Индийском океанах

В то время как население голландского побережья пристально всматривалось в морские дали, надеясь засечь сверхугря, чемпиона по скорости, некоторые из соотечественников привозили с океанов несколько иные свидетельства.

Сначала Дж. Фоллевенс, которому мы уже обязаны сообщением о его личном наблюдении, заметил в бортовом журнале парохода "Ява" за 1906 год эти строки, которые за недостатком других, лучше, подтверждают, во всяком случае, его собственные показания:

"Под 10° 7,5' северной широты и 59° 23' восточной долготы (следовательно, в Индийском океане, в тысяче километров от Сомали) 15 октября 1906 года, в пять часов пополудни, матрос Й.-А. Спрюйт заметил голову морского чудовища, поднятую над водой примерно на два метра - по оценкам, сделанным с расстояния двести метров; она походила по форме на голову каймана, коричневого цвета, с гладкой кожей, и переходила прямо в начало туловища того же цвета".

Годом позже настала очередь офицеров парохода "Вондел" встретиться с морским монстром, который, по их словам, напомнил им описание Фоллевенса. Однако

животное было совсем иное: форма его была более змеевидной, и оно, скорее, походило на гигантского угря, которого наблюдали в море у берегов их родины. Но мы ведь знаем, с каким отвращением люди относятся к предположению о существовании нескольких типов морского змея...

А вот что произошло 8 сентября 1907 года, около десяти часов утра, опять-таки в Индийском океане, под $8^{\circ} 30'$ с. ш. и $67^{\circ} 15'$ в. д.:

"С неправильными промежутками животное несколько раз поднимало голову над водой и затем опускало ее обратно с большим шумом. В два первых своих появления оно показало хвост, который то возникал, то исчезал почти в то же время, что и голова. Так как чудовище было видно анфас, а расстояние было достаточно велико, точно более одной английской мили, то голова и хвост казались очень сближенными и не было никакой возможности оценить общую длину тела; равным образом мало что можно сказать определенно относительно других измерений. Во всех прочих случаях, когда животное показывалось из воды, была видна лишь голова, и виднелась до тех пор, пока расстояние не сделало невозможным всяческое наблюдение. Окрас головы и хвоста был черным".

Этот отчет, с прибавлением двух рисунков, был подписан капитаном С.-С. Виссером и третьим помощником Й.-В.-У. Солгдрагером.

Орган, описанный как хвост, был, более вероятно, спинным плавником, что частично объясняет, почему он поднимался и исчезал в то же время, что и голова, и, с другой стороны, почему он оказался столь близким к ней. В таком случае здесь мы имеем дело с животным, без сомнения, из рыб, родственным тому, что наблюдали натуралисты с "Валгаллы".

Еще один монстр, безусловно тоже чудовищный угорь с белым брюхом, показался во время путешествия по Норвегии одному голландскому туристу в 1906 году - он четыре раза видел, как тот выпрыгивал перпендикулярно к поверхности из вод Согнефьорда на несколько метров в высоту и затем сразу же погружался.

Прошло два года, прежде чем появились новые голландские свидетельства, на этот раз из Северной Атлантики.

Сперва дадим слово мистеру Ф.-У. Ван Эрпу, третьему помощнику капитана Б.-И. Бруинсма с парохода "Потсдам":

"13 декабря 1910 года, в час пополудни, под $49^{\circ} 20'$ с. ш. и $24^{\circ} 8'$ з. д. при смене вахты немного впереди по траверсу мы увидели по правому борту странную рыбу. Вблизи мы обнаружили, что она, скорее, имеет форму гигантского змея, длиной от тридцати пяти до сорока метров и с окружностью примерно шестьдесят сантиметров. Змей перемещался довольно быстро. Время от времени голова поднималась почти перпендикулярно над водой, на, высоту два с половиной - три метра; она оставалась в таком положении в течение некоторого времени, затем скрывалась снова. Оба эти движения проходили при мощном выбрасывании воды на высоту примерно шесть метров, между тем как хвост поднимал не менее мощную волну (хвост был сплюсненной формы, с расширением и с раздвоенным концом). Кроме того, был замечен некий изгиб на туловище. Окрас был темно-серый сверху и белый на излоде, то же самое наблюдалось на голове. Животное оставалось в виду примерно три минуты".

Этот отчет, с его официальной сухостью, представляет большую важность. Конечно, длина животного, весьма вероятно, была преувеличена из-за предвзятого мнения о его змеиной природе. Но он подтверждает, что морской змей с длинной шеей, иногда сравниваемой с шеей жирафа, которая являлась на поверхности в виде ручки колоссального зонтика или гигантского перископа, на самом деле имеет двудольный хвост, который, впрочем, можно объяснить складкой двух задних лап. Именно потому, что почти никогда и никто не видел задней оконечности этого животного, его считали сначала змеем, затем плезиозавром и всегда воображали и представляли с хвостом,

заостренным на конце. Впрочем, и это совсем неправильная экстраполяция, потому что у настоящих морских змеев хвост упрощенный, в форме весла, а плезиозавры, по крайней мере некоторые, имели удлиненные хвосты ромбовидной формы на конце.

Следующим летом другой голландский пароход, "Ам-стельдейк" из "Холланд-Америка лийн", встретил похожее животное, опять-таки в Северной Атлантике, под 47° 30' с. ш. и 27° 11' з. д. Может быть, это было то самое, которого в это же время наблюдали с бретонского берега. Его наблюдал среди прочих второй помощник капитана Дж.-А. Либау, что и дало повод для следующего замечания в бортовом журнале:

"В субботу 19 августа (1911 г.) в час тридцать минут пополудни, было замечено некое животное, которое являлось, весьма вероятно, морским змеем. Наше внимание внезапно было привлечено шумом удара достаточной силы по воде; примерно в шестидесяти метрах по левому борту появилась масса пены, в центре которой и находилось морское животное темного цвета. Оно во всем напоминало Noordkaper (кита басков), но только было без спинного плавника.

Через несколько минут над водой неожиданно показалось туловище и приподнялось примерно на два с половиной метра над поверхностью; десятью метрами дальше можно было видеть спину морского зверя. После этого оно оставалось в течение каких-нибудь десяти секунд в описанном положении, а затем с бешеным ударом вновь опустилось в воду, исчезло в глубине и больше не показывалось.

Колосс был в диаметре примерно три четверти метра (в той части, которая выступала из воды). Большая часть высунутого над водой тела, казалось, относилась к голове и плавно переходила в туловище. Диаметр головы был, на мой взгляд, чуть-чуть большим, чем у остальной видимой части. Спина была темного цвета, тогда как брюшная часть окрашена более светло. По причине внезапности его появления и достаточно быстрого удаления было невозможно осмотреть животное более подробно".

В письме, которое главный свидетель отослал 19 декабря доктору Удемансу, отвечая на некоторые его вопросы, дано еще несколько дополнительных подробностей:

"...Общее впечатление было таким, будто перед нами совсем не рыба, и форма головы напоминала, довольно явственно, тюленю (это, без сомнения, на провокационный вопрос доктора Удеманса). На голове можно было различить пятно и темную линию, которые, по моему мнению, обозначали глаз и рот".

В Голландии в это время стало все более обычным делом отправлять сведения о морском змее в какой-нибудь зоологический журнал, такой, как "Nijdschrift van de Nederlandsche Dierkunde Vereeniging", или в морские, такие, как "Het Nederlandsche Zeewesen" или "De Zee". У доктора Удеманса появилась своя школа. Врачи и биологи, как доктор Витус Бруинома, доктор И. Б. Ван Леент и доктор А.-Й. Ван Пеш, активно занялись защитой столь часто осмеиваемого чудовища. И эта волна симпатии даже переклестнула через границы Голландии и дошла до Германии, что сделало знаменитым географа доктора Рихарда Хеннига, который еще раньше проявил себя как горячий приверженец теории о существовании мегофаиса.

Однако нельзя сказать, что в мире воцарилось единодушие в том, что касалось внешнего вида и сущности сказочного чудовища. Почти одновременно профессор Вайян во Франции, вдохновленный событиями в бухте Алонг, обозначил морского змея как мозозавра; орнитолог Николл в Великобритании объявил, что он убежден: животное с маленькой головой и длинной шеей "Валгаллы" было млекопитающим, а Дж.Фоллеверс в Нидерландах дважды сообщил о наблюдениях морского монстра с головой каймана на короткой шее, которого без экивоков считал млекопитающим. Было отчего стать в тупик!

Рогатый монстр сэра Артура Роутона

Столкновение мнений назревало необратимо. Разношерстные наблюдения, которые британцы продолжали флегматично накапливать после дела "Валгаллы",

могли только обострить ситуацию. Об этом можно судить по целой галерее гигантских улиток, волосатых мумий, колоссальных чаек, хамелеонов-титанов, невероятных размеров кобр, суперпитонов и гривастых жирафов, которая проходит перед нашими глазами между 1906 и 1914 годами.

Это началось 31 июля, весьма скромно, с описания некоего "странного создания", на самом деле невеликих размеров, данного мистером А.-Дж. Батлером из Тор-квея, который видел, как тот поизвивался некоторое время на поверхности в десяти метрах от его парусника в море у Берри-Хеда (к юго-востоку от Девона):

"Насколько я могу судить, оно было длиной примерно метр восемьдесят и шириной десять-двенадцать сантиметров, сокращаясь до не более чем пяти сантиметров у начала хвоста, и все очень сплющенное, как лезвие длинной сабли. Оно было не более чем в два с половиной сантиметра толщиной и рыжевато-белого цвета. Края были иззубренными; создавалось впечатление, что по всей длине они были усеяны маленькими плавничками".

Речь идет, по всей очевидности, о каком-то представителе семейства р'егалеков, которые действительно похожи на ленты и достигают как раз полутора метров в длину.

Но последующие показания приводят нас к чудовищам более впечатляющим. В марте 1907 года журналы сообщают, что во время одного траления в Ла-Манше рыбаки из Тенби видели "чудовищную рыбу шестьдесят метров длиной, с четырьмя плавниками величиной с парус". К чему прибавлялось: "Судя по общему внешнему виду, это был морской змей". Можно заметить, что подобные утверждения обычно сопровождают описания морских монстров, которые вовсе не напоминают классических морских змеев. Данный же заставляет думать, именно на основании его наружности, о типе с многими плавниками, но даже если принять, что его размеры были плохо оценены или намеренно преувеличены, то все равно это пахнет газетной уткой.

Невозможно уклониться от встречи со следующим свидетелем. Это один из самых героических и самых уважаемых моряков нашего времени, сэр Артур Г. Ро-строн, коммодор "Канард лайна". Это тот самый человек, который в апреле 1912 года, тогда еще командуя "Карпатией", выловил и спас более семисот человек после катастрофы на "Титанике", бросившись в ночную тьму сквозь плавающие льды.

А 26 апреля 1907 года сэр Артур, тогда еще штурман на пакетботе "Кампания", встретил "своего" морского змея. Предоставим ему самому возможность изложить все обстоятельства, как это было сделано много позже в его книге мемуаров "Домой с моря":

"...Вечером в пятницу мы прибыли в Кэинстаун (ныне Кобх в Ирландии), и тут в море у Гэллей-Хеда я заметил, как что-то торчит над водой.

- Впереди справа плавающее дерево! - крикнул я унтер-офицеру, который находился со мной вместе на мостике. (Этот юный моряк впоследствии стал капитаном корабля королевского флота Г.-С. Берни. Он полностью подтвердил Руперту Гуду показания Рострона.)

Мы повернули на один градус, но постепенно все же приблизились к этому месту так, что стало возможным различить природу необычного предмета. То был морской монстр! Он находился не более чем в пятнадцати метрах сбоку от судна, когда мы проходили мимо него, так что я и унтер-офицер могли видеть его очень ясно. Он был столь странен, что я, помню, закричал: "Да он живой!" Тогда многие слышали всякую болтовню об этих чудовищах и всегда с таким подозрением относились к рассказчикам, что теперь я впервые в жизни пожалел, что у меня не оказалось в руках камеры. Несмотря на ее отсутствие, я сделал лучшее, что было возможно в подобной ситуации: на белом листе, который лежал передо мной, я набросал несколько портретов этого животного, фас и в профиль, ибо он вращал головой из стороны в сторону, как

какая-нибудь пичуга на лужайке в поисках завтрака.

Было совершенно невозможно четко разглядеть черты чудовища, но мы находились достаточно близко, чтобы понять, что его голова поднимается где-то на два метра сорок - два семьдесят над водой, а столб шеи был в добрых тридцать сантиметров толщиной".

В своем первом отчете о наблюдениях, который тогда же опубликовала "Дейли мейл", сэр Артур, однако, описывал следующие признаки:

"У него имелось два бугра там, где должны были находиться глаза, но их самих я не видел... У него были очень маленькие уши по сравнению с общими размерами огромного тела".

На рисунке, который выполнил прославленный моряк, эти "маленькие уши" напоминают крошечные рожки улитки и заставляют думать о носовых клапанах, которые преподобный Джоасс якобы видел у своего "плезиозавра" на Лох-Гурне, так же как и "рога единорога" некоторых панамских монстров.

Когда Рострон доложил о происшествии командиру, тот поспешил у него поинтересоваться, не пил ли он за обедом. При виде рисунков его недоверие чуть поуменьшилось, но он не поверил до конца до тех пор, пока показания не подтвердил унтер-офицер.

История имела продолжение. "Кампания" прошла в Ливерпульскую гавань, и экипаж в следующую пятницу сошел на берег. И тем же вечером кто-то постучался в дверь Рострона. Это был его командир.

- Вы и вправду его видели, Рострон? - спросил он.

- Да, мистер,- ответил офицер.

И на том беседа закончилась.

Что же случилось?

"Вечером прошлого понедельника,- рассказывает Рострон,- пролистывая у себя в каюте газету, я наткнулся и с интересом прочел рассказ о приключениях одного человека, который жил в Бристольском проливе. Он был найден совершенно истощенным в своей лодке, которая дрейфовала без всякого управления, так как он потерял и весла и багор. Он рассказал, что отправился рыбачить в прошлую субботу и вечером был атакован огромным морским чудищем, которого он пихал и веслами и багром, из-за чего всех их и лишился. Его описание в точности совпало с тем животным, которого я видел, и так как я наблюдал его направляющимся к югу Ирландии, к Бристольскому проливу, то, безусловно, предположил, что речь шла о нем же, а мой командир больше не сомневался в реальности чудовища".

Если обратиться к тогдашней прессе, то вряд ли нам удастся разделить энтузиазм Рострона и его начальника. Действительно, по сообщению "Ливерпульского эха" за 30 апреля, некий мистер Нофтон оказался жертвой чудовища, которого он описал как "огромную мумию с углубленными глазами, завернутую в какое-то волосатое полотнище". Это пугало из фильмов ужасов жутким прыжком взобралось в лодчонку несчастного рыбака, что, конечно, неудивительно для мумий.

"Я не помню точно, что происходило,- докладывает мистер Нофтон.- Вялый монстр, казалось, выпрыгнул из воды, прямой как стрела, и бросился на меня. Я не знаю, что я делал дальше. Думаю, что я был повален на дно лодки и обрушил весло на существо; во всяком случае, затем я был грубо сброшен в воду. Снова всплыв на поверхность, я умудрился вскарабкаться обратно в лодку. Мой ужасный противник исчез из виду".

Что доказывает, что он вовсе не был так ужасен, каким мистер Нофтон желает его представить. На самом деле можно без труда восстановить, что же там происходило. Без сомнения, бравый рыбак, тихо посиживая с удочкой, вдруг заметил вблизи лодки некое неизвестное животное и был так этим напуган, что свалился за борт, растеряв и весла и багор. Чтобы не потерять лицо, он был вынужден поведать о

своих злоключений, явно преувеличив ужасный вид и агрессивность своего "противника".

На самом деле рассказ вряд ли был выдуман целиком. И происшествие случилось через день или два и на расстоянии в каких-нибудь трехсот пятидесяти километров от того места, где сэр Артур Рострон встретил своего морского монстра необычайной наружности. Совпадение было тем более странным, что и другие люди сообщают о похожей встрече в том же районе и в то же время.

Так, вдогонку одной статье, которую Руперт Гуд посвятил морскому змею ("Тайме" за 9 декабря 1933 г.) миссис Дж.-С. Адкинс из Аппингхема послала ему письмо, в котором сообщала, что они с кузеном некогда видели одного морского монстра в море у Падстоу, в Корнуэлле. Он поднимал над волнами длинную шею, которая заканчивалась маленькой головой, и высовывал из воды несколько маленьких горбов в линию. Миссис Адкинс не могла вспомнить точную дату своей встречи, но она указала, что тогда же прочла отчет одного офицера с "Кампании", который также намекал и на схватку в Бристольском проливе. "В этот момент я вспомнила и, подсчитав, убедилась, что все случилось почти в одно время".

Суперпитон "Тайюаня"

В том же 1907-м году другой британский моряк, по имени С. Клэйтон, был третьим помощником на борту "Тайюаня", одного из четырех маленьких пакетботов "Чайна навигэйшн компани", которая отправляла суда из Иокогамы в Мельбурн. Одним чудесным летним утром, когда пароход проплывал по Целебесскому морю, спокойному, как масло, он заметил справа впереди то, что он поначалу принял классический случай - за ствол плавучего дерева. Он нес вахту на мостике и слегка изменил курс судна, чтобы обломок не повредил корпус. Рассмотрев объект в бинокль, он был поражен его тростниковым цветом и заключил, что дерево было совсем лишено коры, что его заинтриговало. В то время как пароход приближался на всех парах к обломку, он нацелил бинокль на его переднюю часть и ясно увидел, как сначала появилось, а потом скрылось пятно, относительно маленькое, розового или алого цвета, как если бы открылась чья-то глотка.

Потеряв объект из виду, Клэйтон опустил бинокль, и его глазам предстало самое захватывающее в его жизни зрелище.

"Распрямившись почти до нашей высоты, а не в прежнем сжатом виде, извивался огромный змей сказочных размеров. Но, как он ни был чудовищен, его пропорции были утонченными, как у нашего английского ужа, только голова более угловата и с более ясными контурами".

Именно в таких словах капитан Клэйтон описал в 1960 году, по просьбе своих друзей, эту встречу, когда сам уже был в возрасте семидесяти четырех лет.

Уточнив, что речь ни в коем случае не могла идти об оптической иллюзии, так как животное находилось в каких-нибудь двадцати пяти метрах от него, когда оно максимально сблизилось с судном, старый моряк продолжал:

"Насколько я мог видеть, существо было точной копией наземной змеи. В нем было двадцать метров длины при соответствующем змее диаметре. Она была "тростникового" цвета, скорее, темного (само собой, что низ туловища я не видел), с такими пятнами или темно-коричневыми разводами, неправильно расположенными, которые при более тщательном осмотре казались сильно приближенными друг к другу. Его извивы были не вертикальны, как принято изображать на большинстве иллюстраций, но горизонтальны, в плане водной поверхности, и змей был весь над ней. Кроме этих извилистых движений, я не мог различить больше никаких средств передвижения... Он не казался испуганным близостью судна, но следовал точно своему курсу вдоль нашего, и его направление было прямо противоположным".

Описание капитана не оставляет никаких сомнений в том, что касается змеиной природы виденного животного, вероятно какого-то огромного питона, о

которых известно, что они иногда пересекают тропические моря, направляясь к дальним островам. Сам свидетель, впрочем, тоже разумно замечает:

"... Я спросил себя, а не питон ли это ошеломляющих размеров, немного похожий на южноамериканскую анаконду, только гораздо больше, который, может быть, плыл с одного острова на другой?"

Питон в двадцать метров? Это было бы двойным рекордом длины, принятой за максимальную для этого рода змей!

Однако капитан Клэйтон весьма уверен в точности изложения всех фактов.

"На самом деле мои личные оценки длины того змея были двадцать пять метров, но я поставил здесь двадцать, чтобы избежать возможного преувеличения".

Не мог ли наш морской волк ошибаться, несмотря на все свои оценки и прикидки, от удивления, и не видел ли он обычного питона не больше десяти метров в длину?

Или действительно, существуют питоны в двадцать метров? Если это так, то он точно не принадлежит ни к одному известному виду, по крайней мере из наземных. Ведь ни в Азии, ни в Америке не услышать толков о наземных змеях действительно огромных размеров.

Тогда что? Это была действительно морская змея, в научном смысле, только гигантских размеров? Если судить по настоящему досье, то такие рассказы очень редки. Очень вероятно, что речь в данном случае идет о каком-то гигантском угре неизвестного вида, с раскраской как у средиземноморской мурены, столь ценимой римлянами. Однако не следует вовсе исключать первого объяснения. Ведь в конце концов, вид десятиметровой змеи толщиной с человека должен произвести весьма сильное впечатление, и, если дело происходит в открытом море, необычный характер зрелища может заставить удивленного наблюдателя изменить своей обычной точности глазомера.

То, что капитан Клэйтон был искренен, не подлежит никакому сомнению: "Я никогда сам не придавал этой истории большой важности. Ведь у меня, увы, нет никаких доказательств ее подлинности, я единственный человек, насколько знаю (весь экипаж был набран в Малайе и Китае), кто видел этого монстра".

Случай на самом деле произошел во время завтрака, все были внизу, и даже старшина находился не на своем посту. Так что Клэйтон напрасно побежал к мостику в надежде привлечь чье-нибудь внимание к странному животному. Он никого не нашел. А когда рассказал о происшествии боцману, то тот посоветовал ему сильнее разбавлять водой местные напитки.

У этой истории был примечательный эпилог.

Кажется, в действительности чудовище капитана Клэйтона видели другие пассажиры, о чем он и не подозревал. Именно это следует из письма одного читателя, которое опубликовала "Дейли телеграф" 15 июня 1961 года. В этом письме мистер О.-Дж. Рас-муссен из Тонбриджа (Кент) уверял, что одним погожим летним днем в Целебесском море он с семьей, равно как целый корабль пассажиров и моряков, плывших на борту "С.-С. Тайуена", видел некоего морского монстра, похожего на змея с темной кожей, который прокурси-ровал параллельно их судну в каких-нибудь восьмистах метрах по левому борту.

"Его шея скрывалась за уровнем воды, но были видны два горба дальше, разделенные водой, которая таким образом оставляла видимыми три части. За ними тянулся "след", едва заметный, который, может быть, расходился на расстояние крикетного поля.

Это создание плыло параллельно нам в течение примерно получаса, затем свернуло налево, к западу, и полностью исчезло приблизительно за то же время".

Между этими показаниями и тем - неизданным, подчеркнем это,- капитана Клэйтона, почти нет совпадений: ни в том, что касается числа свидетелей, ни по

продолжительности встречи, ни по расстоянию, на котором она произошла, ни по маршруту, которым следовал морской змей,- короче никаких соответствий. Даже описания животного слегка отличаются друг от друга, но это вполне объясняется разной удаленностью наблюдателей от объекта.

Короче говоря, показания мистера Расмуссена подтверждают, и весьма весомо, сообщение капитана Клэй-тона и опровергают их не менее разительным образом. Этому, однако, есть несколько возможных объяснений.

Прежде всего, очевидно, что за полвека воспоминания свидетелей сильно стерлись, перепутались и дополнились воображаемыми чертами.

Однако маловероятно, что наблюдения велись не в одно и то же время. Хотя, может быть, отстояв вахту, офицер отправился спать в свою каюту, и только после этого мистер Расмуссен и остальные увидели вернувшегося зверя. Но тогда весьма удивительно, что отголоски этого последующего наблюдения не достигли ушей Клэйтона.

В действительности самое приемлемое объяснение таково: две встречи произошли не в одно и то же плавание и тогда имели отношение к двум совсем разным животным- "Тайюань" регулярно ходила между Иокогамой и Мельбурном и регулярно пересекала Целебесское море. Встреча, о которой сообщил в 1961 году мистер Расмуссен, не была им как-либо датирована. Следовательно, не исключено, что оба наблюдения были сделаны с борта одного и того же судна, но, вероятно, с разницей в дюжину лет.

Морской змей с лебединой шеей

Опять-таки летом 1907 года несколько англичан - служащих фирмы "Хаккер" в Сераваке, на Яве, отправились на паровом баркасе охотиться за крокодилами в Кали-Маринге. И именно во время этой охоты неподалеку от восточного берега, в устье реки, они увидели, как поднялось нечто похожее на длинную шею лебедя, что они поначалу приняли - вы уже догадались - за изогнутый древесный ствол. Но с помощью бинокля разглядели, что у "нечто" имеется пасть, там, где кончалась "шея", которая открывалась и закрывалась и в которой виднелись зубы. В этот момент рулевой сообщил, что по правому борту, то есть с другой стороны судна, возвышается над водой полукруглая арка толщиной с человеческое бедро. Если это был хвост животного, чью голову наблюдали у борта, то все в целом оно должно было достигать десяти метров в длину. Когда же принялись стрелять в странное существо, то медленно погрузилось в воду.

Опрошенные местные рыбаки сказали, что это уже второе появление животного, но, поскольку оно не причиняло им никакого вреда, за ним не охотились. Они называли его словом "зеегангса",- возможно, искаженное голландское "зеегансс", то есть "морской гусь".

Было ли это то же животное, то есть морской змей с длинной шеей, которого видел капитан парохода "Султан" Харборд в 1909 году? Он был вместе с первым помощником и старшиной, когда второй стюард поднялся на мостик, чтобы что-то ему сказать, и там они увидели и примерно полчаса наблюдали крупное змееобразное, которое двигалось к югу.

"Его длина, - докладывает он, - была, вероятно, около дюжины метров: он возвышался на пять метров двадцать сантиметров или пять с половиной метров над собственной спиной, находившейся на одной высоте с уровнем моря. Его размеры были весьма значительны. А туловище окрашено в светло-коричневый цвет".

Увы, сообщение об этой встрече с морским змеем цвета кофе с молоком, опубликованное в декабре 1924 года в "Уорлд уайд мэгэзин", в общем весьма многословное, совершенно умалчивает о месте действия.

Во всяком случае, именно нашего морского змея с гусиной или лебединой шеей заметил в 1910 году мистер Говард Сент-Джордж из Рэмсбери в Уилтшире с одним из своих сыновей. Они видели его в море у дикого берега залива Килкеррин в

Коннемаре, на западе Ирландии. По словам их отчета, опубликованного в книге Дж. Корнуоллис-Уэста "Edwardians Go Fishing", и по дополнительным показаниям, отосланным Руперту Гуду, животное было захвачено отливом и благодаря этому предоставило взгляду наблюдателей свое волосатое и коричневое туловище "тех же примерно размеров, что и крупный грузовик" и, переваливаясь из стороны в сторону и как бы настороженно озирая окрестности, приподнимало голову на длинной шее на высоту метр восемьдесят.

Хамелеон Чау-чау вице-адмирала Анструтера

Удеманс, конечно, был очарован вестью о появлении волосатого морского змея, столь соответствующего его научным построениям, но в его досье морских чудовищ ни за что не найти следов другого монстра, который в то же самое время показывался в тех же ирландских водах, на этот раз чуть к востоку, между Ирландией и островом Мэн. Если бы голландский натуралист знал о нем, то, конечно же, отказал бы ему в чести считаться мегофиасом. Но, как и в уже пересказанном случае с коммодором Ростроном, необходимо признать особую ценность этого свидетельства из-за персоны основного наблюдателя, который впоследствии стал британским вице-адмиралом Робертом Г. Анструтером. Тогда еще он был простым капитаном, командовал с 1907 по 1912 год кораблем "Цезарь" и именно в этом качестве однажды присутствовал в открытом море у Ирландии при исключительном, необычном спектакле:

"Во время первой из четырех малых вахт я находился на полуюте, когда вдруг что-то выскочило из воды прямо передо мной, на расстоянии примерно в половину длины судна, и поднялось в воздух на высоту штанги бам-брамселя фок-мачты, то есть на пятнадцать метров. Естественно, у меня был при себе бинокль, и я поспешно направил его на четвероногое, так как речь, безусловно, шла о животном с четырьмя лапами или, во всяком случае, с четырьмя ногами. Его наружность заставила меня подумать о чау-чау со снятой кожей, как те, которые можно видеть висящими на крюках в кантонских лавках мясников. По форме животное напоминало мне хамелеона, но более коренастого: голова, так же как и короткий хвост, имела вид хамелеоньей. Он опускал или, скорее, погружал в воду свою шею и распростертые лапы.

Я никогда еще не видел подобного существа за все время моей долгой морской карьеры и поэтому поспешил попросить штурмана, который находился у компаса, прийти ко мне на полуют, туда, откуда рептилия - или что это было - была видна.

Едва офицер приблизился ко мне, как жив~отное прыгнуло еще раз: я снова смог хорошенько его рассмотреть, и теперь и штурман и капитан корвета Г.-Дж.-Л.-У.-К. Уиллкокс тоже его увидели. У животного кожа не была покрыта чешуей, а, скорее, влажно блестела, как у рептилии. Его ноги напоминали когтистые лапы, какие можно видеть у изображений китайских драконов. Мы долго ждали, но больше он не появлялся.

Я никогда не слышал и не читал ничего относящегося к подобным животным, до тех пор пока много позже не оказался в старом городке Ри, где присутствовал при смотре городских войск при флаге, на котором были изображены три головы льва и три носа корабля, окруженные тремя существами, называемыми "виверна", которые очень сильно смахивали на моего старого знакомого из Ирландского моря".

Следует быть законченным маловеком, чтобы отбросить из-за ошибок зоологического характера показания прославленного моряка. Его дело было корабли, а не звери. Но никто не может его упрекнуть в пренебрежении зоологией. Во всяком случае, его ошибки ничего не прибавляют к правдивости его слов: они просто подают неверную идею о том, что именно он видел. Попытаемся же их исправить. Вдруг это удастся?

Во-первых, у хамелеонов всегда исключительно длинный хвост: короткий

хвост никак нельзя отнести к характерной черте "хамелеоньего вида". Впрочем, ни у одной рептилии (кроме черепах) не бывает действительно короткого хвоста, как у некоторых млекопитающих. Без сомнения, свидетель хотел подчеркнуть эту черту, так как питал предубеждение, что речь идет именно о рептилии.

С другой стороны, пресмыкающиеся четко характеризуются наличием чешуи, и нелепо, констатируя ее отсутствие, говорить, что животное имело кожу "скорее, влажно блестящую, как у рептилии". Здесь также выдает себя тенденция объявить априори, что животное было именно ящером, невзирая на все его нерептильные черты.

Вообще в душе неспециалиста всегда существует неистребимая склонность причислять морских монстров, то есть неидентифицированных морских животных, к рептилиям. А на самом деле очень немногие пресмыкающиеся проживают в морях: кроме одного единственного вида крокодилов и одной игуаны, которые тоже, впрочем, являются прибрежными жителями Галапагосов, еще можно вспомнить всего несколько черепах и змей. Следовательно, когда кто-то видит перед собой неопознанное морское животное, это самая маловероятная гипотеза.

Впрочем, отметим, что первое животное, о котором подумал капитан Антсрутер, приблизившись к таинственному монстру, была ободранная собака. Итак, речь шла о млекопитающем? Во всяком случае, это наиболее вероятно.

При современном состоянии наших знаний единственные морские млекопитающие, имеющие четыре ноги, которых мы можем назвать,- это морская выдра и различные ластоногие. Они все когтисты, но только последние имеют короткий хвост, почти незаметный. Это ни в коем случае не диагноз, но то, что может дать ценное указание на возможную природу зверя.

Виверна была видом дракона, описываемым чаще всего как "крылатый змей с колючим хвостом", оснащенный, кроме того, одной парой лап (а не четырьмя, как "обычный" дракон). Конечно же, ничто лучше змея не наводит на мысль о длинной шее.

В конечном счете странное животное, столь плохо описанное будущим вице-адмиралом, вполне могло быть морским змеем с длинной шеей, то есть достаточно распространенного типа. И если оно не получило этого своего обычного наименования, то, очевидно, потому, что в этом, исключительном случае было видно целиком поднывавший над водой!

В разные эпохи увлеченные змеем люди прилагали все усилия, чтобы выловить его всеми возможными средствами. Но даже в таких сравнительно небольших озерах, как Лох-Несс и Оканеган, дело это оказалось ох как непростым. Что же говорить о необозримых просторах и глубинах океана?

Одним из научных центров, одержимых идеей поимки морского змея, является Скриппсовский институт океанографии в Ла-Джолле, Калифорния. Его директор доктор Роджер Ревел считает, что сообщения о "нашем подопечном" заметно сократились в последние десятилетия, хотя наблюдать его можно теперь уже и с нефтяных платформ и быстроходных судов и катеров. Просто ученые не ставят перед собой такую цель, считая все сообщения шарлатанством.

В Скриппсовском институте над разработкой ловушек для крупных морских животных - известных и неизвестных науке - работает инженер Джон Айзеке. Одна из таких ловушек сделана из алюминия в виде пирамиды с прямоугольным основанием. Огромное отверстие близко к дну как бы манит любопытное животное заползти внутрь, а дыра повыше приглашает заплывать в пирамиду добычу помельче. Нагруженная стальной плитой, прикрепленной к днищу, клетка сбрасывается в открытом море в воду и погружается, увлекая за собой наполненные бензином поплавки и сигнальный буй. Тяжелое металлическое дно соединяется с клеткой эластичным тросом с магниевым замком. Через определенное время, которого должно хватить для поимки животного, этот замок разрушается под действием коррозии, и клетка, внезапно освобожденная от

груза, увлекается поплавками на поверхность. Вместе с плитой ее днище теряет свою жесткость и прямоугольную форму, захлопывается, и животное, оказавшееся в ней, становится пленником. На поверхности сигнальный буй, снабженный отражателем радарных лучей, вымпелом и мигающим маячком, может быть быстро обнаружен.

Первые опыты были проведены с уменьшенным прототипом ловушки со стороной 1 м 80 см. Чертежи модели вдвое большей были готовы к началу 1959 года. Планировалось построить и еще более просторные ловушки, рассчитанные на самую крупную добычу, в частности на взрослых гигантских лептоцефалов д-ра Брууна, которые, как всякие уважающие себя угри, должны были охотно залезать в пустоты таких конструкций, как эти пирамидальные клетки.

Чтобы поймать животное действительно больших размеров, вроде супергигантского кальмара или крупного морского змея, Джон Исаак предложил использовать также плоскую сеть диаметром несколько сот футов (порядка ста метров). К ее центру должен был крепиться балласт, а по периметру - поплавки. На заданной глубине балласт сбрасывается, и устремившаяся к поверхности гигантская сеть в форме обратного парашюта должна была собирать попадающуюся по пути добычу вплоть до самой крупной.

Скриппсовский институт не был единственным американским научным заведением, которое лелеяло мечту поймать морского змея. Хотя это многим казалось бессмысленным занятием: как можно поймать что-нибудь, чего нет в природе? И все же это пытались делать самые серьезные, с наилучшими репутациями люди.

15 октября 1958 года "Вема", океанографическое судно Колумбийского университета, покинуло Нью-Йорк и отправилось в десятимесячное плавание с целью детального изучения морских глубин у западного побережья Южной Америки и в южной части Атлантики. Из глубокой океанской впадины, тянувшейся вдоль берегов Перу и Чили, 'примерно в 320 километрах от Лимы, специальные сети скоро подняли с глубины 5 тысяч метров четыре экземпляра неопилины, но вида непохожего на тот, что был открыт экипажем "Галатеи". (Экземпляр, пойманный в 1952 году датчанами, получил название *Neopilina galathea*; новый вид был назван *Neopilina palaeozoica*).

Но кое-кто на борту не удовлетворился этой добычей, самой по себе достаточно сенсационной. Специалист по морской биологии из Южнокалифорнийского университета д-р Роберт Дж. Мензис желал большего: поймать самого морского змея!

За свою карьеру д-р Мензис имел частые профессиональные контакты с д-ром Антоном Брууном и был очарован его концепцией относительно зоологической природы мифического животного. Как и его датский коллега, он считал, что перуано-чилийская впадина, одна из богатейших планктоном зон океана, должна быть одним, из предпочтительных районов обитания гигантских угрей, личинки которых известны ученым.

В судовых мастерских "Вемы" был выкован огромный стальной крючок длиной почти метр, который закрепили на конце кабеля, используемого для глубинного гидрографического зондирования и траления. Американский ученый решил поймать своего морского змея на удочку!

Кабель мог выдерживать нагрузку 2,5 тонны и крепился к мощной лебедке. Операция должна была производиться в холодную, безлунную ночь, так как, по мнению д-ра Мензиса, вполне справедливому, животное, привыкшее к сумеркам и прохладе глубин, не должно было подниматься к поверхности, если условия там сильно отличались от привычных.

"Нанизав на крюк большого кальмара, пойманного накануне,- рассказывал д-р Мензис - я прицепил к тросу в качестве груза 15-килограммовую свинцовую болванку. Моим единственным помощником в этой рыбалке был Том Доу, который должен был управлять лебедкой. В два часа ночи он привел в действие нашу "удочку", пожалуй самую большую в мире. Лебедка быстро опустила приманку на глубину 360

метров, - несомненно, самую большую глубину, на которой когда-нибудь ловили рыбу с помощью крючка и наживки".

После долгого ожидания, во время которого волнение двух рыболовов не переставая возрастало, мощный рыбок .натянул кабель со страшной силой.

"Мы с удивлением переглянулись. Что бы там ни было на противоположном конце троса, но оно с силой дергало за метровый крючок, пятнадцатикилограммовый груз и стальной трос почти треть километра длиной! Тотчас же была приведена в действие лебедка, и туго натянутый трос пошел вверх.

Через несколько секунд после начала подъема мы заметили, что натяжение троса ослабло. Когда крючок появился из воды, судовые огни осветили его погнутое тело... и больше ничего.

Кое-кто может посчитать мои слова обычными рыбацкими байками. Я, конечно, не могу этого доказать, но считаю, что рыба, которая могла сотворить такое на глубине 360 метров, должна быть первым морским змеем, попробовавшим наживку, приготовленную человеком. Теперь я буду возвращаться с крючками все более мощными, и надеюсь, в конце концов мы поймем этого самого неуловимого монстра в мире".

Хотя все мои симпатии на стороне д-ра Мензиса, и его оптимизм согревает мое сердце, я считаю его самоуверенность несколько преувеличенной. На самом деле в океане существует множество достаточно известных науке животных, способных совершить подобное.

Совершенно очевидно, например, что кашалот в сотню тонн весом мог без труда заглотнуть крючок длиной метр с нанизанным на него в качестве приманки кальмаром и натянуть почти 400-метровый трос как струну. Он, конечно, не пропустил бы свою любимую добычу - крупного головоногого. Да и другой любитель кальмаров среди китообразных, дельфин гринда, взрослая особь которого может достигать веса 3 тонны при длине 9 метров, без сомнения, имеет силы, чтобы согнуть крючок из кованой стали.

Среди акул, на которых также может пасть подозрение в покушении на подобную наживку, можно вспомнить Белую акулу (*Carcharodon carcharias*), размеры которой могут превосходить 20 метров, и даже тигровую акулу (*Galeocerdo*), не превышающую 9 метров. Обе они прожорливы и свирепы, а их мускулистые многотонные тела обладают титанической силой.

Для крупных головоногих, в частности для гигантского кальмара весом в несколько десятков тонн, такая мелкая кража бесспорно является детской игрой.

Отметим также, что если бы одно из упомянутых выше животных действительно попало на крючок, то я сомневаюсь, что самоуверенный рыбак смог бы его хотя бы поднять на борт. Их многотонные тела рано или поздно оборвали бы трос. Самые маленькие из них не могли быть подняты из воды даже мертвыми, так как их вес превосходит прочность троса. Эта относительная непрочность троса заставляет подозревать д-ра Мензиса в том, что он сильно недооценивал размеры морского змея, которого сам считал гигантским угрем.

Мы знаем, что угорь длиной 1,5 метра весит около 10 кг, следовательно, экземпляр в два раза крупнее будет весить в восемь раз больше (два в кубе). Таким образом, угорь или мурена трехметровой длины должна весить около 80 кг.

Элементарные вычисления показывают, что при сохранении всех пропорций змееподобная рыба семиметровой длины должна весить около 3430 кг и будет слишком тяжелой, чтобы поднять ее с помощью использованного троса. А какие шансы были у д-ра Мензиса поймать экземпляр 15-метровой длины и весом 10 тонн? А это как раз и есть предполагаемый размер взрослого гигантского угря, по самым скромным расчетам д-ра Бруна.

Очевидно, еще не завтра можно будет легко поймать на удочку морского змея.

Положение мало изменилось с тех пор, как Джоб иронизировал по поводу Левиафана.

Будущее за "таинственными островами"

Это не значит, что попытки поймать крупного змееподобного, особенно с помощью сетей и специальных ловушек, не могут дать хороших результатов, конечно если они будут производиться систематически.

Но у нас не должно быть на этот счет слишком много иллюзий. До сих пор таким способом не удавалось поймать более или менее крупного морского животного, такого, как кашалот. Их добывали загарпунивая, но только если речь шла о животных, регулярно появлявшихся на поверхности для дыхания. Дело представляется совершенно иначе, когда имеем дело с животными с легочным дыханием, но более скрытно ведущими себя у поверхности или имеющими жабры: никогда еще не удавалось загарпунить гигантского головоногого в открытом море, кроме того, который попался "Алектону", да и то найденного умирающим.

В любом случае надеяться поймать на удочку или сетью крупного неизвестного змееподобного, в то время как это не удалось сделать хотя бы с одним китом или супергигантским кальмаром, значит хотеть начать бегать не научившись ходить.

По-моему, самую большую надежду увеличить количество наших знаний о неизвестных морских чудовищах может дать использование подводных аппаратов улучшенной конструкции, которые позволили бы заставить их на месте, фотографировать, снимать на киноплёнку. С этой точки зрения профессор Август Пиккар показал своим батискафом путь, по которому стоит идти. Вскоре подобные аппараты различных конструкций, разработанные гением французской морской мысли и военно-морским ведомством США, спустились до самого дна глубочайших океанских пропастей.

Чтобы изучать крупных морских еще неизвестных животных - и даже тех, которые считаются известными, но их частная жизнь мало изучена,- нет необходимости и даже совсем нежелательно погружаться очень глубоко: уровень 1200 метров, достигаемый иногда кашалотами, кажется исключительным рекордом.

Зона патрулирования располагается, по-моему, между поверхностью и порогом полной темноты, находящимся между 350 и 550 метрами в зависимости от прозрачности воды.

Гению командора Жака-Ива Кусто мы обязаны появлением автономного скафандра, позволившего начать использование тонкого слоя моря толщиной около 60 метров. Чтобы использовать более глубинные слои, тот же командор Кусто сделал двухместный аппарат - легко управляемую "погружающуюся тарелку": небольшой стальной эллипсоид с реактивным двигателем. Этот аппарат начал функционировать в 1960 году и без проблем мог погружаться на глубину до 400 метров. Аппарат сферической формы, большей прочности мог достигать тысячеметровой глубины.

Недостатком всех автономных подводных аппаратов, используемых для наблюдения за крупными представителями океанской фауны, являлся шум их двигателей, включенные прожектора (хотя полная темнота наступает на глубине около 450 метров, в общем случае приходится включать освещение уже на глубине 50 метров) . Вторжение такого рода в дикое состояние природной среды обитания заставляло морских животных скрываться раньше, чем удавалось их заметить.

В подобных случаях на суше для лучшего наблюдения за естественной жизнью животных устраиваются фиксированные наблюдательные посты - к их присутствию животные в конце концов привыкают и не обращают на них внимания. В идеале надо было бы создать подобную постоянную обсерваторию и в океанских глубинах. Поэтому мы должны с особым интересом рассмотреть последний проект командора Кусто, современного конкистадора малых и средних океанских глубин. Он планирует создать на полпути между Корсикой и материком первую

океанографическую фиксированную станцию, позволяющую вести постоянные наблюдения на глубинах до 50 метров. Названный "таинственным островом", этот буй-лаборатория похож на гигантский спиртометр: широкая герметичная труба длиной 69 метров плавает вертикально в воде благодаря грузу, расположенному на нижнем конце, и только "голова" ее располагается на поверхности. Чтобы трубу не сносило течением, - она должна быть поставлена на якорь с помощью нейлоновых или полипропиленовых тросов. Автоматическое устройство должно нейтрализовать действие волн, но проблемы полной стабилизации станции на практике ставят значительные трудности.

Я считаю, что, устанавливая такие станции наблюдения насколько возможно глубже и в разных частях океана - специально выбранных на основании не только частоты появления в этом месте морского змея, но и прозрачности воды, - можно увеличить шансы практически разрешить проблему, смущающую ученых-натуралистов столько времени.

Морской змей на Би-би-си

В ожидании этого следует готовить мнение общественности и особенно научных кругов, поворачивать его в сторону подобного проекта, распространяя анкеты, организуя обмен мнениями между специалистами и знакомя с ними публику через прессу, радио и телевидение.

С этой точки зрения достойна всякой похвалы инициатива Мориса Брауна и Мартина Чисхольма, организовавших на Би-би-си страстные дебаты по проблеме морского змея, которые прошли в эфире 12 февраля 1961 года.

Выбор десяти участников обсуждения был сделан достаточно справедливо, за столом встретились разные мнения, в том числе прямо противоположные. Кроме трех очевидцев (одного морского офицера и двух ученых-биологов) присутствовали скептически настроенный палеонтолог, совершенно не верящий биолог, морской офицер и биолог, убежденные, что морской змей - это результат ошибки из-за плохих условий наблюдения известных науке животных, и, наконец, три зоолога, защищавших идею существования морского змея в виде плезиозавра, гигантского угря или более эклектичную гипотезу. Во всяком случае, равновесие сил очевидно.

Сразу же скажем, что сообщения, сделанные свидетелями, были не лучшего качества, но, если они и не были ни достаточно детализированы, ни во всем убедительны, нельзя ставить под сомнение их искренность.

Сначала выступил Джон Драммонд, который служил вторым помощником на военном корабле "Батсер", когда произошла странная встреча около Золотого берега - в начале 1944 года. Корабль рыскал в море в поисках немецкой подводной лодки, замеченной в том районе. Драммонд находился на мостике, когда увидел внезапно выпрыгнувшего из воды большого ската почти двух метров в диаметре. Несмотря на свои размеры, он так взвился над волнами, как какая-нибудь вульгарная форель, охотящаяся за мухами. "Что могло так напугать его? - подумал офицер. - Как крылья у него выросли". В тот же момент вахтенный сигнальщик закричал: "Огромный предмет по правому борту!"

"Это было слабо сказано утверждал Драммонд. - Я потом видел что-то похожее, но в фильме ужасов. Это "нечто" медленно поднялось из глубины, 4-5 секунд стояло, возвышаясь над волнами, затем упало вперед с громовым шумом, как обрушивается стена многоэтажного дома во время бомбежки Лондона. Оператор акустической станции... зарегистрировал четкий сигнал от предмета на своем аппарате и потерял с ним контакт, когда тот погрузился на большую глубину".

Офицер тотчас же занес факт этой встречи в бортовой журнал. Он был убежден, что это не был какой-либо крупный кит. Что вскоре ему подтвердил другой опытный наблюдатель, норвежский корвет-капитан Оли Бернхардт Эдьяр из Тонсберга, прикомандированный в то время к резервным силам Британского Королевского флота, который до войны плавал на китобойном судне в Антарктике.

"Тогда кто это мог быть? - спрашивал Драммонд.- При определении размеров в море можно ошибиться. Наша главная мачта имела высоту 18 метров. Объект казался примерно такой же высоты. В сумерках я не смог ясно различить, но предположительно это было похоже на хвост. Что больше всего в нем поражало это его необычайно малая толщина".

Гораздо менее удивительным, чем Этот гигантский угорь, но тоже приводящим в замешательство своим внешним видом было существо, замеченное Финном Девольдом, норвежским биологом из Института морских исследований Бергена, во время проведения гидрографических работ на борту океанографического судна "Йохан Хьерт". Закончив серию измерений в 100 км севернее мыса Норд, корабль взял курс на восток и шел параллельно берегу. В 3 часа утра море было спокойным как зеркало, когда Девольд заметил на поверхности воды, на расстоянии 500-600 метров странный предмет.

"Что-то, высотой примерно 1 м, торчало из воды,- рассказывал ученый,- я указал на него рукой и спросил у капитана, что бы это могло быть. Когда капитан его увидел, он приказал рулевому взять курс на неизвестный предмет. Едва мы приблизились к нему на 200 метров, как он исчез под водой. Когда мы достигли того места, где его видели, на поверхности ничего уже не было.

Мы много обсуждали на корабле происшествие, гадая о природе существа. Оно было толщиной около 20 см и поднималось над водой примерно на 1 м. Это не мог быть тюлень, я уже много к тому времени видел этих ластоногих. Тюлень имеет форму бутылки шампанского или чего-то подобного, а данный предмет был одинаковой толщины от вершины до поверхности воды. Я не могу сказать, что это было но, определенно оно имело вид живого существа. Издали это было похоже на конец дерева, торчащий из воды, но, если бы это было так, мы затем нашли бы его на месте".

Другой биолог, П.-Дж. Корбин из Морской биологической лаборатории в Плимуте, также видел животное, которое ему показалось незнакомым, когда он работал на борту военного океанографического судна "Дискаве-ри". Он уже не помнил точно дату, то ли в сезон 1952-го, то ли 1954-го года, но произошло это в Атлантике, в районе Азорских островов.

Было раннее утро, и погода стояла пасмурная. На мостике была только вахтенная смена. Корбин занимался со снастями на корме, когда, случайно взглянув за борт, увидел то, что он называл потом своим "особенным монстром". Так как существо находилось уже позади, а корабль быстро продолжал плыть вперед, Корбину осталось удовлетвориться лишь наблюдением за ним в бинокль в течение 4 или 5 минут, пока тот не скрылся из виду вдалеке.

"Я не могу сказать, к какому определенному виду принадлежало это животное: оно навсегда останется моим особенным морским монстром. Я убежден в одном: это было животное, потому что шевелилось. Все это время оно находилось на поверхности. Контуры его большого серого тела были прямоугольной формы, примерно 3 м в длину и около 2 м в ширину - размеров, обычных для монстров, находящихся у самой поверхности воды".

По словам Корбина, прекрасно знающего морской животный мир, это не могло быть ни китообразное, ни черепаха, ни гигантский скат, ни пучок водорослей, ни обломок любого вида.

"Из всех крупных морских животных,- добавляет он,- это могла бы быть только какая-нибудь громадная луна-рыба, но, когда я вспоминаю самые крупные известные ее экземпляры, неизвестное животное слишком велико, чтобы оказаться этой рыбой".

Боюсь, нам придется не согласиться с мистером Корбином относительно размеров самых больших представителей рыбы-пуны, но в то же время поздравить ;го с большой вероятностью правильности его предположения. Действительно, как у вида

этих рыб с закругленным хвостом (*Mola mola*), так и у очень редкого вида с заостренным хвостом (*Masturus lanceolatus*) были зарегистрированы размеры до 3 м 35 см длиной. Так как эти огромные рыбы в форме мельничного жернова имеют обычай отдыхать на боку на поверхности воды в теплую, спокойную погоду, в этом состоянии они могут являть собой существо, похожее на то, что видел британский биолог. Поэтому в данном случае нам, пожалуй, не стоит сильно рассчитывать на это свидетельство.

Но возможная ошибка не должна быть причиной глобального негативного вывода. Тем более что "особенный монстр" мистера Корбина не имеет ничего общего с крупными змееподобными. В тот день было упомянуто и о совершенно очевидной ошибке. Не будем придавать большого значения выступлению д-ра Гуннара Данневига, директора норвежской биологической станции в Флодевингене. Однажды его отец, биолог Альф Данневиг, подумал сначала, что увидел морского змея, который в действительности оказался большим лососем. Д-р Данневиг под этим предлогом утверждал, что большинство историй о морском змее - это похожие ошибки и они имеют своим происхождением, по его мнению, крайне неблагоприятные для наблюдения погодные условия на море. И такое несправедливое обобщение нельзя оправдать и сообщением капитана Арне Гроненгсетена, принявшего сначала за морского змея супер-гигантского кальмара, который, казалось, собрался напасть на его танкер.

Заключительное слово

Если из огромного досье морского змея и нужно выкинуть множество неправильных и ошибочных наблюдений, там, однако, остается еще достаточно много случаев, которые никоим образом нельзя объяснить появлением известного науке животного. Утверждение обратного выдает крайне слабое знакомство с материалами настоящего дела.

Основная масса наблюдений крупного морского змееподобного животного интерпретировалась по-разному видными зоологами, собравшимися у микрофонов Би-би-си.

Д-р Денис Таккер, который защищал в основном свою точку зрения относительно лох-несского чудовища, заявлял со своей обычной горячностью, что свидетельства, собранные Удемансом и Гудом, доказывают, что морской змей - это плезиозавр. Д-р Антон Бруун, чья козырная карта - открытие существования гигантского лептоцефала, убежденно доказывал, что речь идет о гигантском угре. Только Джон Колман, директор станции морской биологии в Порт-Эрине, на острове Мэн, осторожно склонялся к более эклектичной идее. Порядка тридцати заслуживающих доверия сообщений могут быть разумно объяснены, по его мнению, существованием одного или нескольких видов неизвестных науке крупных морских животных. Гигантский угорь или плезиозавр? Колмен считал, что существуют как минимум два вида.

Противники морского змея не испытывали больших трудностей в поисках аргументов, ослабляющих позиции

его защитников. По двум причинам, очевидным для тех, кто хорошо знает всю сложность проблемы: сторонники морского змея придерживались в основном слишком исключительных гипотез, во всяком случае, они не приняли к рассмотрению самую убедительную из них: идею о млекопитающей природе большинства крупных змееподобных (о забывчивый Альбион!)

В самом стане защитников морского змея не было единства.

Д-р Таккер доказывал, что морской змей не может быть гигантским угрем, потому что множество свидетелей подчеркивали, что у него была явно видна шея и расширяющееся тело; кроме того, голова его составляла иногда прямой угол с телом, что невозможно для рыб. Наконец, угри не имеют на спине так часто описываемых

горбов, которые, по д-ру Таккеру, во всех случаях казались массивными и поэтому не могут быть результатом извивающихся движений. Если только за морского змея не принимали пучок водорослей, качающихся на волнах!

Д-р Бруун возражал, что плезиозавры - это животные, обитающие у поверхности, более того, около берега, и их существование было бы давно доказано. А наименее спорные наблюдения морского змея были сделаны, по мнению датского биолога, в открытом океане и очевидцы его описывали как громадного угря, во всяком случае как существо, лишенное каких бы то ни было горбов. Если же, в редких случаях, речь и шла о горбах, то они могли быть изгибами тела плывущих на боку гигантских угрей - обитателей глубин, очевидно в состоянии предсмертной агонии, погибающих от декомпрессии...

П.тДж. Корбин считал, что нет необходимости видеть в морском змее только гигантского угря, плезиозавра или гигантского кальмара, главное - присутствие в океане одного или нескольких видов крупных неизвестных животных, этого достаточно. Такие споры завязались в лагере сторонников морского змея, и его противники извлекали из этого пользу.

Д-р Уильям Свинтон, знаменитый палеонтолог, признавая, что ничто не противоречит самой идее существования в морях крупных животных, еще не известных науке - их многие видели! - направил свои атаки на гипотезу плезиозавра. Правда, его аргументы не всегда были достаточно убедительными.

"Плезиозавры,- говорил он,- животные, обитающие на поверхности. Однако никто их никогда не видел". (Довод очень интересный, особенно когда речь идет о необходимости объяснить свидетельства сотен очевидцев, видевших животное, силуэт которого напоминает плезиозавра.)

"Плезиозавры,- продолжает Свинтон,- яйцекладущие существа. Поэтому они должны выходить на сушу для выведения потомства, но опять никто и никогда не видел их за этим занятием и не находил ни одного яйца". (На что д-р Таккер справедливо заметил, что как их родственники ихтиозавры, плезиозавры могли эволюционировать в сторону живорождения.)

"Плезиозавры,- настаивал д-р Свинтон,- являются, скорее, пресноводными животными. Конечно,- соглашается он,- их кости находили в морских отложениях, но они жили только в устьях рек. Каким образом они могли бы выжить в открытом океане? Приспособление к исключительно морской жизни потребовало бы коренной перестройки всего образа жизни и самой физиологии животного". На что можно ответить, что нет никаких доказательств того, что некоторые виды плезиозавров не претерпели подобных изменений. К тому же большинство палеонтологов считают плезиозавров морскими животными.

"Плезиозавры,- продолжал д-р Свинтон, имея в виду, несомненно, скандинавские и шотландские случаи,- не европейцы, а американцы". Это, однако, полная чепуха. Останки плезиозавров находили по всему миру, самые известные как раз найдены в Германии и Англии.

Очевидно, д-р Свинтон был загипнотизирован внешним видом эласмозавра, более длиннее и более похожего на морского змея, чем европейский плезиозавр. Но кости и эласмозавров находили не только в Америке, айв Австралии и Новой Зеландии, что доказывает обширность ареала его обитания. Один малорослый скелет его (*Brancasaurus*) был даже найден по другую сторону Атлантики, в Германии. В любом случае, палеонтология, основывающаяся почти исключительно на изучении найденных окаменелостей может дать только приблизительную оценку географии распространения древнейших животных.

Таким образом, д-р Свинтон отказал в праве на существование морскому змею только потому, что он его никогда не видел. Это достаточно неудачный аргумент. Действительно, можно ли надеяться увидеть все, в существование чего ты веришь?

Правда, он тут же поправился, что не верит, потому что никто никогда не видел, не фотографировал плезиозавра и до сих пор не находил его недавних останков. Но ни одного слова не было им произнесено против морского змея какого-нибудь другого вида.

Д-р Карлисль принялся за гипотезу гигантского угря. Он подсчитал, что лептоцефал (личинка гигантского угря) размером 1 м 80 см может дать взрослую особь 3-3,5 м длиной, а это совершенно недостаточно для морского змея. К тому же, если на спине у животного есть горбы, то это, очевидно, не угорь.

"Но были ли горбы у морского змея? - задает следующий вопрос д-р Карлисль.- Название "морской змей" - это только слова. Если люди говорят о змее, то обычно они имеют в виду извивающееся тело, но "горбы" предполагают изгибы вертикальные, что невозможно для змеи. Поэтому все это плод разыгравшегося воображения". (Если речь, конечно, не идет о млекопитающем!)

Как видим, д-р Карлисль нападает на слабые места той, то другой гипотезы присутствовавших сторонников морского змея.

Перескакивая с одного на другое, английский биолог вскоре запутался в противоречивых и сбивчивых аргументах, с трудом находя связь между ними!

"Морской змей,- говорил он, например,- представляется животным с легочным дыханием, а не рыбой. Однако рыбаки никогда бы не перепутали китовую акулу или морского угря с морским змеем. Если змей дышит легкими, то это, скорее всего, рептилия. (Почему?) Но дышащие легкими животные не могут нырять глубоко: кашалот не погружается больше чем на 1200 м". (Не правда ли, достаточно глубоко?) И, кроме того, что это доказывает? Короче, морской змей должен, по мнению д-ра Карлисля, жить на поверхности. Но тогда почему его не видели китобои, избороздившие все океаны, или профессиональные зоологи с океанографических судов, за исключением случая с "Валгаллой". (Этого недостаточно?) Следующий аргумент: морского змея в основном встречали в спокойную погоду, которая в тропиках обычно туманная. (А в других местах?) Туман деформирует размеры, и небольшая морская змея длиной 45 см, находящаяся вблизи корабля, может показаться огромным морским змеем, плывущим вдалеке. (Кто в это может поверить?) Многие сообщения можно объяснить встречей с известным животным. Что касается нескольких случаев, указывающих на неизвестных животных, дышащих легкими и похожих на плезиозавров, д-р Карлисль хотел бы увидеть хотя бы его труп, чтобы поверить в его существование. И добавляет; "Нельзя доказать преступление, если нет мертвого тела жертвы".

Очевидная ложность и догматический характер аргументов д-ра Карлисля характерный, впрочем, прием для многих очернителей морского змея - ярко проявляются в этой последней фразе. Она является искажающим смысл переводом латинского выражения *corpus delicti*. Нет никакой необходимости иметь мертвое тело морского змея, чтобы доказать его существование. Мы знаем, что есть доказательства трех видов: свидетельские показания, косвенные улики и вещественные доказательства. Если вещественные доказательства необходимы для установления факта совершения преступления, то самого тела для этого не требуется. То, что справедливо для Права, справедливо и для Естественной Истории.

Можно только сожалеть, что великолепная радиопередача Мориса Брауна и Мартина Чисхолма заканчивалась почти пораженческим выступлением Джона Колмана, похвальная осторожность которого в данном случае кажется чрезмерной.

"Я не могу,- говорил он,- поклясться на Библии, что верю в морского змея. Я в него верю, но я не могу поклясться, что знаю о его существовании. Конечно, я считаю, что эти истории нельзя удовлетворительным образом объяснить ничем, кроме как действительными встречами с какими-то неизвестными крупными животными. Но это все, что мы имеем в качестве доказательств, нет никаких вещественных останков. Нам

же нужна по крайней мере хотя бы одна-единственная кость. Думаю д-ра Свинтона удовлетворила бы и одна кость".

На самом деле вопрос не в том, чтобы доказать существование морского змея. Это уже давно сделано. Свидетелями, косвенными доказательствами и (для некоторых избранных счастливчиков) прямым наблюдением. Остается только определить еще неизвестную природу этих животных, своим появлением способствовавших рождению легенд. Здесь необходимо подчеркнуть, что находка одной кости или даже случайная поимка какого-нибудь крупного змееобразного разрешит только один аспект этой многообразной проблемы.

Я бы закончил обмен мнениями, представленный слушателям Би-би-си проникновенным выступлением д-ра Дени Таккера, который поставил проблему морского змея в ту единственную плоскость, в которой ее и надо рассматривать, и надо было рассматривать всегда:

"Использование слова "верить" к вопросу о морском змее меня всегда смущало,- говорил бывший заведующий секции рыб Британского музея,- оно привносит что-то напоминающее о религиозной вере, нечто, что невозможно проверить опытом. Оно означает, что человек может внезапно поверить в результате какого-нибудь акта обращения, как будто некая религиозность верования здесь уместна. Я не считаю, что можно рассматривать какую-нибудь научную проблему в мире с этих позиций.

Если взять наши обычные учебники зоологии - большинство из нас по ним учились, и только потом мы стали к ним относиться с недоверием,- то мы найдем там множество утверждений, которые мы принимаем на веру, в том смысле, что их невозможно проверить личным наблюдением. В случае морского змея мы имеем дело с людьми с большим опытом в наблюдении различных объектов в море и видевших "Нечто отличающееся от всего прежде встречавшегося и превышающее их знания. Они описывают его очень детально, и часто это были независимые свидетельства с очень высокой степенью совпадения. Думаю, мы должны относиться к этим сообщениям точно так же, как к утверждениям из наших учебников. Мы должны, если надо, смотреть на них скептически, должны искать дополнительные доказательства, но не можем отбрасывать их как моряцкие байки, не заслуживающие доверия, или что-нибудь подобное".

Нечего добавит к этим словам человека, глубоко изучившего проблему морского змея и защищавшего свою точку зрения с горячностью, может быть, немного чрезмерной, но понятной.

Последняя новость: чудовище со спинным плавником в Исландии

Однако жизнь продолжалась. И морской змей будет появляться все последующие годы в разных видах, напоминающих какого-нибудь из появлявшихся уже когда-то за долгую историю морского змея.

Сначала в 1963 году произошла встреча в Исландии, откуда к нам приходили самые странные сообщения о морском змее.

В пятницу 13 февраля два рыбака из Вопнафиорда, что на северо-восточном побережье острова, братья Эпост и Сигурьон Йонссоны, возвращались проверить поставленные приманки на акул, когда заметили около скал Скаласкера существо большого размера, которое привлекло их внимание своим поведением. Оно не ныряло вперед, как это делает кит, поднимаясь на поверхность для дыхания, а высывалось из воды вертикально. И то, что показывалось из воды, являло собой, если верить сообщению газеты "Мррганблатет", по крайней мере странный вид! г

Появились два гребня или горба. Передний был короче и ниже, чем задний, который был длинным и высоким и к концу постепенно сходил на нет.

На конце заднего гребня можно было различить слабую бахрому примерно метр длиной. Часть животного, которая возвышалась над водой, была пятиметровой

длины. Задний гребень поднимался над поверхностью почти на метр.

Черная спина животного блестела как у кита. На глазах рыбаков чудовище появилось на поверхности пять раз, но, хотя они приблизились к нему на 12 морских саженей (около 22 метров), они не увидели, как оно дышит. Животное только медленно всплывало и снова погружалось.

Ионссоны считали, что между первым его появлением и окончательным исчезновением прошло не меньше 15 минут.

В тот момент они находились недалеко от берега, где глубина едва достигала 4,5 м. Преследуя животное, братья следили за его передвижениями по волнам, поднимаемым плывущим монстром.

Почти через час это существо появилось пару раз на поверхности чуть дальше от того места, где его видели братья, вдоль того же берега. Очевидцем был Асgrimур Кристиансон, шофер, проезжавший на автомобиле по берегу.

С тех пор его больше не видели. Когда о его возможной природе спросили ихтиолога Иона Йонссона, он ответил, что это могла быть серая акула (*Notidanus griseus*). Этот хищник, который может достигать длины 5 метров, обычно живет в Средиземном море и южной части Атлантического океана, но иногда заплывает и севернее, вплоть до берегов Исландии. В ее силуэте больше всего поражает чрезвычайно вытянутая верхняя лопасть хвоста, составляющего почти треть общей длины хищника. Когда это объяснение передали двум нашим рыбакам и показали изображение *Notidanus griseus*, они заявили в один голос, что это была ни в коем случае не серая акула. И что они отвечают за свои слова! Существо, которое они видели, было гораздо больше и, кроме того, его задний плавник (или горб) имел совершенно другую форму, а передний плавник (или горб) был во много раз больше, чем хвостовой.

И чтобы не было никаких сомнений на этот счет, они попытались изобразить внешний облик того, что они видели в положении, когда существо слегка изогнулось, перед тем как нырнуть, выставив свой горб (или передний гребень).

Увидев этот рисунок, ихтиолог Ионе Йонссон изменил свое мнение и стал утверждать, что речь могла идти о гигантском кальмаре (*Architeuthis*). С этим предположением согласился и его коллега Ингимар Оскарссон. Задний гребень должен был, по их мнению, быть частью лопасти хвоста этого головоногого, а передний - одним из щупальцев, изогнутым дугой.

Эту гипотезу, однако, трудно защитить. Во-первых, горизонтально расположенный хвост *Architeuthis* не ромбовидный, как у обыкновенных кальмаров, а стреловидный, в форме сердца. Поэтому, когда он плывет на боку, этот гигантский кальмар никогда не сможет показать над водой плавник треугольной формы. Кроме того, если еще можно представить кальмара плывущим на боку, то совсем невероятно, чтобы он нырял в этом положении семь раз подряд! Хотя плавать на боку для кальмара тоже совершенно ненормальная вещь. Это одно из тех редких водных животных, которому не надо ложиться на бок, чтобы сделать поворот, потому что он двигается при помощи реактивной силы и может повернуть в любую сторону лишь изменив ориентацию своего сифона или сопла.

Что же это было за странное создание? Во всяком случае, оно не могло быть никаким из известных в зоологии животным. Со своим вторым горбом (или плавником), имеющим на задней части бахрому, оно похоже на "Зверя Соай", и, если его можно идентифицировать с ним, тогда первый горб может быть верхней частью его круглой головы. С другой стороны, оно напоминает также морского змея с высоким спинным плавником, служившего мишенью для "Хилари" во время первой мировой войны, у тех же берегов Исландии.

Чудовищ такого типа, однако, мы обычно встречали у Атлантического побережья Северной Америки и их характерной особенностью является то, что они на поверхности воды плавают как ящерицы и имеют длинный ряд горбов на спине.

В Массачусетсе настоящий морской змей и ложный плезиозавр

Бесспорно, животное именно такого типа - пресловутый морской змей Новой Англии! - снова заставило говорить о себе весной 1964 года в Массачусетском заливе, что свидетельствует о присущей ему трогательной приверженности к традициям.

Четырнадцатого мая экипаж рыболовного судна из Нью-Бедфорда сообщил о происшедшей два дня назад

встрече с морским змеей очень приятной наружности, заплывшим к берегам Нантакета, в 30 милях на юго-восток от маяка Раунде Шоулс.

Механик Эльф Уильхемсен сообщал, что в начале они приняли животное за кита и устремились за ним в погоню, но, когда приблизились к нему, увидели - ничего похожего.

Описание существа в том виде, как его передало агентство Ассошиэйтед Пресс, содержит очень несуразные подробности:

"Змея черного цвета, длиной, по крайней мере 50 футов [15 метров], весом от 35 до 40 тонн. Она поднимала свою голову аллигатора почти на 26 футов [8 метров] над водой. На ее спине виднелись несколько горбов, а на макушке головы можно было различить дыхательное отверстие.

Рыбаки утверждали, что "змея", казалось, скользила по волнам и некоторое время плыла рядом с кораблем, примерно на расстоянии 50-100 футов [15-30 метров] от него, со скоростью 15 км/час.

Не было бы сказано о той высоте, совершенно невероятной, на которую поднималась его голова, перед нами был бы классический и точный образ многогорбого змея, так часто встречавшегося у Атлантического побережья Северной Америки. Возможно, речь идет о типографской опечатке или ошибке при передаче сообщения. Многое на это указывает.

Действительно, нигде в тексте не упоминается о длинной шее, и, очевидно, если бы животное поднимало голову на 8-метровую высоту, рыбаки никогда бы не приняли его за кита. Кроме того, точность, с которой эта высота указывалась в сообщении, вызывает подозрения. Остальные размеры свидетели указывали гораздо более расплывчато: "по крайней мере 50 футов" или "на расстоянии" 50-100 футов". Если бы животное на самом деле подняло голову, как это передано в сообщении, очевидцы сказали бы, скорее, "почти на 20-30 футов над водой" или "около 25 футов". За очень редким исключением, все многочисленные свидетели из Новой Англии говорили, что местный морской змей поднимал голову на 2-3 фута над водой. Поэтому я убежден, что надо читать "2,6 фута", то есть 2 фута 6 дюймов (75 см), что для англосаксов является также приблизительным размером.

Отметим, кроме того, что в французском переводе этого сообщения агентство не колеблясь написало, что животное подняло голову "на 10 метров над поверхностью". Это показывает, насколько журналисты могут исказить факты, только чтобы поразить воображение читателя. Именно поэтому, наверное, один из них предпочел написать 26 футов вместо 2,6, в которых не было ничего впечатляющего.

Несколько месяцев спустя у берегов Массачусетса произошла новая, почти ставшая уже обыденной встреча со знаменитым "зверем из Стронсы", сообщение о котором буквально взорвало научный мир в 1808 году. Перед самым Новым годом странный скелет длиной 5 м 50 см был обнаружен двумя рыбаками, одного из них звали Эльмер Коста, на пляже у Орлеана.

Корреспондент газеты "Кэйп Коядер", посланный на место происшествия, описывает его следующим образом:

"Он лежал на берегу, и его змеиный хвост был направлен в сторону от воды. Его маленькая голова (размером едва с череп енота-полоскуна) на цепочке позвонков длиной около 1 м 20 см и змеиный позвоночник были чертовски похожи на скелет детеныша птеродактиля, а расширяющиеся на середине тела остатки кожи могли быть

крыльями, обезображенными разложением".

Несмотря на упоминание о крыльях, хотелось бы знать, что делал там птеродактиль, эта маленькая, размером не больше голубя летающая рептилия мелового периода. Уверен, репортер хотел сказать "птерозавр", имея в виду, конечно, плезиозавра.

Прибывшему на место специалисту Океанографического института в Вудсхолле д-ру Ричарду Бакусу одного взгляда на эти останки было достаточно, чтобы вынести приговор:

- Акула-пилигрим.

Действительно, на рисунке, опубликованном вскоре газетой, легко узнавалось это животное. В очередной раз, обезображенный совершенно естественным процессом разложения, труп акулы-пилигрима был принят за плезиозавра.

Ничего нового под этим солнцем.

В Австралии: морской змей наконец сфотографирован и снят на пленку

Другой эпизод конца 1964 года может бросить новый свет и даже придать сенсационный блеск проблеме, которой мы занимаемся. Он основывается на документах, возможно впервые содержащих опубликованные фотографии неизвестного большого морского змееподобного. Автором этих снимков был француз, тридцатисемилетний бретонский фотограф Робер Ле Серрек.

Он покинул Францию в 1960 году, на борту своей яхты "Сент-Ив д'Армор", в сопровождении жены Раймонды и пятилетней дочери Анны. За время долгого путешествия, которое в конце концов привело семью любителей приключений в Австралию, во время большой остановки на Антильских островах родились еще двое детей, один в Касабланке, другой в Нассау, на Багамах. Настал момент возвращения во Францию, но, увы, 4 июня 1964 года яхта затонула у Большого Барьерного рифа, недалеко от Маккая, в Квинсленде.

Купив небольшое пятиметровое моторное суденышко, Ле Серрек решил не возвращаться домой, не посетив волшебные острова, образующие коралловую цепь, и особенно архипелаг Уитсанди. Он решил провести три месяца с семьей и молодым приятелем из Сиднея Хенком де Йонгом на острове Хук и, кроме того, написать книгу. Именно тогда и произошли события, сообщения о которых были переданы прессе в следующей версии.

В 9 часов утра 12 декабря 1964 года путешественники пересекали залив Стоунхевен, отправившись за пресной водой, когда мадам Ле Серрек указала мужу на "что-то странное в глубине под водой". Тот в это время находился в рубке, разбираясь со снаряжением для подводного плавания, вместе со своим молодым приятелем Хенком.

Мужчины поднялись на палубу. Младший сначала подумал, что это ствол дерева, перекрученный буквой S, лежит на двухметровой глубине на белом песке дна. Но вскоре оба различили сквозь прозрачную воду нечто похожее на колоссального головастика. За огромной головой следовало тонкое, гибкое тело около 20 метров длиной.

Ле Серрек бросился за кинокамерой, а его жена принесла фотоаппарат, де Йонг встал к рулю. Нетрудно представить волнение, смешанное со страхом, которое охватило всех троих. Только дети оставались в олимпийском спокойствии, - с удовольствием и любопытством наблюдая за монстром, как за многими другими морскими животными, которых им случалось встречать во время путешествия.

Сделав несколько фотографий животного, сняв его на -кинопленку и увидев, что оно не пытается ни убежать, ни даже пошевелиться, они решили медленно приблизиться к нему с надеждой увидеть наконец, как оно двигается. Прошло полчаса, за это время они хорошо рассмотрели животное и заметили, что у него на спине белей1 большое, примерно 1 м 50 см длиной, пятно, возможно рана, а голова его очень похожа

на змеиную. Услышав это слово, дети, воспитанные в страхе перед змеями, испугались, и их пришлось отвезти на берег, в лагерь.

Без детей взрослые почувствовали себя свободнее и решили вернуться и сфотографировать животное с более близкого расстояния. Они смогли рассмотреть два белых глаза на голове и темные поперечные полосы, окольцовывающие через равные расстояния его гигантское тело. Монстр оставался все это время неподвижным. Появилась даже идея кинуть в него камень, чтобы заставить пошевелиться, но потом посчитали более благоразумным этого не делать, опасаясь, что реакция его могла быть слишком резкой. Существо подобных размеров могло бы без труда превратить в щепки их хрупкое суденышко одним движением хвоста.

Тогда мужчины решили осмотреть чудовище под водой и попытаться снять его на киноплёнку с помощью подводной камеры. Зияющая рана и белые глаза говорили им, что животное, возможно, мертво. Под водой они бы смогли в этом удостовериться.

Хенк де Йонг взял с собой специальное подводное ружье 12-го калибра, очень эффективное средство против акул, но которое, вероятно, могло бы лишь немного толкнуть этого колосса. Однако присутствие оружия создавало некий моральный комфорт.

Ле Серрек погрузился первым, за ним - его молодой товарищ. Как это обычно бывает около тропических островов, вода, которая кажется с поверхности прозрачной, в действительности оказывается более мутной. Им пришлось приблизиться на расстояние 6 метров к монстру, чтобы различить его черты, которые французский путешественник описывает следующим образом:

"Его череп казался очень плоским и, по крайней мере, метровой высоты. Кожа выглядела гладкой, но в то же время матовой".

Сцепив зубы, чтобы унять невольную дрожь, Ле Серрек запустил камеру и еще продвинулся в сторону животного.

"Внезапно,- рассказывал потом он,- пасть открылась угрожающим образом, как у побеспокоенной мурены. Затем наполовину закрылась и снова открылась. И так несколько раз. С видимым трудом зашевелившись, передняя часть чудища начала поворачиваться в нашу сторону (мы снимали его в это время сбоку)".

Ни жив ни мертв, Ле Серрек еще некоторое время продолжал снимать, а затем они быстро развернулись и поплыли прочь.

Когда смельчаки поднялись на борт яхты, лежащей в дрейфе,- мотор заглох, и мадам Ле Серрек не смогла его завести,- они узнали от нее, что монстр уплыл. Он тронулся с места, подняв со дна облако песка, потом тяжело, медленно, с небольшой амплитудой извиваясь в горизонтальной плоскости, двинулся в сторону кольца рифов и скрылся в голубой глубине.

Несмотря на интенсивные поиски в течение всего дня, его больше не видели.

Подводя итоги происшествия Ле Серрек и де Йонг оценили длину чудовища в 20-25 метров. Голова его была похожа на голову змеи, только верхняя часть черепа была более выпуклой, более округлой. Она была шириной почти 1 м 20 см и такой же в высоту, длина головы была от 2,5 до 3 м. Кроме того, его тело на длине почти 8 метров имело диаметр около 60 см, затем утончалось и заканчивалось хлыстообразным хвостом.

Не было ни плавников, ни каких-нибудь игл или лучей. Не было заметно и дыхательных отверстий, но свидетели признались, что все их внимание было приковано в основном к угрожающе раскрытой пасти. Они также не видели и зубов,- возможно, зубы были очень мелкими. Рот располагался на нижней части головы, его внутренняя часть была белого цвета, с верхней челюсти спускался клочок какой-то темной субстанции.

Тело животного было черного цвета. На голове видны были более светлые

пятна. Бурые кольцевые полосы на теле, сантиметров по тридцать шириной, расчерчивали монстра на расстоянии полутора метров друг от друга. Так как животное лежало на дне и даже немного зарылось в песок, нельзя было рассмотреть цвет его брюха, которое казалось плоским.

Его глаза, диаметром 5 см имели светло-зеленый, почти белый цвет и вертикальный зрачок.

Внешний покров был похож больше на шкуру акулы, чем на кожу угря, не было видно никаких признаков чешуи.

Мореплаватели считали, что огромное животное было ранено, очевидно винтом парохода, и был, вероятно, задет позвоночник. Поэтому оно не могло защищаться от атак более мелких хищных рыб, привлеченных кровью, вытекающей из открытой раны, в открытом море и нашло убежище на мелководье у самого берега, куда заплывало очень мало рыб.

Существовал ли в действительности гигантский головастик Уитсанди?

Форма головастика, в которой предстал морской змей с Уитсанди, для нас не является чем-то совершенно новым. Она напоминает очертания самых странных монстров из истории морского змея, например черно-желтых полосатых чудовищ, встреченных в 1925 году г-ном Журданом на Змеином острове в Южно-Китайском море, которые в свою очередь казались уменьшенными версиями полосатого колосса "Нестора" 1876 года, из Малаккского пролива. Правда, мелкие чудовища господина Журдана имели четыре отростка в районе головы, но это мог быть, хотя и плохо объяснимый, результат временных изменений (может быть, края более глубокой раны?). Правда, огромный монстр "Нестора" перемещался, извиваясь в вертикальной плоскости, но мы знаем, что угри, например, могут достаточно долго плыть на боку.

Короче, перед нами три встречи со странными, неизвестными животными, происшедшие в относительно соседних областях тропической части Тихого океана. Форма головастика, расчерченного желтыми и черными или коричневыми полосами, имеет для нас большое значение, так как свидетельствует в пользу достоверности последней встречи.

Возвращаясь к замечательному приключению семейства Ле Серреков и их австралийского друга, добавим, что они решили из предосторожности - у них уже похищали ценные кадры - ничего не говорить о своих впечатлениях, до того как получат из австралийской лаборатории проявленные фото- и киноплёнки. Они боялись, что в противном случае нахлынут толпы журналистов и помешают им спокойно закончить фильм, который они снимали на островах Уитсанди до начала сезона дождей.

Поэтому только 4 февраля 1965 года Робер Ле Серрек сообщил в местные газеты о том, что произошло с ним и его близкими. Надо сказать, новость спровоцировала вскоре интенсивный обмен телефонными звонками между Парижем и Нью-Йорком, между мной и Иваном Сандерсоном. Ле Серрек, который хотел получить за свои кадры хорошую цену, согласился послать их вместе со своим рассказом в Соединенные Штаты Сандерсону, самому большому американскому специалисту по криптозоологии, чтобы тот подтвердил подлинность документов и прокомментировал их с научной точки зрения.

Со своей стороны я провел во Франции нечто вроде "расследования морального облика" Серрека, оказавшегося, увы, изрядным авантюристом, которого разыскивали толпы кредиторов. Иван проверил фотографии - прекрасные цветные снимки 24 x 36 - с помощью технических средств. Специалисты не нашли никаких признаков фальсификации (ретуширования, монтажа или передержки).

Перебрав все возможные простые объяснения (затонувший ствол дерева, пучок гигантских водорослей, участок подводного нефтепровода, телефонный кабель и т. п.), Иван оставил только три:

1) потерявшаяся пластиковая емкость; такие емкости несколько лет назад американцы в экспериментальном порядке пытались использовать для транспортировки больших количеств топлива, буксируя их по воде;

2) оболочка метеорологического зонда Скайхук, сдувшегося, упавшего в море и обросшего водорослями;

3) огромный кусок материала, например цирковой тент, свернутый в рулон, перекрученный и брошенный в воду.

Первая гипотеза может быть сразу отброшена. Информационная служба флота сообщила, что такие резервуары имели металлическую оболочку и плоскую форму очень длинного надувного матраса и ни один из них не пропал ни у американских берегов, ни в каком-нибудь другом месте.

Вторая гипотеза также не выдерживает критики. Когда зонд Скайхук взрывается, он полностью разрушается еще в воздухе. Если его оболочка только порвалась или получила пробоину, то зонд опускается медленно и за ним легко следить, поэтому его всегда подбирают. К тому же такой зонд не мог бы долго находиться под водой - достаточно долго, чтобы обрасти водорослями,- не разорвавшись на клочки об острые грани коралловых рифов.

Остается третья гипотеза - версия о преднамеренном обмане.

Стоит уточнить, что бухта Стоунхевен на острове Хук находится недалеко от нескольких часто посещаемых киторазделочных станций, размещающихся на соседнем острове Хеймен, расположенном как раз напротив, и на побережье самого континента. Эти воды бороздят каждый день множество моторных и парусных судов. Привезти на место материал, необходимый для фабрикации фальшивого чудовища длиной больше 25 метров (шлюпка, которую можно видеть на одной из фотографий, подтверждает эти размеры), придать ему требуемую форму, нарисовать глаза и кольца, а затем отбуксировать на некоторое расстояние от берега и затопить это не простое дело. Еще труднее сделать это незаметно для постороннего глаза. Можно было бы изготовить макет морского змея на специализированной фирме, но невозможно его сделать надувным или из пластика. Если бы он был надут воздухом, он бы всплывал и не мог бы оставаться на дне. Чтобы удержать его под водой, требуется такая же плотность наполнителя, как у воды, или большая, и, следовательно, игрушка таких размеров должна весить около 6 тонн...

Отбуксировать 6-тонную конструкцию по воде, даже на небольшое расстояние от берега, не могут три человека, даже имея в наличии что-то вроде морского бульдозера. А подобный бульдозер не спрячешь под палубой пятиметрового суденышка!

В самом деле, если бы речь шла о мистификации, можно было бы принять к рассмотрению единственный вариант: на месте был случайно найден подходящий обломок, змееобразный силуэт которого мог натолкнуть на мысль о розыгрыше. Оставалось бы только каким-нибудь образом усилить сходство его с живым существом, расположив определенным образом и подрисовав глаза и кольца, что легко сделать на глубине 2 метра.

Я больше склоняюсь к этому объяснению, особенно если принять во внимание расположение глаз монстра, которое кажется мне слишком ненормальным. У большинства позвоночных - особенно это заметно у рыб - глаза расположены по бокам головы, у некоторых, например приматов, они направлены вперед, но почти неизвестны животные у которых они направлены вверх, как у морского змея - с острова Хук. Правда, такое расположение можно найти у некоторых морских позвоночных (камбала, скаты), живущих у самого дна и даже часто зарывающихся в песок, что похоже на наш случай. Но глаза у них расположены ближе к передней части морды.

Было бы хорошо, если бы киноплёнка, запечатлевшая чудовище в движении, получилась качественной, тогда гипотезу о мистификации можно было бы и не

рассматривать. Но в момент, когда я пишу эти строки, я еще не видел фильма, а мои корреспонденты из Новой Зеландии, которым повезло его увидеть, сообщили мне, что подводные кадры настолько расплывчаты и неясны, что ничего нельзя уверенно утверждать. Все это более чем подозрительно.

Рафинеск, возможно, был прав...

Если допустить, просто в качестве рабочей гипотезы, что семья Ле Серреков и их приятель неповинны в обмане и действительно видели живое существо (еще живое, было бы правильнее сказать), то к какому зоологическому виду его можно причислить?

По поводу рассказа-Ле Серрека, директор Квинслендского музея, д-р Дж.-Т. Вудс заявил, не слишком рискуя ошибиться:

"Если описание точное, оно не может быть применимо ни к одному существу, известному науке".

Д-р Ф.-Х. Талбот, смотритель секции рыб Австралийского музея, был более решителен. Он нашел это происшествие "одним из самых необычных" и выдвинул теорию, по которой неизвестное животное могло быть "гигантским угрем, показавшимся еще более громадным из-за эффекта рефракции в воде".

Мнение д-ра У.-Х. Даубина, с факультета зоологии Сиднейского университета, было, напротив, полностью негативным: "Строение головы животного совершенно не похоже на угря". И добавил: "Это, конечно, не кит и не дельфин, изучение которых - моя специальность".

Тогда что же это было?

Самое простое объяснение было предложено подводным охотником и исследователем, по фамилии Линк-латер. Он считал, что Ле Серрек, возможно, видел массу рыб catfish (т. е. "рыба-кот", семейства морских сомов) в процессе миграции. "Я не сомневаюсь,- заявил он,- что скопление большой массы таких рыб издали можно принять за монстра вытянутой формы".

Мистер Дж.-М. Сантер считал в свою очередь, что "монстр", скорее, был образован скоплением огромного количества мелких кальмаров. Эта гипотеза базировалась на фильме Ханса Хасса, который видел подобное образование, состоявшее из миллионов крошечных кальмаров.

На что ихтиолог Талбот и его коллега Дж. Уитли, его предшественник на посту смотрителя музея, ответили, что оба не знают в австралийских водах о подобном феномене, касалось ли это catfish или кальмаров. "Однако,соглашается д-р Талбот,- эта версия не выходит за пределы возможного. Некоторые морские животные могут собираться в большие скопления".

В Лондоне, в департаменте естественной истории Британского музея, д-р Гринвуд, эксперт по морской биологии, восстал более категорично против теории о скоплении рыб, указывая, что они собираются обычно в форме сферы, а не в форме змеи. Д-р Гринвуд также добавил, что, когда маленькие животные собираются подобным образом в большие скопления, вне их всегда остается множество отдельно плавающих особей, которых можно было бы различить на фотографии.

Нет необходимости говорить, что и сам Ле Серрек, различивший у животного глаза, рот и кольца на теле, не принял эту гипотезу.

По его мнению, речь могла идти, скорее, о каком-то случае гигантизма неузнанного малоизвестного животного.

Правда, после тщательного изучения и анализа описания удалось сузить круг возможных претендентов на роль этого обескураживающего вида существа.

Мы с Иваном Сандерсоном сделали это, каждый со своей стороны (Атлантического океана), без взаимных консультаций.

Мы оба посчитали установленным, что речь идет о позвоночном (хотя это, конечно, не абсолютно точно). Из позвоночных это не могла быть птица, но это, скорее всего, и не млекопитающее (ввиду полного отсутствия конечностей и белого цвета

внутренней поверхности пасти). Только незначительный шанс есть у этого существа оказаться рептилией (из-за его высокого лба) и еще меньше шансов - амфибией (из-за его морского места жительства - по Сандерсону, из-за своих размеров, по-моему. Короче, мы оба пришли к убеждению, что речь идет о рыбе. Все черты, упомянутые в рассказе, можно найти у того или другого вида рыб. Но затем наши пути разошлись.

Приняв во внимание общую форму монстра и вспомнив очень кстати о гигантском лептоцефале "Даны", Иван подумал сначала об угре. Но у угря дыхательные отверстия явно обозначены и их легко заметить, а голова совсем не шире тела. Тогда мой заокеанский коллега вспомнил о семействе змееподобных рыб, которых иногда называют по-английски "swamp eels" (болотные угри), но на самом деле угрями (отряд безногих) не являющихся. О месте этих рыб в классификации ученые еще спорят. Они обитают практически во всех тропических водоемах со стоячей водой в Америке, Африке и Азии, но существует и морская форма очень небольших размеров (*Macroterna caligans*) в малайзийских водах. Их самая характерная черта: жаберные щели расположены на нижней части головы, а у некоторых видов вообще сливаются в одно отверстие. Отсюда их название одножаберные".

Своим внешним видом - увеличенной головой, за которой следует более тонкое цилиндрическое тело, заканчивающееся утончающимся хвостом; полным отсутствием парных плавников; вырождением спинного и брюшного плавников в рудиментарный гребень; гладкой кожей и, наконец, невидимым со стороны дыхательным отверстием, особенно когда лежит на дне, она почти полностью соответствует описанию морского змея Ле Серрека.

Единственное несоответствие в этой гипотезе - никто еще не видел ни одного экземпляра болотного угря размером больше одного метра (морские виды едва достигают 20 см!). Сандерсон попытался отвести это препятствие: "Если небольшие речные дельфины пресных рек размером 1 м 80 см (*Inia* и т. п.) могут иметь гигантских родственников в океане (как, например, великана голубого кита 30 метров длиной), почему маленький болотный угорь (*Monopterus albus*) Юго-Восточной Азии не мог бы иметь гигантских кузенов в море?" Эта параллель между китообразными и одножаберными мне кажется некорректной и трудно защитимой. Ведь если можно найти виды китообразных всех промежуточных размеров между дельфинами длиной 1 метр и тридцатиметровым китом, то в нашем случае неизвестен ни один вид ни живой, ни вымерший, от одного метра до предполагаемого гиганта в 25 метров. Как я уже говорил, Природа не делает больших скачков...

Свои собственные исследования я начал, приняв во внимание размеры животного, а не его форму. Конечно, я тоже подумал об угрях - змееподобных существах, лишенных иногда конечностей и с гладкой кожей,- но вспомнив не только о гигантском лептоцефале "Даны", но также и о том, что среди них встречаются экземпляры длиной до 3 метров. Потом я обратился к классу животных, среди которых встречаются настоящие великаны в царстве рыб,- к хрящевым рыбам.

У этих рыб не только явно просматривается тенденция к гигантизму (вспомните китовую и гигантскую акул, ската манту и т. п.), но и стремление к приобретению змеевидной формы. С другой стороны, по словам очевидцев, кожа монстра была скорее похожа на шкуру акулы, чем угря, а рот находился на нижней части головы, что очень характерно для хрящевых рыб. Наконец, из всех рыб некоторые акулы (в частности Белая акула) единственные имеют вертикальные щелевидные зрачки.

Любопытная форма чудовища острова Уитсанди в виде головастика также встречается у хрящевых рыб. Ее мы видим не только у рыбы-торпеды (*Torpedo*), но и у рыбы-гитары (*Rhinobatus*), вид которой, обитающий у берегов Индокитая, достигает 3-метровой длины. Заметим также, что у них у всех жаберные щели расположены на нижней половине тела и не видны, когда рыба прижимается ко дну.

Единственная серьезная нестыковка в этой гипотезе - хрящевые рыбы, в отличие от нашего монстра, все имеют плавники, хотя у некоторых видов они и не очень большие.

Пункт, в котором точки зрения Ивана и моя снова сошлись,- это вероятный пищевой рацион морского змея Уитсанди. Не имея зубов или с очень неразвитыми зубами он, скорее всего, должен питаться планктоном, как большинство из морских гигантов и среди китообразных, и среди рыб или, точнее, среди хрящевых рыб (очко в мою пользу!)

Несмотря на мои личные предпочтения, я бы хотел, из сентиментальных соображений, чтобы победила точка зрения Ивана Сандерсона. Вспомним, что первый человек, который предположил (в 1817 г.), что один из видов морского змея мог принадлежать к одножаберным, был не кто иной, как наш старина Рафинеск...

Я бы хотел, чтобы появилось новое доказательство гениальности первого зоолога в мире, признавшего в морском змее объект, достойный изучения наукой.

МОРСКОЙ ЗМЕЙ, НАКОНЕЦ, КЛАССИФИЦИРОВАН И РАЗЛОЖЕН ПО ПОЛОЧКАМ (1965)

Наконец вы познакомились с полным досье морского змея. Теперь вы знаете о нем больше, чем кто бы то ни было до этого. До сегодняшнего дня, за исключением

Понтоппидана и Удеманса, все авторы, рассматривавшие эту проблему, оказывались слишком фрагментарными, то ли из-за отсутствия достаточной информации, то ли из-за того, что находились в плену предвзятой идеи. Они использовали только те факты, которые подтверждали их собственную идею, что приводило к расколу общей картины. '

Много воды протекло под палубами кораблей с героического времени Понтоппидана, и много морских змеев проплыли в той. воде, так что за три прошедших века научная документация о нем святого прелата оказалась намного богаче. Даже такому монументу, как книга Удеманса, исполнилось уже больше семидесяти лет и он грозит разрушиться. Мне удалось еще немного обогатить его и так богатую информацию сведениями, поступившими после 1892 года.

Цели настоящей книги

Чтобы предупредить любую возможную критику, я пытался придать своей книге исчерпывающий характер по двум понятным причинам.

Во-первых, я старался базировать свои выводы на возможно большем количестве наблюдений. Сэр Артур Конан Доил очень справедливо показал в своих книгах, что для человеческого разума степень достоверности того или иного объекта или события является функцией от количества свидетельств. "Если бы, например,- писал отец Шерлока Холмса,- окапи был бы убит всего один раз в Африке, его существование, основанное на свидетельстве одного охотника, можно было бы поставить под сомнение. Если бы десять человек говорили, что они убили окапи, доказательства его существования были бы уже серьезными. Если бы об этом сообщили пятьдесят человек, они бы стали убедительными".

Я смог собрать на этих страницах в десять раз больше свидетельств о морском змее, и исходили они как от одиночных очевидцев, так и от целых групп наблюдателей, иногда насчитывавших до ста человек, зато эти многочисленные свидетельства относятся к в десять раз большему числу различных типов животных. Если посылка сэра Артура верна, мы должны принять, что мои доказательства не менее убедительны.

Я также старался быть исчерпывающим, чтобы оградить мою работу от всяческих подозрений в предвзятости. Полная объективность достигается только в результате публикации всех без разбору известных сообщений, без какой бы то ни было предварительной цензуры; всех случаев, трудолюбиво собранных вместе за долгие годы упорного труда. Таким образом, в ваше распоряжение предоставлены все сведения,! относящиеся, по-моему, к проблеме морского змея> и Даже те, которые

могли бы к нему относиться.

"De omni re scibttb,-заявлял Пик из Мирандоля, когда хотел сказать о широте своих интересов, на что Вольтер отвечал иронически: ".et quibusdam aliis". То же самое и в этом случае. Я рассказал вам все, что мне известно, не только о морском змее, но также и о "некоторых других" морских чудовищах, о всех крупных морских неопознанных животных. Потому что всегда, когда очевидцы встречали подобное животное, они считали, что видели великого морского змея. Почему змея? Ведь ни один из них не является настоящей змеей. Во-первых, потому, что они казались змееподобными, но и потому, что обычно человек подсознательно почти все неизвестное считает враждебным, а змея всегда казалась самым воплощением Зла.

Я сказал, что они "казались" змееподобными, но были ли они таковыми на самом деле? И если были, то в какой мере? Действительно, до какой степени это сходство простиралось?

Иногда, оно ограничивалось только общим контуром тела, крайне вытянутого, как у змеи, но такое тело и у червей, у моллюсков вроде гигантского кальмара, у рыбы-ремень, у различных угрей или некоторых видов акул, а также у амфибий типа доликосомы, у рептилий, например мезозавра, эласмозавра или морского крокодила, и, наконец, у млекопитающих вроде выдры или зеглодона. Иногда сходство со змеей ограничивалось головой и шеей (остальная часть тела была скрыта под водой). На этом основании можно было бы считать, что некоторые черепахи, плезиозавры, птицы, например лебеди, и даже жираф тоже являются змееподобными. Иногда только хвост напоминал змею, как у некоторых скатов. Наконец, во многих случаях сходство между неизвестным животным и змеей состояло только в извивающемся движении или в иллюзии такого движения, производимой рядом спинных горбов,- как оказалось, большинство свидетелей даже не знали, что змеи никогда не "змеются" в вертикальной плоскости...

Известно, что увеличение размеров водного животного обязательно сопровождается крайним удлинением его тела, поэтому можно уверенно утверждать, что ВСЕ самые крупные морские животные в какой-то мере змееподобные, хотя бы частично. И попытки представить их чудовищными змеями должны быть очень понятны, когда происходит встреча с животным незнакомым или неузнанным. Вот почему настоящая книга, которая, судя по названию, должна ограничиваться изучением только одного неизвестного морского животного, на самом деле дополняет и продолжает в морской сфере мою предыдущую работу.

Если вспомнить, что в этой книге на самой солидной базе доказывалось существование на континентах и островах почти тридцати достаточно крупных животных различных видов, еще неизвестных официальной науке, то можно с меньшим недоверием и подозрением смотреть на мою попытку установить здесь существование едва десятка видов больших неизвестных животных в океанских, практически неисследованных, глубинах. Правда, разумные люди имеют полное право принимать мои выводы с крайней осторожностью и осмотрительностью.

Я не претендую здесь на окончательное решение проблемы великого морского змея, но по крайней мере надеюсь, я ее серьезно затронул. Пятно света лучше, чем потемки, сказал бы, быть может, Мильтон. Чтобы по-настоящему залить светом проблему во всей ее сложности, даже не имея возможности рассмотреть останки различных животных, о которых идет речь, надо было бы собрать еще больше новых свидетельств, достоверных и точных. Я, однако, далек от того, чтобы считать, что мне удалось собрать все наблюдения за прошлые годы. Когда приступаешь к такой теме, почти безграничной во времени и пространстве, по крайней мере в масштабах нашей планеты, надеяться на исчерпывающий результат было бы утопией. Многие читатели, без сомнения, мне еще напишут и сообщат о встречах с морским змеем, ускользнувших от моего внимания. Я их настоятельно к этому приглашаю, так как в работе,

основанной на статистике, ценность результатов зависит от объема собранных сведений. Таким образом, и в криптозоологии чем больше наблюдений собрано, тем точнее будет портрет еще неизвестного животного. Это в конечном счете и есть цель данной книги, которую мы и старались реализовать в свете нашего досье.

Анализ информации

Я не только пытался найти в этом деле золотую середину между тем, что отец Жак д'Отун уже в XVII веке называл "ученым недоверием и невежественной верой". Я хотел бы отличить то, во что можно было бы разумно поверить и в то же время избежать влияния всякой предвзятой идеи, способной исказить выводы нашего расследования. Для этого надо проанализировать все собранные материалы, затем их систематизировать, чтобы можно было проводить сортировку автоматически, поручить ее, если можно так сказать, машине.

Довольно литературы! Хватит рассказов о драматических историях, красочных описаний фантастических, иногда вызывающих смех созданий, бесконечных дискуссий! Пришло время точности и сопровождающих ее сухих фактов, сводных таблиц и статистических выкладок. Читатель, на которого научные выкладки навевают скуку, а методология не кажется важным делом, может с легким сердцем сразу перейти к результатам. Конечно, в этом случае он должен полностью довериться мне. "Вы знаете, дорогой Ватсон, мои методы".

Мы должны выделить в каждом случае все детали, которые могут пролить хоть какой-нибудь свет на неизвестных животных, а затем классифицировать их таким образом, чтобы можно было затем эти сведения закодировать и подвергнуть машинной обработке. В нашей книге мы рассмотрели 548 случаев наблюдений неизвестного крупного животного.

Сначала следует отметить точное место встречи, время года и количество увиденных одновременно животных. Для каждой особи показать общий внешний вид, который, кстати, не всегда напоминает, как можно было бы подумать, змею, а иногда - червя, гусеницу, угря, крокодила или черепаху, тюленя, собаку, иной раз даже птицу. Затем следует указать предполагаемую длину животного, уточнив, видели его полностью или частично, размеры определены в сравнении с каким-нибудь предметом или это приблизительная оценка; кроме того, необходимо сказать об относительной длине и пропорциях различных частей тела. Затем внимательно рассмотреть каждую деталь.

Начать с головы. Указать ее размеры, пропорции и форму, вспомнить, какое из известных животных могло бы послужить образцом при описании. Потом зафиксировать следующие важные подробности. На какую высоту животное поднимало голову и какой угол она образовывала с шеей и с остальной частью тела. Видны ли были глаза. Если да, то какого они были размера. Какой формы, цвета и их расположение. То же самое для ноздрей или дыхательного отверстия, а также рта. Какой он формы - узкий или его разрез достигает уровня глаз. Был ли он открыт и видны ли были зубы и какие. Виден ли был язык. Были ли на голове уши, рога или какое-нибудь другое украшение: гребень, усы, борода, зоб.

Следующая деталь - шея, если она была, конечно. Определить ее форму, расположение, в частности наклон относительно поверхности воды, изгиб и гибкость, и, наконец, пропорции. (Можно условиться, что шея считается . короткой, если ее длина не превышает ее диаметра; средняя - когда длина в 2-3 раза больше диаметра, и длинная - если первый размер в 4 или более раз превышает второй.) И последнее: были ли на шее жаберные щели, грива, длинная и развевающаяся или короткая и торчащая, зубчатый гребень или воротник.

Какого вида тело? Его размеры, пропорции и форма. Спина покрыта панцирем или с длинным плавником. Была ли она украшена гребнем, или рядом из нескольких зубчатых плавников, или горбами, более или менее многочисленными. Из чего могли

состоять по внешнему виду эти органы и украшения.

Видны ли были конечности. Сколько их было, одна или две пары, а может быть, больше. Были они суставчатыми, имели ли пальцы и перепонки, когти или одновременно и то и другое. Или, может, они полностью трансформировались в ласты-плавники.

Этот анатомический обзор заканчивается, конечно, хвостом, если он есть. Указываются его размеры, пропорции и форма. Утончается ли он к концу и заканчивается ли острым углом или закруглением. Приплюснутый он или раздвоенный в виде вилки. Имеет на конце две лопасти или несколько. Наконец, если хвост уплощенный и расширяющийся, расположен он вертикально или горизонтально.

Затем определяется внешний вид кожного покрова. Казался ли он гладким, шершавым или изборозженным морщинами. Покрыт ли редкими волосами или густой шерстью, закрыт ли панцирем или чешуей. Если есть чешуя, то какого она размера, как расположена, какой формы. Какого цвета кожа. Цвет везде одинаковый, или были видны пятна, разводы, полосы. Одинаков ли он на верхней и нижней части тела.

Сформулировав таким образом анатомические особенности каждого животного, следует приступить к анализу его физиологии. Среди других деталей необходимо отметить характер его движения. Двигалось оно прямолинейно - и, следовательно, движение обеспечивалось только конечностями - или более или менее заметно извивалось. Тело извивалось в вертикальной или горизонтальной плоскости или, возможно, в обеих этих плоскостях. Голова раскачивалась с боку на бок или вперед-назад. Какова была скорость животного. (Бе также можно разделить на три категории: медленную - меньше 10 км/час, среднюю - от 15 до 20 и быструю больше 25 км/час.)

Сюда надо добавить некоторые менее значимые физиологические детали, которые иногда упоминаются в отчетах очевидцев: выбрасывало ли животное при дыхании фонтан пара, как большой кит? Испускало ли животное крики. Распространяло ли специфический запах. Гналось ли оно за добычей или, может быть, его видели в процессе поглощения пищи.

Осталось отметить некоторые черты животного, которые могли бы указать на его психологические особенности (убегает ли оно при встрече, что говорит о его боязливости или дикости, или оно пыталось, наоборот, приблизиться, что указывает или на агрессивность, или на любопытство); а может, были видны какие-нибудь признаки патологического состояния (некоординированные извивы, спазматические движения, рвота и т. п.).

Чистка, синтез и кодирование

Покончив с анализом сообщений, приступаем к поиску и исключению из них фальсификаций. В общем случае это нетрудно сделать с первого взгляда. Мы уже говорили, что они легко выдают себя. Противоречия в многочисленных деталях. делают некоторые сообщения слишком неправдоподобными, слишком отклоняющимися от всяческой 'нормы' (выходящими за кривую Гаусса, говоря языком статистики) или представляют собой набор несовместимых друг с другом черт. Однако необходимо заметить, что некоторая экстравагантность, например в размерах, может не обязательно означать, что животное было выдуманно от начала до конца: ошибка могла быть результатом неопытности наблюдателя - особенно это относится к определению расстояний и размеров в море - или просто неосознанного стремления к преувеличению (очень человеческое качество, слишком человеческое).

Таким образом были выявлены 54 более или менее явные фальсификации. Так как две из них включают несколько наблюдений (один раз - 6, другой - 3) можно считать, что только 47 бесспорных мистификаций закралось в наше досье.

После мистификаций необходимо избавиться от ошибок. В нашем досье их можно насчитать 52. В это число входят не только очевидные ошибки, когда за

морского змея принимают известное животное, но также и возможные ошибки, которые могут, смешавшись с достоверными данными, исказить окончательные выводы.

Поэтому придется с такой же подозрительностью отнестись к группе, увы слишком большой, неконкретных наблюдений, лишенных каких-либо деталей: ко всем тем, где сообщается только о встрече с "морским змеем" или "морским чудовищем, похожим на гигантскую змею". В лучшем случае сообщается о его размерах. Таких наблюдений 116 из 548. Но все же очень маловероятно, чтобы среди этих сообщений было много умышленных фальсификаций: настоящая мистификация всегда чрезмерна, переполнена конкретными деталями, чтобы казаться достоверной и ввести в заблуждение, она по природе своей должна быть очень детализирована (часто "слишком" подробна, что ее и выдает). Нет, эти сообщения обычно делаются с добрыми намерениями. Отчеты об этих встречах не содержат слишком много сведений, скорее, потому, что сделаны они людьми, неспособными правильно оценить или передать то, что видели, а иногда потому, что мы их получили из вторых или третьих рук. Я уверен, многие случаи могут еще быть дополнены. Свидетельства, относящиеся к ним, возможно, находятся в публикациях, к которым я не нашел доступа, или они - касаются недавних случаев и сами очевидцы, посчитав это своим долгом, скоро могут прислать мне необходимые уточнения.

Среди этих 116 неясных случаев будет некоторое число, в которых неизвестное животное невозможно отнести к определенному типу морского змея. Они не могут дать нам новые элементы ни для каждого из морских змееподобных в отдельности, ни всем им вместе, но, так как в них часто сообщается о времени и месте встречи, они могли бы, если нет явных противоречий другим 'свидетельствам, помочь пролить свет, хотя бы в качестве побочного подтверждения, дать дополнительные сведения о географической зоне распространения неизвестных крупных морских животных. А также о благоприятном времени года для наблюдений за ними, о возможных путях миграции.

Таким образом, вся наша работа по классификации будет основываться на 326 случаях, оставшихся после отсева мистификаций, ошибок и туманных сообщений. В описаниях этих животных всегда содержатся некоторые значимые детали. Среди них есть и очень подробные, позволяющие получить ясное представление, и даже в некоторых случаях рассказы сопровождались рисунками, более или менее удавшимися. Их синтез должен позволить устранить видимые противоречия, среди прочих и такие, как наличие или отсутствие каких-либо характерных особенностей, и, с другой стороны, выявить черты всегда присутствующие. Машинный анализ сводных таблиц, в которых отображены различные признаки, автоматически выявит существование различных отличающихся друг от друга типов морского змея.

Разделяя неизвестных животных на типы на основании только внешнего вида, надо отдавать себе отчет, что животные, даже одного рода, могут иметь анатомические отличия, иногда довольно значительные, в зависимости от возраста или пола. Только имея перед собой общую картину, включающую множество других общих деталей (элементы физиологии, поведения, география распространения и т. п.), можно увидеть то, что является следствием возрастных метаморфоз или полового диморфизма.

Каким же образом происходит разделение на определенные типы? В каждом из них выявляется то, что мы называем определяющими признаками, то есть оригинальные черты, принадлежащие только этому животному, по которым его можно сразу узнать. Эти особенности могут быть как позитивными, так и негативными, то есть указывать на наличие или отсутствие каких-либо признаков. Другие черты, которые присутствуют у двух или нескольких типов, считаются дополнительными признаками. Отметим, однако, что два дополнительных признака или больше - могут стать основными, когда они присутствуют вместе у одного животного, и в этом случае

они образуют сложный определяющий признак (двойной, тройной и т. д.).

Опираясь на определяющие признаки, простые или сложные, нам удалось выявить 9 типов неизвестных науке крупных морских животных, которых очевидцы описывали или которых можно было бы описать как морского змея. Эта работа выполняется механически, если предварительно все данные занести на перфорированные карточки. На основании простых и двойных определяющих признаков мы разделили неизвестных животных на 9 различных типов.

Самое поразительное, что полученные результаты открывают перед исследователем множество сюрпризов, которые идут иногда вразрез с выводами, полученными после самого тщательного изучения досье. Но надо понимать, что невозможно держать в голове все аспекты и все стороны такой огромной и сложной проблемы. Так, для меня лично удивительным оказалось то, что тип с длинной шеей и тип с гривой не могут быть различными формами одного вида, отличающимися полом или возрастом, так же как и многогорбый морской змей, известный в Новой Англии, не может быть родственником супервыдры норвежского побережья. Напротив, оказывается, что животное, появляющееся на поверхности в виде ряда треугольных плавников, не кто иной, как морской змей, известный нам под названием Дракон бухты Алонг.

Девять типов морского змея

Я хотел бы предварительно обозначить отдельным именем каждый из 9 различающихся типов и перечислить определяющие признаки, послужившие для их определения.

Ничего удивительного, что среди них нет признаков, относящихся к географическому месту: очевидно, что определенные типы были замечены в ограниченных океанских зонах. Но если география места встречи, возможно, и поможет в двусмысленных случаях узнать некоторых животных, плохо виденных или плохо описанных, такая деталь не может служить критерием. Действительно, когда нельзя опереться на достаточно большое число наблюдений, было бы неосторожно строго утверждать, что животное обитает именно в этом районе. В океане мы привыкли встречать время от времени представителей известных животных достаточно далеко от их обычной зоны обитания.

Перед вами результат сортировки 326 наблюдений морского змея, которые могут быть приняты к рассмотрению и содержат значимые детали. В этой классификации типы морского змея расположены в порядке убывания числа наблюдений, относящихся, по всей видимости, к тому или другому животному.

Змей с длинной шеей (42 случая наблюдений)

Шея длинная или очень длинная, составляющая тупой угол с головой.

Большой жирный горб вдоль спины, который может состоять из двух или трех близкорасположенных горбов.

Отсутствие хвоста или хвост такой короткий, что кажется обрубок.

Два рога на голове (и то не всегда).

Цвет пятнистый + длинная шея.

Большая скорость (больше 25 км/час).

Морской конь (33 случая)

Длинная развевающаяся грива.

Тонкая, средней длины шея + спина с единственным изгибом.

Очень большие глаза. Густая шерсть на морде, усы.

Многогорбый змей (30 случаев)

Ряд спинных горбов приблизительно равных размеров.

Тонкая, средней длины шея + спинной плавник (не всегда присутствующий).

Глаза маленькие, но выпуклые + овальная голова с широкой мордой.

Цвет с явно различимой контрастностью (почти черная верхняя половина и

белая нижняя).

Белые полосы по бокам шеи.

Двухлопастный хвост + тонкая, средней длины шея.

Многоплавниковый змей (21 случай)

Множество треугольных плавников, собранных в очень длинный гребень.

Тонкая короткая шея + видимый фонтан при дыхании. Глаза маленькие, но выпуклые + глаза круглые. Ажурный гребень на спине + короткая шея. Цвет пятнистый + короткая шея.

Супервыдра (13 случаев)

Тонкая, средней длины шея + длинный, утончающийся к концу хвост.

Множество вертикальных изгибов тела (от 3 до 6, плюс расходящийся волнистый след).

Цвет равномерный светлый (серый или бежевый).

Гигантский угреподобный змей (12 случаев)

Длинная шея (по-настоящему змееподобное тело), переходящая в голову.

Длинный утончающийся хвост + длинная шея.

Большие, заметные глаза + длинная шея.

Выскакивает из воды, потом падает, поднимая тучу брызг.

Океанский ящер (4 случая) Внешний вид крокодила + обитает в океане.

"Отец-Всех-Черепаш" (3 случая) Внешний вид черепахи + огромное тело.

Желтый змей (3 случая)

Желтый цвет + черные полосы (одна продольная, вдоль хребта, другие поперечные, по бокам).

Нет ничего удивительного в том, что, как можно заметить, у типов, основанных на меньшем числе наблюдений и поэтому имеющих мало деталей, число определяющих черт крайне мало. Отсюда понятно, почему такие типы морского змея могут быть самого странного вида,- просто они могут включать черты нескольких различных животных, к тому же не обязательно родственных между собой.

Причины для сомнений и общие выводы

Как видим, наблюдения, относящиеся с большой долей уверенности к одному из девяти различных типов, составляют только 161 случай, едва половину от общего количества. Из-за неполного, неясного или неудачного характера многих описаний остальные оказались двусмысленными и с трудом поддаются классификации. Причины неуверенности различны, и ниже мы приводим основные из них.

Впечатление цепочки горбов может быть произведено:

- 1) изгибами тела в вертикальной плоскости очень длинного животного;
- 2) изгибами в горизонтальной плоскости длинного животного, плывущего на боку;
- 3) наличием на спине, вдоль хребта, массивных горбов или воздушных мешков;
- 4) образованием поперечных складок на очень жирном теле;
- 5) возникновением складок на теле животного, плывущего с большой скоростью, в результате турбулентных процессов.

Впечатление "перископа" может быть произведено:

- 1) очень длинной шеей, возвышающейся над массивным телом;
- 2) змеевидным телом, вертикально поднявшимся из воды.

Впечатление раздвоенного в горизонтальной плоскости хвоста может быть произведено:

- 1) таким хвостом, обычным для китообразных;
- 2) парой задних перепончатых конечностей, расположенных горизонтально.

Впечатление раздвоенного в вертикальной плоскости хвоста может быть произведено:

- 1) таким хвостом, обычным для рыб;
  - 2) парой задних перепончатых конечностей, развернутых вертикально.
- Упоминание о лошадиной гриве может означать:

- 1) наличие длинной плавающей гривы, похожей на гриву у большинства пород домашних лошадей;
- 2) короткой и торчащей гребенки жесткого волоса, вроде стриженной гривы у скаковых лошадей или природной у диких (лошадь Пржевальского).

Упоминание о больших глазах может означать:

- 1) действительно большие глаза, как у многих животных, ведущих ночной образ жизни (например, среди морских обитателей такие глаза у гигантских кальмаров);
- 2) глаза небольшие, но выступающие над головой, выпуклые (как у крокодилов и гиппопотамов).

Упоминание об одном спинном плавнике может означать:

- 1) действительно наличие одиночного спинного плавника;
- 2) передний или задний боковой плавник, появившийся над водой в результате переворота вокруг оси;
- 3) верхнюю лопасть раздвоенного, вертикально расположенного хвоста;
- 4) одну из лопастей раздвоенного, горизонтально расположенного хвоста, появившегося над водой во время переворота вокруг продольной оси.

Вид гладкой кожи может быть произведен:

- 1) действительно гладким и голым кожным покровом;
- 2) короткой густой шерстью, мокрой и прилипшей к телу.

Вид шершавой кожи может быть произведен:

- 1) морщинистой кожей или кожей, покрытой бугорками;
- 2) гладкой кожей, облепленной паразитами.

Вид кожи, покрытой чешуей, может быть произведен:

- 1) настоящими чешуйками;
- 2) поверхностными роговыми пластинками;
- 3) рисунком на коже или шерсти.

Цвет может изменяться:

- 1) в зависимости от географического места обитания;
- 2) в зависимости от оттенков цвета воды или неба.

В большинстве случаев эти причины не могут играть принципиальной роли, решающим является наличие одного или нескольких простых и сложных определяющих признаков. Но дополнительные признаки нам помогают рассеять те или иные возникающие сомнения. Так, в некоторых двусмысленных случаях география места встречи может склонить чашу весов в сторону одного типа, часто встречающегося в данном месте, а не в сторону другого, совершенно чужого в этих водах. Иногда поведение встреченного животного позволяет отбросить сомнения с более или менее твердой уверенностью. Но рядом со случаем явной принадлежности к определенному типу возможно состояние "вероятной" принадлежности.

Таким образом, неизбежно некоторое число сообщений совершенно смешанных, и особенно в случае морского змея, описываемого в виде "перископа". В самом деле, очень трудно, особенно если этот "перископ" не имеет сгибов, определить, является ли поднимающаяся из воды часть животного передней частью тела большой угреобразной рыбы или животного с длинной шеей (млекопитающего или рептилии), голова которой случайно вытянута по оси шеи. Эти разные случаи будут классифицированы под названием "различного вида перископы".

В конце концов останется только небольшое число непонятных случаев, необъяснимых или очень сомнительных, для которых не удалось найти ответа на вопрос: относятся они к мистификациям, ошибкам или встрече с особенным, может

быть, единственным видом животного, которое не подходит ни под один из 9 определенных нами типов.

Вот как выглядит сводная итоговая таблица всех наблюдений, принятых нами к рассмотрению после сортировки и классификаций.

Результат сортировки

116 наблюдений неясных, сомнительных? 54 сообщения, относящихся к 47 мистификациям 52 очевидные или вероятные ошибки 71 Тип с длинной шеей (42 ясных + 29 вероятных) 66 Морской конь (33 + 33) 53 Многогорбый (30 + 23) 39 Разного вида "перископы"? 25 Супервыдра (13 + 12) 24 Многоплавниковый (21 + 3) 20 Гигантский угреобразный (12 + 8)

9 Океанский ящер (4 + 5)

6 Желтый (3 + 3)

3 Отец-Всех-Черепаш (3 вероятных наблюдения) 10 наблюдений непонятных, необъяснимых или подозрительных??

ВСЕГО: 548

Остается теперь тщательно описать различные типы морских неизвестных животных, существование которых автоматически выявлено статистическими методами. На этот раз здесь будут фигурировать ВСЕ их признаки анатомические, физиологические, психологические, это-логические и т. д., отмеченные очевидцами, короче, все характерные черты, названные нами определяющими. И чем больше наблюдений имели совпадающие пункты, тем выше уровень вероятности.

В описании этих типов мы будем придерживаться порядка, смысл которого станет понятен в дальнейшем.

Супервыдра

Анатомия

Морское животное значительных размеров, сравнимых с размерами крупных китообразных, но форма тела которых, скорее, напоминает выдру, что, конечно^ не означает близкое родство с этим видом животных с точки зрения зоологии.

Голова приплюснута сверху, но вытянутая морда

придает ей заостренную форму. Она иногда похожа на голову ушастого или настоящего тюленя. Глаза маленькие и почти неразличимые, а зубы, наоборот, иногда видны, так как животное достаточно часто открывает пасть.

Шея тонкая, но не очень длинная (средней длины). Хвост, напротив, очень длинный и кончается острым концом. Все тело животного чрезвычайно вытянутое. Его позвоночник должен иметь очень большую гибкость; ведь когда животное плавает, извиваясь в вертикальной плоскости с относительно частыми изгибами, на поверхности показываются от 6 до 7 "волн" тела, включая голову. Некоторые свидетели говорят о еще большем числе изгибов (10, иногда 25 или даже 70), но, вероятно, они приняли за изгибы тела волны, поднятые животным, и в этом случае его размеры преувеличены сверх всякой меры (до 60, 100, 200 и даже 400 м).

Две пары его лап имеют ясно различимые пальцы, с мощными перепонками между ними. Очевидцы иногда их видели благодаря кульбитам животного.

На спине нет никаких украшений: ни гребня, ни плавников, ни горбов.

Кожа кажется шершавой или морщинистой. Некоторые свидетели считали, что она покрыта панцирем: однако один из очевидцев, который наблюдал змея с близкого расстояния, назвал его "мохнатым". Она должна была быть похожа на шкуру моржа или морского слона. Цвет ее к тому же такой же коричневато-серый, относительно светлый и равномерный, как и у этих двух видов ластоногих.

Длина животного колеблется между 20 и 30 метрами, но из-за поднимаемой им волны трудно рассмотреть заднюю часть тела, поэтому ему часто приписывают экстравагантные размеры.

Поведение и образ жизни

Один раз было описано, как животное дышит. Это сделал Ханс Эггеде, и он же единственный, кто встретил его в северных водах. Воздух выходил не из дыхательного отверстия на макушке головы, а из пары ноздрей на конце морды. Дыхание становилось видимым, скорее всего, только благодаря конденсации пара при контакте теплого выдыхаемого воздуха с холодным атмосферным этого района. (У китообразных "фонтан" виден на всех широтах из-за быстрого падения давления выдыхаемого воздуха, сжатого в легких при нырянии на большую глубину, и содержит капельки жира.)

Исходя из анатомии, его способ плавания должен быть похож на тот, которым передвигается выдра. Обладая большой гибкостью и при отсутствии органов стабилизации животное должно двигаться извиваясь. Главная составляющая колебаний, очевидно, находится в вертикальной плоскости; иногда животное может продвигаться вперед "штопором".

Так как оно имеет четыре лапы, претерпевшие мало изменений за время морской жизни, можно предположить, что животное ведет преимущественно прибрежный образ жизни в верхних слоях океана или над континентальными плато. Его однородная окраска указывает на морской образ жизни.

География обитания

Супервыдра - самый северный из всех видов крупных змееподобных. Ее встречали в основном вдоль побережья Норвегии, от мыса Норд до Нордфиорда, один раз даже в фиорде Осло, а также ее видели вблизи Гренландии. Все встречи без исключения произошли летом.

В северном полушарии это животное видели только в области океана, расположенной между изотермами $+5^{\circ}\text{C}$ и -5°C , чаще когда стояла наиболее высокая температура.

В общем, возможно, речь идет о животном, обычно обитающем в холодных водах - его значительные размеры, без сомнения, это ему позволяют. В более теплые места он заплывает только летом, вероятно для размножения. Для выживания потомства, хуже приспособленного к борьбе с холодом из-за своих небольших размеров, нужны, очевидно, более благоприятные условия. Здесь надо заметить, что в трех случаях у берегов Норвегии видели одновременно двух животных.

Вероятно, именно благодаря этим летним миграциям, связанным с продолжением рода и похожим на такие же у китообразных, удалось встретить этих супервыдр. Почти полное отсутствие сообщений о встречах с ними в местах их обычного обитания без труда объясняется редкостью появления кораблей в зоне плавучих льдов.

Четвероногое строение указывает на недостаточно высокую адаптацию ее к морской жизни, не такую, например, какая видна у китов и даже у ластоногих, поэтому ее обитание в самых холодных морях очень логично. Из-за таяния льдов полярные моря наименее соленые и вода в них наиболее приближается по своим свойствам к пресной; кроме того, они наиболее насыщены кислородом. Эти воды представляют собой самую благоприятную среду, чтобы наземное животное могло приспособиться к водной жизни наиболее легко, и нет ничего удивительного, что именно здесь можно увидеть наименее приспособившегося к морской жизни, наименее изменившегося из всех морских млекопитающих - белого медведя.

Супервыдру видели после 1848 года только один раз, и, возможно, этот вид к сегодняшнему дню уже вымер.

Многогорбый змей

Анатомия

Морское, вытянутое в длину животное очень больших размеров. Легко узнаваемое по многочисленным горбам, украшающим спину по всей длине.

Голова овальная, приплюснутая в верхней части, закругленная,

расширяющаяся впереди в толстую морду, похожую на морду быка.

Шея тонкая, средней длины. На загривке иногда расположен небольшой треугольный плавник, который может являться отличительной чертой самца (или вырастать с возрастом, так как его обычно замечали у особей самого большого размера).

Хвост расширяется на конце и раздваивается, как у китообразных. Одна из его лопастей иногда появляется над водой, что заставляет считать, что он расположен вертикально, как у рыб, но на самом деле он, бесспорно, расположен горизонтально, так как движется в вертикальной плоскости.

Основания единственной пары грудных плавников иногда появляются из воды, когда животное поднимает шею на некоторую высоту над водой или совершает переворот вокруг оси.

Кожный покров описывается чаще всего гладким, но некоторые очевидцы говорят о нем как о неровном. Может быть, он покрыт паразитами, как спина кита-горбача. В некоторых случаях даже упоминается чешуя: может, она есть и на самом деле, но только на небольшом участке тела несколько ороговевших пластин, какие, возможно, были у *Archeocetes*.

Цвет нижней и верхней частей тела резко контрастный, что очень часто используется для маскировки у некоторых морских животных. Это характеризует их как обитателей морских плато. Голова и спина у них темно-коричневая, почти черная (цвета шоколада без признаков молока), а горло и брюхо чисто белого цвета. Есть также одна или две белые полосы по бокам шеи.

Размеры животного колеблются в основном между 18 и 30 метрами, в исключительных случаях он может достигать 35 метров, совершенно как у самых больших китов.

Поведение и образ жизни

Нет видимого дыхания.

Извивающееся в вертикальной плоскости тело с горбами производит эффект ползущей гусеницы - очень обескураживающая картина. Отсюда, очевидно, и название - животного "морской змей",- хотя и совсем несправедливое по причине вертикальных изгибов."

Скорость передвижения многогорбого на поверхности воды впечатляющая: она может достигать 35-55 км/час, иногда до 65 км/час, что очень значительно для животного таких размеров.

Иван Сандерсон полагает, что горбы животного в действительности являются гидростатическими органами - воздушными мешками, соединяющимися с гор* танью, которые животное может по своей воле надувать и сдувать. Они расположены между кожей и мышцами, как у орангутангов и гиббонов. Число этих воздушных мешков, размеры которых не могут по механическим причинам превышать определенные пределы, растет вместе с размерами животного. Таким образом объясняется большое различие в описаниях очевидцами как числа, так и относительных размеров пресловутых горбов.

Что касается их назначения, они могут служить, во-первых, емкостью для кислорода при нырянии на большую глубину, затем для компенсации огромного веса этих животных и, наконец, судя по их продольному расположению,- обеспечивать стабилизацию в воде и помогать избегать "заносов" и "бортовой качки".

Эта изобретательная теория очень соблазнительна, потому что все объясняет.

География обитания

Многогорбый змей встречается чаще всего вдоль восточного побережья Северной Америки, от Новой Земли на севере до Нью-Йорка, заметное предпочтение отдавая Массачусетскому заливу. На поверхности его видели по всей западной части северной Атлантики между изотермами +5°C и +10°C, но иногда встречался он и у

западного побережья Шотландии (изотерма $+10^{\circ}\text{C}$), а также на юге Исландии (изотерма $+5^{\circ}\text{C}$). Возможно, его туда заносил Гольфстрим. Не будем включать сюда два наблюдения тем более сомнительных, что они были сделаны в открытом океане, далеко от берега, на широте Тропика Рака (изотерма $+20^{\circ}\text{C}$): первое, неточное (могло относиться к типу с длинной шеей), - у Канарских островов, куда заворачивает одна из ветвей Гольфстрима; второе, менее двусмысленное, но правдивость его сомнительна, - в самом центре Мексиканского залива, где заканчивается еще один рукав Гольфстрима. Если очевидцы не лгут, речь, возможно, идет о заблудившемся животном, унесенном течением.

У берегов Новой Англии практически все наблюдения сделаны в разгар лета, в районе, где средняя температура не опускалась ниже $+22^{\circ}\text{C}$. Севернее, как с одной стороны Атлантики, так и с другой, его встречали чаще весной, один раз в начале осени и еще один раз - в середине зимы, во всяком случае НЕ ЛЕТОМ. Южнее, его, может быть (без полной уверенности), два раза видели в конце зимы и в начале весны, также не в летний сезон.

Все, что можно сказать на настоящий момент, не имея достаточного количества наблюдений: многогорбый - частый гость прибрежных вод Северной Атлантики, где он старается держаться теплого течения Гольфстрим. Летом он по каким-то причинам, пока неизвестным, откочевывает в умеренно холодные воды Новой Англии, перед тем как отправиться иногда еще севернее, иногда южнее, очевидно следуя за одной из выбранных им ветвей Гольфстрима.

Исключительный характер встреч с этим животным после начала XX века выдает редкость вида.

Многоплавниковый змей

Анатомия

Морское животное с вытянутым телом, характерной особенностью которого является особая форма боковых отростков, имеющих вид $\wedge$ многочисленных плавников.

Голова круглая, похожая на голову моржа, тюленя или коровы. Глаза маленькие, но выступающие, расположены достаточно высоко на голове, как у гиппопотама. Ротовое отверстие находится на нижней части головы и имеет такой широкий разрез, что его иногда сравнивают с черепахой. Ноздри явно выражены, располагаются на конце морды и окружены волосами.

Шея тонкая, но короткая. Тело очень вытянутое, и вдоль спины по хребту тянется невысокий пилообразный, зубчатый гребень.

Грудные плавники видны только в исключительных случаях. Хвост сплюснен в горизонтальной плоскости, но не очень длинный. На конце имеет три лопасти и похож на хвост креветки или лангуста.

Животное часто показывает из воды ряд из 4-12 треугольных плавников, наклоненных вперед. Их наклон, совершенно ненормальный, указывает, что это не спинные плавники, так как это противоречило бы законам гидродинамики. Вероятнее всего, речь идет о боковых отростках на теле, таких же, какие, возможно, были у некоторых *Archeocetes*. Эта боковая бахрома почти необходима для обеспечения стабилизации животного, довольно быстрого, но не имеющего задних конечностей, а кроме того, лишенного достаточно широкого хвоста и мощной спины.

Кожа животного гладкая и похожа на дубленую, но покрыта или, скорее, местами обтянута роговыми наростами, образующими, по крайней мере на спине животного, сегментированный подвижный панцирь, похожий на покров броненосца. Возможно, такой же имели и древнейшие киты. Это кольчатое одеяние, без сомнения, и образует зубчатый гребень на спине.

Цвет кожного покрова бурый с грязно-желтыми разводами, издали создающий впечатление серо-зеленого. Эта раскраска с разводами характерна для прибрежных животных.

Все очевидцы указывали, что размеры животного колеблются между 10 и 30 метрами; в действительности они вряд ли намного превышают 20-метровый рубеж.

Поведение и образ жизни

Многоплавниковый тип передвигается с помощью вертикальных волнообразных колебаний тела, для чего ему очень будут полезны боковые отростки на теле. Эти органы, однако, должны мешать ему при поворотах. Поэтому животное должно на поворотах ложиться на бок, и в этих случаях над водой можно было бы видеть ряд зубчатых плавничков.

Многоплавниковый морской змей может плыть, по единодушному мнению всех очевидцев, со скоростью 15 км/час.

Из ноздрей его при выдохе с шумом вырывается сильный поток воздуха, что является отличительной чертой этого типа неизвестных животных. Защитная оболочка указывает, что он часто плавает у скалистых или коралловых рифов. Это подтверждается и его раскраской, обычной для такого образа жизни.

География обитания

Многоплавниковый змей встречается в течение всего года в тропических водах Атлантического, Индийского океанов и в западной части Тихого, но может заплывать и в умеренно теплые области океана. В общем, он обитает в наиболее теплых зонах земного шара, там, где среднегодовая температура воды близка к +30°C, и никогда не покидает зону, ограниченную изотермой

Два раза свидетели встречали одновременно двух особей, в заливе Алонг в феврале и около мыса Гуардафуй (Сомали) в апреле, каждый раз ранней весной.

Морской конь

Анатомия

Крупное морское животное вытянутой формы, характерной особенностью которого является нечто вроде густой гривы, плавающей вокруг шеи.

Голова в профиль вытянутая, напоминает голову лошади или верблюда, но в то же время более широкая и сплюснутая, имеющая ромбическую форму, если смотреть спереди. В этом плане похожа на змеиную. Глаза огромные и направлены вперед. Черного цвета, они могут казаться красными или зелеными в зависимости от угла падения света, точно как у хищников, в том числе и у ластоногих. Пасть широкая, окаймленная толстыми губами светлого цвета. На морде видна густая шерсть, образующая усы.

Шея, средней длины, украшена длинной ниспадающей гривой. На спине очевидцы иногда различали ажурный гребень, вероятно образованный слипшимися от воды волосами.

Хвост описывался то в виде змеиного, то в зубчиках и с острым концом. Без сомнения, это, скорее всего, псевдохвост, образованный сложенными вместе вертикально задними перепончатыми лапами, и только концы пальцев выглядывали из воды. Остальная часть конечностей никогда не видна. Исходя из общего строения животного, можно предположить, что у него должно быть две пары конечностей. По крайней мере если вторая пара не превратилась в двухлопастной хвост с бахромой на конце - тогда именно его изогнутый край и могли видеть.

"Морская лошадь".

Кожный покров кажется гладким и блестящим. Он, вероятнее всего, покрыт короткой и густой шерстью, похожей на шерсть тюленя.

Окраска животного однотонная, темно-коричневого или черно-стального цвета, иногда с синеватым или зеленоватым отливом, очевидно в зависимости от оттенков воды, отражающейся на коже. Темно-коричневой ее описывают в теплых или умеренно теплых районах. Грива всегда рыжая.

Длина животного колеблется от 10 до 30 метров. Но, вероятно, действительная длина не превышает 20 метров.

Поведение и образ жизни

Морской конь передвигается при помощи вертикальных колебаний тела, так поражающих наблюдателей.

Чрезвычайно большие глаза заставляют вспомнить о лемурах или, среди морских обитателей, о гигантском кальмаре и указывают на глубоководный образ жизни животного, которое должно улавливать самые слабые лучи света. Это предполагает, что морской конь обычно живет в сумерках, но, конечно, не в полной темноте, где самые большие глаза не принесут никакой пользы. В разгар дня он должен находиться на глубине 100-200 метров, там же, кстати, где обитают и гигантские кальмары, и на поверхность он может подниматься только ночью. Однородный характер окраски согласуется с жизнью на средних глубинах. Появление его в разгар дня, при ярком солнце, на поверхности должно происходить очень редко, в исключительных случаях или при необходимости возобновлять запас воздуха. Колебания тела в вертикальной плоскости выдают его млекопитающую природу.

Конечно, существование млекопитающего, обитающего на такой значительной глубине, вызывает удивление. Однако отметим, что кашалоты могут погружаться на 1000 м и оставаться под водой почти полтора часа. Возможно, морской конь еще лучше адаптировался к морской жизни, чем кашалот, и может нормально жить на глубинах между 100 и 200 метрами. Именно здесь может иметь значение их грива, которая кажется такой ненормальной для морского животного. Известно, что чем лучше приспособились к жизни в океане животные, тем более гладкая у них кожа: так, например, у китообразных она более гладкая, чем у ластоногих. Иван Сандерсон в письме ко мне также указывал, что грива у некоторых морских змеев может представлять собой измененные дыхательные органы, подобные тем, что имеют "волосатые" лягушки (*Trichobatrachus*), и являться дополнением к легким. (Отметим, что как у морского коня, так и у волосатой лягушки цвет "гривы" рыжий, что, вероятно, зависит от их природы и особого строения.) В таком случае это был бы исключительный для млекопитающих орган.

Мало кто из свидетелей говорил о скорости движения этого типа морского змея, и неудивительно - ведь в нормальных условиях он не появляется на поверхности. Можно, однако, предположить, что он может развивать большую скорость: в самом деле, как морской хищник, он должен преследовать подвижную добычу. Не имея такой широкой и объемной пасти, как у усатых китов, китовой акулы или ската мантии, он не может собирать планктон в достаточном количестве; его обычной пищей должны быть морские рыбы и кальмары - существа достаточно резвые. По этому случаю Иван Сандерсон сообщил мне интересные детали из жизни морских змеев Арафурского моря, которое сообщается с Коралловым морем, где несколько раз видели морского змея типа морской конь:

"Аборигены Арафурского моря, в частности с островов Ару, дали ему имя, которое в переводе означает "пожиратель кальмаров", и утверждали, что, если аго обвивало длинное щупальце гигантского кальмара, прячущегося в расщелине вблизи какого-нибудь атолла, он запросто откусывал его и съедал или просто вытаскивал несчастного головоногого из укрытия, используя грубую силу".

Можно предположить, что репутация врага кальмаров основана и на случайных наблюдениях за битвами на поверхности моря между морским конем и супергигантским кальмаром, в пылу битвы поднявшихся наверх из океанских глубин, где они оба обитают. Во всяком случае, в 1923 году очевидцы достаточно близко наблюдали такое сражение в заливе Нумеа, когда противники на несколько мгновений показались из воды.

География обитания

Морской конь - настоящий космополит: за исключением арктических областей и Индийского океана, его видели повсюду. Он появлялся в основном недалеко

от берега, как в умеренных северных водах, так и в южных. Чуть чаще у побережья, чем над океанскими плоскогорьями. Его почти никогда не встречали в открытом океане. Он привязан, несомненно рационом питания, к некоторому уровню континентального плато, которое характеризуется определенной температурой и уровнем солености. Чем выше температура внешней среды, тем глубже он должен погружаться в поисках "подходящего" морского климата и тем дальше удаляться от берега.

Первая серия прибрежных наблюдений сделана в умеренно холодных водах Северной Атлантики (с одной стороны - у берегов Массачусетса и Новой Шотландии, ' с другой - у Британских островов и у побережья норвежских провинций Ромсдал и Тронделаг) и в умеренно холодных водах Тихого океана (вблизи Британской Колумбии и юго-восточного побережья Аляски) - короче, между изотермами $+5^{\circ}\text{C}$ и $+10^{\circ}\text{C}$.

Другая серия наблюдений приходится на районы, расположенные дальше от берега и находящиеся около изотермы $+20^{\circ}\text{C}$ как в Северной Атлантике (между Канарскими островами и Португалией, там Гольфстрим расходится веером), так и в северной части Тихого океана (там они локализованы в районе Южной Калифорнии) .

В южном полушарии почти не встречали его между изотермами $+5^{\circ}\text{C}$ и $+10^{\circ}\text{C}$, несомненно по той причине, что в этой температурной зоне мало населенных земель. Наблюдения начинаются выше изотермы $+20^{\circ}\text{C}$ в Южной

Атлантике (район Рио-де-Плата, с одной стороны, и Капской провинции -' с другой) и в Тихом океане (от Квинсленда в Австралии до Туамоту, проходя через остров Норфолк, Новую Каледонию, Новые Гибриды и острова Фиджи).

Некоторые наблюдения, сделанные у западного побережья Африки, похоже, указывают на путь миграции этого типа морского змея в Атлантическом океане между северной и южной зонами. Возможно, то же самое и в Тихом океане (между Туамоту и Калифорнией), но для уверенности пока нет достаточного количества наблюдений. До сих пор морского коня не видели в Индийском океане.

У этого типа морского змея есть очевидная склонность к эвритмии, то есть он способен легче приспосабливаться к различным температурам, чем другие виды морских змеев. Поэтому в умеренных широтах наблюдения не ограничиваются летним сезоном, а распространяются на весь год как в Атлантике, так и в Тихом океане. На севере Тихого океана встречи с ним происходили летом даже реже, чем в остальные сезоны. Очевидно, что это чисто морское животное, с ночным и глубоководным образом жизни, находящее оптимальные для себя условия обитания на глубине, вдоль склонов континентальной платформы, почти не зависит от сезонных колебаний температуры. В южных районах, где разность температур между поверхностью и глубинными слоями весьма велика, эта способность к эвритмии является жизненной необходимостью.

Змей с длинной шеей

Анатомия

Морское животное с достаточно большим телом, гораздо крупнее самых больших ластоногих. Его легко узнать по длинной шее. Внешний вид из-за наличия подкожного слоя жировой ткани очень разнообразен в зависимости от условий наблюдения: его веретенообразное, почти змееобразное во время движения тело кажется толстым и затыкнутым в корсет, когда он подбирает его, подтягивая Хвост к голове. Голова относительно маленькая, круглой формы, с более или менее вытянутой мордой, напоминающей иногда собачью, иногда верблюжью или морду жирафа. Эта явная противоречивость в свидетельских показаниях происходит, вероятно, из-за известного вытягивания головы с возрастом, характерного для всех млекопитающих.

Глаза очень маленькие, почти неразличимые, они видны, только если животное находится совсем близко. У молодых особей на конце морды торчит пучок редких волос. На голове иногда видны два маленьких рога - это могут быть выдвижные

дыхательные трубки на концах ноздрей. Так как глаза практически не видны, трудно определить расположение этих трубок по отношению к ним, во всяком случае, они находятся на передней части головы. Они позволяют животному дышать у поверхности, не высовывая голову из воды. Этот орган можно сравнить по назначению с шноркелем подводной лодки. В частном письме ко мне Иван Сандерсон предположил, что "рожки" могут иметь и другое назначение. Вспомнив об опасности, которую представляют для подводного пловца в автономном гидрокостюме выдыхаемые им пузыри воздуха, он считает, что эти трубки могут служить для удаления пузырей выдыхаемого воздуха из поля зрения животного.

Шея длинная, цилиндрической формы, очень гибкая, может изгибаться во всех направлениях, особенно вперед, как у лебедя. Она также может подниматься над водой перпендикулярно поверхности и стоять, как телеграфный столб. Гривы нет, но иногда говорят о чем-то вроде воротника,- может быть, это складки кожи сзади головы.

Тело массивное, толстое, подкожный слой жира может образовывать складки; в зависимости от угла поворота тела можно увидеть один, два или три горба на спине, средний из них имеет самые большие размеры. Некоторые натуралисты считают, что эти горбы не что иное, как воздушные мешки. Возможно, это и так, нельзя исключить и такое объяснение, но мне кажется, нет никакой необходимости в случае с длинношеим змеем прибегать к такой гипотезе.

На хребте, по всей длине, есть небольшой выступ, который, возможно, образован волосным гребешком или подчеркивается им. У него имеются две пары перепончатых лап, передняя пара которых часто видна, когда животное поднимает переднюю часть тела над водой, как это часто делают ластоногие. Широкие ласты-лапы задней пары, расположенные в горизонтальной плоскости, иногда могут быть похожи на двухлопастный хвост китообразных. Однако когда они прижаты друг к другу в вертикальной плоскости, как это часто делают ластоногие, то принимают вид рыбьего хвоста.

Не думаю, что хвост у него значительной длины; если он есть, то ничтожных размеров.

Кожный покров кажется гладким и блестящим, когда он мокрый, а с близкого расстояния выглядит скорее морщинистым и шершавым, как у моржей (или у слонов, если использовать для сравнения более знакомый объект). Цвет его темно-коричневый, более темный на спине, с черными, серыми или беловатыми разводами, а нижняя часть животного грязно-желтая и гораздо более светлая.

По сравнению с другими крупными змееподобными длина животного не очень большая. За исключением редких случаев, одного или двух, когда речь шла о размерах порядка 60 метров, основная масса свидетелей говорит о длине между 5 и 20 метрами - оценка в 18 метров встречается наиболее часто (для англичан это круглое число - 60 футов!). В некоторых свидетельствах длина колеблется от 20 до 30 метров и даже приближается к 40 метрам, но мне кажется, это влияние той предвзятой идеи,- что рассматриваемый мооской змей - это плезиозавр, или *Megophias* (по Удемансу), что он имеет длинный хвост, не уступающий размерами шее. Это приводит к неосознанной экстраполяции видимой части тела.

Поведение и образ жизни

Змей с длинной шеей, без сомнения, единственный из морских змеев, будучи амфибией, имеет очень большую гибкость. Главная составляющая его движения находится в вертикальной плоскости. Для наблюдателя она проявляется в качании.- головой взад-вперед, когда голова поднята над водой. Поразительно также, что, когда животное короткими прыжками вылезало на берег, оно последовательно приближало задние лапы к передним, затем выбрасывая передние вперед, как это делают тюлени.

Очевидцев часто ошеломляла скорость животного: ее иногда сравнивали со скоростью курьерского поезда. Но достойные доверия свидетели знающие море и

морских обитателей, оценивают ее обычно от 25 до 55 км/час. Подобная скорость выдает в животном хищника, добычей которого являются быстрые рыбы. Во время охоты это животное должно пользоваться и своей гибкой шеей, которая позволяет ему резко выбрасывать пасть на некоторое расстояние от траектории движения тела.

Так как животное перемещается очень быстро, на его жирном теле образуются морщины от турбулентных потоков при трении о воду; это явление происходит и с самыми жирными ластоногими; такие складки могут создавать впечатление наличия небольших частых горбов, похожих на те, что есть у многогорбых.

Видимого дыхания не было замечено. Когда животное появляется на поверхности, оно, как и ластоногие, оставляет жирный след на воде.

Тщательное исследование сообщений об этом типе неизвестных животных, которые обитают во многих озерах с труднодоступными берегами в умеренно холодных районах, как в северном полушарии, так и в южном, показывает, что шанс увидеть его должен быть достаточно малым. Во всяком случае, в не очень прозрачной воде, в том числе и в озере Лох-Несс, он охотится главным образом при помощи сонара, как это делают все ластоногие.

География обитания

Змей с длинной шеей - настоящий космополит: за исключением покрытых льдом областей Ледовитого океана, он встречается повсюду. В умеренно холодных зонах и в южном и в северном полушариях (между изотермами 0°C и +10°C) очевидцы практически всегда находили его на небольшом расстоянии от берега, в то время как в теплых районах его встречали чаще в открытом океане. И все же длинношей - тот тип змееподобного, который встречается чаще в открытом океане, далеко от всех берегов. По-видимому, это большой любитель путешествий, для чего он использует свою исключительно высокую крейсерскую скорость.

Самое большое число наблюдений было сделано вокруг Британских островов, но это, очевидно, происходило потому, что берега этих островов, как и соседних стран (Франции и Нидерландов), густо заселены. Много встреч с ним произошло по другую сторону северной Атлантики (у островов Новая Земля и Мэн) и на востоке Тихого океана (у берегов Британской Колумбии). В южном полушарии наблюдения сконцентрированы вокруг Тасманова моря (северо-восток Австралии, Новая Каледония, Новая Зеландия и Тасмания). Сообщения, пришедшие из Индийского океана сомнительны и относятся, скорее, к гигантскому угреобразному типу.

Длинношеего змея почти всегда встречали в теплое время года в умеренных широтах северного полушария, с конца апреля по октябрь, с очевидным максимумом в августе (два исключения в декабре). В тропиках встречи происходили круглый год, за исключением весенних месяцев с марта по май. Наконец, в умеренных широтах южного полушария его видели именно в эти месяцы или в соседние (в феврале-апреле).

Если делать выводы из недостаточно большого числа наблюдений, по крайней мере что касается тропических областей и южного полушария, можно было бы сказать, что этот тип морского змея предпочитает с начала весны и весь летний сезон проводить в умеренно холодных водах северной части океанов. За лето он мигрирует к тропической зоне, где проводит конец августа и осень. Затем он спускается в умеренные широты южного полушария и наслаждается там хорошей погодой южного лета. В общем, он ищет теплого климата, но не знойного.

Первые бесспорные сообщения о змее с длинной шеей относятся самое раннее к 1846 году, но в последующие годы становятся все более частыми. Можно с уверенностью предположить, что речь идет о "восходящем" виде, то есть пребывающим в процессе роста популяции и расширения зоны обитания. Это животное скорее похоже на недавно появившийся вид, находящийся на стадии становления, специализации, чем на древний. Не было бы ничего удивительного в том, что он своим распространением способствовал бы исчезновению супервыдры, с

которой они спорят за одну и ту же экологическую нишу.

Гигантский угреобразный змей

Анатомия

Невозможно точно определить признаки гигантских угреобразных животных, описываемых в виде крупного морского змея. Существуют различные их виды; эти виды могут даже принадлежать к достаточно удаленным друг от друга зоологическим группам животных.

Общими для всех гигантских угреобразных чертами являются достаточно длинная шея (в действительности само цилиндрическое тело) и длинный, утончающийся и заостряющийся к концу хвост. Животные этого типа являются среди морских змеев единственными змееобразными от головы до хвоста.

В остальном они имеют достаточно разнообразный вид.

У одних закругленная голова обыкновенного угря; у других голова заостренная, как у морского угря, мурены или у некоторых акул. У одних ротовое отверстие - на конце морды, у других - на нижней части головы. С другой стороны, одни окрашены в черно-бурый с синевой цвет на спине и белый на брюхе, как обычные угри; другие, встречающиеся в основном в Средиземном море, имеют пятнистую окраску, типа "камуфляжа" парашютистов; еще одни, скорее, рыжие.

Глаза значительных размеров и всегда хорошо различимы.

Очень часто очевидцы отмечают наличие длинного спинного плавника, мягкого и слегка просвечивающегося, начинающегося на некотором расстоянии от головы. В нескольких случаях свидетели замечали пару грудных плавников, но чаще всего о них ничего не сообщалось, то ли потому, что они были прижаты к телу, то ли потому, что просто отсутствовали, как у мурены.

Для этого типа животных длина тела описывалась, скорее, как незначительная, чаще всего не более 15 м. Оценки выше 30 м, очевидно, основаны на ошибочной экстраполяции тела. В основном указываются размеры, группирующиеся вокруг двух величин - 10 м и 30 м. Это косвенно подтверждает существование, по крайней мере двух видов животных различной длины.

Поведение и образ жизни

Гигантского угреобразного часто видели свернувшимся кольцами на поверхности воды, что является привычной позой для крупных морских угрей, или волнообразно извивающимся в вертикальной плоскости у самой поверхности, вероятно при плавании на боку, так как, скорее всего, он способен совершать колебания только в горизонтальной плоскости своего тела. Чаще всего его видели поднявшимся почти на половину длины из воды (иногда так делают и угри) или внезапно выскакивающим из воды и затем обрушивающимся плашмя в волны. В это время пасть его спазматически открывается и закрывается.

Наконец, в нескольких случаях гигантские угреобразные были замечены на поверхности сражающимися с китообразными, кашалотом или каким-нибудь другим, которых они стегали своим хвостом или вокруг тела которых обвивались и, вероятно, душили.

В общем, животные этого типа кажутся обитателями больших глубин, где царят низкие температуры. На поверхности их видели только в экстремальных обстоятельствах, иногда извивающихся, как в предсмертных

судорогах. Возможно, это происходило из-за удушья, наступающего из-за быстрого подъема с большой глубины к поверхности; этим можно объяснить конвульсивно открывающуюся на воздухе пасть в тщетной попытке глотнуть кислорода.

География распространения

Этот странный тип морского змея кажется одновременно обитателем больших глубин и космополитом. Если его видели по всему миру и во все времена года, то,

очевидно, это были случайные встречи.

Конечно, в средних широтах этот тип видели чуть чаще летом, но это, скорее всего, зависело от сезонных миграций наблюдателей, чем самого животного. Значительная часть представителей человеческого рода, называемая курортниками, проводит лето на берегу моря.

Следует отметить, что пятнистый тип обитает, вероятно, в Средиземном море.

Океанский ящер

Анатомия

Морское животное в форме ящерицы или крокодила, но гораздо крупнее, чем самый большой из морских крокодилов (*Crocodylus porosus*).

Голова очень вытянута и напоминает голову крокодила: и выступающими глазами, и широким разрезом пасти, и густым частоколом острых зубов. У него две пары перепончатых лап с различимыми пальцами и длинный, мощный хвост. Кожа в основном гладкая, но местами есть чешуя, которая образует, возможно, круговой пояс вокруг тела. По спине тянется невысокий гребень.

Цвет животного серо-бурый или рыжеватый. Длина его может достигать 20 м, во всяком случае около 15 м.

Поведение и образ жизни

Движения океанского ящера происходят только в горизонтальной плоскости. Его скорость, вероятно, может быть значительной.

Этот тип морского змея встречался несколько раз у берега, но так же часто и в открытом океане: речь, очевидно, идет о животном с исключительно морским образом жизни, гораздо лучше адаптировавшемся к жизни в море, чем гребенчатый крокодил Юго-Восточной Азии.

География распространения

Этот достаточно редкий тип встречался только в тропических областях океана как в Атлантике, так и в Индийском и Тихом океанах, или в разгар лета в умеренно теплых областях Северной Атлантики (ниже изотермы $+10^{\circ}\text{C}$), то есть, в общем, там, где царят температуры выше плюс 20°C .

Отец-Всех- Черепак

Анатомия

Этому редко встречающемуся типу приписывают внешний вид гигантских размеров черепахи и специфические черепашьи черты, например рот с таким широким разрезом, что почти разделяет голову на две половины, когда раскрыт; большие нависающие глаза и очень крупная чешуя на спине. Но, возможно, свидетели сравнивали животное с черепахой только на основании общих контуров его тела, которые также могли быть похожи на силуэт длинношеего змея или морского коня (средней длины шея, круглая широкая спина, две пары конечностей). Так, экземпляр небольшого размера, встреченный на Гебридах в 1959 году, мог бы быть, со своими большими глазами, толстыми губами и небольшим спинным гребнем, морским конем, грива которого не попала в поле зрения наблюдателя. Два других, встреченных в районе Новой Земли, могли быть типами с длинной шеей.

География обитания

Это животное, если оно существует как отдельный тип, известно в фольклоре аборигенов Суматры под именем Отец-Всех-Черепак. Но если исключить одно сомнительное сообщение (оно пришло из Бомбея, где его видели в миле от берега), это мог быть обычный питон, снесенный в море - этот тип встречался всегда в умеренно холодных областях и в плохую погоду, особенно в декабре около Новой Земли и в сентябре на запад от Франции, то есть в холодных или очень холодных водах. Кажется, это не очень согласуется с образом жизни рептилий и бросает тень подозрения на этот тип. Этот змей, возможно, родился из наблюдения или ошибочного описания какого-нибудь другого крупного змееобразного, силуэт которого также напоминает черепаху.

Желтый змей

Описание анатомии

Морское животное очень большого размера с телом в форме головастика, в основном пронзительно желтого цвета с черной полосой на спине и такими же черными лентами по бокам. Возможно, с возрастом или в зависимости от пола черный цвет мало-помалу облезает и сквозь него начинает просвечивать желтая основа. Животное покрывается темными пятнами на теле и голове, а также бурыми кольцами по всему хвосту.

Голова огромная и приплюснутая, близко сидит около веретенообразного тела, также сжатой формы. Хвост у него чрезвычайно длинный и заостряющийся к концу.

Общая длина должна быть от 20 до 30 метров. Размер в 60 метров, предложенный для монстра "Нестора", основан, скорее всего, чистой воды преувеличении. Наблюдатели иногда путают продолжение тела под

водой и его след, образованный волнами; иногда в заблуждение могут ввести два плывущих друг за другом животных.

География распространения

Желтый морской змей кажется животным в основном тропическим, только иногда заплывающим в умеренно теплые воды. Вероятно, его зона обитания - Индийский и Тихий океаны. Его встречали только в летний сезон (с мая по сентябрь) в тропических водах плюс один раз (в октябре) у берегов провинции Наталь (изотерма +10° C) и один раз (в августе) в северной части Тихого океана (изотерма +10°C). Короче, это животное явно предпочитает достаточно высокие температуры.

Зоологическая классификация и научное название

Теперь нам осталось найти место этих типов морских змеев в зоологической классификации или по крайней мере попытаться сделать это.

Исходя из вертикальности колебаний их тела при движении, первые пять супервыдра, многогорбый, многоплавниковый, морской конь и длинношей, бесспорно, являются млекопитающими. Встречающийся часто в состоянии агонии или по крайней мере плохо себя чувствующий на поверхности, гигантский угреобразный является, очевидно, позвоночным с жаберным дыханием, вероятнее всего рыбой. Только океанский ящер может быть, по всей видимости, настоящей рептилией. Скорее всего, нам придется похоронить наши надежды на Отца-Всех-Черепаш - сведения о нем слишком туманны и подозрительны. Что касается желтого, сведения о нем слишком неясны и недетальны, чтобы можно было поставить достаточно точный диагноз его природе. Если его можно отнести к морскому змею, скорее темного цвета, острова Хук, снятому на фото-и киноплёнку (при условии что это не мистификация!), то это, несомненно, рыба, и с большой вероятностью принадлежащая к классу хрящевых. Но она также может быть и амфибией, хотя и с меньшей вероятностью.^ Все эти предположения очень проблематичны. Пока не появятся дополнительные сведения, лучше держать желтого в запасе.

Рассмотрим теперь каждый из оставшихся семи типов и расставим их с наиболее возможной точностью на генеалогическом дереве животного мира. Начнем с пяти типов млекопитающих. Среди них есть один, который сразу может быть помещен среди ластоногих, - это змей с длинной шеей. Со своими двумя парами перепончатых лап-ласт и отсутствующим хвостом, а также принимая во внимание его способ передвижения по суше, он, очевидно, должен рассматриваться как некий вид ластоногого с чрезвычайно вытянутой шеей и еще более приспособленный к жизни в воде, чем даже ушастые тюлени. Конечно, эти морские животные не потеряли еще способности передвигаться по земле, но кажется маловероятным, чтобы они сохранили необходимость выходить на сушу для размножения, что является очевидным прогрессом по сравнению с тюленями.

Морской конь также, бесспорно, ластоногий, хотя это и менее очевидно: у нас мало сведений о его задних конечностях. Неизвестно, есть ли они или в процессе эволюции их заменил раздвоенный хвост, наподобие китового. Однако выпуклые фосфоресцирующие глаза, наличие шерсти на теле и длинные волосы на морде сближают его скорее с ластоногими, чем с китообразными или даже с си реповыми, у которых нет светящихся глаз хищников. В общем, это также ластоногий, еще более адаптировавшийся к морской жизни, чем длинношей, потому что его зона обитания кажется более глубоководной. Он представляет собой конечную стадию эволюции группы животных, характеризующихся все возрастающим разрывом с твердой землей предков.

Этим двум ластоногим, прекрасно узнаваемым, следует теперь дать научное название, чтобы их можно было отныне безошибочно определять.

Название *Megophias monstrosus* должно быть, по-моему, отброшено. С самого начала оно означало для Рафинеска морского змея Массачусетского залива, то есть многогорбого змея, но он не был описан достаточно подробно, чтобы его можно было узнавать. И когда это название использовал Удеманс, изменив его на *Megophias megophias*, оно оказалось основанным на описании многих достаточно различных животных.

Длинношеего я предлагаю назвать *Megalotaria longicollis*, что означает "большой тюлень с длинной шеей". Морского коня я бы назвал *Halshippus olai-magni*, то есть "Морской конь Олауса Магнуса", чтобы напомнить, что норвежский прелат был первым, кто описал его на страницах книги.

С этими двумя типами ластоногих стоят в ряду наших млекопитающих морских змеев два бесспорных китообразных - многогорбый и многоплавниковый. Их обоих можно приблизить к вымершим *Archeocetes*, китообразным, которые еще имели тонкую шею.

Основанием для такого вывода являются у много-горбого характерный двухлопастный хвост, заменивший заднюю пару конечностей, полностью исчезнувших; гладкая кожа, в некоторых местах покрытая ороговевшими пластинами, и даже расцветка, резко контрастная, верха и низа тела. У многоплавникового - гладкая, но покрытая панцирем кожа, широкий горизонтальный хвост, боковая бахрома, а его шумное дыхание еще более усиливает сходство.

Зоологическая природа супервыдры особенно запутана. Животное слишком большое, чтобы можно было его с какой-то достоверностью поставить в один ряд с обыкновенными выдрами. С другой стороны, его хвост слишком длинен, чтобы поместить его среди ластоногих, хотя мы мало знаем о точном происхождении последних. Точно неизвестно, происходят ли они напрямую от бесхвостых млекопитающих, таких, как медведи, или хвостатых, как выдры. На самом деле змеевидный характер и чрезвычайная гибкость ее позвоночника заставляют вспомнить о зеглодоне, самом известном из *Archeocetes*.

Но у зеглодонов была только одна пара конечностей, передних, и мы доказали, что, для того чтобы компенсировать потерю, этот первобытный китообразный должен был иметь сплюснутый и широкий хвост или значительного объема тело, а для передвижения "на веслах", при помощи ласт-плавников, не рискуя перевернуться обладать, кроме того, по крайней мере еще и спинным плавником.

Очевидно, зеглодон прошел в своей эволюции через вид, еще не потерявший свои задние конечности, имевший тонкое тело и длинный утончающийся хвост. Этот первичный *Arceocetes* должен был иметь внешность гигантских размеров выдры, точно такой же, как наша супервыдра. Таким образом, она бы оказалась самым древним из китообразных - китообразным, окаменелых останков которого мы еще не имеем и гигантская разновидность которого развивалась в ледяных водах Ледовитого океана.

Совершенно логично, что на базе древнейшей супервыдры по мере

постепенной потери задних конечностей должна была появиться вся гамма *Archeocetes*, у которых различные органы, обеспечивающие движение и стабилизацию тела и расположенные в трех пространственных плоскостях, развивались по-разному.

С одной стороны, можно представить тип, у которого хвост широкий и длинный и на спине один не очень высокий спинной плавник, за которым следует ряд горбов,- это наш многогорбый тип, вероятно близкий родственник вымершего зеглодона.

Можно вообразить, с другой стороны, тип, у которого только небольшой кружевной гребень располагается вдоль хребта, но зато не только хвост расширяется на конце, но и вдоль боков развиваются мощные бахромающиеся выросты,- это наш многоплавниковый тип.

Эти три древнейших кита, надо это подчеркнуть, занимают совершенно определенные географические зоны. Супервыдра обитает в Северном Ледовитом океане и путешествует только летом, очевидно чтобы произвести на свет потомство в более теплых водах у норвежского побережья. Там уже начинается территория многогор-бого, который держится умеренно холодных вод Северной Атлантики. В субтропической и тропической зонах Атлантического океана живет многоплавниковый морской змей, владения которого простираются в Индийском океане и в тропических областях Тихого.

Надо ли говорить, что изучение этих трех типов *Archeocetes* с различной специализацией значительно осветило бы тайну рождения и развития отряда китообразных, который остается одним из самых обширных белых пятен среди млекопитающих.

Каждый из этих трех древнейших китообразных достаточно хорошо определен, и, я надеюсь, можно в равной степени дать им с сегодняшнего дня научное название, чтобы избежать в будущем кривотолков.

Супервыдре, впервые описанной Хансом Эгедом, я предлагаю дать имя *Hyperhydra egedei*, что означает "супервыдра Эгед"; многогорбому - имя *Plurigibbosus novae-angliae*, то есть "существо с множеством горбов из Новой Англии"; а многоплавниковому - имя *Cetanioscopendra aeliani* - "китообразная сколопендра Эльена", потому что речь идет о животном, уже описанном греческим писателем раньше, чем это сделал Рондоле. Напомним, что этот тип известен малагасийцам под именем "хозяин воды" (томпондрано), а вьетнамцам - как "тысяченожка" (конри),- по всей видимости, он и стал прототипом восточного Дракона. Он, возможно, послужил прототипом и западного Дракона, и именно его евреи называли Левиафаном.

Океанский ящер не кто иной, мы уже об этом говорили, как переживший века талатозухий, настоящий древний вид крокодила, адаптировавшийся к жизни исключительно в океане. Расцвет этих животных пришелся на период юры и мела. Но это огромное создание в форме вытянутой ящерицы может оказаться и потомком мозазавра, этого морского кузена гигантских варанов, наших современников. Нет ничего сверхъестественного в том, что они могли бы выжить в океане с тех давно прошедших времен, тем более что они как будто созданы для глубоких погружений и могли долго оставаться инкогнито.

Во всяком случае, единственный морской змей, бесспорно являющийся рептилией, не принадлежит, как это обычно считалось, к полностью вымершей группе ящеров. Очевидно, на эту роль больше подходит змей с длинной шеей, который на самом деле похож силуэтом на плезиозавра и, таким образом, явился причиной возникновения легенды о дожившем до наших дней динозавре - гипотезы тем более ошибочной, что он, без сомнения, является млекопитающим.

Неуверенность, в которой мы пребываем относительно положения океанского ящера среди большого отряда рептилий, - неуверенность, к которой нас приговорило отсутствие определенных сведений, - делает преждевременным, мне кажется,

присвоение ему научного имени.

Гигантский угреобразный или, более правильно, гигантские угреобразные заслуживают особого внимания. Они являются единственным типом морских змеев, экземпляр которого у нас есть, хотя бы и в виде личинки: тот самый лептоцефал почти двухметровой длины, пойманный "Даной". Это открытие много сделало для становления той гипотезы, по которой морской змей принадлежит к угрям, настолько бесспорно доказанной, что ее часто неправильно распространяют на все другие типы.

Кроме того, кажется очевидным, что по крайней мере два различных вида безногих рыб подходят под описание этого типа. Но не надо отбрасывать и другие возможности: например, огромных змееподобных глубоководных рыб, которые иногда случайно появляются на поверхности и тем способствуют созданию легендарного образа- морского змея. Так, рыба-ремень, известная науке, не подтверждает ли эту идею? Возможно, существуют и гигантские виды одножаберных рыб. Кроме того, есть основания считать, что в океанских глубинах существуют и крупные змееподобные виды акул, родственные, может быть, семейству *Chlainydoselachus*, странной небольшой акуле, а также скатам.

Число крупных неизвестных рыб, не открытых наукой на средних глубинах океана, вероятно, еще очень велико,- возможно, так же велико, как число неизвестных рыб средней величины, которые осталось открыть на больших глубинах. Но о их внешнем виде и точной природе сейчас мы не можем ничего сказать, и у нас нет ни одного по-настоящему достоверного описания.

Почему морской змей не выбрасывается на берег

Теперь наконец мы можем ответить на вопрос, неотвязно стоящий перед нами на протяжении всего настоящего расследования: почему морской змей практически никогда не выбрасывается на берег? Различные останки, найденные на берегу и принятые за морского змея, сообщения о которых мы рассмотрели, почти каждый раз приносили нам разочарование: они постоянно оказывались трупом какого-нибудь известного животного, обезображенным до неузнаваемости в результате процесса разложения или какой-нибудь мутации. Кроме того, можно с уверенностью принять, что в отдельных случаях это были тела крупных змееподобных акул: в частности, китайский "змей" 1863 года капитана Бойля; монстр, выловленный в 1880 году капитаном Ханном, и пойманное экипажем рыболовного судна "Крессант Сити" в 1896 году у берегов Флориды чудовище.

Есть, однако, некоторое число случаев, в которых присутствует большая доля двусмысленности относительно природы выброшенного животного. Вспомним пресловутый скелет с длинной шеей, найденный на берегу Флориды в 1885 году. Он в этом конкретном случае, кажется, был не похож на разложившийся труп акулы. Можно вспомнить и несколько других подобных случаев.

Так, 20 марта 1906 года капитан Ратбон с корабля "Троппер" видел около Данженесса в Кенте труп животного длиной 15 метров, с маленькими ушами и белыми полосами на боках, который он посчитал морским змеем.

25 октября 1924 года на берег провинции Наталь в ЮАР волны выбросили труп морского монстра длиной более 14 метров; он был покрыт белой шерстью, похожей на шкуру белого медведя.

В середине июня 1928 года на пляже залива Фонсека в Сальвадоре было обнаружено тело змееподобного животного длиной 27 метров, сразу же названного "доисторической рептилией". В телеграмме, переданной в "Нью-Йорк геральд трибюн", говорилось, что оно "было отмечено черными и белыми полосами, казалось очень толстым и с рогом на голове". Его клыки были 4 сантиметра в длину.

В ноябре 1930 года новое морское чудовище, покрытое шерстью, было выброшено на берег одного из островов на Аляске. Его длина была только 7м 30 см, из них 1 м 50 см составляла голова, у которой в свою очередь только клювообразный нос

был длиной 1 м.

В мае 1932 года после нескольких случаев отравления воды у острова Новая Земля берега острова покрылись мертвой рыбой. Там оказался и огромный зверь с вытянутым рылом и острыми зубами, похожий на змею.

2 октября 1944 года на берег шотландского полуострова Кинтайр опять был выброшен монстр, покрытый шерстью. Он был длиной 6 метров, с глазами и огромными лапами и собрал вокруг себя толпу зевак. Признаем: в большинстве случаев подобные монстры не были описаны с необходимой детальностью. Нас не должно смущать описание шерстяного покрова, совершенно аномального для морского животного. Известно, что при разложении тело животного быстро принимает вид покрытого густой шерстью, едва только оно теряет кожный покров и подкожный слой жира; так происходит с китообразными и хрящевыми рыбами. Внешний слой мяса становится чрезвычайно пористым, оголяется и подсыхает. Удивительно, скорее, другое, эти случаи, в которых должны были фигурировать достаточно убедительные детали, никогда не имели продолжения. Вероятно, они оказывались обманчивыми, раз в печати не появлялось никаких публикаций. Вспомним по этому поводу, что каждый раз, когда скелеты морского монстра осматривали по-настоящему компетентные специалисты, они практически все оказывались или рыбой-ремень, или акулой-пилигрим, или каким-нибудь китообразным, более или менее известным.

Не будем останавливаться на этих сомнительных случаях. Примем, что животные, за исключением угреобразных акул, которых называют морским змеем, практически никогда не выбрасывались на берег. Теперь довольно легко объяснить эту ситуацию.

Для гигантских угреобразных, которые, несомненно, являются глубоководными рыбами, такой вопрос почти не стоит. Обитатели океанских глубин идут ко дну сразу после смерти и почти не имеют шансов быть выброшенными на берег, если только они не поднимаются случайно на поверхность в силу исключительных обстоятельств. Крайняя редкость находок тел рыбы-ремень свидетельствует об этом.

Более того, если бы какая-нибудь рыба из семейства угрей оказалась выброшенной на берег живой, она без особого труда вышла бы из этого затруднительного положения и рано или поздно вернулась в родную стихию. Угри хорошо передвигаются по твердой земле, а некоторые иногда даже делают это добровольно. Во всяком случае, видел ли кто-нибудь когда-нибудь угря любого известного вида, выброшенного на берег?

То же самое относится к океанскому ящеру. Похожий внешним видом на крокодила или на ящерицу, он должен без труда передвигаться по земле, извиваясь как змея в горизонтальной плоскости и опираясь на свои четыре лапы, хотя бы и трансформировавшиеся в ласты-плавники.

Таким образом, надо подойти к проблеме с другой стороны и поставить следующий вопрос: кто те морские животные, которых чаще всего находят выброшенными на берег?

Среди них есть, конечно, те, которые дышат жабрами и погибают от удушья, попадая на открытый воздух. Но чаще всего удушье наступает не сразу, и есть время возвратиться в воду. Смертельным это обстоятельство является для тех существ, которые, будучи выброшенными на сушу, не способны механически вернуться в море или испытывают, большие трудности в этом. Так, кальмары, созданные для скоростного передвижения в воде, не могут, в противоположность осьминогам, привыкшим грести щупальцами, приподняться на своих. Оказавшись на суше, они обречены. Так же обстоят дела и со всеми рыбами, тела которых сильно сплюснуты с боков. Они становятся беспомощными на берегу, где просто опрокидываются на бок. Правда, надо признать, им удастся иногда, выгибаясь дугой и резко распрямляясь,

совершать прыжки и таким образом вернуться в воду, особенно если они находятся у самой кромки. Рыбаки хорошо знают эту их способность. Но это удается только самым легким рыбам. Превысив некоторый размер, морские животные становятся неспособными силой своей мускулатуры оторваться от земли. Поэтому, кстати, в такое критическое положение попадают киты, выбросившиеся на берег, хотя они дышат легкими и в принципе могут достаточно долго жить на берегу. Самые большие из них, раздавленные своим весом, начинают задыхаться - само дыхание становится невозможным, легкие не в силах расширяться.

Все китообразные двух современных отрядов, даже самые маленькие, слишком специализированные животные, чтобы у них осталась способность передвигаться по суше. Они не могут это делать с помощью конечностей, например выбрасывая их вперед: у них только одна пара, и расположена она часто слишком высоко на теле, чтобы опереться ими о землю.

Можно ли сказать, что все морские млекопитающие с атрофированными или измененными конечностями не способны передвигаться по земле? Совсем нет. Не говоря уже о тюленях, которые благодаря подгибающимся вперед задним лапам могут подниматься на своих конечностях и легко передвигаться небольшими прыжками. Возьмем нерпу и других подобных ластоногих, которые из-за своих задних лап, всегда ориентированных назад и почти превратившихся в раздвоенный двухлопастный китообразный хвост, обречены передвигаться на животе. На самом деле они совсем не чувствуют себя парализованными на земле, как киты, и по одной простой причине: у них еще есть тонкая шея. Это позволяет им, откидывая голову назад и затем выбрасывая ее вперед, придавать всему телу качательное движение в направлении перемещения. Посмотрите на них, когда они все вдруг устремляются с берега к воде: очевидно, что это мощное маятниковое движение головы вперед-назад помогает им передвигаться.

А как передвигаются наши морские змеи? Для длинношеего нет никаких проблем. Для морского коня, лучше адаптировавшегося к морской жизни, дело обстоит так же: он может ползком добраться до воды в случае непредвиденного попадания на берег, что само по себе кажется невероятным.

Беспокоиться, по-видимому, нужно по поводу наших трех *Arheocetes*. Но на самом деле положение его отличается от того, в котором находятся современные китообразные. Еще не превратившись в почти жесткую торпеду, имея тонкую шею и достаточно гибкий позвоночник, они должны сохранить способность грести плавниками по крайней мере не менее легко, чем большие тюлени. С телом гораздо более вытянутым, чем у современных китообразных, они должны к тому же иметь меньше трудностей из-за большого веса, так как вес распределен более равномерно.

Для супервыдры, не потерявшей еще свои четыре лапы, не должно возникать никаких трудностей. Для китообразной сколопендры (она же многоплавниковый морской змей) достаточно жесткие боковые отростки, возможно увеличивая количество точек опоры, лишь облегчают ползание.

Обладание тонкой шеей, что является отличительной чертой по крайней мере пяти типов крупного морского змееобразного, не только дает возможность ползти в случае попадания на берег, - оно позволяет также избежать его. Работы голландского специалиста У.-Х. Дудока ван Хила, опирающиеся на изучение 133 случаев массового выбрасывания китов на берег, установили в 1964 году, что киты теряют ориентацию из-за неспособности вести эхолокацию на мелководье. Возможно, их эхолоты расстраиваются потому, что сигнал возвращается слишком быстро, чтобы можно было оценить дистанцию до дна, или потому, что от дна у берега, имеющего малый наклон, отраженные от него звуковые волны приходят почти одновременно от участков, находящихся на различных расстояниях. Их гидролокаторы, очевидно, перестают функционировать и тогда, когда на мелководье животные вынуждены высовывать

головы из воды. В любом случае, дезориентированные, обезумевшие, как внезапно ослепший человек, они могут броситься к берегу, а не в открытое море. Таким образом наконец объясняется массовое самоубийство некоторых видов китов.

С животным, имеющим тонкую шею, ничего подобного произойти не может. Даже если оно обычно пользуется гидролокацией для обнаружения добычи или врагов, чтобы избежать столкновения с препятствием и для ориентации относительно рельефа дна. В самом деле, если сонар выходит из строя и становится бесполезным на мелководье, ему достаточно поднять голову над водой, чтобы визуальным образом определить свое положение относительно берега и скал.

В общем, если крупные змееподобные семи хорошо различимых типов не были еще до сих пор найдены выброшенными на берег, то просто потому, что по своей природе принадлежат к животным, которые почти не имеют шансов быть выброшенными на берег или, если случайно это все же произойдет, способны сами вернуться в воду.

Заключение

В заключение скажу, что легенда о великом морском змее родилась в результате многих случайных встреч с крупными морскими животными, имеющими в той или иной степени змееобразное тело. Некоторые, как, например рыба-ремень, китовая акула и корова Стеллера, были разоблачены за последние столетия. Однако большинство из них остались еще неизвестными науке. Они могут все же быть определены с некоторой точностью, пропорциональной числу и достоверности их описаний.

Среди этих неизвестных находятся три типа *Archeocetes*, или примитивных китообразных (или, возможно, два типа *Archeocetes* и один сиреневых), которые, занимая определенные области обитания, разделили между собой пространство океана по горизонтали (по широте). Супервыдра живет в Северном Ледовитом океане, многогорбый - в умеренных широтах Северной Атлантики, и многоплавниковый - в тропиках и субтропиках по всей Земле. С другой стороны, два представителя ластоногих, в разной степени адаптации к водной стихии, и множество видов угреобразных рыб - все они космополиты и, обитая на различных глубинах, делят океаны по вертикали. Змей с длинной шеей живет на небольших глубинах; морской конь - на средних, и угреобразные рыбы обитают на больших глубинах. Наконец, большой крокодилообразный морской ящер кажется, облюбовал для себя пояс теплых вод с еще не определенной глубиной. Во всяком случае, родственные типы занимают всегда экологические ниши хорошо разделяющиеся и не могут соперничать, разве только на границах своих зон, что прекрасно согласуется с законами природы.

К этим выводам, явившимся результатом напряженных семилетних исследований, я хотел бы добавить только один комментарий - его мог бы сделать, очевидно, мой высокочтимый учитель Шерлок Холмс: "It was a piece of very simple reasoning, Watson". ("Это же элементарно, Ватсон".)

